

МЕЖДУНАРОДНАЯ
СТУДЕНЧЕСКАЯ
ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
21-23 АПРЕЛЯ 2025

ТОМ I.

HOMORES SACRA

ՈՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ
ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ,
ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՈՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ) ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՄԻԶԱՋԳԱՅԻՆ ՏԱՐԵԿԱՆ ՈՒՍԱՆՈՂԱԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

Ապրիլի 21–23 2025թ.

ՄԱՍ I.

ԵՐԵՎԱՆ-2025

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И
СПОРТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

21–23 апреля 2025г.

ТОМ I.

ЕРЕВАН–2025

УДК 378:001(082)

ББК 74.48+72я43

М 432

Печатается по решению Ученого и Редакционно-Издательского советов РАУ

Программный комитет Конференции

Э.М. Сандоян (председатель), П.С. Аветисян (заместитель председателя), М.Г. Хачатрян, Э.М. Казарян, Е.Г. Маргарян, Ж.Б. Арамян, М.А. Каляшян, К.В. Маркарян, А.А. Аракелян, А.К. Агаронян, Р.Г. Арамян, Г.С. Асатрян, Н.И. Таткало, С.С. Саргсян, Г.Г. Тоноян, Д.Б. Айрапетян, Э.Р. Сиволенко, В.Ш. Меликян, Г.Г. Данагулян, А.М. Григорян, А.А. Оганесян, Р.В. Захарян, Г.А. Багратян, А.М. Суварян, М.А. Восканян, И.Б. Петросян, А.А. Тавадян, А.В. Агаджанян, Б.В. Маилян, А.С. Берберян, К.С. Акопян, Г.Э. Галикян, Л.С. Меликсян, А.А. Симонян, Г.Г. Геворгян, Н.В. Геворгян, О.Л. Саркисян, В.А. Оганесян, К.Г. Сардарян, Н.Ю. Зографян, А.С. Гамбaryan, М.В. Алексян, Н.И. Кеворкова, В.Р. Кеворков, А.Л. Григорян.

М432 Международная Студенческая Годичная научная конференция. 21–23 апреля 2025г.– Ер.: Издательство РАУ, 2025.
Том I.– 363с.

Сборник печатается по материалам Международной Студенческой Годичной научной конференции, проведенной в Российско-Армянском университете 21–23 апреля 2025г.

Статьи публикуются в алфавитном порядке и под авторскую ответственность. Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов.

УДК 378:001(082)

ББК 74.48+72я43

ISBN 978-9939-67-402-5

© Издательство РАУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕМАТИКА

Апинян Л.А. Нахождение взаимосвязи радиальной и опорной функций связанных с выпуклыми фигурами.....	9
--	---

БИОЛОГИЯ. ХИМИЯ

Асатрян Г.А., Тимин А.С. Синтез, характеристика и оценка биосовместимости микрокапсул на основе полиэлектролитов и карбоната кальция для биомедицинских применений.....	18
Блейхер С.А., Сызранцев М.С. Синтез и изучение возможности использования в парфюмерии производного пиразоло[1,5-а]пиримидина	26
Жукова И.В., Арамян А.Г., Айрапетян В.О., Карапетян Л.В., Захарян Р.В., Аракелян А.А. Анализ долговременного влияния гамма-излучения в сочетании с западной диетой на экспрессию генов у мышей c57bl/6j методом qpcr	31
Նավասարդյան Ռ.Մ. Geranium sylvaticum հյուսվածքներում մակրո- և միկրոտարրերի բիոակումպլյացիան	36

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Мхитарян Н.А., Ермолаева Т.А. Обратная отсылка в международном частном праве.....	46
Папикян С.А., Айрапетян А.К. Институт «мягкого права» еаэс в контексте защиты прав потребителей в электронной торговле.....	53
Сардарян М.К. Коммерциализация брендов: влияние института интеллектуальной собственности	60
Сукиасян А.А. Знание и его значение в обязательственных правоотношениях	66
Чколян А.М. Особенности правового статуса коммерческих организаций с иностранными инвестициями в Республике Армения.....	75

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Агаронян С.А. Международные правовые стандарты предупреждения домашнего насилия	82
--	----

Հայրապետյան Մ.Ա., Ղազարյան Լ.Ա. Նախաքննության գաղտնիքի ապահովումը մարդու իմանալիք իրավունքների և ազատությունների ապահովման համատերառում	90
Արդյունա Ա.Տ., Ավետիսյան Ս.Ս. Նасилие в преступлениях, совершаемых против военной службы	102
Արդյունա Վ.Ա. Проблемы законодательного регулирования мнимой обороны в УК РФ	107
Արշակյան Գ.Դ., Խաչատրյան Գ.Ֆ. Քրեական պատասխանատվությունից ազատելը գործուն գործառություն իմքով՝ հայաստանի հանրապետության նոր քրեական օրենսգրքի ընդունման լույսի ներքո	114
Բարսեգյան Ա.Օ., Արդյունա Դ.Տ. Уголовно-правовое регулирование института крайней необходимости	126
Բարսեգյան Ա.Օ., Զօգրաբյան Հ.Յ. Проблемы уголовной ответственности соучастников и вопросы квалификации в преступлениях со специальным субъектом и специальным составом	134
Բագդասարյան Մ.Ս. Изучение сходств и различий в законодательной регламентации ятрогенных преступлений в Российской Федерации, Республике Армения и Соединенных Штатах Америки	140
Гордиевская Դ.Դ. Понятие и признаки коррупционных преступлений	145
Ջիլավյան Վ.Շ., Բարսեգյան Ա.Օ. Институт невменяемости в уголовном праве	150
Կադյրովա Դ.Ռ. Глобальные миграционные потоки: преступность мигрантов и меры ее предупреждения	158
Կուրտմոլլայան Է.Ռ. Ֆемицид – убийства женщин на почве гендерной ненависти	165
Մանուչարյան Թ.Ա., Գևորգյան Ա.Գ. Ձերքակալման արդի հիմնախնդիրները քրեալատավարական փոփոխությունների համատերառում	172
Մնացականյան Ա.Ա. Տնային կալանքի կիրառման հիմնախնդիրները	182
Մուրադյան Վ.Կ., Սարգսյան Ա.Ա. Вопросы реализации поощрительной нормы об освобождении от уголовной ответственности за торговлю людьми	190
Նաջարյան Ա.Ա. Основные проблемы оценивания некоторых административных актов в процессе доказывания по уголовным делам	197
Նովիաննիսյան Ա.Ա. Տարածության մեջ քրեական օրենքի գործողության սկզբունքի էությունը	204
Պուծովչին Վ.Յ. Обратная сила уголовного закона при квалификации убийства нескольких лиц: российский и армянский опыт	211

Пудовочкина З.Ю. Совместное совершение преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: сравнительно-правовой анализ	218
Симонян А.Е. Проблемы уголовной ответственности за мелкое взяточничество.....	223
Хачатрян Л.А. Особенности возрастного признака субъекта преступления.....	230

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Григорян Д.В., Айрапетян А.К. Особенности защиты иностранных инвестиций в международном праве	237
Даниелян А.А., Оганесян В.А. Международные аспекты и правовая природа арбитражных решений в инвестиционных спорах.....	244
Комагурин К.К. Трансформация «мягкого права»: новые измерения в системе источников международного права.....	254
Косерум О.П. Анализ эффективности применения международного права в прекращении вооруженных конфликтов.....	258
Мкртчян Л.Ю. Развитие законодательства о защите личных данных в России и Армении: аналогии и различия	262
Марджанян Д.А. Некоторые аспекты международного сотрудничества в области атомной энергетики	268

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Առաքելյան Է.Գ., Սավուլյան Կ.Ա. ՀՀ նոր Սահմանադրության ընդունումը ազգային անվտանգության համատեքստում.....	274
Ստեփանյան Հ.Ա., Միքայելյան Տ.Ա. Կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքի իրացման արդի հիմնախնդիրները ՀՀ-ում.....	282
Խալայշյան Լ.Ա., Աֆրիկյան Մ.Զ. ՀՀ սահմանադրությունը որպես պետականական սիմվոլ.....	293

ПОЛИТОЛОГИЯ

Kapustian A. The “Aeneid” by Kotliarevsky: Connection to Virgil and the Story of a Lost Homeland	303
Սեղմակյան Մ. Քաղաքական իմիջի դերը արդի քաղաքական գործնքացում	310

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**Авоян И.А., Григорян М.Н., Матвеева А.Г., Айрапетян Е.Р.**Популистский поворот: политика Венгрии в контексте европейских
тенденций 321**Багдасаров Э.С.** Роль Китая в Кашмирском вопросе: третий игрок в
затяжном конфликте 330**Григорян Т.А., Сардарян К.А., Дрмелян Г.А.** Миграционный кризис и его
роль в подъеме правых и правопопулистских партий в Европе 340**Мнацаканян И.А.** Кавказский регион в контексте национальных интересов
Ирана и России 347**Хечоян Г.А.** Сдерживание или угроза: ядерная стратегия
Северной Кореи 359

МАТЕМАТИКА

НАХОЖДЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РАДИАЛЬНОЙ И ОПОРНОЙ ФУНКЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВЫПУКЛЫМИ ФИГУРАМИ

Л.А. Апинян

Российско-Армянский (Славянский) университет
apinlev00@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Задача нахождения информации или полного восстановления выпуклых тел по распределениям характеристик к-мерных сечений – одна из основных задач стохастической томографии. Настоящая работа посвящена выявлению взаимосвязи между опорной функцией тела, радиальной функцией и функцией распределения длин хорд по направлению.

Ключевые слова: выпуклая фигура, опорная функция, радиальная функция, функция распределения длин хорд.

1. Введение

Геометрические характеристики выпуклого тела K , инвариантные относительно Евклидовых движений, могут быть вычислены статистическими методами. Решение таких задач выходит далеко за рамки теоретического интереса.

Эта область была значительно развита в течение последних десятилетий, когда требовалось все большее количество реальных приложений. В частности, восстановление выпуклого тела по его случайным сечениям является центральной задачей стохастической томографии.

Восстановление выпуклых тел (компактных множеств) является главной задачей геометрической томографии. Геометрическая томография – это математическая область, которая фокусируется на проблемах восстановления однородных (часто выпуклых) объектов из томографических данных (это могут быть рентгеновские лучи, проекции, сечения, функции яркости или ковариограммы). По словам Ричарда Гарднера, «геометрическая томография посвящена поиску информации о геометрическом объекте из данных о его проекциях (тенях) на плоскостях или сечениях плоскостями». Геометрическая томография в рамках математики в основном связана с выпуклой геометрией, интегральной геометрией, геометрией Минковского, функциональным анализом и комбинаторикой, а также вне математики, с компьютерной томографией, медицинской томографией, дискретной томографией, электронной микроскопией, компьютерным зрением и распознаванием образов.

Стохастическая томография посвящена поиску информации о геометрическом объекте из случайных данных о его проекциях (тенях) на плоскостях или распределения случайных сечений к-мерными плоскостями.

Постановка задачи

Задача настоящей работы состоит в нахождении взаимосвязи между некоторыми функциями, связанными с выпуклой фигурой на плоскости.

В настоящей работе описаны некоторые взаимосвязи упомянутых функций и представлены открытые вопросы относительно других возможных взаимосвязей.

2. Предварительные понятия

2.1. Координаты прямой на плоскости

Пространство прямых на плоскости \mathbb{R}^2 будем обозначать через G , как это принято обозначать в литературе. Прямую $g \in G$ параметризуем парой координат (p, φ) , $p \geq 0$, $0 \leq \varphi < 2\pi$, то есть полярными координатами основания перпендикуляра, опущенного на прямую g из начала координат O (Рис. 1). Обычно (p, φ) называются нормальными координатами прямой. Заметим, что для пучка прямых, проходящих через начало O , координата φ определена неоднозначно (то есть с точностью до π).

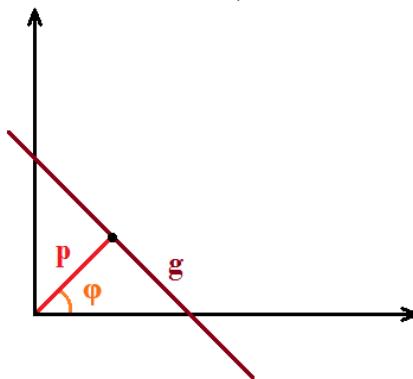

Рисунок 1. Нормальные координаты прямой.

Часто рассматривается пространство \overline{G} всех направленных прямых на плоскости \mathbb{R}^2 . Стандартными координатами для \overline{G} служат те же координаты (p, φ) , только область их изменения шире: $-\infty < p < \infty$, $0 \leq \varphi < 2\pi$. Условно будем говорить, что «ось p », перпендикулярная прямой $g \in \overline{G}$, направлена в правую (относительно g) полуплоскость. На Рис. 2 для прямой g' , параллельной g и лежащей на том же расстоянии от O , но оставляющей O справа, будет:

$$p(g') = -p(g).$$

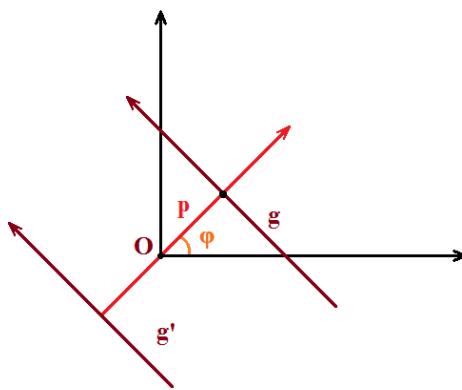

Рисунок 2. Координаты направленной прямой.

2.2. Инвариантные меры на \overline{G} и G

Инвариантной мерой на \overline{G} называется мера на классе борелевских подмножеств \overline{G} , соответствующая лебеговской мере на цилиндре C , т.е. мере с элементом:

$$dg = dp d\varphi. \quad (1)$$

Эта мера является единственной (с точностью до умножения на константный коэффициент) мерой на \overline{G} , обладающей свойством инвариантности относительно группы \mathbf{M} евклидовых движений на плоскости R^2 (отражение, параллельный перенос, поворот). Это свойство означает, что для любого $B \subset \overline{G}$,

$$\int_B dg = \int_{MB} dg, MB = \{Mg : g \in B\},$$

где Mg – образ $g \in G$ при движении $M \in \mathbf{M}$.

Последнее равенство можно вывести из элементарного принципа Кавальieri, применимого благодаря тому, что преобразования из индуцированной группы переводят образующие цилиндра снова в образующие (по закону вращения цилиндра вокруг оси), причем расстояния между парами точек на образующих после преобразования не меняются. Известно, что индуцированная группа преобразований цилиндра C не совпадает с группой его изометрий: при параллельном сдвиге R^2 различные образующие цилиндра сдвигаются на разные длины.

В координатах:

x – абсцисса точки пересечения прямой g с осью OX и

ψ – угол между g и осью OX ,

инвариантная мера на G записывается как:

$$dg = |\sin \psi| dx d\psi \quad (2)$$

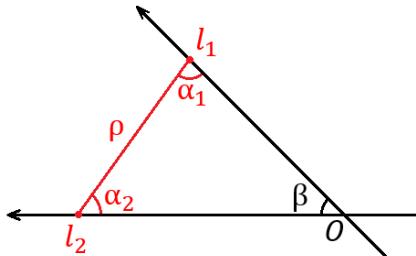

Рисунок 3. Координаты на паре осей.

Пусть на плоскости имеем две прямые g_1, g_2 , и пусть l_1, l_2 – одномерные координаты точек на соответствующих прямых. Каждой паре (l_1, l_2) соответствует прямая, проходящая через эти точки. В координатах (l_1, l_2) имеем:

$$dg = \frac{\sin \alpha_1 \sin \alpha_2}{\rho} dl_1 dl_2 \quad (3)$$

где $\rho = |l_1 - l_2|$ – длина отрезка l_1, l_2 (расстояние между точками l_1 и l_2), а α_1 и α_2 – углы между g и прямыми g_1 и g_2 . Также как и в \overline{G} , в пространстве G имеется единственная (с точностью до постоянного множителя) мера, инвариантная относительно группы **М** евклидовых движений на плоскости. Для инвариантной меры на G мы сохраняем обозначение dg . В пространстве G сохраняются также выражения (1), (2) и (3). Разумеется, при интегрировании следует учитывать, что области изменения координат для $g \in G$ и $g \in \overline{G}$ различны.

2.3. Распределение длины хорды по направлению

Пусть D – компактное множество в Евклидовом пространстве \mathbb{R}^2 . Пусть имеем G пространство прямых в \mathbb{R}^2 , $g \in G, (p, \varphi)$ – полярные координаты прямой g , где $p \geq 0, \varphi \in S^1$, S^1 – единичная окружность на плоскости с центром в начале координат. Прямая g пересекает множество D и образует хорду, которую обозначим $X(g)$ (Рис. 4).

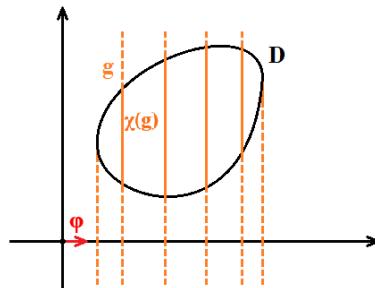

Рисунок 4.

Функция распределения длины хорды по направлению – это

$$F_x(t, \varphi) = P \left| X(g_\varphi) \right| < t : X(g_\varphi) = g_\varphi \cap D \ ,$$

где g_φ имеет направление φ . Понятно, что случайная прямая здесь задается случайной точкой на проекции D в направлении φ .

2.4. Опорная функция тела

Опорная функция тела A – $h_A(\varphi)$ определяется как:

$$\text{Sup}_{x \in A} \langle x, u \rangle ,$$

где φ – произвольный угол, а $u = (\cos \varphi, \sin \varphi)$ (единичный вектор в направлении φ).

Она представляет из себя расстояние от начала координат до касательной к телу в направлении φ (Рис. 5).

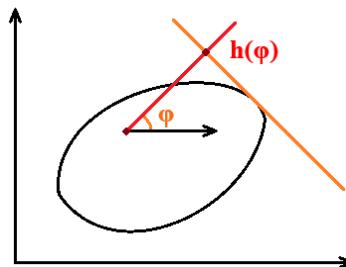

Рисунок 5. Опорная функция выпуклого тела.

Согласно следующей теореме, опорная функция тела является одной из важнейших функций, связанных с выпуклым телом.

Теорема. Опорная функция однозначно восстанавливает выпуклое тело (в общем случае выпуклую оболочку тела).

2.4. Радиальная функция

Радиальная функция тела A – $\rho_A(\varphi)$ определяется как:

$$\rho_A(\varphi) = \sqrt{x^2 + y^2} ,$$

где (x, y) такая точка границы тела, что положительный угол от вектора $(1, 0)$ к вектору (x, y) равен φ .

Таким образом, радиальная функция для заданного направления – это расстояние от начала координат до граничной точки в заданном направлении.

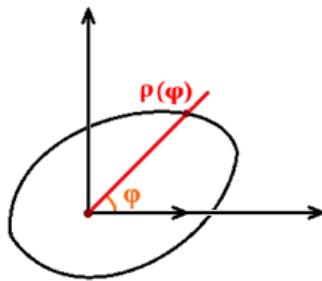

Рисунок 6. Радиальная функция выпуклого тела.

3. Основные результаты

В этой части рассматриваются задачи нахождения взаимосвязей между функцией распределения длин хорд по направлению, опорной функцией и радиальной функцией.

3.1. Взаимосвязь опорной и радиальной функций

Задача 1.

Пусть для данного тела А известна $\forall \varphi h(\varphi)$. Выразить угол наклона прямой, соединяющей начало координат с точкой на границе тела, имеющей внешнюю нормаль, угол наклона которой по отношению к оси абсцисс равен φ .

Обозначим искомый угол как функцию от φ : $\alpha(\varphi)$. Тогда

$$\alpha(\varphi) = \arcsin \left(\frac{h(\varphi) \sin \varphi_0 + h'(\varphi) \cos(\varphi)}{\sqrt{h(\varphi)^2 + h'(\varphi)^2}} \right).$$

Задача 2.

Пусть для данного тела А известна $\forall \alpha \rho(\alpha)$. Выразить угол внешней нормали тела в граничной точке через угол α луча, проходящего из начала координат через эту точку.

Обозначим искомый угол как функцию от α : $\varphi(\alpha)$. Тогда

$$\varphi(\alpha) = \operatorname{arctg} \left(\frac{-\rho'(\alpha) \cos \alpha + \rho(\alpha) \sin(\alpha)}{\rho'(\alpha) \sin(\alpha) + \rho(\alpha) \cos \alpha} \right)$$

Задача 3.

Пусть для данного тела А известна $\forall \varphi h(\varphi)$. Выразить угол внешней нормали тела в граничной точке через угол α луча, проходящего из начала координат через эту точку.

Легко заметить, что, используя решение задачи 1, эту задачу можно решить итеративным методом, последовательными приближениями:

- фиксируется некоторый угол α_0 и вводятся следующие обозначения:

$$\varphi_l = \alpha_0 + \frac{\pi}{2}$$

$$\varphi_r = \alpha_0 - \frac{\pi}{2}$$

- далее рассчитывается некоторое начальное (i-тое) приближение:

$$\varphi' = \frac{\varphi_l + \varphi_r}{2}$$

При помощи формулы, полученной из задачи 1, высчитывается $\alpha(\varphi')$.

Если $\alpha(\varphi') = \alpha_0$, то $\varphi(\alpha_0) = \varphi'$, то есть ответ найден и алгоритм завершается.

Если $\alpha(\varphi') > \alpha_0$, то φ_l и φ_r переобозначаются следующим образом:

$$\varphi_l = \varphi'$$

$$\varphi_r = \varphi$$

снова рассчитывается φ' и алгоритм продолжается.

Если $\alpha(\varphi') < \alpha_0$, то φ_l и φ_r переобозначаются следующим образом:

$$\varphi_l = \varphi$$

$$\varphi_r = \varphi'$$

снова рассчитывается φ' и алгоритм продолжается.

Алгоритм также может завершиться, если на каком-то шаге разность двух последовательных приближений будет удовлетворительно малой (меньше некоторого наперед заданного числа).

Задача 4.

Пусть для данного тела А известна $\forall \alpha \rho(\alpha)$. Выразить угол наклона прямой, соединяющей начало координат с точкой на границе тела, имеющей внешнюю нормаль, угол наклона которой равен φ .

Эту задачу также можно решить итеративно, воспользовавшись решением задачи 2, аналогично решению задачи 3.

Задача 5.

Пусть для данного тела А известна $\forall \varphi h(\varphi)$. Для данного угла α выявить явную формулу для $\rho(\alpha)$.

Нетрудно убедиться, что:

$$\rho(\alpha) = \frac{h \varphi \alpha}{\cos|\varphi \alpha - \alpha|}.$$

Задача 6.

Пусть для данного тела А известна $\forall \alpha \rho(\alpha)$. Для данного угла φ выявить явную формулу для $h(\varphi)$.

Нетрудно убедиться, что:

$$h(\varphi) = \cos|\varphi - \alpha| \cdot \rho(\alpha) \varphi.$$

Заключение

Таким образом был рассмотрен ряд задач, решения которых позволяют найти взаимосвязь опорной функции с функцией распределения хорд по направлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luis A. Santalo. Integral Geometry and Geometric Probability, Addison-Wesley, Reading, MA, 2004.
2. Bianchi G. The covariogram determines three-dimensional convex polytopes. Advances in Mathematics 220 (2009). PP. 1771–1808. arXiv:0805.1605v1 [math.MG].
3. Matheron G. Random Sets and Integral Geometry. New York, “Wiley”, 1975.

FINDING THE RELATIONSHIP BETWEEN RADIAL AND SUPPORT FUNCTIONS ASSOCIATED WITH CONVEX FIGURES

L. Apinyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The problem of obtaining information about or fully reconstructing convex bodies from the distributions of characteristics of k -dimensional sections is one of the central problems in stochastic tomography. This paper is devoted to identifying the relationship between the support function of a body, the radial function, and the distribution function of chord lengths in a given direction.

Keywords: convex figure, support function, radial function, chord length distribution function.

БИОЛОГИЯ. ХИМИЯ

СИНТЕЗ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ОЦЕНКА БИОСОВМЕСТИМОСТИ МИКРОКАПСУЛ НА ОСНОВЕ ПОЛИЭЛЕКТРОЛИТОВ И КАРБОНАТА КАЛЬЦИЯ ДЛЯ БИОМЕДИЦИНСКИХ ПРИМЕНЕНИЙ

Г.А. Асатрян, А.С. Тимин

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт биомедицины и фармации ИБМиФ

grisha-asatryan0@mail.ru, timin_as@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной работе синтезированы нано- и микрочастицы карбоната кальция, на основе которых были сформированы микрокапсулы с использованием полизлектролитов: положительно заряженного (PAN⁺) и отрицательно заряженного (PSS⁻). Проведен детальный анализ их размеров, морфологии и физико-химических свойств методами динамического светорассеяния (ДЛС) и конфокальной лазерной сканирующей микроскопии (КЛСМ). Оценена биосовместимость и цитотоксичность полученных микрокапсул на клеточных линиях MEF NF2 и B16-F10. Полученные результаты могут быть использованы при разработке новых биосовместимых наноматериалов для биомедицинских применений.

Ключевые слова: микрокапсулирование, биосовместимость, цитотоксичность, карбонат кальция, полизлектролит.

1. Введение

Современные достижения в области нанотехнологий открывают новые горизонты для медицины и фармацевтики. Использование микро- и наночастиц карбоната кальция в качестве носителей лекарственных средств является одной из перспективных областей исследований благодаря их биосовместимости, доступности и экологичности. Микрокапсулы на основе карбоната кальция применяются для защиты активных веществ, увеличения их стабильности и доставки в конкретные области организма.

Актуальность исследования

В условиях роста числа хронических заболеваний и инфекций требуется создание эффективных систем доставки лекарственных препаратов. Нано- и микрокапсулы позволяют защищать биоактивные вещества от разрушения, обеспечивать их контролируемое высвобождение и минимизировать побочные эффекты.

Цель данной практики заключалась в освоении методов синтезаnano- и микрочастиц, их модификации полимерами и проведении оценки биосовместимости с использованием клеточных линий.

Задачи

1. Разработать и оптимизировать методику получения микронных частиц карбоната кальция.
2. Создать полимерные микрокапсулы с использованием слоистого покрытия полиэлектролитами.
3. Осуществить синтез наночастиц карбоната кальция.
4. Изучить размеры, морфологию и свойства частиц методом динамического светорассеяния (ДЛС) и конфокальной микроскопии (КЛСМ).
5. Провести анализ токсичности полученных соединений с использованием клеточных линий MEF NF2 и B16-F10.

Практическая значимость заключается в создании безопасных и экономически эффективных систем доставки лекарственных средств, которые могут быть применены в терапии различных заболеваний.

2. Методология

Для достижения поставленных целей в рамках практики были использованы современные методы синтеза и анализа nano- и микроструктур.

2.1. Синтез микронных частиц карбоната кальция

- Синтез частиц CaCO_3 был проведен с использованием метода ко-преципитации.

Процедура: 615 мкл 1М раствора карбоната натрия смешивали с 2,5 мл воды, затем капельно добавляли 615 мкл раствора хлорида кальция при интенсивном перемешивании магнитной мешалкой.

- Дополнительные шаги: полученную суспензию центрифугировали в течение 1 минуты, затем промывали ультразвуком три раза.

2.2. Синтез полимерных микрокапсул с красителем

Для создания полимерных микрокапсул применялся метод послойного осаждения полиэлектролитов, который показан на Рис. 1.

- Процедура: частицы CaCO_3 покрывали слоями полиэлектролитов – сначала положительно заряженным (PAH $+$), затем отрицательно заряженным (PSS $-$), повторяя три раза.

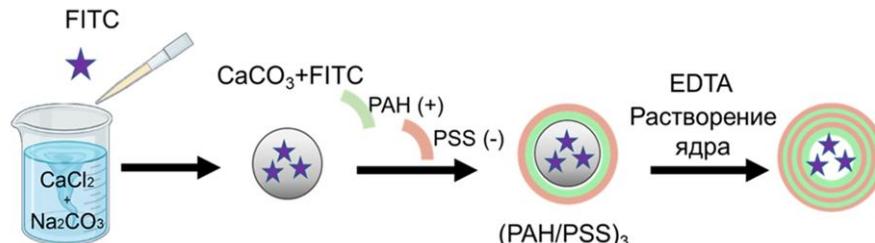

Рисунок 1.

- Разрушение ядра: после покрытия капсул ядро CaCO₃ растворяли с использованием 0,2М ЭДТА.

2.3. Синтез наночастиц карбоната кальция

Синтез наночастиц проводился с использованием стабилизирующего агента – поликарболовой кислоты (PAA).

- Процедура: 3 мл 0,1М раствора хлорида кальция смешивали с 3 мл раствора PAA (3 мг/мл), затем добавляли 3 мл 0,1М раствора карбоната натрия при постоянном перемешивании. Полученную суспензию промывали ультразвуком.

2.4. Физико-химическая характеристика

- Размер частиц измеряли методом динамического светорассеяния (ДЛС) с использованием аналитического прибора Zetasizer.
- Конфокальная лазерная сканирующая микроскопия (КЛСМ) применялась для изучения структуры частиц, окрашенных флуоресцентным красителем FITC.

2.5. Оценка токсичности

Окрашивание витальным красителем Резазурином (тест AlamarBlue) использовали для изучения жизнеспособности клеток после их инкубации с соединением DBV-33, mCaCO₃+DBV-33, mCaCO₃ и nCaCO₃. Анализ на Резазурин включает флуорометрический/колориметрический показатель роста, основанный на определении метаболической активности.

Для этого теста клетки мышевой меланомы (B16-F10) и эмбриональные мышевые фибробласты (MEF NF2) 1.0×10^4 клеток на 100 мкл высевали в 96-луночный планшет и инкубировали в течение ночи при 5% CO₂, 37°C. На следующий день добавляли исследуемые образцы в лунки с клетками B16-F10 и MEF NF2 и инкубировали в течение 24 ч. Еще по истечению 24 часов часть образцов подвергалась лазерному излучению, а часть оставалась без него. На следующий день клеточную среду удаляли и в каждую лунку добавляли Резазурин (10%). Все лунки инкубировали в течение 4 ч при 5% CO₂ и 37°C и повторно проверяли на изменение цвета. Поглощение анализировали на спектрофотометрическом считывателе микропланшетов при длинах волн 570 и 600 нм. Клетки без добавления образцов (DBV-33, mCaCO₃+DBV-33, mCaCO₃ и nCaCO₃) использовали в качестве контрольных. Результаты оценивались по формуле:

$$\text{Жизнеспособность клеток (\%)} = \frac{(O_2 \times A_1) - (O_1 \times A_2)}{(O_2 \times P_1) - (O_1 \times P_2)} \times 100\%,$$

где:

O₁ = молярный коэффициент экстинкции (E) окисленного Резазурина при 570 нм (80586 – табличная величина);

O₂ = E окисленного Резазурина при 600 нм (117216- табличная величина);

A₁ = поглощение исследуемых лунок при 570 нм;

A₂ = поглощение исследуемых лунок при 600 нм;

P_1 = поглощение лунок с положительным контролем роста (клетки с Резазурином без тестируемого агента) при 570 нм;

P_2 = поглощение лунок с положительным контролем роста (клетки с Резазурином без тестируемого агента) при 600 нм.

3. Результаты

3.1. Размер частиц (Рис. 2–7):

- микроочастицы карбоната кальция: средний размер составил 2,5 мкм в водной среде и 2,8 мкм в PBS (Рис. 4, 5);
- наночастицы карбоната кальция: размер варьировался от 200 нм в воде до 220 нм в PBS (Рис. 6, 7).

Капсулы в водной среде

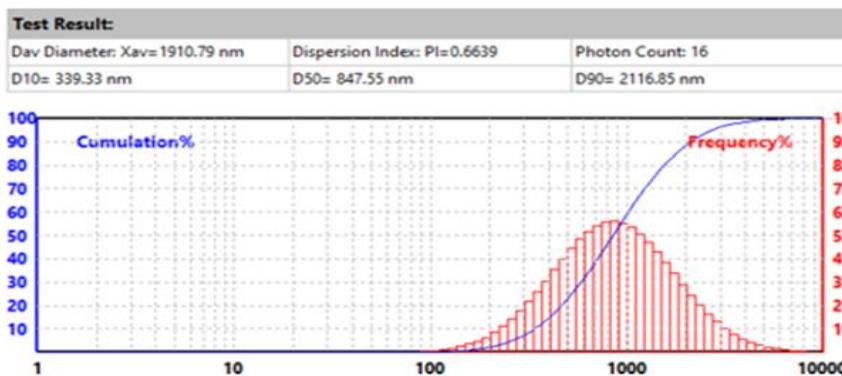
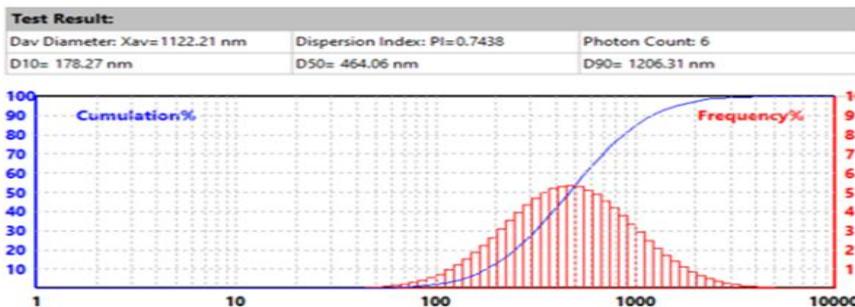

Рисунок 2.

Капсулы в PBS

Рисунок 3.

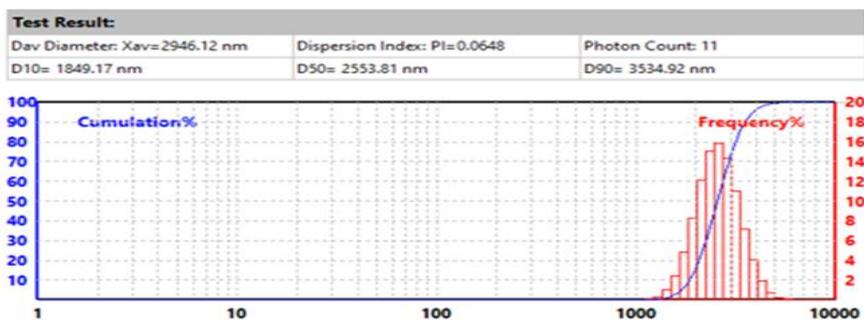
mCaCO₃ в воде

Рисунок 4.

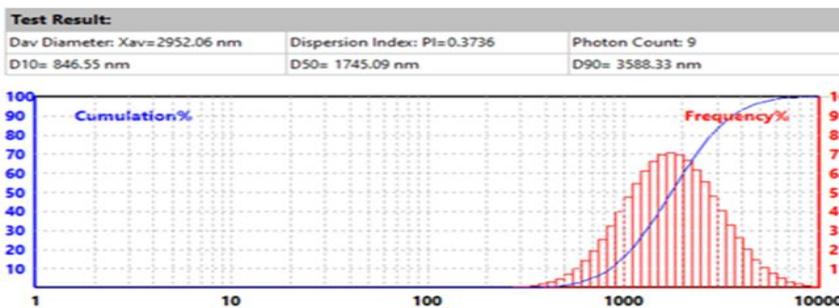
mCaCO₃ в PBS

Рисунок 5.

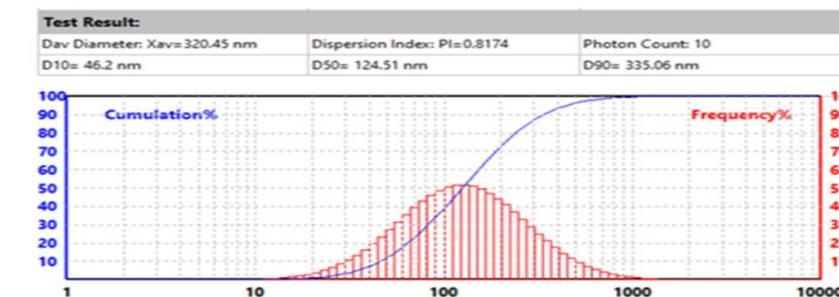
nCaCO₃ в воде

Рисунок 6.

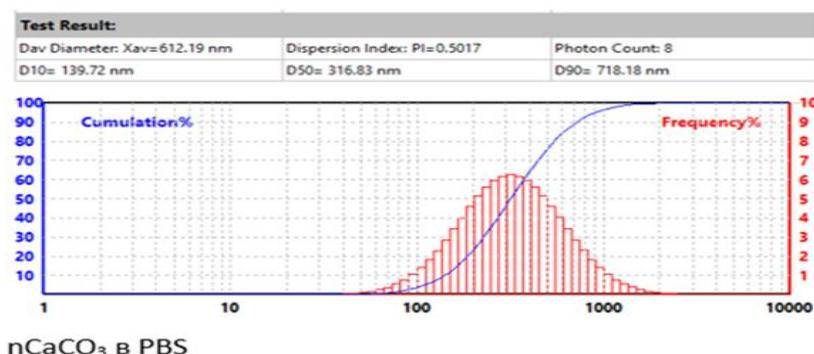
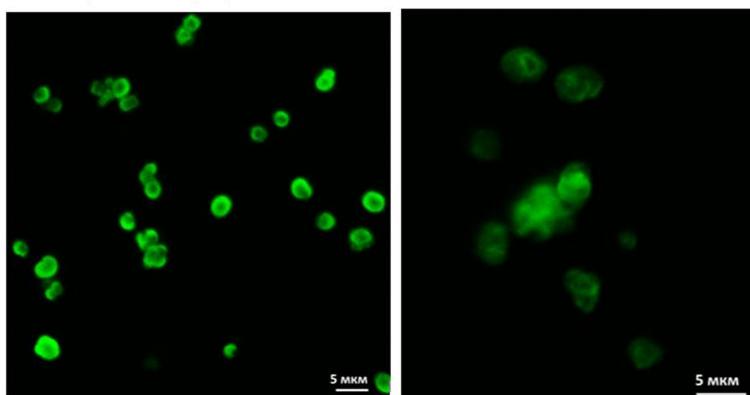

Рисунок 7.

3.2. Морфология частиц

- Конфокальная микроскопия показала равномерное распределение флуоресцентного красителя FITC внутри капсул. Полимерные слои были четко различимы, что видно на Рисунках 8–10.

КЛСМ изображения CaCO₃ с красителем FITC; КЛСМ изображения полимерных микрокапсул CAPS@FITC;

Рисунки 8 и 9.

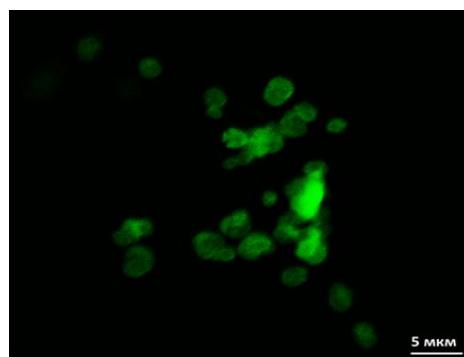

Рисунок 10.

3.3. Спектральные характеристики

- Спектрофотометрия подтвердила включение DBV-33 в микрокапсулы. На спектрах наблюдались характерные пики поглощения соединения, указывающие на его стабильность внутри капсулы, что показано на Рис. 11.

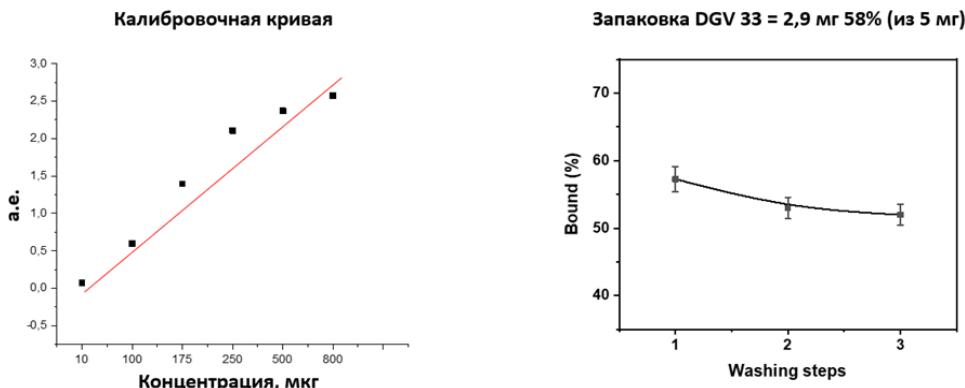

Рисунок 11.

3.4. Цитотоксичность

- Наночастицы CaCO_3 показали низкую токсичность: жизнеспособность клеток оставалась выше 80% при концентрациях до 100 мкг/мл (Рис. 12).
- Свободное соединение DBV-33 проявило умеренную токсичность, снижая жизнеспособность клеток до 70% при той же концентрации.

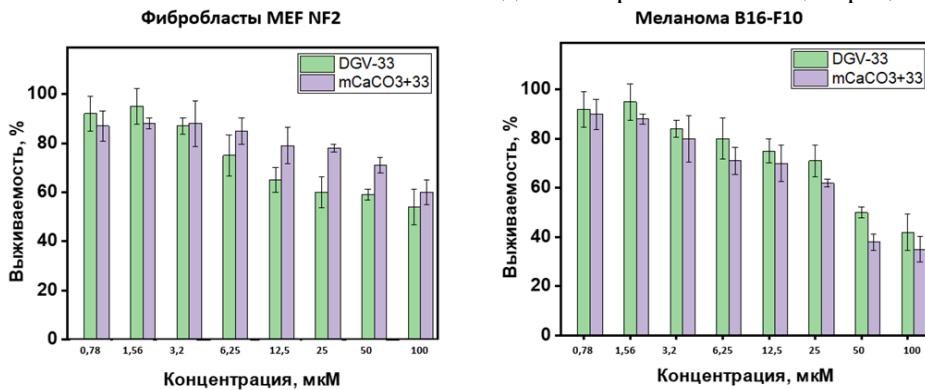

Рисунок 12.

4. Обсуждение

Полученные результаты подтверждают возможность использования микрокапсул и наночастиц CaCO_3 для доставки биоактивных веществ. Низкая токсичность частиц делает их перспективными для биомедицинских

приложений. Тем не менее, дальнейшие исследования должны быть направлены на:

- 1) увеличение стабильности частиц в физиологических средах;
- 2) изучение кинетики высвобождения биоактивных веществ из микрокапсул;
- 3) расширение спектра биологически активных соединений для включения в капсулы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Decher G. & Schlenoff J.* (2002). Multilayer Thin Films: Sequential Assembly of Nanocomposite Materials. Wiley-VCH.
2. *Donath E., & Caruso F.* (1998). Hollow Polymer and Composite Capsules via Layer-by-Layer Assembly. "Advanced Materials", № 10 (9). PP. 635–639.
3. AlamarBlue Assay: Thermo Fisher Scientific Protocols for Cytotoxicity Assessment.
4. *Parthasarathy R.* (2014). Nanocarriers for Drug Delivery: A Review // "Journal of Biomedical Science", № 21 (3). PP. 34–50.

SYNTHESIS, CHARACTERIZATION, AND BIOCOMPATIBILITY ASSESSMENT OF POLYELECTROLYTE-BASED CALCIUM CARBONATE MICROCAPSULES FOR BIOMEDICAL APPLICATIONS

G. Asatryan, A. Timin

*Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Biomedicine and Pharmacy IBMP*

ABSTRACT

In this study, nano- and microparticles of calcium carbonate (CaCO_3) were synthesized and used as templates for the formation of microcapsules employing polyelectrolytes: positively charged poly(allylamine) (PAN^+) and negatively charged poly(sodium 4-styrenesulfonate) (PSS^-). A detailed analysis of their size, morphology, and physicochemical properties was conducted using dynamic light scattering (DLS) and confocal laser scanning microscopy (CLSM). The biocompatibility and cytotoxicity of the synthesized microcapsules were evaluated using MEF NF2 (mouse embryonic fibroblast) and B16-F10 (murine melanoma) cell lines. The obtained results can be applied to the development of novel biocompatible nanomaterials for biomedical applications.

Keywords: Microencapsulation, Biocompatibility, Cytotoxicity, Calcium carbonate, Polyelectrolyte.

СИНТЕЗ И ИЗУЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПАРФЮМЕРИИ ПРОИЗВОДНОГО ПИРАЗОЛО[1,5-*a*]ПИРИМИДИНА

С.А. Блейхер, М.С. Сызранцев

Российско-Армянский (Славянский) университет

saydgetb@mail.ru, matsyz65@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В работе представлен путь синтеза 2,5,7-триметилпиразоло[1,5-*a*]пириимицина, доказана химическая структура полученного вещества, а так же проведена оценка возможности его использования в парфюмерии в качестве фиксатора запаха и сравнения с уже известными синтетическими фиксаторами.

Ключевые слова: синтез, производное пиразоло[1,5-*a*]пириимицина, доказательство структуры, парфюмерия, фиксатор запаха.

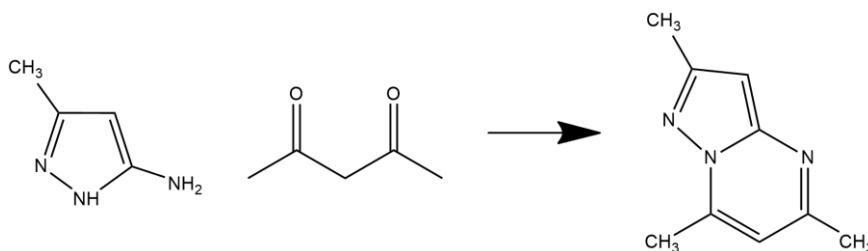
Введение

С древних времен парфюмерия была популярна. Духи использовали жители древнего Египта, Месопотамии, Китая. Основной аромат получали из растительного сырья с помощью отжима, экстракции, паровой дистилляции, а так же такими методами, как анфлераж и мацерация. Позже в качестве фиксаторов запахов стали использовать вещества животного происхождения, такие как мускус, цибет, амбра и кастореум. С развитием химической промышленности, с целью уменьшения затрат производства, начались поиски синтетических аналогов ароматов и фиксаторов запаха. На сегодняшний день применяются такие фиксаторы синтетического происхождения как бензилбензоат, бензилсалцилат, дипропиленгликоль, бензофенол. Несмотря на то, что в люксовом сегменте используются только духи, приготовленные из натуральных компонентов, поиск и исследование химических аналогов продолжает быть актуальным.

Лаборатория синтеза и исследования азагетероциклов РАУ (зав. лаб., чл.-корр. НАН РА, проф. Г.Г. Данагулян) занимается синтезом азагетероциклов и изучением их свойств. В связи с тем, что одно из полученных производных пиразоло[1,5-*a*]пириимицина обладало резким и едким запахом, была проведена серия экспериментов для исследования эффективности данного вещества, в качестве фиксатора запаха.

Материалы и методы

2,5,7-триметилпиразоло[1,5-*a*]пириимицин был синтезирован реакцией 5-амино-3-метил-1*H*-пиразола с пентан-2,4-дионом (ацетилацетоном).

Рисунок 1. Синтез 2,5,7-trimетилпиразоло[1,5-*a*]пиримидина.

Были доказаны индивидуальность и чистота полученного вещества (тонкослойная хроматография на силуфоле), а также определена его температура плавления: 74-75 °С, С применением различных физико-химических методов, а именно, ЯМР спектроскопии, масс-спектрометрии и рентгеноструктурного анализа была доказана химическая структура вещества.

Нами была проведена серия экспериментов. В качестве душистых веществ были взяты чистые эфирные масла бергамота, эвкалипта, парфюмерные композиции с цветочным запахом, далее – Духи 1 (с резким сладким запахом) и Духи 2. В качестве сравнения были использованы известные фиксаторы запаха, а именно бензилбензоат (2,5%) и салициловая кислота (0,5%). Участникам эксперимента предлагалось оценить силу запаха по шкале от 0 до 100, где 0 – это полное отсутствие запаха, а 100 – это запах чистого душистого вещества. Так же фиксировался эффект в случае, если запах образца сильно отличался от оригинального душистого вещества. Итоговое значение представляет собой среднее арифметическое значений мнений всех участников за определенный период времени (сила запаха в условных единицах). Производное пиразоло[1,5-*a*]пиримидина было взято в концентрации 1% и 0,05%. Так как 1% – это средняя концентрация для фиксаторов запаха. Концентрация 0,05% была взята, потому что это наибольшая концентрация, при которой в спиртовом растворе практически полностью пропадает едкий запах самого вещества.

Применяемые обозначения: **Кнт** – контрольный образец душистого вещества; **ББ** – образец с бензилбензоат; **СК** – образец с салициловой кислотой; **1%** и **0,05%** – образцы с концентрацией 1% и 0,05% производного пиразоло[1,5-*a*]пиримидина, соответственно.

Ниже приведены полученные данные, на основании которых были построены графики.

Таблица 1. Данные для эфирных масел бергамота и эвкалипта.

t мин	Эфирное масло бергамота					Эфирное масло эвкалипта				
	Кнт	ББ	СК	1%	0.05%	Кнт	ББ	СК	1%	0.05%
0	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
60	39	18	40	64	45	12	52	63	23	25,25
120	37	26	45	37	37	6	15	48	12	22,5

	Эфирное масло бергамота					Эфирное масло эвкалипта				
200	48	33	49	26	25,25	1,5	13	18	7	6
330	25	15	29	19	22,75	6	4,5	19	7,5	5,25
490	14	7,8	20	11	19,75	0	7,3	19	23	3,75
660	11	6	27	27	10,5	2	13	13	20	3
1180	2,5	4,8	8,3	4	0,75	0,5	2,3	0,5	3,5	0,75
1310	4,3	6	6,3	2,3	2,5	2,5	2,8	5,5	9	3,5

Таблица 2. Данные для Духов 1 и 2.

t мин	Духи 1					Духи 2				
	Кнт	ББ	СК	1%	0.05%	Кнт	ББ	СК	1%	0.05%
0	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
60	45	24	47	51	47,75	57	25	31	47	65,75
120	33	18	25	40	28,75	38	21	42	38	34,75
200	11	9,8	18	41	18,75	20	13	22	19	23,5
330	29	23	35	39	38,75	26	27	26	26	22,25
490	18	20	22	43	40	22	13	18	20	27,75
660	13	16	19	22	23,25	20	5,3	20	17	21
1180	23	11	18	14	23,75	26	11	21	18	21,5
1310	6,3	3,8	9	30	9,5	22	3	6,8	9,3	19,25

Как следует из Табл. 1, для эфирного масла бергамота бензилбензоат оказал отрицательное действие: ускорил выветривание запаха. Салициловая кислота оказалась хорошим фиксатором, так как на время замедлила выветривание, образовав второй пик. Исследуемое нами вещество перебило запах, так как не образовало первого пика. Вещество в концентрации 1% образовало второй пик, который обозначен на графике фиолетовым квадратом, но большинство участников отметили изменение запаха, поэтому можно сделать вывод, что второй пик – это запах самого вещества, а не эфирного масла. 0,05% концентрация не образовала выраженного второго пика.

Для эфирного масла эвкалипта все вещества в той или иной мере показали себя в качестве фиксаторов запаха. Бензилбензоат замедлил выветривание в первые 500 минут, затем образовал пик, скорее всего за счет собственного запаха, так как участники отмечали изменение запаха. Салициловая кислота продемонстрировала наилучший результат. Исследуемое вещество в концентрации 1% в первое время замедлило выветривание запаха, а потом образовало второй пик (фиолетовый квадрат), во время которого также отмечалось изменение запаха, поэтому скорее всего так же, как и в случае с бензилбензоатом – это запах самого вещества, а не эфирного масла. Вещество в кон-

центрации 0,05%, образовало первый пик, что не продемонстрировали другие вещества.

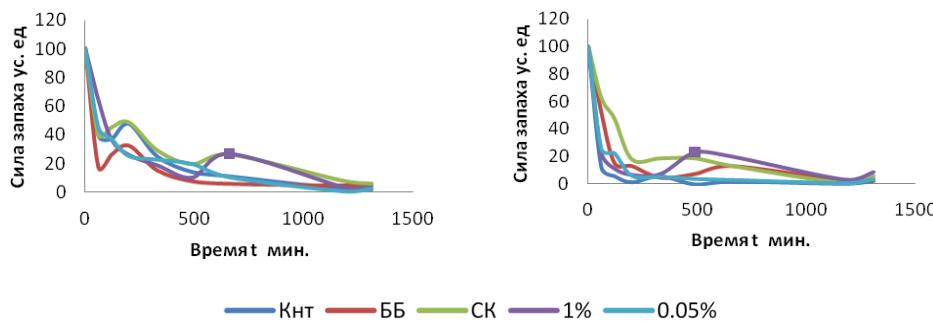

Рисунок 2. График для эфирного масла бергамота.

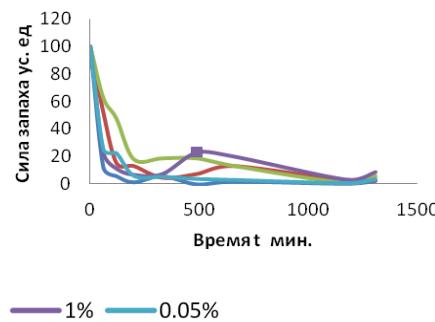

Рисунок 3. График для эфирного масла эвкалипта.

Для Духов 1 бензилбензоат не показал существенных отличий от контрольного образца. Салициловая кислота продемонстрировала слабую способность к фиксированию. Вещество в концентрации 1% показало хорошую способность к фиксированию запахов, вещество в концентрации 0,05% так же ее продемонстрировало, но в меньшей степени. При этом изменений запаха не наблюдалось.

Для Духов 2 бензилбензоат усилил выветривание. Салициловая кислота и вещество в концентрации 1% не показали отличий от контроля. Вещество в концентрации 0,05% замедлило выветривание.

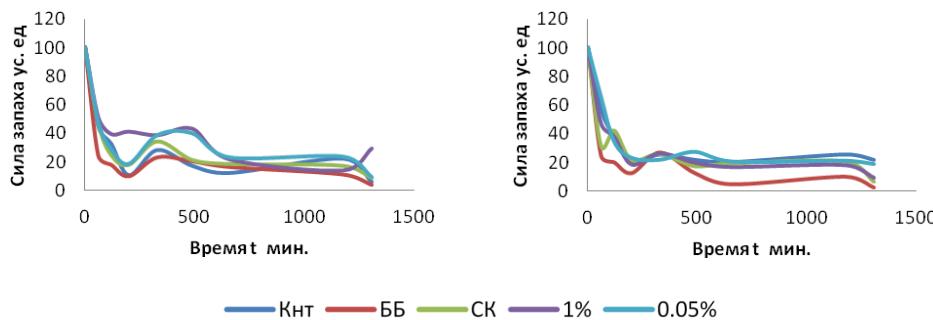

Рисунок 4. График для Духов 1.

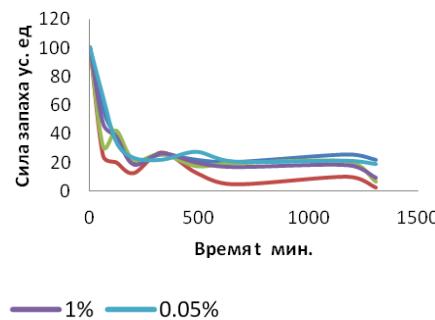

Рисунок 5. График для Духов 2.

На основании проведенных опытов можно сделать следующие выводы. Бензилбензоат в качестве фиксатора запаха не продемонстрировал хорошего результата. Вероятнее всего, это связано с тем, что его раствор – это водная эмульсия, в отличие от всех остальных спиртовых растворов. В такой форме он не обладает свойствами фиксатора. Салициловая кислота продемонстрировала хороший эффект фиксации запахов, в большей степени для эфирных

масел. Исследуемое нами вещество не может применяться в качестве фиксатора для эфирных масел, так как перебивает их запах, но продемонстрировало способность фиксировать парфюмерные композиции. Наилучший результат наблюдается на образце с веществом концентрацией 1% для Духов 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данагулян Г.Г., Мкртчян А.Д., Саакян Л.Г.* Химия гетероциклических соединений. Ер., 2005.
2. *Страер Л.* Биохимия. М.: «Мир», 1984.
3. *Волкова Р.* Парфюмерная книга. СПб.: «Геликон Плюс», 2019.
4. *Фридман Р.А.* Парфюмерия и косметика. Производство, назначение, применение. М.: «Пищевая промышленность», 1968.
5. *Павленко Д.А.* Биотехнологический способ получения фиксатора запаха для парфюмерно-косметической промышленности. Симферополь, 2017.
6. *Septimus Piesse G.W.* The Art of Perfumery. London, 1867.
7. *Mandy Aftel.* Fragrant: The Secret Life of Scent. London: “Riverhead Books”, 2014.

SYNTHESIS AND INVESTIGATION OF THE POSSIBILITY OF USING A PYRAZOLO[1,5-*a*]PYRIMIDINE DERYVATIVE IN PARFUMERY

S. Bleicher, M. Syzrantse
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This work presents a synthetic route for 2,5,7-trimethylpyrazolo[1,5-*a*]pyrimidine, demonstrates the chemical structure of the resulting substance, and evaluates its potential use in perfumery as a scent fixative and compares it with known synthetic fixatives.

Keywords: synthesis, pyrazolo[1,5-*a*]pyrimidine derivative, structure proof, perfumery, a scent fixative.

АНАЛИЗ ДОЛГОВРЕМЕННОГО ВЛИЯНИЯ ГАММА- И SIMGCRSIM-ИЗЛУЧЕНИЯ В СОЧЕТАНИИ С ЗАПАДНОЙ ДИЕТОЙ НА ЭКСПРЕССИЮ ГЕНОВ У МЫШЕЙ C57BL/6J МЕТОДОМ QPCR

**И.В. Жукова¹, А.Г. Арамян¹, В.О. Айрапетян^{1,2}, Л.В. Карапетян¹, Р.В. За-
харян^{1,2}, А.А. Аракелян^{1,2}**

¹Российско-Армянский (Славянский) университет

²Институт молекулярной биологии НАН РА

*irazukova078@gmail.com, ani.aramyan0699@gmail.com, haivard@mail.ru,
lana.karapetyan00@gmail.com, roksana.zakharyan@rau.am,
arsen.arakelyan@rau.am*

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено изучению влияния однократного воздействия радиации двух типов, а именно: γ -излучения и симуляции галактических космических лучей (simGCRsim), на экспрессию генов у лабораторных мышей. Анализ проводился на образцах тканей, полученных из правого желудочка сердца, с учетом половых различий и временных рамок. Дополнительно оценивалось влияние диеты на изменения в экспрессии генов. Полученные результаты указывают на то, что пол и возраст оказывают более выраженное влияние на экспрессию исследуемых генов, чем диета и тип облучения.

Ключевые слова: сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), Западная диета (WD), космическое излучение, γ -излучение, количественный ПЦР (qPCR).

Введение

Космическое излучение является существенным фактором риска для здоровья во время космических миссий. Исследования показывают, что разные типы космического излучения, включая γ -излучение и галактические космические лучи, влияют на сердечно-сосудистую, эндокринную, иммунную систему, метаболизм, и в целом влияют на все функции организма [1]. Однако исследования, оценивающие риск развития сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) из-за влияния космического излучения достаточно малочисленны несмотря на то, что они имеют особое значение в контексте предстоящих космических миссий.

Еще одним существенным фактором развития ССЗ является длительное соблюдение западной диеты. Западная диета (Western diet, WD) включает в себя продукты с высоким содержанием жиров и сахаров [2]. Однако исследования, оценивающие долгосрочное влияние западной диеты на патофизиологию сердечно-сосудистых заболеваний с учетом половых различий, ограничены.

Нами были проведены исследования на мышах C57BL/6J, направленные на изучение влияния γ -излучения и simGCRsim на основные молекулярные механизмы и долгосрочные эффекты на сердечную ткань, а также эффектов западной диеты для оценки возможных рисков, связанных с дальнейшими космическими миссиями. В рамках этих исследований был проведен транскриптомный анализ (RNA-seq) тканей обоих желудочков сердца мышей с использованием технологий секвенирования нового поколения (Next Generation Sequencing, NGS) [3, 4]. Классическим методом для валидации полученных результатов транскриптомного анализа является количественная ПЦР (qPCR), которая и была применена.

Для исследования было выбрано 23 гена в целом. На данном этапе для дальнейшего анализа было отобрано 4 гена (*Arntl*, *Tcf7*, *Hba-a2*, *Cdkn1a*), в качестве гена «домашнего хозяйства» (housekeeping gene) был взят *Actb*, кодирующий β -актин, так как актины являются одними из самых консервативных белков в эукариотических организмах и экспрессируются почти во всех клетках [5]. *Arntl* (Aryl hydrocarbon receptor nuclear translocator-like protein 1) – ген арилуглеводородного рецептора ядерного транслокатора-подобного белка 1 регулирует циркадные ритмы – внутренние биологические часы, контролирующие суточные колебания экспрессии генов, влияющие на метаболизм и поведение. Его дефекты могут приводить к бесплодию, нарушениям глюконеогенеза и липогенеза, а также проблемам со сном. *Tcf7* (Transcription factor 7) – ген, кодирующий транскрипционный фактор 7. Этот фактор является одним из ключевых в сигнальном пути Wnt, так же участвует в дифференцировке незрелых Т-лимфоцитов. Ген *Hba-a2* (Hemoglobin A2) кодирует одну из субъединиц в гемоглобине и играет роль в развитии эритроцитов, внутриутробном развитии эмбриона и функционировании желточного мешка. Ген *Cdkn1a* (cyclin-dependent kinase inhibitor 1A) кодирует белок, регулирующий клеточный цикл, связываясь с комплексами циклин-CDK2 и циклин-CDK4 и ингибируя их активность. Это предотвращает переход клетки через фазу G1.

Целью данного исследования является оценка долгосрочных изменений в экспрессии генов тканей правого желудочка у самцов и самок мышей C57BL/6J после воздействия γ - и simGCRsim облучения и длительного потребления WD.

Материалы и методы

Общая РНК была выделена из тканей правого желудочка 40 самцов и 40 самок мышей C57BL/6J в возрасте 16, 18,5 и 22 месяца, после воздействия однократной дозы γ -излучения и simGCRsim на все тело, получавших либо нормальную диету (ND), либо западную диету (WD), с использованием реагента TRIzol Reagent (произведено фирмой Thermo Fisher Scientific, США, Cat. No. 15596018). Затем была синтезирована кДНК с использованием qScript cDNA SuperMix (произведено фирмой Quantabio, Cat. No. 95048) в соответствии с протоколом. Полученная кДНК использовалась для дальнейших постановок qPCR.

Все образцы были поделены на 12 групп в зависимости от нескольких факторов: пол – самки (female) и самцы (male), время взятия образца тканей – 16 и 22 месяцев у самцов, 16 и 18,5 – у самок, диета – нормальная диета (normal) и западная диета (western), тип облучения – не было облучения (sham), γ -облучение (gamma), simGCRsim (mix). В каждой группе было по 5 мышей. Для каждого пола и возрастной группы была соответствующая контрольная группа с параметрами – sham и normal.

Для постановки qPCR использовались 2 разных буфера: 5x HOT FIREPol EvaGreen qPCR Supermix (произведено фирмой Solis BioDyne, Cat. No. 08-36-00001) и БиоМастер HS-qPCR SYBR Blue (2x) (произведено фирмой БиоЛабмикс, Россия, Cat. No. МНС030-400). Праймеры и зонд синтезированы фирмой IDT PrimeTime, дизайн праймеров был произведен в нашей лаборатории. В Табл. 1 указаны итоговые составы реакционных смесей.

Таблица 1. Составы реакционных смесей для qPCR.

Реагенты	Проба	кДНК	Негативный контроль
Буфер	2 μ l	2 μ l	
Смесь праймеров и зонда	1 μ l	0,5 μ l	
кДНК	1,5 μ l	-	
H ₂ O	5,5 μ l	7,5 μ l	

Суммарный объем одной пробы составлял 10 μ l. qPCR был проведен в амплификаторе Rotor-Gene Q 5plex. Измерение детекции флуоресценции проводилось по каналу FAM. Программа амплификации указана в Табл. 2.

Таблица 2. Программа амплификации для qPCR.

	Температура, °C	Время	Кол-во циклов
Hold	95	10 мин.	1
Cycling	95	20 сек.	40 ×
	60	60 сек.	

Для расчета изменений в экспрессии генов использовался метод $\Delta\Delta Ct$. Затем полученные значения кратного изменения экспрессии гена (fold change) переводились в логарифмическую шкалу (log2). Нормальность распределения данных проверялась с помощью теста Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk test), а равенство дисперсий – тестом Левена (Levene's test). Статистическая значимость различий между группами оценивалась с помощью ANOVA (Analysis of Variance) в JASP, при этом порог значимости устанавливался на уровне 0,05 (p-value $\leq 0,05$). В случае наличия статистически значимых различий был проведен постхок анализ (Post Hoc tests) для парных

сравнений. Были проанализированы следующие факторы и их взаимодействие: возраст (age), пол (sex), диета (diet), тип облучения (field), пол \times возраст (sex \times age), пол \times диета (sex \times diet), пол \times тип облучения (sex \times field), возраст \times диета (age \times diet). Для визуализации полученных результатов использовались box plot графики.

Результаты и обсуждение

По результатам ANOVA, экспрессия трех изученных генов (*Arntl*, *Hba-a2*, *Cdkn1a*) статистически значимо различалась между исследуемыми группами. Показано, что уровень экспрессии гена *Arntl* зависит от пола (sex), времени после облучения (age), а также взаимодействий пол \times времени после облучения (sex \times age) и пол \times диета (sex \times diet). В случае гена *Hba-a2* экспрессия зависит исключительно от времени после облучения и диеты (age \times diet), тогда как экспрессия гена *Cdkn1a* показывает сложную взаимосвязь с полом (sex), временем после облучения (age), а также взаимодействиями пол \times времени после облучения (sex \times age), пол \times диета (sex \times diet) и времени после облучения \times диета (age \times diet). В то же время экспрессия гена *Tcf7* не показала статистически значимой зависимости ни от одного из анализируемых факторов.

На Рис. 1 представлены box plot графики, иллюстрирующие уровень экспрессии исследуемых генов в разных группах. По оси Y отображены значения экспрессии генов в log2 шкале, по оси X – группы, разделенные по полу, возрасту, диете. Статистически значимые различия между группами на каждом графике отмечены * (* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$).

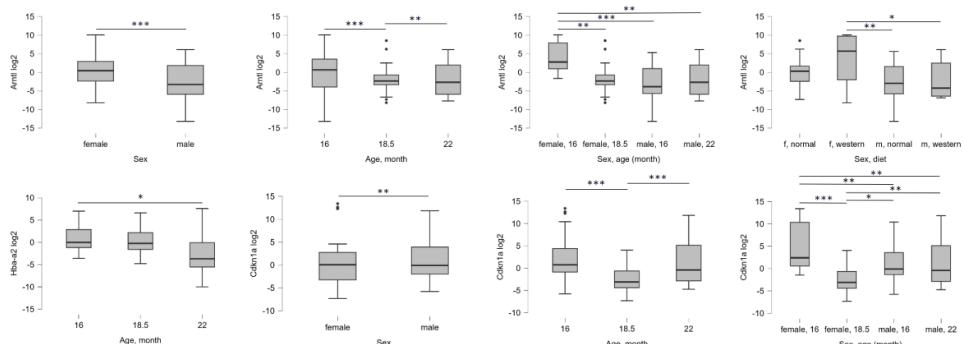

Рисунок 1. Box plot графики, показывающие уровень экспрессии генов в исследуемых группах.

Полученные результаты указывают на то, что пол и возраст оказывают более выраженное влияние на экспрессию генов, чем диета и тип облучения. В настоящее время продолжается постановка qPCR для оставшихся 19 генов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Demontis G., Germani M., Caiani E. [et al.]* Human Pathophysiological Adaptations to the Space Environment // “Front. Physiol.”, 2017. V. 8, Art. 547. doi: 10.3389/fphys.2017.00547
2. *Clemente-Suárez V., Beltrán-Velasco A., Redondo-Flórez L. [et al.]* Global Impacts of Western Diet and Its Effects on Metabolism and Health: A Narrative Review // “Nutrients.”, 2023. V. 15, № 12. Art. 2749. DOI: 10.3390/nu15122749
3. *Zakharyan R., Hakobyan S., Brojakowska A. [et al.]* Long-lasting sex-specific alteration in left ventricular cardiac transcriptome following gamma and simGCRsim radiation // “Sci Rep.”, 2025. V. 15, № 1. Art. 5963. DOI: 10.1038/s41598-025-89815-2
4. *Stepanyan A., Brojakowska A., Zakharyan R. [et al.]* Evaluating sex-specific responses to western diet across the lifespan: impact on cardiac function and transcriptomic signatures in C57BL/6J mice at 530 and 640/750 days of age // “Cardiovasc Diabetol.”, 2024. V. 23, № 1. Art. 454. DOI: 10.1186/s12933-024-02565-9
5. *Ruiz-Villalba A., Mattiotti A., Gunst Q. [et al.]* Reference genes for gene expression studies in the mouse heart // “Sci Rep.”, 2017. V. 7, № 1. Art. 24. DOI: 10.1038/s41598-017-00043-9

ANALYSIS OF THE LONG-TERM EFFECTS OF GAMMA AND SIMGCRSIM RADIATION COMBINED WITH A WESTERN DIET ON GENE EXPRESSION IN C57BL/6J MICE USING QPCR METHOD

I. Zhukova¹, A. Aramyan¹, V. Hayrapetyan^{1,2}, L. Karapetyan¹, R. Zakharyan^{1,2}, A. Arakelyan^{1,2}

¹*Russian-Armenian (Slavonic) University*

²*Institute of Molecular Biology NAS RA*

ABSTRACT

This study investigates the effects of a single exposure to two types of radiation, γ -radiation and simulated galactic cosmic rays (simGCRsim), on gene expression in laboratory mice. The analysis was conducted on tissue samples from the right ventricle of the heart, taking into account sex differences and time frames. Additionally, the impact of diet on gene expression changes was assessed. The results obtained indicate that sex and time point are the main contributory factors to the expression of the studied genes, compared to diet and irradiation type.

Keywords: cardiovascular diseases (CVDs), Western diet (WD), cosmic radiation, γ -radiation, quantitative PCR (qPCR).

GERANIUM SYLVATICUM ՀՅՈՒՍՎԱԾՔՆԵՐՈՒՄ ՄԱԿՐՈ-ԵՎ ՄԻԿՐՈՍԱՐԵՐԻ ԲԻՈԱԿՈՒՍՈՒԼՅԱՑԻԱՆ

Ռ. Ռ. Նավասարդյան

Գորիսի պետական համալսարան
ruzi.navasardian@mail.ru

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Այս աշխատանքում առաջին անգամ համակողմանիորեն ուսումնասիրվել է *Geranium sylvaticum*-ի և դրա աճման միջավայրի տարրային բաղադրությունը: Խնդրված կապված պլազմայով օպտիկական էմիսիոն սպեկտրոսկոպիայի (ICP-OES) մեթոդով բացահայտվել են ինչպես մակրո-, այնպես էլ միկրոտարրերի կոնցենտրացիաները բույսի տարրեր մասերում և հողում:

Բույսի և հողի տարրային կազմի համեմատական վերլուծությունը ցույց է տվել, որ *Geranium sylvaticum*-ը ընտրողաբար կուտակում է կալիում, ֆոսֆոր, ծծումբ և մոլիբդէն, մինչդեռ ծանր մետաղների մեծ մասը (երկար, այրումին, տիտան) ավելի քիչ չափով է անցնում բուսական հյուսվածքներ: Բույսի վեգետատիվ մասերի և ծաղիկների միջև նույնպես հայտնաբերվել են տարրերի բաշխման էական տարբերություններ՝ բույսը հարստացած է երկարով և մոլիբդէնով, իսկ ծաղիկները՝ ցինկով և պղնձով:

Ստացված արդյունքները նշանակալի ներդրում են *Geraniaceae* ընտանիքի բույսերի կենսաքիմիական առանձնահատկությունների ուսումնասիրության գործում և կարող են օգտագործվել կենսահնդիկացիայի, հողերի էկոլոգիական վիճակի գնահատման և բուսական հումքի անվտանգության ապահովման ոլորտներում:

Հիմնարարեր՝ *Geranium sylvaticum*, մակրոտարրեր, միկրոտարրեր, ICP-OES, կենսակուտակում, հող:

Բույսերի տարրային բաղադրության և նրանց աճման միջավայր հանդիսացող հողերի ուսումնասիրությունը կարևորագույն դեր է խաղում կենդանի օրգանիզմների և շրջակա միջավայրի բարդ փոխադդեցությունների ընկալման գործում: Այս վերլուծությունները արժեքավոր տեղեկատվություն են տրամադրում կենսաերկրաքիմիական շրջապատճենների մասին՝ հնարավորություն տալով հետևելու քիմիական տարրերի տեղաշարժին էկոհամակարգում: Հետազոտողները կարող են դիտարկել, թե ինչպես են բույսերը հողից կլանում տարբեր տարրեր, դրանք տեղափոխում իրենց հյուսվածքներ, իսկ հետազոյում, քայրայման գործընթացների արդյունքում, վերադարձնում հող [1]:

Բացի այդ, տարրային բաղադրությունը ծառայում է որպես շրջակա միջավայրի էկոլոգիական վիճակի կարևոր ցուցիչ: Որոշ տարրերի անսովոր բարձր կոնցենտրացիաները բույսերում կամ հողում կարող են վկայել աղտոտվածության կամ էկոհամակարգի բնական հավասարակշռության խախտման մասին: Սա թույլ է տալիս գիտնականներին և բնապահպաններին բացահայտել աղտոտման հնարավոր աղբյուրները և գնահատել դրանց ազդեցությունը բնական համակարգերի վրա [2]:

Այս ուսումնասիրությունները նպաստում են նաև հողի տարրեր պայմաններին բույսերի հարմարվողականության մեխանիզմների ավելի խորը ըմբռնմանը: Վերլուծելով, թե ինչպես են բույսերը հարմարվում որոշ տարրերի ավելցուկին կամ պակասին, կարելի է արժեքավոր տեղեկություններ ստանալ շրջակա միջավայրի պրեսային գործոնների նկատմամբ նրանց դիմացկունության վերաբերյալ: Այս տեղեկատվությունը կարևոր նշանակություն ունի ոչ միայն էկոլոգիայի, այլև գյուղատնտեսության և անտառատնտեսության համար, քանի որ օգնում է գնահատել հողի բերրիությունը և օպտիմալացնել բույսերի սնուցումը:

Ավելին, տարրային կազմի ուսումնասիրությունը հնարավորություն է տալիս բացահայտել պոտենցիալ կենսահնդիկատոր տեսակները, որոնք կարող են որոշակի տարրեր կուտակել բարձր կոնցենտրացիաներով: Այս բույսերը կարող են ծառայել որպես շրջակա միջավայրի վիճակի բնական «ցուցիչներ»՝ տրամադրելով արժեքավոր տեղեկություններ աղտոտիչների առկայության կամ էկոհամակարգում տեղի ունեցող փոփոխությունների մասին:

Վերջապես, բույսերում տարրերի կուտակման և վերաբաշխման առանձնահատկությունների ընկալումը նոր հեռանկարներ է ստեղծում ֆիտոռեմեղիացիայի մեթոդների զարգացման համար, որոնց միջոցով բույսերն օգտագործվում են աղտոտված հողերի մաքրման նպատակով: Հետազոտության այս ուղղությունը զգալի ներուժ ունի բնապահպանական խնդիրների լուծման և վնասված էկոհամակարգերի վերականգնման գործում:

Այս ուսումնասիրությունը նվիրված է *Geranium sylvaticum*-ի (անտառային գերանի) բույսի և ծաղիկների մակրո և միկրոտարրերի բաղադրության, ինչպես նաև այն հողի վերլուծությանը, որում այն աճում է: Աշխատանքի նպատակն է բացահայտել բույսերում տարրերի կուտակման օրինաչափությունները և պարզել հողի ու բուսական նյութի տարրային կազմի միջև եղած փոխկապակցվածությունը:

Geranium sylvaticum-ը բազմամյա խոտաբույս է, որը տարածված է բարեխառն գոտու անտառային և մարգագետնային էկոհամակարգերում՝

հասնելով մինչև 80 սմ բարձրության [3]: Այն ունի ուղղաձիգ կամ բարձրացող բաց կանաչ ցողուններ: Բույսի տերևները դասավորված են հերթականությամբ, թեև ցողունի վերին մասում դրանք կարող են լինել հակադիր դիրքով: Անտառային գերանիի ծաղիկները զավաթածն են՝ 22-30 մմ տրամագծով, և հավաքված են խիտ ծաղկաբույլերի մեջ:

Geranium sylvaticum-ը ավանդական բժշկության մեջ օգտագործվում է որպես հակաբորբոքային և հակամանրէային միջոց մարսողական համակարգի հիվանդությունների (լուծ, գաստրիտ, կոլիտ, էնտերոկոլիտ), բերանի խոռոչի բորբոքային հիվանդությունների, տարբեր ծագման արյունահոսությունների, հոդատապի և ռևմատիզմի բուժման համար [4]:

Geranium sylvaticum-ի տերևները և վերգետնյա մասերը հարուստ են տանիններով, ֆլավոնոխիդներով, ֆենոլային միացություններով և դարադանյութերով [5-7]: Հետազոտողները [8] ուսումնասիրել են *Geraniaceae* ընտանիքի բույսերից (անտառային գերանի, մարգագետնային գերանի և այլն) անջատված պոլիֆենոլային միացությունների լուծամզվածքների հակամանրէային ակտիվությունը և առաջարկում են օգտագործել այս բույսերը որպես հակամանրէային հատկություններով օժտված պոլիֆենոլային միացությունների հումքային աղբյուր:

Այնուամենայնիվ, բուսական հումքի կիրառումը սննդի արդյունաբերության կամ դեղագործության ոլորտում բարդանում է կենդանի օրգանիզմների համար դրանց անվտանգության ապահովման խնդիրներով: Այս համատեքստում խոսքը գնում է ծանր մետաղների և այլ քսենոբիոտիկների՝ թույլատրելի սահմանաշափերը գերազանցելու մասին: Ներքին և արտասահմանյան գիտական գրականության մեջ *Geranium sylvaticum*-ի տարրային կազմի վերաբերյալ տվյալներ գրեթե չկան, ինչը էլ ավելի է կարևորում մեր հետազոտությունը:

Փորձարարական մաս

Հետազոտության օրյեկտ են հանդիսացել 2023 թվականի հուլիսին Հայաստանի Հանրապետության Սյունիքի մարզում հավաքված վայրի *Geranium sylvaticum*-ի չորացված վերգետնյա զանգվածը և ծաղիկները: Միաժամանակ կատարվել է հողի նմուշառում բուսական նյութերի ածման վայրերից: Հումքը և հողը չորացվել են օդային-ստվերային եղանակով մինչև հաստատուն զանգվածի հասնելը:

Նմուշի պատրաստման համար 0,2 գ չորացված և մանրացված հումքին ավելացվել է 1 մլ ազոտական թթվի 5% լուծույթ: Նմուշով կյուվետները տեղադրվել են 80-85°C ջերմաստիճանի ջրային բաղնիքում: Թթուն ավելացնելուց հետո դիտվել է շագանակագույն գագի անջատում, որը

շարունակվել է մոտավորապես 40–60 րոպե: Գազի անջատման դադարից հետո ավելացվել է 2,5 մլ ակվա ռեզիա (1 մաս ազրտական թթվի, 3 մաս աղաթթվի և 1 մաս ջրի խառնուրդ), և խառնուրդը պահվել է բաղնիքում լրացուցիչ 1,5 ժամ:

Ստացված լուծույթը սառեցնելուց հետո ավելացվել է 1 մլ աղաթը և 11 մլ թորած ջուր, այնուհետև լուծույթը ենթարկվել է ֆիլտրման: Քիմիական տարրերի պարունակությունը որոշվել է ինդուկտիվ կապված պլազմայով օպտիկական էմիսիոն սպեկտրոսկոպիայի (ICP-OES) մեթոդով՝ օգտագործելով Agilent 5110 ICP-OES սարքավորումը: ICP-OES-ը հանդիսանում է բույսերի տարրային բաղադրության որոշման արդյունավետ մեթոդ, որը հնարավորություն է տալիս բարձր ճշգրտությամբ և վերարտադրելիությամբ վերլուծել բուսական նմուշներում տարբեր տարրերի պարունակությունը [9–10]:

Բուսական նյութի և հողի պատրաստված նմուշները մատուցվել են համակարգ փոշիացուցիչի (ներուլայզատորի) միջոցով, որն այն վերածել է մանրադիսպերս աերոզոլի: Այնուհետև աերոզոլը ներմուծվել է պլազմայի գոտի՝ արգոնի՝ որպես փոխադրող գազի օգնությամբ: Որոշվող տարրերի համար ստանդարտ նմուշների կալիբրովոչնի լուծույթները պատրաստվել են 100 մլ ծավալային կոլիֆաներում՝ էտալոնային ստանդարտները նուրացնելով մինչև 1, 5 և 10 մգ/լ կոնցենտրացիաների և որպես լուծիչ օգտագործելով ազոտական թթվի 3% լուծույթ:

Վերլուծությունն իրականացվել է հաջորդաբար բույսի, ծաղկի և հողի նմուշների համար: Նմուշներում տարրերի որոշումն իրականացվել է եռակի կրկնությամբ, կորելյացիայի գործակիցը կազմել է 0,99994:

Արյունքներ և քննարկում

Ինդուկտիվ կապված պլազմայով օպտիկական էմիսիոն սպեկտրոսկոպիայի (ICP-OES) մեթոդով հետազոտվել է *Geranium sylvaticum*-ի վերգետնյա զանգվածի, ծաղիկների և դրանց աճման հողի տարրային կազմը: Հետազոտության արյունքները, որոնք ներկայացված են աղյուսակ 1 և 2, ցույց են տալիս տարրերի զգալի տարբերություններ հողի և բուսական մասերի միջև:

Մակրոտարրերի վերլուծությունը (Աղյուսակ 1) ցույց է տալիս, որ կալցիումի պարունակությունը հողում կազմում է 19195.95 մգ/կգ, մինչդեռ բույսի վերգետնյա մասում և ծաղիկներում այն համապատասխանարար 26774.100 մգ/կգ և 14057.650 մգ/կգ է: Ուշագրավ է, որ կալիումի պարունակությունն ավելի քան 7 անգամ ավելի բարձր է բուսական նյութում (26887.200 մգ/կգ) և ծաղիկներում (27544.240 մգ/կգ), քան հողում

(3643.1 մգ/կգ): Սա ցույց է տալիս *Geranium sylvaticum*-ի՝ կալիումը կլանելու և կուտակելու ակտիվ ունակությունը, ինչը կարևոր է բույսի նյութափոխանակային գործընթացների համար:

*Աղյուսակ 1. Մակրոէլեմենտների պարունակությունը հողում և բույսում և *Geranium sylvaticum*-ի ծաղիկներում:*

№	Տարր	Ալիքի երկարություն, նմ	մ, մգ/կգ		
			հող	բույս	ծաղիկներ
1.	Ca	317.933	19195.95	26774.100	14057.650
2.	K	766.490	3643.1	26887.200	27544.240
3.	Na	589.592	439.440	299.190	333.260
4.	P	178.221	1180.600	4906.940	7111.120
5.	S	181.975	448.860	3182.660	2999.630
6.	Mg	279.077	3131.080	2661.520	3640.410

Ֆուֆորի և ծմբի դեպքում նույնպես դիտվում է բույսում և ծաղիկներում կուտակման միտում: Հատկապես ֆուֆորի պարունակությունը հողում կազմում է 1180.600 մգ/կգ, մինչդեռ բույսում այն հասնում է 4906.940 մգ/կգ, իսկ ծաղիկներում՝ 7111.120 մգ/կգ, ինչը գերազանցում է հողում դրա պարունակությանը գրեթե 6 անգամ: Ծմբի պարունակությունը բույսում (3182.660 մգ/կգ) և ծաղիկներում (2999.630 մգ/կգ) մոտավորապես 7 անգամ գերազանցում է հողում դրա պարունակությանը (448.860 մգ/կգ): Սա կարող է պայմանավորված լինել այն փաստով, որ ֆուֆորը և ծմբը հանդիսանում են կենսաբանորեն կարևոր տարրեր, որոնք ակտիվորեն մասնակցում են բույսի կենսագործունեությանը:

Մագնեզիումի պարունակությունը համեմատաբար հավասարաչափ է բաշխված՝ 3131.080 մգ/կգ հողում, 2661.520 մգ/կգ բույսում և 3640.410 մգ/կգ ծաղիկներում: Նատրիումի պարունակությունը հողում (439.440 մգ/կգ) գերազանցում է բույսում (299.190 մգ/կգ) և ծաղիկներում (333.260 մգ/կգ) նրա պարունակությանը, ինչը վկայում է այն մասին, որ այս տարրը բույսի կողմից առավել քիչ է կուտակվում:

*Աղյուսակ 2. Միկրո և ոլտրասիլիկրոէլեմենտների պարունակությունը հողում, բույսում և *Geranium sylvaticum*-ի ծաղիկներում:*

№	Տարր	Ալիքի երկարություն, նմ	մ, մգ/կգ		
			հող	բույս	ծաղիկներ
1.	Ag	214.541	0,09	0.160	0.040

№	Տարր	Ալիքի երկարություն, նմ	m, մգ/կգ		
			հող	բույս	ծաղիկներ
2.	Al	308.215	7417,49	210.200	86.710
3.	As	188.979	4.14	1.900	2.980
4.	Ba	233.527	68.85	26.840	12.860
5.	Be	221.564	0.44	0.010	—
6.	Cd	214.440	0.350	—	—
7.	Co	228.616	8.140	0.250	—
8.	Cr	205.560	10.610	1.110	0.300
9.	Cu	324.752	111.64	8.410	15.680
10.	Fe	259.939	13923.89	351.120	156.330
11.	La	408.672	25.36	0.590	0.480
12.	Li	670.784	6.38	0.190	0.030
13.	Mn	257.610	233.55	82.220	44.650
14.	Mo	202.031	1.960	4.110	1.940
15.	Ni	231.604	13.530	1.620	2.080
16.	Pb	220.353	6.19	0.010	1.290
17.	Sb	206.836	—	—	—
18.	Sc	361.383	2,720	0.120	0.070
19.	Sn	189.927	0.150	—	—
20.	Sr	421.552	54.21	27.450	12.220
21.	Ti	337.279	444.930	6.700	2.240
22.	V	292.402	44.850	1.160	0.350
23.	W	224.876	0.780	0.730	—
24.	Y	371.029	7.180	0.170	0.080
25.	Zn	206.200	76.320	24.520	48.850
26.	Zr	343.823	10.730	0.570	0.620

Այլուսակ 2-ում ներկայացված արդյունքների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ միկրոտարրերի կոնցենտրացիան հողում զգալիորեն գերազանցում է բույսի հյուսվածքներում դրանց պարունակությանը: Ուշագրավ բացառություն է մոլիբդենը, որը բույսի կողմից ընտրողաբար կուտակվում է՝ հող-բույս հարաբերակցությամբ հաստատելով *Geranium sylvaticum*-ի՝ որպես մոլիբդենի կուտակիչ հանդես գալու հատկությունը:

Բուսական հյուսվածքների համեմատական վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ բույսի վեգետատիվ մասերն ունեն երկարթի, մանգանի և տիտանի ավելի բարձր պարունակություն ծաղիկների համեմատ: Սա հավանաբար պայմանավորված է բույսի վեգետատիվ համակարգի ֆիզիոլոգիական առանձնահատկություններով և այդ տարրերի դերով աճի ու ֆոտոսինթեզի գործընթացներում: Մասնավորապես երկարթի պարունակությունը բույսում (351.120 մգ/կգ) ավելի քան կրկնակի գերազանցում է ծաղիկներում դրա պարունակությանը (156.330 մգ/կգ), ինչը կարող է վկայել այս տարրի կարևորության մասին բույսի աճի և ֆոտոսինթեզի գործընթացներում [11]:

Ծաղիկներն, իրենց հերթին, առանձնանում են ցինկի և պղնձի ավելի բարձր պարունակությամբ, ինչը հավանաբար արտացոլում է այս միկրոտարրերի հատուկ դերը ծաղկային կառույցների ձևավորման և վերարտադրողական գործառույթների իրականացման մեջ: Ցինկի պարունակությունը ծաղիկներում (48.850 մգ/կգ) գրեթե երկու անգամ գերազանցում է բույսում դրա պարունակությանը (24.520 մգ/կգ): Ցինկը հայտնի է որպես ֆերմենտային համակարգերի և սպիտակուցների սինթեզի կարևոր բաղադրիչ, և ծաղիկներում դրա բարձր պարունակությունը կարող է արտացոլել վերարտադրողական կառույցների ձևավորման ժամանակ այս տարրի հատուկ պահանջարկը [12]:

Նմանապես, պղնձի պարունակությունը ծաղիկներում (15.680 մգ/կգ) գրեթե երկու անգամ բարձր է, քան բույսի վեգետատիվ մասերում (8.410 մգ/կգ): Պղինձը կարևոր դեր է խաղում ֆոտոսինթեզի և օքսիդավերականագնման գործընթացներում, և ծաղիկներում դրա բարձր պարունակությունը կարող է պայմանավորված լինել ծաղկավորման ընթացքում այս տարրի նկատմամբ ունեցած առանձնահատուկ պահանջներով [13]:

Հետաքրքրական է նաև ծաղիկներում կապարի և մկնդեղի առավել բարձր պարունակությունը բույսի վեգետատիվ մասերի համեմատ, ինչը կարող է վկայել որոշակի կենսաքիմիական գործընթացներում այս տարրերի դերի մասին:

Հակառակ միտում է դիտվում մոլիբդենի դեպքում, որի պարունակությունը բույսում (4.110 մգ/կգ) մոտ երկու անգամ գերազանցում է ծաղիկներում դրա պարունակությանը (1.940 մգ/կգ): Մոլիբդենը հանդիսանում է նիտրատ ռեդուկտաց ֆերմենտի կարևոր բաղադրիչ և էական դեր է խաղում ազոտի յուրացման գործընթացներում, ինչը կարող է բացատրել բույսի վեգետատիվ մասերում դրա ավելի բարձր կոնցենտրացիան [14]:

Ուշադրության է արժանի նաև այն փաստը, որ կոբալտը, որը հայտնաբերվել է բույսում թեկուզն ցածր կոնցենտրացիայով (0.250 մգ/կգ), ծա-

դիկներում չի հայտնաբերվել: Կորալտը մասնակցում է մի շարք ֆերմենտային գործընթացների և ազոտի ֆիքսման մեխանիզմներին [15], և դրա բացակայությունը ծաղիկներում կարող է արտացոլել այս տարրի տարբերակված բաշխումը բույսի մասերում:

Կարևոր է նշել, որ հետազոտված բուսական նյութում կարգավորվող թունավոր միկրոտարրերի պարունակությունը չի գերազանցում Ըստ ԱՀ 1.2.3685-21 փաստաթթում սահմանված առավելագույն թույլատրելի կոնցենտրացիաները [16], ինչը վկայում է այս տեսակի բուսական հումքի անվտանգության մասին սննդային և դեղագործական նպատակներով օգտագործման համար:

Ստացված տվյալները նշանակալից ներդրում են *Geraniaceae* ընտանիքի բույսերի տարրային կազմի վերաբերյալ գիտելիքներում և կարող են օգտակար լինել միկրոտարրերի բույսի տարբեր մասերում վերաբաշխման մեխանիզմների ավելի խորը ընկալման համար: Այս տեղեկատվությունը կարող է գործնական կիրառություն ունենալ զյուղատնտեսության, էկոլոգիայի և բնապահպանական մոնիթորինգի ոլորտներում: *Geranium sylvaticum*-ի տարրային կազմի բացահայտված առանձնահատկությունները կարող են օգտագործվել հողի էկոլոգիական վիճակի գնահատման և բույսի հնարավոր կիրառությունների վերաբերյալ որոշումների կայացման գործընթացներում:

Այս ուսումնասիրությունը լրացնում է *Geranium* տեսակների վերաբերյալ առկա գիտական գրականության բացը և նոր հեռանկարներ է բացում հող-բույս համակարգում ընթացող կենսաերկրաբխմիական գործընթացների հետագա ուսումնասիրությունների համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Янин Е.П. Учение В.И. Вернадского о живом веществе, его биогеохимических функциях и геохимической роли в биосфере // «Экологические системы и приборы», № 3, 2017. СС. 45–55.
2. Бурматов О.П. Индикаторы состояния окружающей среды региона// «Мир экономики и управления». Т. 3, № 2, 2003. СС. 98–110.
3. Мордак Е.В. Семейство гераниевые (*Geraniaceae*) // «Жизнь растений». Т. 5., ч. 2. Цветковые растения. М., 1980. СС. 277–280.
4. Растительные ресурсы СССР: Цветковые растения, их химический состав, использование. Семейства Rutaceae-Elaeagnaceae. Л.: «Наука», 1988. 357с.
5. Tuominen A., Sinkkonen J., Karonen M., Salminen JP. Sylvaticins, acetylglucosylated hydrolysable tannins from the petals of *Geranium sylvaticum* show co-pigment effect // “Phytochemistry”, 2015 doi: 10.1016/j.phytochem.2015.01.005.
6. Tuominen A., Toivonen E., Mutikainen P., Salminen JP. Defensive strategies in *Geranium sylvaticum*. Part 1: organ-specific distribution of water-soluble tannins, flavonoids and phenolic acids // “Phytochemistry”, 2013. Nov; 95:394–407. doi: 10.1016/j.phytochem.

7. Разарёнова К.Н., Жохова Е.В. Сравнительная оценка содержания дубильных веществ в некоторых видах рода *Geranium* L. флоры Северо-Запада // «Химия растительного сырья», № 4, 2011. СС. 187–192.
8. Никитина В.С., Кузьмина Л.Ю., Мелентьев А.И., Шендель Г.В. Антибактериальная активность полифенольных соединений, выделенных из растений семейств Geraniaceae и Rosaceae // «Прикладная биохимия и микробиология». Т. 43, № 6, 2007. СС. 705–712.
9. Мельник А.И. Новый подход к повышению точности элементного анализа методом оптико-эмиссионной спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // «Аналитика», 2021; 11(6):466–471. DOI: 10.22184/2227-572X.2021.11.6.466.471
10. Chang Y., Wu P., Jhuang J., Huang C. Optical emission analysis of atmospheric pressure methane plasma chemical vapor deposition // “Zurnal Prikladnoj Spektroskopii”, 2021; № 88 (5). 819.
11. Rout G., Sahoo S. Role of iron in plant growth and metabolism // “Reviews in Agricultural Science”, 2015. V. 3. PP. 1–24. DOI: 10.7831/ras.3.1.
12. Иваницев В.В. Доступность железа в почве и его влияние на рост и развитие растений, Известия ТулГУ // «Естественные науки», 2019. Вып. 3. СС. 35–49.
13. Yruela I. Copper in plants: acquisition, transport and interactions // “Functional Plant Biology”, № 36, 2009. PP. 409–430.
14. Хорошевская В.О., Предеина Л.М., Кожевников А.В., Корнеева К.О. Влияние различных концентраций молибдена на количественные показатели развития фитопланктона в экспериментальных условиях // ПЭММЭ, Том XXVIII, № 6, 2017. СС. 24–35, DOI: 10.21513/0207-2564-2017-6-24-35.
15. Ягодин Б.А., Ступакова Г.А. Физиологическая роль кобальта и факторы, влияющие на его поступление в растения // «Агрохимия», № 12, 1989. СС. 111–120.
16. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573500115>

БИОАККУМУЛЯЦИЯ МАКРО- И МИКРОЭЛЕМЕНТОВ В ТКАНЯХ *GERANIUM SYLVATICUM*

Р.М. Навасардян

Горисский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной работе впервые было проведено комплексное исследование элементного состава *Geranium sylvaticum* и среды его произрастания. Методом оптической эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой (ICP-OES) были выявлены концентрации как макро-, так и микроэлементов в различных частях растения и в почве.

Сравнительный анализ элементного состава растения и почвы показал, что *Geranium sylvaticum* избирательно накапливает калий, фосфор, серу и молибден, в то время как большинство тяжелых металлов (железо, алюминий, титан) в меньшей степени переходит в растительные ткани. Также были обнаружены суще-

ственные различия в распределении элементов между вегетативными частями растения и цветками: растение обогащено железом и молибденом, а цветки – цинком и медью.

Полученные результаты являются значительным вкладом в изучение биохимических особенностей растений семейства Geraniaceae и могут быть использованы в области биоиндикации, оценки экологического состояния почв и обеспечения безопасности растительного сырья.

Ключевые слова: *Geranium sylvaticum*, макроэлементы, микроэлементы, ICP-OES, биоаккумуляция, почва.

BIOACCUMULATION OF MACRO- AND MICROELEMENTS IN GERANIUM SYLVATICUM TISSUES

R. Navasardyan

Goris State University

ABSTRACT

In this work, for the first time, a comprehensive study of the elemental composition of *Geranium sylvaticum* and its growth environment was conducted. The concentrations of both macro- and microelements in various parts of the plant and in the soil were determined using inductively coupled plasma optical emission spectroscopy (ICP-OES).

Comparative analysis of the elemental composition of the plant and soil showed that *Geranium sylvaticum* selectively accumulates potassium, phosphorus, sulfur, and molybdenum, while most heavy metals (iron, aluminum, titanium) are transferred to plant tissues to a lesser extent. Significant differences in the distribution of elements between the vegetative parts of the plant and flowers were also found: the plant is enriched with iron and molybdenum, while the flowers contain zinc and copper.

The obtained results represent a significant contribution to the study of biochemical characteristics of plants in the Geraniaceae family and can be used in the fields of bioindication, assessment of soil ecological conditions, and ensuring the safety of plant raw materials.

Keywords: *Geranium sylvaticum*, macroelements, microelements, ICP-OES, bioaccumulation, soil.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ОБРАТНАЯ ОТСЫЛКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Н.А. Мхитарян, Т.А. Ермолаева

Саратовская государственная юридическая академия

Юридический институт правосудия и адвокатуры

Mkhitaryan_nelli@mail.ru, Ermolaeva.tamar@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день, в условиях глобализации и расширения международных связей, значение коллизионных вопросов, требующих применения иностранного права, возрастает. Несмотря на теоретическую разработанность, вопрос о применении обратной отсылки в МЧП остается предметом дискуссий среди ученых и практиков. Различные правовые системы по-разному подходят к данному институту, что создает неопределенность и затрудняет единобразное разрешение коллизионных споров. Понимание механизма обратной отсылки и его влияния на определение применимого права приобретает особую актуальность для практики.

Ключевые слова: международное частное право, *renvoi*, коллизионное право, обратная отсылка, коллизионная норма, иностранное право.

Введение

Международное частное право (МЧП) столкнулось с проблемой обратной отсылки еще во второй половине XIXв., однако до сих пор данный вопрос является одним из самых противоречивых как в теории, так и практике применения коллизионных норм.

В период становления МЧП как самостоятельной отрасли права в XIXв., перед юристами встало задание определения критериев выбора применимого права в трансграничных отношениях. До появления четко сформулированной теории обратной отсылки отдельные случаи в судебной практике и науке указывали на необходимость учитывать не только материальные нормы иностранного права, но и его коллизионные нормы.

Одним из важных факторов, способствовавших возникновению идеи обратной отсылки, было признание автономии воли сторон в договорных обязательствах. Если стороны избирали применимое право, суд должен был учитывать этот выбор, даже если коллизионные нормы *lex fori* указывали на

иное право. Это создавало прецедент учета иностранного коллизионного права.

Другим фактором было развитие доктрины о личном статусе, согласно которой вопросы правоспособности и дееспособности лица должны регулироваться правом его гражданства или домицилия. В случаях, когда коллизионные нормы разных государств по-разному определяли личный статут, возникала необходимость учитывать коллизионные нормы иностранного права, чтобы избежать противоречивых решений.

Основное содержание работы

В контексте международного частного права, институт обратной отсылки представляет собой коллизионную ситуацию, возникающую в процессе определения применимого права к правоотношению, осложненному иностранным элементом¹. Обратная отсылка первого порядка (*renvoi au premier degré*) имеет место в том случае, когда коллизионная норма суда (*lex fori*) отсылает к правовой системе иностранного государства, однако, в соответствии с коллизионными нормами указанного иностранного государства, применимым является право страны суда.

Отсылка ко второму праву (*renvoi au second degré*) возникает, когда правовая система, к которой отсылает *lex fori*, не содержит материально-правового регулирования рассматриваемого вопроса, но посредством собственной коллизионной нормы указывает на применимость права третьего государства. Теоретически, возможно существование последовательных отсылок к праву четвертого, пятого и последующих государств, образующих так называемую «коллизионную цепь».

Возникновение института обратной отсылки обусловлено не только потенциальными скрытыми коллизиями, но и природой коллизионных норм как таковых. Коллизионные нормы, в силу своей абстрактности и генерализованного характера, отсылают к иностранному праву в целом, включая как материальные, так и коллизионные предписания. Данные отсылки, как правило, являются следствием коллизионных ситуаций с негативным характером.

Обратная отсылка возникает в результате интерпретации коллизионной нормы *lex fori*, отсылающей к иностранному праву, как включающей в себя не только материальные нормы иностранной правовой системы, но и ее коллизионные правила, тем самым охватывая всю совокупность правовых предписаний указанного государства. Отсылка к праву третьего государства, в свою очередь, является производной от коллизионных норм иностранного права, на которое первоначально отсылала *lex fori*.

В своей сущности, институт обратной отсылки является следствием коллизии коллизионных норм, возникающим при конкуренции коллизионных

¹ Марышева Н.И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // «Журнал российского права», № 11, 2018. СС. 55–62.

предписаний различных правовых систем. Данные коллизии могут носить как позитивный характер (когда несколько государств претендуют на регулирование одного и того же правоотношения, применяя собственные материальные нормы), так и негативный характер (когда ни одно из заинтересованных государств не считает рассматриваемое правоотношение подпадающим под сферу действия своего законодательства). Исторически институт обратной ссылки возник как ответ на необходимость разрешения коллизионных ситуаций, характеризующихся негативным характером.

В доктрине международного частного права (МЧП) существуют два альтернативных подхода к квалификации института обратной ссылки (*renvoi*): во-первых, признание обратной ссылки, предполагающее применение материального права государства, на применимость которого первоначально указывала коллизионная норма *lex fori*; во-вторых, непризнание обратной ссылки, обуславливающее применение материального права иностранного государства без учета его коллизионных предписаний.

В Российской Федерации действующее законодательство в целом придерживается доктрины непризнания обратной ссылки. Это означает, что в случаях, когда российская коллизионная норма отсылает к иностранному праву, суды Российской Федерации должны интерпретировать данную отсылку как относящуюся исключительно к материальному праву соответствующего иностранного государства, исключая применение его коллизионных правил².

Законодательное регулирование института обратной отсылки в Российской Федерации содержится в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ). Статья 1190 ГК РФ устанавливает общее правило о непризнании обратной отсылки:

Пункт 1 статьи 1190 ГК РФ: «Отсылка к иностранному праву в соответствии с правилами настоящего раздела рассматривается как отсылка к материальному праву соответствующей страны, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи»³.

Таким образом, общее правило заключается в том, что российские суды при применении коллизионных норм должны руководствоваться материальным правом иностранного государства, исключая применение его коллизионных норм.

Пункт 2 статьи 1190 ГК РФ: «Отсылка к личному закону физического лица рассматривается как отсылка к праву того государства, гражданином которого является это лицо. Если лицо имеет несколько гражданств, то отсылка рассматривается как отсылка к праву того государства, с которым лицо наиболее тесно связано. Если лицо не имеет гражданства, то отсылка рас-

² Честных Д.Н. Проблема обратной отсылки в международном частном праве / Д.Н. Честных. Текст: непосред. // «Молодой ученый», № 51 (341), 2020. СС. 309–311. URL: <https://moluch.ru/archive/341/76769/>

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. № 32. 1994. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

сматривается как отсылка к праву государства, в котором это лицо имеет место жительства, а если оно не имеет места жительства, то отсылка рассматривается как отсылка к праву государства, в котором это лицо обычно находится». Пункт 2 статьи 1190 ГК РФ устанавливает исключение из общего правила о непризнании обратной отсылки в отношении личного закона физического лица (*lex personalis*). Личный закон физического лица определяется по праву гражданства или обычного пребывания лица. При определении личного закона суд должен учитывать коллизионные нормы иностранного права, чтобы избежать ситуаций, когда иностранное право по-другому определяет личный закон⁴.

Практика применения обратной отсылки судами Российской Федерации является достаточно ограниченной. В большинстве случаев российские суды руководствуются общим правилом о непризнании обратной отсылки и применяют материальное право иностранного государства. Однако в случаях, связанных с определением личного закона физического лица, суды учитывают коллизионные нормы иностранного права⁵.

Примером может служить дело о признании брака недействительным, когда один из супругов является иностранным гражданином. В этом случае суд должен определить, какое право применимо к условиям заключения брака. Если российская коллизионная норма отсылает к праву иностранного государства, гражданином которого является один из супругов, суд должен учитывать коллизионные нормы этого иностранного государства при определении личного закона этого супруга.

Одной из основных проблем, связанных с применением обратной отсылки, является квалификация и интерпретация коллизионных норм. В российской судебной практике встречаются случаи, когда суды по-разному квалифицируют одни и те же правоотношения, что приводит к различным результатам при определении применимого права.

Например, вопрос о форме сделки может быть квалифицирован как относящийся к договорному праву или к праву собственности. В зависимости от квалификации, суд может применить различные коллизионные нормы и, соответственно, различные правовые системы.

Ряд экспертов высказывают мнение о том, что отказ от обратной отсылки может интерпретироваться как игнорирование международно-правовых аспектов и нарушение принципа суверенитета иностранных государств.

Применение обратной отсылки на практике вызывает значительные трудности и споры. Суды, применяющие институт обратной отсылки, сталкиваются с необходимостью исследования иностранного коллизионного права, что требует значительных затрат времени и ресурсов. Кроме того,

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. № 32. 1994. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>).

⁵ Шеховцова Н.С. «Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве» // «Молодой учёный», № 27 (317), 2020. СС. 319–323.

применение обратной отсылки может приводить к неопределенности в определении применимого права и затруднять прогнозирование правовых последствий.

В международной практике применение обратной отсылки различается в зависимости от правовой системы. В некоторых государствах, например, в Германии и Швейцарии, применение обратной отсылки является общепризнанным принципом. В других государствах, например, в Англии и США, применение обратной отсылки ограничено определенными категориями дел, такими как вопросы вещных прав на недвижимое имущество и вопросы личного статуса⁶.

В зависимости от имплементированного подхода к коллизионному регулированию института обратной отсылки, международное сообщество может быть классифицировано на следующие категории государств:

1. Государства, признающие неограниченную отсылку (Acceptance of Unlimited *Renvoi*): юрисдикции, в которых предусмотрено применение всей иерархии отсылок *ad infinitum*, включая отсылки третьей, четвертой и последующих степеней, до момента установления правовой системы, содержащей материально-правовое регулирование рассматриваемого правоотношения. К данной категории относятся, в частности, Австрийская Республика, Республика Польша, Финляндская Республика.

2. Государства, признающие ограниченную отсылку (Acceptance of Limited *Renvoi with Conditions*): юрисдикции, допускающие применение отсылок первой и второй степени, однако такая возможность обусловлена соблюдением определенных императивных требований или принципиальных условий, предусмотренных национальным законодательством. Примерами таких юрисдикций являются Мексиканские Соединенные Штаты, Чешская Республика, Федеративная Республика Германия.

3. Государства, признающие обратную отсылку исключительно к *lex fori* (Acceptance of *Renvoi to Lex Fori Only*): юрисдикции, ограничивающие возможность применения обратной отсылки исключительно случаями, когда иностранное право отсылает к праву суда (*lex fori*). В данную категорию входят, в частности, Венгерская Республика, Боливарианская Республика Венесуэла, Социалистическая Республика Вьетнам, Королевство Испания, Исламская Республика Иран, Румыния, Японское государство.

4. Государства, признающие ограниченную отсылку только в специально оговоренных случаях (Acceptance of Limited *Renvoi in Specified Cases*): юрисдикции, допускающие применение отсылок первой и второй степени, либо исключительно обратной отсылки к *lex fori*, исключительно в случаях, прямо исчерпывающе определенных в законодательстве. Примерами таких юрисдикций являются Итальянская Республика, Португальская Республика, Швейцарская Конфедерация, Королевство Швеция, Российская Федерация.

⁶ Марышева Н.И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // «Журнал российского права», № 11, 2018. СС. 55–62.

5. Государства, отвергающие отсылку (Rejection of *Renvoi*): юрисдикции, законодательство которых категорически запрещает применение института обратной отсылки в любой форме. В данную категорию входят, в частности, Федеративная Республика Бразилия, Греческая Республика, Республика Перу, Арабская Республика Египет, Республика Армения.

6. Государства, не имеющие коллизионного регулирования отсылки (Absence of *Renvoi Regulation*): юрисдикции, в которых законодательство в принципе не содержит правового регулирования, касающегося института обратной отсылки. К данной категории относятся, в частности, Алжирская Народная Демократическая Республика, Аргентинская Республика, Республика Болгария, Китайская Народная Республика.

Выводы

Несмотря на проблемы, возникающие при использовании иностранного права, обратная отсылка может играть важную роль в обеспечении гармонизации правовых решений. Применение обратной отсылки позволяет суду учитывать коллизионные нормы других государств и выносить решения, которые будут признаны и исполнены в этих государствах. Это особенно важно в случаях, когда правоотношение связано с правопорядками нескольких государств и необходимо обеспечить единообразное применение права.

Обратная отсылка является сложным и дискуссионным институтом МЧП, применение которого вызывает значительные трудности и споры. Несмотря на критику, обратная отсылка может играть важную роль в обеспечении гармонизации правовых решений и способствовать разрешению коллизий между различными правопорядками. Дальнейшее изучение и совершенствование института обратной отсылки, а также поиск альтернативных подходов к определению применимого права, является важной задачей для развития МЧП. Необходим дальнейший анализ в контексте унификации коллизионного права на международном и региональном уровнях, что позволит снизить неопределенность и повысить предсказуемость правовых решений в трансграничных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. № 32. 1994. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>).
2. *Марышева Н.И.* Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // «Журнал российского права», № 11, 2018. СС. 55–62.
3. *Честных Д.Н.* Проблема обратной отсылки в международном частном праве / Д.Н. Честных. Текст: непосред. // «Молодой ученый», № 51 (341), 2020. СС. 309–311. URL: <https://moluch.ru/archive/341/76769/>
4. *Шеховцова Н.С.* Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве // «Молодой ученый», № 27 (317), 2020. СС. 319–323.

FEEDBACK IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

N. Mkhitaryan, T. Ermolaeva

Saratov State Law Academy

Law Institute of Justice and Advocacy

ABSTRACT

Today, in the context of globalization and the expansion of international relations, the importance of conflict-of-laws issues requiring the application of foreign law is increasing. Despite the theoretical development, the issue of the use of backtracking in the MCHP remains a subject of debate among scientists and practitioners. Different legal systems have different approaches to this institution, which creates uncertainty and makes it difficult to resolve conflict-of-laws disputes in a uniform manner. Understanding the mechanism of feedback and its impact on the definition of applicable law is becoming particularly relevant for practice.

Keywords: private international law, *renvoi*, conflict of laws, back-link, conflict of laws rule, foreign law.

ИНСТИТУТ «МЯГКОГО ПРАВА» ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ

С.А. Папикян, А.К. Айрапетян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
papikyann.susanna@gmail.com, hayrapetyanarshak@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье раскрывается сущность института «мягкого права» ЕАЭС, параллельно анализируется его регуляторное влияние на сферу защиты прав потребителей в электронной торговле. Исследуется роль и эффективность данного инструмента в условиях динамичного развития e-commerce. Особое внимание уделяется формулировке правовой оценки преимуществ и рисков использования рекомендаций, их практической реализации, а также перспективам совершенствования механизмов гармонизации национальных норм государств-членов ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей в электронной торговле.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, электронная торговля, институт «мягкого права», защита прав потребителей.

Введение

С динамичным развитием платформ электронной торговли, более известной как e-commerce (в переводе – электронная коммерция), включающей в себя не только финансовые или торговые транзакции, осуществляемые в сети, а также цепочки глобальных бизнес-операций, связанных с проведением транзакций, появляется необходимость регулирования сопутствующих этому развитию рисков. В условиях роста трансграничных электронных сделок в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее также – ЕАЭС или Союз), перед регулятором ставится задача установления гибких норм, направленных на защиту прав потребителей. Учитывая особенности ЕАЭС как объединения стран с разными правовыми системами, прослеживается противостояние гибких норм, являющихся наиболее оптимальными для свободы предпринимательства и установления здоровой конкуренции, более жестким нормам, которые, в свою очередь, обладают большей эффективностью в защите прав потребителей.

Понятие «мягкого права» и его практическое значение

В этом контексте особое внимание уделяется институту «мягкого права» – совокупности рекомендаций, принципов и соглашений, которые предоставляют хозяйствующим субъектам определенную свободу в принятии решений, направленных на устранение выявленных нарушений. Термин

«мягкое право» самим своим появлением в правовом дискурсе предполагает расширенные границы понимания термина «право», включая в себя как твердо установленные со временем принципы права, так и принимаемые в ногу с развитием общества новые нормы. В большинстве источников понятие «мягкое право» раскрывается как совокупность формализованных общих положений, а именно принципов, норм, критериев и стандартов, которые не имеют юридически обязательного характера, не обеспечиваются обязательными санкциями и соблюдаются добровольно в силу авторитетности их создателей, заинтересованности адресатов, и целенаправленного социального давления, оказываемого обществом на потенциальных и фактических нарушителей. Западные исследователи Р. Уоллас и О. Мартин-Ортега дают более общее определение понятия: «мягкое право» – это общий термин, используемый для обозначения юридически необязательных международных инструментов¹. Наиболее важными для его практического применения отличительными чертами «мягкого права» являются:

- 1) схожесть с «твёрдым правом» в вопросе порождения правовых последствий;
- 2) «мягкое право» сознательно и динамично изменяется, приспосабливаясь к изменениям общества;
- 3) нормы «мягкого права» имеют значительно более упрощенную процедуру принятия, в отличие от норм «твёрдого права».

«Мягкое право» ЕАЭС и его применение в сфере защиты прав потребителей в электронной торговле

Отметим, что Договор о создании ЕАЭС непосредственно в разделе XII установил гарантии защиты прав потребителей, в том числе посредством закрепления принципа равенства потребителей, проживающих на территории государств – членов ЕАЭС. Кроме того, в соответствии с п. 6 «Протокола о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей» формирование равных условий для граждан – потребителей будет осуществляться в основном за счет сближения законодательства государств-участников в исследуемой сфере. Также одной из отправных точек процесса выработки эффективных норм в этой сфере стала выработка Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 марта 2016г. № 2 «О применении мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств-членов Евразийского экономического союза». Наличие таких положений создает фундамент для дальнейшего беспрепятственного функционирования норм «мягкого права» ЕАЭС.

Следующим шагом Союза стало официальное введение института «мягкого права» в ЕАЭС, которое произошло по принятии закона «О ратификации Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономиче-

¹ Wallace R., Martin-Ortega O. International Law. London: Sweet&Maxwell, 2013. P. 31.

ском союзе от 29 мая 2014 года» 28 января 2021г. Протоколом были восполнены некоторые пробелы в праве Союза, а также откорректированы имеющиеся положения, в частности, изменения в сфере конкуренции были связаны соответственно с введением института «мягкого права», позволяющим применять меры превентивного характера, предусматривающие выдачу предупреждений и вынесения предостережений хозяйствующим субъектам, нарушающим общие правила конкуренции в трансграничной торговле. Этим шагом ЕАЭС регламентировали, что защита прав потребителей является приоритетным вопросом в деятельности Союза, вместе с тем, как отмечает министр Евразийской Экономической Комиссии (далее также – ЕЭК) В. Татаринецкий: «Сегодня на первый план выходит тема юридической защиты их прав в современной цифровой среде».

В июне 2022г. была принята «Программа совместных действий государств-членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей», срок действия которой был рассчитан до 2025 года. В тексте программы указываются цели и задачи Программы, а также органы всех пяти государств-членов, ответственные за реализацию таковых (от Республики Армения Министерство Экономики и Комиссия по защите конкуренции, от Российской Федерации – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека). Как указывается в самой Программе, целью её принятия является «обеспечение создания в государствах-членах условий для проведения согласованной политики в сфере защиты прав потребителей и реализации принципа равной правовой защиты потребителей, предусмотренного статьей 60 Договора о ЕАЭС»². Из указанных в ч. 6 гл. 2 Программы задач следует отметить следующие:

- а) организация совместных действий государств-членов для обеспечения равной защиты потребительских прав граждан;
- б) выработка общих подходов государств-членов в сфере защиты прав потребителей с учетом норм международного права и общих принципов, выработанных в рамках Союза в данной сфере;
- в) проведение совместных мероприятий, направленных на просвещение граждан государств-членов в сфере защиты прав потребителей, а также на формирование навыков рационального и устойчивого потребления. С принятием Программы также началось активное применение «мягкого права» в виде Рекомендаций ЕЭК касательно вопросов гармонизации подходов государств-членов к защите прав потребителей в электронной торговле, основанием чего является последний пункт вышеуказанной части – создание благоприятных условий для внедрения доступных средств правовой защиты, включая предоставление консультаций и использование альтернативных механизмов разрешения трансграничных споров с участием потребителей с привлечением хозяйствующих субъектов, общественных объединений и ор-

² Ч.5, Гл. 2 «Программы совместных действий государств-членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей» https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/9d7/jcw2myb05y5x4sh1vn1671hqolk0wg2r/err_22062022_12_do.pdf

ганизаций потребителей государств-членов. Стоит отметить также про предшественников ЕАЭС в этой сфере: Европейский Союз является третьим по величине рынком электронной коммерции в мире с общим объемом различных онлайн продаж на сумму 498 млрд долл. в год. Ввиду того, что крупные онлайн-платформы осуществляют свою деятельность во всех государствах-членах, для обеспечения нормального функционирования единого рынка важно, чтобы правила ЕС применялись одинаково во всех государствах-членах. В связи с этим правовое регулирование деятельности онлайн-платформ именно на уровне ЕС обеспечивает эффективное регулирование Единого цифрового рынка. Еще один значимый документ, принятый с целью повышения уровня доверия потребителей и создания благоприятных условий для развития электронной коммерции, – Директива 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 мая 2005г. о недобросовестной коммерческой практике между потребителями на внутреннем рынке. Директива обеспечивает защиту потребителей от недобросовестной и вводящей в заблуждение коммерческой практики и установление согласованных правил в этой сфере. Она также устанавливает гарантии того, что потребители не будут введены в заблуждение или подвергнуты агрессивному маркетингу, и что любое утверждение, сделанное трейдерами в ЕС, является ясным, точным и обоснованным. Это позволяет потребителям делать осознанный выбор.

Следовательно, можно рассмотреть особенности защиты прав потребителей при осуществлении электронных отношений в соответствии с правом Европейского Союза на различных этапах взаимодействия с контрагентами – начиная с получения информации, предшествующей заключению договора, и заканчивая передачей товара и предоставлением гарантий. Опыт Европейского Союза в области регулирования отношений с участием потребителей является полезным как для других интеграционных образований (в том числе возникших на постсоветском пространстве), так и для третьих стран. Таким образом, выработанные в рамках Европейского Союза нормы, регулирующие некоторые права потребителей, представляют научную и прикладную ценность для стран ЕАЭС и, например, МЕРКОСУР – Южноамериканского общего рынка. Как и в ЕАЭС, в странах МЕРКОСУР, включая Бразилию, Аргентину, Уругвай и Парагвай, ведется работа по гармонизации стандартов защиты потребителей, однако акцент зачастую делается на законодательном обеспечении, а не на инструментах «мягкого права». Это подтверждает, что подход ЕС к унификации через «мягкое право» может быть адаптирован в рамках других интеграционных союзов.

Логическим завершением предпринимаемых Евразийской экономической комиссией шагов в сфере регулирования электронной торговли стало принятие и введение в действие Рекомендаций от ЕЭК, в частности, принятая Коллегией Евразийской экономической комиссии Рекомендация «Об общих подходах к защите прав потребителей в электронной торговле», вступившая в силу в мае 2023г., в которой раскрываются необходимые для проведения общей политики в исследуемой сфере понятия, такие как «интернет-магазины», «электронная торговля», «оператор электронной торговли» и др.

Важнейшими аспектами данного документа являются следующие положения.

1. Гарантии и защита прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) посредством электронной торговли обеспечиваются на уровне не ниже, чем это предусмотрено законодательством государств- членов и «Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года для других форм торговли» (п. 5, гл. 1)³.

2. Устанавливаются условия и размеры ответственности участников электронной торговли, в частности, операторов и продавцов, за нарушение прав потребителей.

3. Регламентируются доступные способы защиты прав потребителей, а также процедуры и сроки разрешения споров в электронной торговле.

Комиссия активно принимает документы, которые можно отнести к «мягкому праву», в том числе обзоры, рекомендации и доклады. Однако их влияние на формирование национальной политики в области защиты потребителей в электронной торговле носит ограниченный характер.

На практике такие документы часто не обеспечивают правовую определенность, поскольку не содержат обязательств для стран-участниц и не подкреплены механизмами контроля или оценки их реализации. Более того, в отсутствие единых стандартов толкования создается риск фрагментации подходов и снижения доверия потребителей к трансграничной торговле.

Тем не менее, мягкое право может играть важную роль в согласовании позиций государств- членов, выработке общих подходов к защите прав потребителей, формировании наднационального правового дискурса, а также в предоставлении ориентиров для развития национального законодательства и практики. Его гибкость позволяет оперативно реагировать на изменения в цифровой среде и учитывать различия в правовых системах.

Вышеуказанное стечание обстоятельств и последовательные шаги ЕЭК указывают на то, что на данный момент Союз намеревается применять «мягкое право» как первичный инструмент, нацеленный на усовершенствование и гармонизацию подходов государств- членов не только к вопросу защиты прав потребителей в электронной торговле, но и в сфере общих правил конкуренции в трансграничной торговле. Ожидаемым результатом более активного и системного применения «мягкого права» может стать формирование согласованной и предсказуемой среды для электронной торговли на пространстве ЕАЭС. Это, в свою очередь, приведет к повышению правовой защищенности потребителей и укреплению доверия к цифровым рынкам.

Заключение

Как уже было отмечено выше, в условиях объединения нескольких государств с разными нормативными системами более оптимальным вариантом гармонизации является применение «мягкого права» с оставлением своеоб-

³ https://eec.eaeunion.org/upload/files/depsanmer/zpp_e-commerce.pdf

разного «места для колебания» в выборе средств, которыми государство решает достичнуть установленной цели.

Аналогично, в сфере торговли и конкуренции нет места жестким границам и правилам, соответственно, «твёрдое право» может признаваться неуместным для этой сферы, поскольку применение жестких норм может привести к ограничению установленных между государствами-членами свобод, а также свободной конкуренции, и может выступать помехой установления здоровой конкуренции между хозяйствующими субъектами государств-членов. Хотя в некоторых случаях установление жестких норм кажется наиболее целесообразным способом защиты прав потребителей, при правильной регулировке и контроле, нормы «мягкого права» могут оказаться столь же эффективными.

Именно в электронной торговле, как в быстрорастущем сегменте глобального рынка, особенно важно находить баланс между гибкостью регулирования и эффективной защитой интересов потребителей. Использование «мягкого права» в сочетании с лучшими практиками ЕС и другими интеграционными образованиями позволяет государствам ЕАЭС выстраивать актуальные и действенные механизмы правовой защиты, не ограничивая при этом инновационное развитие электронной торговли. Это делает «мягкое право» важным фактором не только внутренней гармонизации, но и международной правовой интеграции в цифровой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года – Dogovor.pdf
2. Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 марта 2016г. № 2 «О применении мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств-членов Евразийского экономического союза»
3. Рекомендация «Об общих подходах к защите прав потребителей в электронной торговле» от 11 мая 2023 года.
4. Программа совместных действий государств-членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/9d7/jcw2myb05y5x4sh1vn1671hqolk0wg2r/ert_22062022_12_doc.pdf
5. Wallace R., Martin-Ortega O. International Law. London: Sweet&Maxwell, 2013. P. 31.
6. Шаяхметова А. «Мягкое право» в системе права Всемирной торговой организации // «Вопросы студенческой науки», № 4 (44), 2020. С. 2.
7. Плечаков Д.В. Защита права потребителей при продаже товаров в странах ЕАЭС // «Вопросы современной юриспруденции», № 10 (60), 2016. С. 6
8. MERCOSUR: Consumer Protection Law in Comparative Perspective // “Latin American Law Review”, 2021. Vol. 7.
9. Benedikt K. The role of soft law in the European Union // “European Law Journal”, 2018.
10. Recommendation № 2 of 22 March 2016 by the EEC Board “On measures to enhance the effectiveness of interaction between consumer protection authorities of the EAEU Member States”.
11. Директива 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 мая 2005г. «О недобросовестной коммерческой практике между потребителями на внутреннем рынке».

12. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>
13. Официальный сайт Европейского союза – <https://europa.eu>
14. Официальный сайт МЕРКОСУР - Normativa - MERCOSUR

“SOFT LAW” IN THE CONTEXT OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION WITHIN THE EAEU FRAMEWORK OF E-COMMERCE

S. Papikyan, A. Hayrapetyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article explores the essence of the “soft law” institution within the EAEU and simultaneously analyzes its regulatory impact on consumer rights protection in e-commerce. The role and effectiveness of this instrument in the context of the dynamic development of e-commerce are examined. Particular attention is paid to formulating a legal assessment of the advantages and risks of using recommendations, their practical implementation, and the prospects for improving mechanisms for harmonizing the national regulations of EAEU member states in the field of consumer rights protection in e-commerce.

Keywords: Eurasian Economic Union, E-commerce, “Soft Law” Institution, Consumer Rights Protection.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ БРЕНДОВ: ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

М.К. Сардарян

Российско-Армянский (Славянский) университет
marsard10@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В рамках данной работы было изучено значение бренда, экономическая роль объектов интеллектуальной собственности в современном мире и важность формирования устойчивого правового механизма, регламентирующего институт интеллектуальной собственности, для развития предпринимательской деятельности, основанной на коммерциализации бренда, в том числе практическая сторона применения соответствующих правовых и экономических инструментов в процессе коммерциализации объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: коммерциализация, бренд, имидж, интеллектуальная собственность.

Введение

Актуальность работы заключается в возрастающей ценности объектов интеллектуальной собственности при ведении предпринимательской деятельности, их коммерциализация является одним из основных гарантов получения прибыли и развития бизнеса. Однако слабая правовая охрана может привести к тому, что объект потеряет свою экономическую значимость. Следовательно, при коммерциализации интеллектуальной собственности ключевую роль играют правовые механизмы, направленные на признание и охрану прав владельца на соответствующие нематериальные блага.

Целью работы является представление и обоснование позиции о важности создания устойчивой правовой базы, регламентирующей интеллектуальные права и создающей гарантии их реализации, с точки зрения коммерциализации бренда. Также будут рассмотрены конкретные правовые механизмы, существующие в мире, и практические особенности их применения.

Основная часть

«Бренд – это имя или символ, которые идентифицируют продукт. Успешный бренд идентифицирует продукт, который имеет неоспоримое конкурентное преимущество» [3, 6]. В научной литературе используются различные подходы к пониманию бренда, а единый подход не был сформирован. В рамках данной статьи это явление будет нами рассмотрено с точки зрения формирования имени и деловой репутации хозяйствующего субъекта, имеющего конкурентное преимущество на рынке, преследующего цель – получение прибыли, в том числе через коммерциализацию объектов интел-

лектуальной собственности, влияние на этот процесс института интеллектуальной собственности.

«Коммерциализация – это процесс вывода на рынок нового продукта» [8]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что коммерциализация – это процесс, который направлен на получение прибыли, через вывод и реализацию на рынке нового продукта. Существенную роль при процессе коммерциализации играет в том числе формирование деловой репутации хозяйствующего субъекта, поскольку это и является основным гарантом привлечения потребителей к соответствующей продукции компании и к их реализации на рынке. Следовательно, в данной статье мы будем говорить в целом о коммерциализации бренда, поскольку в него входит также формирование имиджа и деловой репутации хозяйствующего субъекта, что в свою очередь напрямую влияет на создание конкурентного преимущества на рынке, а вывод нового продукта на рынок и получение прибыли от его реализации является частью предпринимательской деятельности и выступает в качестве цели создания бренда.

Как уже было указано выше, понятие бренда в первую очередь относится к имени и деловой репутации хозяйствующего субъекта, следовательно, для полноценного понимания его роли в процессе коммерциализации, необходимо определить, что подразумевается под этими терминами в контексте формирования бренда. «С экономической точки зрения, имидж рассматривается как элемент стратегического управления организацией и формирует ее нематериальный капитал» [10]. С точки зрения маркетингового подхода, имидж определяется как «восприятие компании или ее товаров обществом» [10]. «Определяющая цель формирования имиджа здесь состоит в том, чтобы у целевой аудитории сложился определенный образ либо самой организации, либо предоставляемой ею продукции. Именно имидж служит здесь одним из основных инструментов отстройки от конкурентов и выступает здесь как механизм позиционирования торговой марки, бренда, а также товаров и услуг» [10]. Профессор Суханов определяет деловую репутацию как общественную оценку исключительно профессиональных качеств лица, в том числе как индивидуального предпринимателя или лица иной профессии (рабочие, инженеры, педагоги, врачи, лица творческих профессий и т.п.) [7].

Из вышеприведенных определений имиджа и деловой репутации исходит, что это те нематериальные блага и активы, принадлежащие хозяйствующему субъекту, которые являются отражением его морального и профессионального облика, а также качества предлагаемых им товаров и услуг, сформированного в общественном сознании и, соответственно, в сознании потенциальных потребителей. Следовательно, как уже было указано выше, для осуществления конкурентоспособной предпринимательской деятельности существенную роль играет формирование позитивного имиджа и деловой репутации в глазах у потребителей предлагаемой продукции, что и является важнейшим этапом процесса коммерциализации.

Для формирования позитивного морального и профессионального имиджа у потребителей, важнейшую роль играет объективно высокое качество предлагаемых товаров и услуг. Однако, следует учитывать, что объективный уровень качества соответствующей продукции со стороны общества воспринимается субъективным путем и не обязательно отражает существующую объективную реальность. В связи с этим предприниматели для формирования и поддержания своего позитивного образа в глазах у потребителей должны осуществлять более комплексные меры, в рамках этого образа существенную роль играют также правовые механизмы, которые создаются в рамках института интеллектуальной собственности.

Прежде чем перейти к рассмотрению сущности и влияния соответствующих правовых механизмов на формирование и поддержание позитивного образа бренда, сперва кратко представим, что из себя представляет понятие объекта интеллектуальной собственности, а также ценность этих объектов при осуществлении предпринимательской деятельности.

Объекты интеллектуальной собственности делятся на две группы. «К первой группе относятся результаты интеллектуальной деятельности, а ко второй – приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана» [5]. Следовательно, во-первых, это те нематериальные блага, которые создаются через творчество человека и подразумевают создание чего-то нового, а также формально приравненные к ним, средства индивидуализации.

«В условиях экономики, основанной на знаниях, интеллектуальная собственность становится своеобразным активом предприятия. Владение такой способствует появлению своего рода монопольной прибыли, а также приводит к росту выпуска продукции новых видов» [9].

«Разумеется, что писатели, изобретатели, ученые и творцы новых идей стремятся получить максимальную отдачу и наибольшую выгоду от использования своих идей. Поэтому многие новые идеи, изобретения и ноу-хау зачастую засекречиваются, что неизбежно приводит к торможению развития технического прогресса» [5].

«В эпоху перманентной технологической революции государства делают ставки на инновации, знания и информацию (и способность быстро применить их в производстве), а не на потребление невосполнимых природных ресурсов. Это означает, что в состав основного капитала любого предприятия, фирмы или организации должна входить в том числе и интеллектуальная собственность, а не только лишь традиционные ресурсы и материальные активы» [5].

Из вышеуказанных позиций авторов также становится очевидным наличие высокой экономической ценности объектов интеллектуальной собственности в современном мире, которые способствуют именно интенсивному росту экономики, с целью использования наименьших материальных ресурсов при одновременном достижении наибольшей результативности, в чем важнейшую роль играет созидательная деятельность человека. В свою оче-

редь создание новой продукции, которая будет в будущем введена на рынок с целью получения прибыли также предполагает наличие интеллектуальной, творческой деятельности. В этом и проявляется значение коммерциализации интеллектуальной собственности.

Суммируя вышесказанное, еще раз обратимся к факторам формирования позитивного образа бренда. Как уже было указано, для формирования позитивного имиджа и деловой репутации к своей профессиональной деятельности, хозяйствующему субъекту необходимо, во-первых, наличие объективно высокого качества продукта, которое вводится на рынок, и, во-вторых, обеспечение субъективного восприятия потребителем соответствующей продукции как соответствующей данному высокому уровню. Правовая охрана первичных объектов интеллектуальной собственности играет ключевую роль в процессе создания новой и качественной продукции, поскольку признание и обеспечение реализации прав авторов на созданные ими результаты интеллектуальной деятельности поощряет создание ими новых идей, изобретений тем, что они могут получить от них наибольшую выгоду.

Далее рассмотрим экономическую ценность второй группы объектов интеллектуальной собственности, которые формально приравнены к результатам интеллектуальной деятельности, но представляющих из себя средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, правовая охрана которых играет важнейшую роль при обеспечении позитивного облика бренда у потребителя.

Для представления значимости соответствующих правовых механизмов и их практической реализации, проанализируем конкретное дело, где напрямую будет видна ценность права интеллектуальной собственности для обеспечения позитивного облика бренда.

28 июня 2024г. Starbucks Corporation подал иск в окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка против Brandpat, LLC. Brandpat работает на рынке как Starbuds Flowers и специализируется на продуктах из каннабиса. Компания Starbucks в своем иске указала, что он инвестировал в значительный портфель объектов интеллектуальной собственности, состоящий из зарегистрированных на федеральном уровне авторских прав и зарегистрированных на федеральном уровне и неоспоримых торговых знаков. В центре внимания широко признанной интеллектуальной собственности Starbucks находится ее знаменитый дизайн логотипа «Сирены». Компания также указала, что использование Starbuds логотипа STARBUDS, нарушающего авторские права, может привести к путанице, ошибке или ввести потребителей в заблуждение относительно принадлежности, связи или ассоциативного отношения Starbuds к Starbucks, а также относительно происхождения, спонсорства или одобрения товаров, или услуг Starbuds компанией Starbucks. Умышленные действия Starbuds причинили и будут продолжать причинять Starbucks непоправимый вред и будут продолжать это делать, если на то не будет предписаний [2].

Из содержания представленного конфликта становится очевидной значимость правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, по-

скольку в противном случае это будет иметь негативные последствия, во-первых, для деловой репутации и имиджа бренда, что, в свою очередь, приведет к потере конкурентоспособности и прибыльности предпринимательской деятельности, и, во-вторых, к путаницам и заблуждениям у потребителя продукции.

Далее рассмотрим конкретные правовые механизмы коммерциализации объектов интеллектуальной собственности.

Относительно объектов интеллектуальной собственности термин коммерциализация может быть более конкретно определен как процесс вывода интеллектуальной собственности на рынок с учетом будущей прибыли и роста бизнеса [1].

Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности может осуществляться тремя способами: лично автором, через уступку либо деловыми партнерствами [1].

В первом случае лицо, творческим трудом которого был создан объект, самостоятельно используя собственные ресурсы, осуществляет его коммерциализацию. Второй способ представляет из себя передачу исключительного права на объект интеллектуальной собственности, такой как патент, товарный знак или промышленный образец, от одной стороны (цедента) другой стороне (цессионарию). Следовательно, цессионарий становится новым владельцем объекта интеллектуальной собственности [1]. В рамках третьего подхода к коммерциализации интеллектуальной собственности выделяются несколько вариантов, таких как лицензирование, франчайзинг и т.д. [1]. Особенность данного способа заключается в том, что при этом не происходит полная уступка исключительных прав, а предоставляется лишь право пользования. Если провести аналогию с правом собственности на вещь, то получится, что условно при уступке права происходит передача права собственности, а при деловом партнерстве объект передается в аренду.

На международном уровне также создаются организации, деятельность которых направлена на формирование международного единства правового пространства права интеллектуальной собственности, в том числе, и на развитие правового регулирования в этой сфере. Одной из таких организаций является Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Как указывается в самом официальном сайте данной организации, ВОИС – это учреждение Организации Объединенных Наций, которое служит интересам новаторов и авторов во всем мире, обеспечивая беспрепятственное продвижение их идей на рынок и улучшение качества жизни людей в любом уголке земного шара [4].

Вышеприведенное еще раз свидетельствует о важности создания устойчивых правовых форм коммерциализации объектов интеллектуальной собственности и защищенности этих объектов для поощрения будущей новаторской деятельности, что, в свою очередь, напрямую влияет на развитие предпринимательства и экономического благосостояния общества. Это указывает на возрастающую значимость формирования единых правовых механизмов регулирования института интеллектуальной собственности на международ-

ном уровне, для большего укрепления экономических связей между государствами, а также создания внутригосударственных гарантий охраны объектов интеллектуальной собственности, для поощрения и привлечения новых инвестиций на внутронациональный рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Innovation Council and SMEs Executive Agency. IP Guide. ISBN: 978-92-9202-478-9, DOI: 10.2826/283088, Catalogue number: EA-02-19-292-EN-N. 9 October 2019.
2. In The United States District Court Southern District of New York. Starbucks Corporation, Plaintiff, Vs. Brandpat, LLC DBA Starbuds Flowers, Defendant. Case 1:24- cv-04927-LGS Document 1 Filed 06/28/24.
3. McDonald, 1999, P. 162.
4. World Intellectual Property Organization (WIPO). <https://www.wipo.int>
5. Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности // «Аграрное и земельное право», № 9 (189). 2020. СС. 14–15.
6. Старов С.А. Бренд: понятие, сущность, эволюция // «Вестник Санкт-Петербургского университета». Сер. 8. Вып. 2. 2008. С. 4.
7. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4-х т. М.: «Статут», 2019. С. 448.
8. Кулембаева А.С., Ксембаева А.Н., Сартова Р.Б., Кущенова М.Ш., Нурбаева Г. Основные проблемы коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в Казахстане // “Russian Journal of Management”. Vol. 9, № 2, 2021.
9. Файзуллина Н.Г. Коммерциализация интеллектуальной собственности // «Креативная экономика», № 6 (90), 2014.
10. Шишилов И.Ю. Использование понятий имидж, репутация, бренд специалистами по рекламе и PR // Эл. научный журнал «Наука. Общество. Государство». Т. 5, № 4. 2017.

COMMERCIALIZATION OF BRANDS: THE IMPACT OF THE INTELLECTUAL PROPERTY INSTITUTE

M. Sardaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Within the framework of this work, we have studied the importance of the brand, the economic role of intellectual property objects in the modern world, and the importance of forming a stable legal mechanism regulating the institution of intellectual property for the development of entrepreneurial activity based on the commercialization of the brand, including the practical side of applying appropriate legal and economic instruments in the process of commercialization of intellectual property objects.

Keywords: commercialization, brand, image, intellectual property.

ЗНАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

A.A. Сукиасян

Российско-Армянский (Славянский) университет
anaitsukiasyan88@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Знание является важнейшим юридическим фактом, который в первую очередь влияет на определение субъективной добросовестности. Однако необходимо отделять юридически значимое знание от иных. Извинительное незнание, распознаваемое заблуждение, обязательное информирование – три персонажа басни Крылова, выступающие в зале Фемиды, порожденные асимметрией информации. Противостоящая им сила – стабильность оборота. Только правоприменитель может, взвешивая, понять, какого персонажа необходимо защищать в зависимости от наличия/отсутствия информации о последнем.

Ключевые слова: знание, извинительное незнание, субъективная добросовестность, градация долженствования знания, асимметрия информации.

Добросовестность, будучи одним из вершащих принципов цивилистики, является одним из основополагающих принципов, закрепленных в Гражданском кодексе РФ, и отличается своей спецификой и особенностью в зависимости от сферы применения. В связи с этим данный принцип вызывает живой интерес как с точки зрения доктрины гражданского права, так и со стороны практики.

Добросовестность является одним из ключевых принципов правового регулирования, который обеспечивает справедливость и защиту прав и интересов участников правоотношений.

Однако, несмотря на свою важность, понятие добросовестности остается сложным и многогранным, что вызывает трудности в его применении на практике. В связи с этим возникает необходимость более глубокого изучения этого понятия, его содержания и значения в правовой системе.

Данный принцип раскрывается в работах таких ученых, как Д.В. Дождев, А.В. Егоров, И.Б. Новицкий, И.А. Покровский, Е.А. Суханов, А.М. Ширвиндт и др. Такой живой интерес к добросовестности обусловлен вышеупомянутой спецификой данного принципа, а также масштабными изменениями в гражданском законодательстве 2013 года.

В силу вышеизложенного тема работы является актуальной как с точки зрения теоретического изучения, так и с точки зрения освоения практических навыков в сфере различных правоотношений.

«В этой жизни главное знать, откуда взять информацию и куда положить!» Будучи тринадцатилетним подростком, сложно было определить

ценность слов, высказанных мимолетно на уроке ОБЖ преподавателем. Тем не менее, мозг охотно сохранил ему отдельное место в долгосрочной памяти и не раз анализировал без глубинного понимания и желания автора.

Простота и прозрачность, одновременно глубина и неоднозначность пронизывают цитату. Схожее описание применимо к императивному названию параграфа, которое сначала притянуло, впоследствии оттолкнуло, устрашив «каучукостью», возложив ответственность на «применителя» путем самостоятельного восполнения пробела, прибегая к юрисдикции чувств [12]. Указанные неудобства сразу же озарили путь, приведя к болевой точке вопроса.

Знание – результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, суждений, умозаключений, теорий [21]. Какое место может занять в праве результат процесса познания действительности? Законодатель напрямую дает подсказку в виде фразы в некоторых нормах: «не знал и не должен был знать». При анализе двух частей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2–5] автор выявил 50 статей, содержащих идентичную формулировку, так называемую в доктрине *субъективную добросовестность*.

Если законодатель ставит условием правоотношение в зависимости от «знания», можно ли трактовать его как *юридический факт*? Знание знанию рознь: обязан ли контрагент предоставлять всю информацию про объект сделки – грань между должностной осмотрительностью реципиента и умалчивающим оферента? Эти и другие проблемы будут в последующем хронологически раскрыты.

Язык фактов

При рассмотрении значимости «знания» через оптику правового бытия в виде отдельного элемента выявляется маловажность сего. При рассмотрении его через оптику договорных обязательств – ответ неоднозначен, необходим *ad hoc* анализ.

1. X «знает» по внутренним источникам, что скоро цена на телефон повысится и для экономической выгоды приобретает его у субъекта Z.

Мотив (внутренний, нераспознаваемый) – составляющий элемент субъективной стороны правонарушения, гражданское право к нему безразлично. В то же время следует различать мотив и цель, мотив отвечает на вопрос: что побудило? Цель отвечает на вопрос: для чего? При каузальных и абстрактных сделках цель играет важную роль для признания их действительными.

2. Десятилетний ребенок спрашивает у продавца, красив ли цвет у крема, который она хочет купить для маминого торта, указывая на крем для рук. Продавец пробивает товар, отмечая красоту цвета, не сообщив о том, что данный крем не предназначен для торта.

Казус будет разрешен согласно ст. 178 ГК РФ. Знание продавца делает его недобросовестным, при оспаривании истец должен ссылаться на состояние заблуждения и критерий распознаваемости. В данном случае законода-

тель за активное поведение контрагента, возлагая информационную обязанность на продавца.

3. X купил вещь у Y, но впоследствии Z пришел к X с виндикационным требованием, сообщая, что вещь выбыла у него.

Казус будет разрешен либо в соответствии с п. 1 ст. 302, либо в соответствии со ст. 303 ГК РФ. Точкой бифуркации является факт (не)добропроведности приобретателя, сопровождающий словами «не знал и не должен был знать». В данном случае законодатель ставит в идеале снова активное поведение, однако уже, возлагая бремя на покупателя с требованием проявления должной степени осмотрительности и разумности.

Рассмотрев три модели правоотношений, можно прийти к следующим умозаключениям:

1. В зависимости от содержания (является ли оно существенным для оборота) «знания» расценивается его значимость для договорных обязательств;

2. При систематическом толковании 2 и 3 казусов можно заметить противостояние двух добросовестных контрагентов: с одной стороны, критерий распознаваемости заблуждения, с другой стороны, должная степень осмотрительности и разумности. Помимо противостояния добросовестных контрагентов, немаловажный игрок – стабильность оборота, подвергающийся сотрясениям из-за двух вышеупомянутых. Выражаясь на языке логики: не все договоры являются сделками, но каждый договор есть соглашение, не все «знания» являются юридическим фактом, однако любое знание есть факт!

Bona fides как юридически значимый факт

Alma-mater романо-германского права – римское частное право [13] – откуда был заимствован сначала немецким, далее и российским правопорядком принцип доброй совести (Bona fides), иначе добросовестности. Немецкие пандектисты [14] разделили добросовестность на два вида: субъективную (guter Glaube) и объективную (Treu und Glauben). Несмотря на недостаточное богатство понятийного аппарата наш правопорядок перенял данное разделение, назвав оба вида «добропроведностью», не обозначив в кодексе другие вариации. Это создало путаницу и привело к проблеме незнания многих юристов о конструкции субъективной добросовестности и различия ее от объективной.

Исследуем дефиниции добросовестности И.Б. Новицкого, одного из «флагманов» в исследовании темы добросовестности: «В одних случаях добрая совесть выступает в объективном значении, как известное внешнее мерилло, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом; здесь перед нами как бы открывается новый источник, выступает параллельная или подсобная норма, призывающая к действию законом. В других случаях принимается во внимание добрая совесть в субъективном смысле, как определенное сознание того или иного лица, как

неведение некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия» [11]. Так, объективная добросовестность – некий эталон поведения; субъективную добросовестность часто отождествляют с извинительным незнанием: если несведущая сторона докажет суду, что не действовала против правил добросовестности, находясь в состоянии «не знал и не должен был знать», она признается действовавшей добросовестно [8]. Однако, как верно подметил А.В. Егоров, только «не знал» (фактическое незнание) в полной мере можно причислить к добросовестности субъективной, формулировка «должен был знать» (квази-знание) вменяет эталон поведения, т.е. в большей степени отражает объективную [9].

В ГК РФ есть формулы добросовестности, некие указатели, фактическое незнание завуалировано следующим образом: «не знал», «не стало известно», «не был уведомлен», «заведомо не зная», «не были заранее известны»; квази-знание – «не должен был знать», «заведомо не должен был знать», «не должно было стать известно», «не мог знать».

Много было споров с давних времен про необходимость имплементации принципа на законодательном уровне. Ярым противником выступал И.А. Покровский, которому не нравилась «необъятность» принципа, его неопределенность, он был против «каучуковых параграфов» и «топких мест закона». Причина такого отношения проистекала от недоверия к судебной системе, так как судьи не могли разобраться без «кассационных костылей в самых простых ситуациях судебной практики» [12]. Как верно отмечает Д.В. Дождев, «мы пока не знаем, что такое добросовестность, и принимаем ее интуитивно» [19]. В 2015г. Верховный суд издал постановлениеplenuma № 25 и в п. 5 попытался дать определение, ограничив необъятность принципа: «судам, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующей ей, в том числе в получении необходимой информации» [17]. Необходимо подчеркнуть, что многие ошибочно заблуждаются, презюмируя недобросовестность к незаконности, при грамматическом толковании п. 4 ст.1 ГК РФ выясняется, что союз «или» разделяет два взаимоисключающих понятия «незаконность» и «недобросовестность».

Если в общей части ГК РФ принципу добросовестности было выделено еще в 2013г. отдельное место, а именно, в ст. 10, то, например, в ГК РА до сих пор нет официально закрепленного общего-правового принципа доброй совести. Это не упущение законодателя, а намеренная лакуна. Добросовестность присутствует лишь в отдельных статьях Гражданского кодекса РА (далее – ГК РА), например, в институте приобретательной давности (ст. 187 ГК РА), в защите добросовестного приобретателя (ст. 275 ГК РА). Аргументация противников в основном сводится к тезисам И.А. Покровского. Помимо этого, некоторые ученые-цивилисты вовсе считают, что добросовестность – это не принцип, а предполагаемое поведение субъектов права [16]. Соответственно, противникам закрепления принципа, по мнению автора, необходимо

мо учитывать общемировую практику, международные договоры, рассмотреть российский опыт внедрения, который отражен в Концепции [6] и самое главное – учитывать нужду практиков в этой норме. Очевидно, что право будучи искусством добра и справедливости, предполагает принцип доброй совести, но суды подчиняются закону, есть позитивисты, они не будут смотреть на «дух» закона, им нужна «буква». В той же Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, участником которой также является Армения, в общих положения в ст. 7 закреплено: «При толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единства в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле» [1].

Если говорить о нужде практиков, то проблема возникает, когда нет в норме прямого указания о добросовестности, нет общего принципа добросовестности в общей части, чтобы на него ссылаться, а суды неохотно применяют аналогию закона, если даже есть такая возможность. Например, в ГК РА отсутствует норма о защите добросовестного залогодержателя, в отличие от ГК РФ, и учения З.А. Азизян поднимает данный вопрос: в судебной практике нет единства в защите добросовестного залогодержателя, в силу отсутствия закрепленной нормы, суды также не могут ссылаться на общую часть ГК, и не все воспринимают аналогию “*a fortiori*” с институтом защиты добросовестного приобретателя [15]. Закрепление принципа в общей части позволило бы разрешать вопросы такого рода, до того, как законодатель бы закрепил специальное правило по защите добросовестного залогодержателя.

Автор определил извинительное незнание (добросовестность) как юридический факт, состояние, которое приводит к правовым последствиям будучи элементом фактического состава.

De lege ferenda: классификация и стандартизирование института

Лицо, вступая в договорные отношения, рискует каждый раз попасть в «капкан» черных схем, неся убытки, ведая заведомо 1/10 ситуации. Закон ему гласит: твое поведение было законным, ты считаешься добросовестным только в той части, что не был замешан и не знал про беззаконие, однако этого недостаточно для полного признания и защиты, тебе необходимо было подходить к вопросу с той степенью осмотрительности и разумности, которая необходима в данных правоотношениях. Выявляется некий эталон, стандарт, при котором лицо может получить защиту. Трудности возникают с определением этого стандарта.

«Однако справедливо ли и практично ли требовать от каждого заурядного человека проведения принципов, до которых доросли лишь отдельные выдающиеся индивиды? Не останутся ли такие требования в отношении большинства без осуществления?» [11]. Для решения проблемы с осуществлением требований автором была поддержана идея А.В. Егорова, который предложил разделить субъективную добросовестность на грубую и легкую небрежность [20]. Расслаивая покровы обязательственного права, сталкивается со слоем формального равенства, например, законодатель защищает в

большей степени физическое лицо в правоотношениях с коммерсантами, учитывая подкованность каждого участника оборота, защищая слабую сторону, ради аequi. Проводя аналогию права, необходимо понимать, что некоторые нормы требуют субъективную добросовестность по высшей планке в виде легкой небрежности (например, ст. 302 ГК РФ), некоторым достаточна низшая планка в виде грубой неосторожности (например, ст. 174 ГК РФ).

Обратимся ко 2 казусу первой главы работы, где на весах был критерий распознаваемости заблуждения с обязательством информирования стороны, на другой чаше – требованиеной степени осмотрительности стороны. Дабы частично рассеять неоднозначность, А.Д. Кузьмина [10], проанализировав отечественную и зарубежную судебные практики, вывела несколько факторов, которые необходимо учитывать при кристаллизации стандарта добросовестного раскрытия:

- фактор 1. Вложенные инвестиции;
- фактор 2. Производительная и перераспределительная информация;
- фактор 3. Статус сторон;
- фактор 4. Характер отношений сторон;
- фактор 5. Необходимость поощрения экономически эффективных видов бизнеса;
- фактор 6. Общедоступность информации.

De lege lata устами Фемиды

Извинительное незнание, распознаваемое заблуждение, обязательное информирование – три персонажа басни Крылова, выступающие в зале Фемиды, порожденные асимметрией информации. Противостоящая им сила – стабильность оборота. Рассмотрим прецедентное дело из отечественной судебной практики для понимания, в каких ситуациях суд встает на защиту одной из сторон.

Постановление Девятого ААС от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17 [18].

Требования: ПАО «Транснефть» обратился в АСГМ с исковым заявлением к ПАО «Сбербанк РФ» о признании сделки валютный опцион с барьерным условием от 27.12.2013 недействительным и применении последствий в виде двусторонней реституции.

Мотивированная часть АСГМ:

1. Также арбитражный апелляционный суд не может признать обоснованными выводы суда первой инстанции о том, что истец не является *профессиональным участником* финансового рынка в области производных финансовых инструментов (...). В структуре истца существуют специализированные подразделения, которые занимаются оценкой и управлением рисками, в том числе валютными (...). Следовательно, *истец мог адекватно оценивать свои риски от заключения оспариваемых сделок еще до их заключения*.

2. Суд первой инстанции при вынесении решения исходил из того, что ответчик при заключении и исполнении оспариваемой сделки действовал

недобросовестно и допустил злоупотребление правом (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), не раскрыв должным образом истцу информацию о возможных рисках. Суд посчитал доказанным, что *ответчик, игнорируя интересы истца, как своего клиента, и пользуясь его меньшей осведомленностью*, а также непониманием им механизмов исполнения по сделке, предложил истцу заведомо не подходящий финансовый инструмент, сформулированный против его интересов (...). При рассмотрении иска ПАО «Транснефть», основанного на том, что общество действовало под влиянием заблуждения, *подлежала применению именно специальная норма – статья 178, а не общая – статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Таким образом, апелляционный суд встал на сторону стабильности оборота, посчитав неизвинительным незнание истца, а также необязательным информирование со стороны ответчика.

Выводы

Гражданское право зиждется на трех китах, перечисленных в п. 2 ст. 6 про аналогию права: добросовестность, разумность и справедливость. Bona fides будучи одним из главнейших принципов-презумпций договорных обязательств состоит *minitum minimorum 50%* от знания, что свидетельствует о его колossalной значимости.

«Добрая совесть (bona fides, Treu und Glauben, etc.), по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении» [11].

Наряду с этим, концепция субъективной добросовестности, в отличие от объективной, недостаточно исследована в доктрине гражданского права, за исключением виндикационных требований, что порождает его неверное применение, как участниками гражданского оборота, так и правоприменителем.

Автор поддержал целесообразные предложения *de lege ferenda*, которые в дальнейшем улучшат применение принципа, надеясь на отклик в первую очередь со стороны ученых правоведов, далее правоприменителя и законодателя!

ЛИТЕРАТУРА

Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994, № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2024, № 12, ст. 1572.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, № 5, ст. 410. 29.01.1996.
4. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 12.05.2014, № 19, ст. 2304.
5. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. № 53, (ч. 1), ст. 7627. 31.12.2012.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 года № ЗР-239 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.11.2024 г.) // СПС «ARLIS».

Научная и учебная литература

8. Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности// «Вестник Пермского университета. Юридические науки», вып. 45, 2019. СС. 490–518.
9. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // “Legal Insight”, № 2, 2013. СС. 4–10.
10. Кузьмина А.Д. Недобросовестное умолчание и стандарты раскрытия информации на стадии ведения переговоров // «Вестник экономического правосудия Российской Федерации», № 1, 2023. СС. 100–130.
11. Новицкий И.Б. Принцип добной совести в проекте обязательственного права // «Вестник гражданского права», т. 6, № 1, 2006. СС. 124–281.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: «Статут» (сер. «Классика российской цивилистики»), 1998. 353с.
13. Стоянов А.Н. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глюссаторов до конца XVIII столетия / А.Н. Стоянов. Х.: Тип. Чеховского и Зарина, 1862. 275с.
14. Oertmann D. Recht der Schuldverhaltnisse. 1899. S. 13; Endemann. Einfuhrung. I. § 100. Pr. 9; Thur. Der allgem. Teil des deutsch. burg. R. II. 1-e Abth., 1914. S. 134. Ann. 63.
15. Ազիզյան Զ.Ա. Բարեխիղճ գրավառուի իրավունքների պաշտպանության հիմնախնդիրները հայաստանի հանրապետությունում // Օրենքի պատվար, էջ 7 –23.
16. Բարսեղյան Տ.Կ. Բարեխաղճության դերը քաղաքացիական իրավահարաբերությունների կարգավորման գործում // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի պրոֆեսորադասախոսական կազմի գիտաժողովի նյութերի ժողովածուն վիրված ՀՀ անկախության 20-ամյակին: Եր., ԵՊՀ, 2012, էջ 31–44.

Материалы судебной практики

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первого Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «Консультант-Плюс».
18. Постановление Девятого ААС от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17 // СПС «Консультант-Плюс»

Интернет-источники

19. *Дождев Д.В.* Как понятие добросовестности используется в судебной практике // Postnauka. [Эл. ресурс] URL: <https://postnauka.org/video/10778> (дата обращения 01.04.2025).
20. *Егоров А.В.* Небрежность и неосторожность. Необходимы ли эти категории в вопросах субъективной добросовестности? // Lextorium. [Эл. ресурс] URL: <https://youtu.be/dyU6FRXB5mw> (дата обращения: 01.4.2025).
21. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ URL: gramota.ru (дата обращения: 01.04.2025).

**KNOWLEDGE AND ITS SIGNIFICANCE IN OBLIGATORY
LEGAL RELATIONS**

A. Sukiasian
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Knowledge is a paramount legal fact that primarily influences the determination of subjective good faith. However, it is essential to distinguish legally relevant knowledge from other forms. Excusable ignorance, recognizable mistake, and mandatory disclosure – these are the three characters from Krylov's fable performing in the hall of Themis, born of information asymmetry. The force opposing them is transactional stability. Only the adjudicator, through careful balancing, can determine which of these characters deserves protection based on the presence or absence of information available to them.

Keywords: knowledge, excusable lack of knowledge, subjective bona fides, hierarchy of knowledge obligations, informational asymmetry.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

А.М. Чколян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Chkolian@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются отличительные черты и особенности правового статуса коммерческих организаций при участии иностранных инвестиций в Армении. На основе данной проблематики будут проанализированы основные источники, направленные на урегулирование и кодификацию главных аспектов вопроса. С этой целью будет проделана работа по изучению такой правовой формы юридического лица, как коммерческая организация при участии иностранных вложений. При анализе будут выявлены возможные факторы, которые могут затруднить функционирование такого рода коммерческих организаций, и ограничения, установленные национальным законодательством, а также преимущества и возможные привилегии, исходящие из особенностей такого статуса.

Ключевые слова: коммерческие организации, иностранные инвестиции, регулирование инвестиций, юридическое лицо.

Введение

Вопрос о привлечении иностранных инвестиций является одним из важнейших направлений государственной политики Республики Армения. Так, например, по программе Правительства РА 2021–2026гг., государство поставило перед собой цель по модернизации экономических механизмов и законодательных инструментов, облегчению и увеличению притока иностранных инвестиций [1]. За последние годы инвестиции стали огромным импульсом для развития экономического и социального благосостояния. Этому, стоит отметить, поспособствовало активное правовое регулирование исполнительной власти и не только, которое продолжает устанавливать более благоприятную среду для привлечения большего количества иностранных инвесторов. С учетом исследуемой литературы, в связи с постоянно развивающимся законодательством было выявлено, что не проведено достаточного количества исследований, не получено обобщающей информации о регулировании, которая в себе содержала бы особенности правового статуса коммерческих организаций с иностранными инвестициями. Это может являться одной из причин, по которой иностранные инвесторы не смогут быть более осторожны при рассмотрении Армении как варианта для своих вложений, так как они не смогут учесть наиболее вероятные риски, трудности, с которыми им предстоит столкнуться, в силу недостаточной осведомленности о необходимости

мых правовых нюансах. Впоследствии это может выразиться большим оттоком инвесторов.

Для того чтобы выявить и сформулировать особенности правового статуса коммерческих организаций с иностранными инвестициями, следует понять, что из себя представляет такого рода организация согласно законодательству Армении. Поэтому обратимся к Закону РА «Об иностранных инвестициях»: «Предприятие с иностранными инвестициями – предприятие любого организационно-правового вида, созданное в соответствии с законодательством Республики Армения, учредителем или участником которого является иностранный инвестор» [2].

Законодательством РА, а именно ст. 51 Гражданского кодекса РА, установлено, что коммерческими организациями могут выступать хозяйствственные товарищества и общества, а также те кооперативы, которые имеют своей целью извлечение прибыли из своей деятельности [3]. Хозяйственными товариществами могут выступать полное товарищество и товарищество на vere, а обществами – общества с ограниченной ответственностью, общество с дополнительной ответственностью, акционерное общество (открытое и закрытое). Согласно юристу Эвелине Хостикиян, чаще всего иностранные инвесторы предпочитают открывать общество с ограниченной ответственностью (ООО), т.к. считается, что это наиболее удобная и легкая, с точки зрения учреждения, организационно-правовая форма [4]. Одними из ярких примеров коммерческих организаций при участии иностранных инвестиций являются – «Masdar Armenia», которая осуществляет инвестиции в строительство солнечных электростанций, а также «Synopsys Armenia», поспособствовавшая развитию ИТ-сфера и инновационных технологий в стране.

Несмотря на то, что выше указан основной нормативно-правовой акт, регулирующий вопрос о коммерческих организациях с иностранными инвестициями, нормативно-правовая база по данному вопросу намного шире. Сюда также входит международно-правовая база. В их числе множество многосторонних международных договоров с положениями об инвестициях, а также 42 двусторонних инвестиционных соглашения [5]. Примером таких договоров являются: договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), двусторонний договор с США, Сингапуром, Российской Федерацией и д. р. Двусторонние договоры обеспечивают для инвесторов дополнительные гарантии и льготы. Касаемо имплементации, посредством ратификации Национальным Собранием РА или утверждением Президентом Республики после завершения необходимых внутригосударственных процедур Армения признает свои обязательства по международным договорам, в которых является участником [6]. Например, Закон РА «Об иностранных инвестициях», установил, что в случае противоречий между международными договорами и законом, следует применять положения международных договоров. Помимо этого, Закон РА «Об иностранных инвестициях» нас отсылает к иным нормативным актам по отдельным вопросам, но не конкретизирует свою ссылку. Например, ст. 14 Закона об инвестициях: «Предприятия с иностранными инвестициями могут осуществлять любого вида экономическую деятель-

ность, соответствующую целям, предусмотренным уставом предприятия с иностранными инвестициями, и не запрещенную законодательством Республики Армения». Предполагается, что это является квалифицированным молчанием законодателя, в связи с недоработанным и неразработанным законодательством на момент принятия закона. А также это сделано с целью предусмотреть заключенные в будущем новые международные договоры или нормативно-правовые акты, принятые уполномоченными органами РА, которые бы заполнили все имеющиеся пробелы в регулировании иностранных инвестиций. Таким образом, для формирования полного представления о нормативном регулировании различных аспектов своей деятельности, инвесторам также следует обращаться к Таможенному, Налоговому кодексам РА, Законам РА «О свободной экономической зоне», «О регистрации юридических лиц», «О лицензировании» и так далее, в зависимости от интересующих положений [7–11].

В целом источников, регулирующих инвестиции в Армении много, и в зависимости от сферы деятельности организации гарантии, льготы и проблемные аспекты могут варьироваться, особенно это касается налоговых льгот. Но, проанализировав нормативную базу, приведём основные особенности коммерческих организаций с иностранными инвестициями, которые распространяются на всех по общему правилу.

Начать хотелось бы с государственной регистрации коммерческих организаций с иностранными инвестициями. Согласно Закону РА «О регистрации юридических лиц» ст. 21 установлено, что помимо стандартного набора документов, необходимость которых распространяется для всех лиц, регистрирующихся в качестве юридического лица, необходимо также предоставить выписку из коммерческого регистра страны инвестора или иной равноценный документ, подтверждающий правовой статус иностранного инвестора, и его удостоверенные и переведенные на армянский язык учредительные документы (или соответствующие выписки). Для того, чтобы государственные органы приняли предоставленные ему документы от иностранного инвестора, необходимо пройти международную легализацию. Она бывает двух видов: консульская легализация и апостилирование. Если страна иностранного инвестора является участником Гаагской Конвенции 1961 года, то такая сложная процедура легализации не требуется, на иностранных документах ее заменяет апостиль [12]. В свою очередь, апостиль является более удобным и быстрым способом легализации документов. Для получения апостиля на свои документы следует обратиться в Министерство юстиции РА или в консульское управление МИД. Для ряда стран, таких как Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, а также Болгария и Литва, имеются более мягкие требования. Для этих стран достаточно перевести необходимые документы и заверить их у нотариуса.

Проблемы защиты и ограничения. В своем отчете Государственный департамент США за 2024г., проанализировав полученные ими данные об инвестиционном климате в Армении, выявил, что инвесторы сталкивались с

необеспечением верховенства права, а также неравным обращением по отношению к иностранным инвесторам, снижением доступа к эффективным средствам правовой защиты, и особенно были обеспокоены неспособностью обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности [13]. Одним из таких примеров в судебной практике РА стало дело ООО «Аарат» совместно с «Мартон Форест Групп Лимитед» против Агентства интеллектуальной собственности Министерства экономика РА в 2011г. [14]. Согласно отчету Государственного департамента США, имеются ограничения на иностранные владения в сфере СМИ, авиации и сельскохозяйственных земель, так как требуется местная регистрация. Также имеются ограничения для инвестиций в стратегически важные объекты, для которых требуется разрешение от регулирующих по данным вопросам органам (министерствам), в зависимости от сферы деятельности, что, собственно, делается в целях защиты государственных интересов. Обобщив проблемы, обратим внимание на их причины. Так, можно отметить, что закон устарел и не соответствует нынешним реалиям, а также принятым международным соглашениям. Также следует обратить на такую проблему как неэффективная судебная система, имеются в виду затяжные судебные процессы в результате возникших споров, которые могут длиться годами. Данная проблема стоит перед Арменией уже давно, однако положительных изменений не наблюдается. Можно учитывать такую проблему как структурная неэффективность, т.е. нынешняя структура органов, которые регулируют коммерческие организации с иностранными инвестициями, имеется на различных этапах их реализации и существования, выполняет свою работу не в полной мере эффективно. Здесь, можно рассматривать создание нового органа, который будет обеспечивать регистрацию, прозрачность и защиту инвестиционных потоков в стране или как некоторые предлагают делегировать некоторые полномочия за контролем инвестиции комиссии по защите экономической конкуренции.

Тем не менее, Республика Армения имеет большой ряд гарантий и прав для установления благоприятного инвестиционного климата в стране. Так, Закон РА «Об иностранных инвестициях» устанавливает следующие гарантии:

- гарантии на случай изменения законодательства РА, т.е. в случае изменения законодательства, инвестор имеет возможность по своему усмотрению в течение 5 лет применять те нормы, которые действовали на момент инвестиций;
- гарантия от национализации и конфискации, т.е. лишение права собственности только по решению суда с полной компенсацией;
- право на возмещение ущерба, нанесенного со стороны должностных лиц;
- право свободного вывоза средств и прибыли.

Основные льготы, которые распространяются на все коммерческие организации с иностранными инвестициями, установлены Законом РА «Об иностранных инвестициях». Согласно статьям 15 и 16, от таможенных пошлин освобождаются:

- ввозимые товары, предусмотренные Правительством РА перечнем для пополнения уставного фонда, в течение трех лет после пользования льготой при отчуждении товаров; взыскание суммы таможенной пошлины, включая пени, начисленные за задержку ее уплаты, осуществляется в общем порядке, установленном Таможенным кодексом;
- имущество, ввозимое в Республику Армения на основании международных договоров в качестве иностранной инвестиции, освобождается от таможенных пошлин в сроки, установленные соответствующими договорами;
- имущество, ввозимое иностранными работниками предприятий, предусмотренное для личных нужд, освобождается от таможенных пошлин;
- право без лицензии вывозить продукцию (работы, услуги) собственного производства и ввозить продукцию (работы, услуги) для собственных нужд, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и международными договорами Республики Армения;
- прибыль (доход) предприятия, полученная от вывоза собственной продукции (работ, услуг), в том числе валюта, после уплаты налогов, установленных законодательством Республики Армения, остается в их распоряжении.

Стоит отметить, что данные льготы распространяются лишь на те коммерческие организации с иностранными инвестициями, в которых при учреждении иностранные инвестиции составляли как минимум 30%. И по данному факту возникает вопрос о том, что же будет со статусом организации в случае, если в такой организации после учреждения и в процессе существования процент иностранных инвестиций будет меньше 30%. К сожалению, данный вопрос остается открытым и пока законодательно не имеет какого-то регулирования и ответа в целом.

В данный момент имеется законопроект об инвестициях, который имеет своей целью заменить ныне работающий закон РА «Об инвестициях» [15]. Однако, многие уже выражают свое недовольство по данному законопроекту, т.к. он не обеспечивает в должной мере прозрачность и стабильность крупных инвестиционных проектов, что в целом означает, что существует проблема с обеспечением гарантий в стране, а также отсутствие ранее изложенных в законе гарантий. Также можно выделить отсутствие правовой ясности ныне предложенных положений, т.е. до сих пор остается нерешенным вопрос конкретизации норм и правовых механизмов защиты, что также лишь будет отталкивать иностранных инвесторов от Армении. В целом, делая выводы о данном законопроекте, можно сказать, что он вызывает некоторые опасения в совокупности со всеми проблемами, которые есть в стране с инвестициями, поэтому многие придерживаются мнения о том, что пока следует придерживаться старого закона, который сейчас действует, пока не будут предприняты новые попытки улучшить положение в законодательстве.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что над законодательными положениями РА стоит еще поработать для урегулирования всех тех про-

блем, которые уже устоялись за долгое время. Тем не менее, на данный момент обширная нормативно- правовая база обеспечивает достаточно привлекательные условия для коммерческих организаций с иностранными инвестициями несмотря на некоторые недостатки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Правительства РА 2021–2026 (с. 17) [Эл. ресурс] // URL: <https://www.gov.am/ru/gov-program/>
2. Закон РА от 31.07.1994 НО–115 (С изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2007 НО-149-Н) «Об инвестициях» [Эл. ресурс] // URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173422>
3. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 НО–239 (ред. 11.04.2024) [Эл. ресурс] // URL: Arlis.am <https://www.arlis.am/hy/acts/6266>
4. Хостикин Э. GILS Корпоративное право: Армения // GRATA International [Эл. ресурс] // URL: GILS Корпоративное право: Армения (gratanet.com)
5. Министерство экономики Республики Армения [Эл. ресурс] // URL: Министерство экономики Республики Армения | Home (mineconomy.am)
6. Закон РА от 23.03.2018 Но-213-Н «О международных договорах» [Эл. ресурс] // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=129479>
7. ՀՀ Ընդէթքի մասին օրենսդիրը (28.11.2011) ՀՕ-280-Ն [Эл. ресурс] // URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/178678>
8. ՀՀ Հարկային օրենսդիրը (04.10.2016) ՀՕ-165-Ն [Эл. ресурс] // URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/206341>
9. Закон РА от 18.06.2011 ЗР–193 «О свободной экономической зоне» [Эл. ресурс] // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4250&lang=rus>
10. Закон РА от 03.04.2001 ЗР–169 «О государственной регистрации юридических лиц» [Эл. ресурс] // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=67469>
11. Закон РА от 30.01.2001 ЗР–193 «О лицензировании» [Эл. ресурс] // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1719&lang=rus>
12. Апостиль. Министерство юстиции Республики Армения [Эл. ресурс] // URL: АПОСТИЛЬ – Функции (moj.am)
13. 2024 Investment Climate Statements: Armenia [Эл. ресурс] // URL: Armenia – United States Department of State
14. Դատական գործ №: ՎԴ/0477/05/11 [Эл. ресурс] // URL: https://datalex.am/?app=App-CaseSearch&case_id=38562071809507034
15. «Աերդրումների մասին» օրենքի նախագիծ. Իրավական ակտերի հրապարակման միասնական կայր [Эл. ресурс] // URL: <https://www.e-draft.am/projects/8650/digest>

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS WITH FOREIGN INVESTMENTS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

A. Chkolyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the distinctive features and features of the legal status of commercial organizations with the participation of foreign investments in Armenia. Based on this issue, the main sources aimed at resolving and codifying the main aspects of the issue will be analyzed. To this end, work will be done to study such a legal form of a legal entity as a commercial organization with the participation of foreign investments. The analysis will identify possible factors that may complicate the functioning of such commercial organizations and restrictions established by national legislation, as well as advantages and possible privileges based on the characteristics of such a status.

Keywords: commercial organizations, foreign investments, investment regulation, legal entity.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

С.А. Агаронян

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт Права

Lanaharonayn12@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу международно-правовых стандартов предупреждения домашнего насилия как одной из форм нарушения прав человека. На основе судебной практики ЕСПЧ выявляются системные пробелы в национальных законодательствах и правоприменении, включая бездействие властей, игнорирование оценок риска и гендерную дискриминацию. В статье формируется ряд обязательных стандартов, такие как признание домашнего насилия как нарушения прав человека, публичное обвинение и т.д. Делается вывод о необходимости подготовки специалистов, способных применять сформулированные стандарты на практике. Статья имеет как теоретическую, так и практическую значимость в контексте совершенствования правового механизма предупреждения домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, международные правовые стандарты, нарушение прав человека, гендерная дискриминация.

Проблема домашнего насилия, *prima facie*, воспринимаемая как семейно-бытовое дело, на самом деле выходит далеко за рамки конкретных случаев в отдельных государствах и пересекается с такими основными правами человека как право на жизнь; запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство отношения или наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; запрещение дискриминации.

Согласно Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (также известной как Стамбульская конвенция) под домашним насилием необходимо понимать акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва [1]. В соответствии с данным определением жертвами домашнего насилия могут быть как женщины, так же мужчины и дети, однако основную часть жертв составляют именно женщины.

Как сообщается в докладе ООН Женщины (UN Women) «Femicides in 2023. Global estimates of intimate partner/family member femicides» каждый день от рук своего партнера или близкого родственника в мире погибают 140 женщин и девочек – в среднем одна женщина умирает каждые 10 минут в результате домашнего насилия. Так, число убийств женщин и девочек их партнерами или членами семьи в 2023г. достигло 51100, что составляет 60% от общего числа преднамеренных убийств женщин того года.

При оценке указанной статистики необходимо учитывать, что в большинстве случаев о домашнем насилии в компетентные органы не сообщается, что обусловлено рядом культурных, социальных, экономических и правовых факторов, таких как традиции, менталитет, финансовая или психологическая зависимость, недоверие к правоохранительным органам и отсутствие уверенности в защите, отсутствие осведомленности о правовых средствах защиты.

В этой связи, с научной и практической точек зрения, представляется актуальным исследование международных правовых стандартов предупреждения домашнего насилия, поскольку это отвечает необходимости системного осмыслиения действующих правовых механизмов и выработки эффективных подходов к борьбе с домашним насилием.

Для проведения исследования были изучены международные правовые документы, закрепляющие международные правовые стандарты предупреждения домашнего насилия, а именно: Стамбульская конвенция и пояснительный доклад к нему, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и рекомендации к ней, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Методические рекомендации Совета ЕС по вопросам насилия в отношении женщин и девочек, справочник Совета Европы «Предупреждение и борьба с домашним насилием в отношении женщин. Учебный материал для подготовки сотрудников правоохранительных и судебных органов», Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Углубленное исследование ООН всех форм насилия в отношении женщин.

Для подготовки статьи был проведен нормативно-правовой анализ вышеуказанных международных документов, а также анализ прецедентных решений ЕСПЧ по делам о домашнем насилии. Особое внимание было уделено выявлению типичных пробелов и недостатков в законодательствах и правоприменительных практиках разных государств в случаях домашнего насилия. На основе выявленных пробелов и недостатков были сформулированы ключевые международные правовые стандарты предупреждения домашнего насилия, которые можно представить следующим образом.

Фундаментом в борьбе против домашнего насилия выступает **признание домашнего насилия как нарушения прав человека** [2]. Наличие вышеупомянутых правовых документов прямо указывает на то, что домашнее насилие не просто индивидуальные случаи, с которой сталкиваются отдельные семьи, а именно общесоциальная проблема, которая, с одной стороны, как было упомянуто ранее, посягает на основные права и свободы человека, за-

крепленные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, такие как право на жизнь, запрет от пыток и дискриминации; с другой стороны, последствия домашнего насилия затрагивают все общество в целом, а именно:

- влияют на физическое, психическое и репродуктивное здоровье жертвы, что в свою очередь увеличивает нагрузку на систему здравоохранения, службы экстренной помощи, психиатрическое учреждения;
- оказывают негативное воздействие на остальных членов семьи (например, детей, которые могут перенять такую модель поведения (эффект «передачи насилия»));
- приводят к социальным издержкам: семья, как основная ячейка общества, дестабилизируется;
- приводят к экономическим издержкам: медицинские расходы, правоохранительные и судебные расходы, расходы на содержание специализированных служб (кризисные центры, горячие линии, приюты для жертв домашнего насилия).

Учитывая все это, необходимо, чтобы государства на национальном уровне имели соответствующую законодательную базу, которая позволит правоохранительным органам предотвращать акты домашнего насилия, поддерживать их жертв и наказывать лиц, совершающих такое насилие.

Анализ судебных дел ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что большинство государств, действительно, имеют некоторую законодательную базу, направленную на борьбу с домашним насилием, однако, у них имеются свои пробелы. Как было в деле Опуз против Турции, власти не смогли выполнить свою позитивную обязанность по защите права на жизнь жертвы домашнего насилия по причине того, что их национальное законодательство относит дела о домашнем насилии к числу частного обвинения, что означает, что при отзыве жалобы заявителя компетентные органы не смогут продолжать уголовное преследование в отношении лица, совершившего акты домашнего насилия [3]. Принимая во внимание тот факт, что жертвы домашнего насилия часто подвергаются угрозам и давлению со стороны насильника, и на практике, действительно, часто отзывают свои жалобы, тем самым оставляют насильника безнаказанным, такой подход является неуместным. С учетом этого и общесоциального характера проблемы домашнего насилия Стамбульская конвенция и практика ЕСПЧ ориентированы на *публичное обвинение в делах о домашнем насилии* [4]. Это позволяет не только жертве, но более широкому кругу лиц сообщать о домашнем насилии и инициировать уголовное расследование независимо от волеизъявления жертвы домашнего насилия. В этой связи следует также упомянуть *запрет на прекращение уголовного расследования в связи с примирением сторон*.

Еще один пробел касается задержек в делах о домашнем насилии. В деле Тальпис против Италии жертва домашнего насилия неоднократно обращалась в полицию с заявлениями о насилии со стороны мужа, однако полиция не предпринимало превентивные меры: расследование ее жалоб затягивалось, к мужу не применялись меры пресечения рецидивов актов домашнего насилия.

лия. Результатом этих задержек со стороны полиции стало убийство их сына и тяжелое ранение заявительницы. По этому делу ЕСПЧ установил, что власти не сумели быстро отреагировать на жалобу о домашнем насилии, что лишает жалобу всякого значения [5]. Это объясняется тем, что домашнее насилие в большинстве случаев это не единичные акты, а систематическое поведение, носящее эпизодический и протяжной характер. Здесь присутствует реальный фактор риска для жизни и здоровья жертвы, от времени реагирования зависит возможность предотвращения новых эпизодов насилия. Опираясь на это, от правоохранительных органов *требуется незамедлительное реагирование и разумная оперативность в делах о домашнем насилии*.

В рамках данного требования компетентные органы должны провести *оценку риска (risk assessment)*, с целью установления, может ли жертва домашнего насилия снова подвергнуться насилию. При этом риск оценивается с учетом нескольких аспектов.

Компетентные органы должны сами провести **оценку риска**, а не полагаться на оценку риска самой жертвы, которая, находясь в тяжелом психологическом состоянии, не всегда может трезво и всесторонне оценить возможные риски;

Необходимо разграничивать **риск для жизни и риск для здоровья**: они затрагивают разные уровни угроз, первый может выражаться постоянными угрозами убить, наличием оружия, предшествующих попыток убийства; в то время как риск для здоровья выражается в систематических побоях, запугивании, контроле, унижении чести и достоинства. И, следовательно, для предупреждения от компетентных органов требуются разные оперативные меры, например, в случае риска для здоровья может быть достаточно выдать запретительный или ограничительный ордер, оказать социальную поддержку и психологическую помощь, в то время как при риске для жизни такие меры будут недостаточны и более эффективным будет заключение под стражу лица, совершившего домашнее насилие.

Оценка риска проводится не только в отношении непосредственной жертвы домашнего насилия, но и в отношении остальных членов семьи (в частности, детей).

При оценке риска настоятельно рекомендуется использование **международно признанных и стандартизованных методов оценки риска**, которые содержат список контрольных вопросов и направлены на выявление возможного рецидива домашнего насилия. При этом компетентные органы должны принимать во внимание наличие или отсутствие международно признанных факторов риска, в числе которых частота насилия, эскалация угроз и насилия, преследование и контроль жертвы, уязвимость жертвы, расторжение брака, игровая или алкогольная зависимость насильника и целый ряд других факторов, выделенных на основании рекомендаций Совета Европы, ООН, ВОЗ и практики судов [6].

Для оценки риска ЕСПЧ в большинстве дел ссылается на критерии, установленные в деле Осман против Соединенного Королевства, касающегося случайных происшествий, а не домашнего насилия. В соответствии с этими

критериями компетентные органы, чтобы определить какие профилактические меры необходимо принять, должны установить *наличие прямого и непосредственного риска* для жизни одной или нескольких определенных жертв путем проведения независимой, своевременной и полной оценки риска. Прямой и непосредственный риск в контексте домашнего насилия должны толковаться с учетом специфики подобных дел, значительно отличаясь от их классического понимания в других категориях дел. Как справедливо отметил судья Пинто де Альбукерре в своем особом мнении по делу Володина против России в контексте домашнего насилия прямой и непосредственный риск означает, что лицо, совершающее домашнее насилие уже находится в непосредственной близости от жертвы и готов нанести удар, то есть риск возникает немедленно в этот момент [7]. При таком подходе нарушается требование разумной оперативности, что лишает жертву права на защиту жизни и/или здоровья. В связи с этим мы предлагаем пересмотреть понятие непосредственности применительно к делам о домашнем насилии. Учитывая кумулятивный и скрытый характер домашнего насилия, предлагаем под непосредственностью риска понимать наличие устойчивой, систематической угрозы, вытекающей из повторяющегося насилиственного поведения, сопровождающегося физическим, психологическим, сексуальным или экономическим контролем, который может в любой момент эскалировать в опасность для жизни и здоровья.

Логическим продолжением требования незамедлительного реагирования, разумной оперативности и проведения оценки риска служит *стандартенной осмотрительности* (*“due diligence”*), который определяет обязанность государств предотвращать акты домашнего насилия, расследовать их, наказывать за совершение такого насилия, а также предоставлять средства правовой защиты жертвами домашнего насилия [8]. Государство напрямую не ответственно за домашнее насилие, но на него может возлагаться ответственность, если оно не предприняло разумных мер для его предупреждения. Это означает, что данный стандарт реализуется через компетентные органы, такие как полиция, прокуратура, суды и т.д. В этой связи примечательным является дело Курт против Австрии, в котором несмотря на наличие ограничительного ордера в отношении лица, ранее совершившего акты домашнего насилия, он убил своего сына. Суд пришел к выводу, что несмотря на наличие достаточных предупреждающих признаков реальной и непосредственной опасности, власти не проявили должной осмотрительности [9]. Это решение стало прецедентным и начало применяться в делах о домашнем насилии для оценки того, приняли ли власти необходимые и достаточные preventивные меры для предотвращения актов домашнего насилия. При оценке должной осмотрительности суду предстоит дать ответ на два важных вопроса:

- знали ли власти или должны были знать о существовании риска для жизни, требующего незамедлительного принятия профилактических мер;

- если да, имело ли место бездействие, которое привело к последующему фатальному исходу.

Недостаточность усилий на любом из указанных этапов, будет свидетельствовать о нарушении государством своих позитивных обязательств по защите прав жертвы.

Эффективность принятия профилактических мер в соответствии со стандартом должностной осмотрительности в значительной степени зависит от **межведомственного взаимодействия**, согласно которому предупреждение домашнего насилия требует вовлечения в этот процесс всех соответствующих органов и учреждений с целью их скоординированной работы [10]. Под соответствующими органами и учреждениями следует понимать правоохранительные, судебные, медицинские, образовательные и социальные структуры. Такое взаимодействие обусловлено тем, что место домашнего насилия – не только дом, где проживает жертва. К примеру, в деле Курт против Австрии очередной и заключительный акт домашнего насилия произошел в школе, где учился сын жертвы и лица, совершившего домашнее насилие; в деле Тхелидзе против Грузии жертва была застрелена на рабочем месте [11]. Возможно, эти события можно было бы предотвратить, если бы соответствующие учреждения, в указанных примерах образовательные учреждения (в том числе и место работы) были проинформированы о случаях домашнего насилия и своевременно включились в процесс защиты жертвы.

Последний, но не маловажный стандарт, который необходимо указать, **гендер- чувствительный подход и запрет дискриминации** в делах о домашнем насилии [12, 13]. Учитывая, что преобладающее большинство жертв домашнего насилия составляют женщины, дела о домашнем насилии в таких случаях сопряжены с дискриминацией. Более того, международное право и практика признают домашнее насилие как одну из форм дискриминации в отношении женщин. Как показывает практика разных государств в делах о домашнем насилии, компетентные органы часто занижают общественную опасность и с терпимостью относятся к актам домашнего насилия, своевременно не предпринимая превентивных мер против лиц, совершивших такое насилие, даже несмотря на просьбы жертв защитить их. Так, в деле Опуз против Турции заявительница и ее мать неоднократно подвергались угрозам, избиениям и насильственным действиями со стороны мужа заявительницы. Они множество раз обращались в полицию, предоставляли им медицинские справки о наличии ушибов, ран и других травм, включая переломы и следы побоев, однако сотрудники полиции бездействовали, основываясь на гендерных стереотипах, тем самым лишая жертв эффективной правовой защиты. Результатом такой дискриминации, выражавшейся в бездействии, стало убийство матери заявительницы ее зятем.

Таким образом, проведенный анализ судебной практики ЕСПЧ позволил выявить ключевые международные стандарты, предъявляемые государствам для предупреждения домашнего насилия, в частности:

- признание домашнего насилия актом нарушения прав человека;
- публичное обвинение в делах о домашнем насилии;

- запрет на прекращение уголовного расследования в связи с примирением сторон;
- незамедлительное реагирование и разумная оперативность в делах о домашнем насилии: оценка риска (risk assessment), наличие прямого и непосредственного риска для жизни;
- должная осмотрительность (due diligence);
- межведомственное взаимодействие;
- гендер-чувствительный подход и запрет дискриминации.

Учитывая особую специфику домашнего насилия для соблюдения этих стандартов, необходимо наличие квалифицированных и подготовленных специалистов на всех уровнях предупреждения домашнего насилия, начиная от судей и сотрудников полиции, вплоть до сотrudников социальных служб. Без глубокого понимания природы домашнего насилия, гендерных стереотипов, факторов, сопутствующих домашнему насилию и механизмов оценки риска, перечисленные стандарты теряют свою значимость. Поэтому предлагаются внедрение специальных программ для обучения и подготовки соответствующих лиц и сотрудников для правильного и эффективного применения этих стандартов на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Советы Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция). Стамбул, 11 мая 2011. П. б. С. 3.
2. *McQuigg R. International Human Rights Law and Domestic Violence: The Effectiveness of International Human Rights Law.* London, New York: "Routledge", 2011. 160p.
3. *Opuz v. Turkey.*
4. *Meyersfeld B. Domestic Violence and International Law.* London: "Bloomsbury Publishing", 2010. 368p.
5. *Talpis v. Italy.*
6. *Douglas K., Otto R. (eds.). Handbook of Violence Risk Assessment.* 2nd ed. Abingdon: "Routledge", 2020. 474p.
7. *Volodina v. Russia.*
8. *Benninger-Budel C. (ed.). Due Diligence and Its Application to Protect Women from Violence.* Leiden; Boston: Brill | "Nijhoff", 2008. 296p.
9. *Kurt v. Austria.*
10. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). *Strengthening Crime Prevention and Criminal Justice Responses to Violence against Women.* New York: "United Nations", 2014.
11. *Tkhelidze v. Georgia.*
12. *Bukauskaite J. Understanding Domestic Violence as a Gender-based Human Rights Violation: National and International Contexts.* London; New York: "Routledge", 2004. 226p.
13. *Merry S. Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice.* Chicago: "University of Chicago Press", 2005. 240p.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR THE PREVENTION OF DOMESTIC VIOLENCE

S. Aharonyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of international legal standards for the prevention of domestic violence as a form of human rights violation. Based on the case law of the European Court of Human Rights, the article identifies systemic gaps in national legislation and law enforcement, including state inaction, neglect of risk assessment, and gender discrimination. A set of mandatory standards is formulated, such as the recognition of domestic violence as a human rights violation, the necessity of public prosecution, among others. The article concludes that it is essential to train professionals capable of applying these standards in practice. The work has both theoretical and practical significance in the context of improving the legal mechanisms for preventing domestic violence.

Keywords: domestic violence, international legal standards, human rights violation, gender discrimination.

**ՆԱԽԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԳԱՂՏՆԻՔԻ ԱՊԱՀՈՎՈՒՄԸ ՄԱՐԴՈՒ
ՀԻՄՆԱՐԱՐ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ և ԱԶԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ՀԱՍԱՏԵՔՍՈՒՄ**

Մ.Ա. Հայրապետյան, Լ.Ա. Ղազարյան

Ուսու-Հայկական (Ալավոնական) համալսարան

Իրավունքի ինստիտուտ

mariam.hayrapetyan@yandex.ru, ghazaryanlaura196@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի ուսումնասիրության առարկան է հանդիսացել նախարարության գաղտնիքի հասկացությունն ու դրա իրավաբանական նշանակությունը: Ուսումնասիրվել է Մարդու իրավունքների Եվրոպական Դատարանի որոշումների շրջանակներում ձևավորված իրավական դիրքորոշումները ընդգծելու համար մարդու հիմնարար իրավունքների և ազատությունների ապահովման համատերսում նախարարնության գաղտնիքի պաշտպանության անվիճելի դերն ու նշանակությանը: Չնայած նախարարնության գաղտնիքի ապահովմամբ լուծվող խնդիրների լայն շրջանակին, անդրադարձ է կատարվել նաև նախարարնության գաղտնիքի անհիմն շահարկումներին ընդգծելով այն չափորոշիչները որոնք թույլ են տալիս հավասարակշռել այն իրավունքների հարաբերակցությունը որոնց շրջանակներում քննարկվում է նախարարնության գաղտնիքը: Հոդվածում ներկայացված է նաև արտասահմանյան երկրների իրավակիրառ պրակտիկայում ձևավորված հայեցակարգերը նախարարնության գաղտնիքի վերաբերյալ: Հիմնարարներ՝ նախարարնության գաղտնիք, Մարդու իրավունքների Եվրոպական Կոնվենցիա, անմեղության կանխավարկած, կարծիքի արտահայտման ազատություն, մասնավոր և ընտանեկան կյանքի հարգման իրավունք:

Ներածություն

Քրեական դատավարության իրավունքը լինելով այն հարթակը որտեղ սահմանված են այն հարաբերությունները որոնք տեղի են ունենում վարույթն իրականացնելիս, ոչ միայն խնդիր ունի հասնելու այն տրամաբանական նպատակին, որը գործի ըստ էության լուծումն է, այլ նաև երաշխավորելու վարույթի մասնակիցների իրավունքների պաշտպանությունը դրանց անհարկի ոտնահարումից: Նախարարնության գաղտնիքն էլ հանդիսանում է այդ երաշխիքներից մեկը, որի ապահովումը երաշխավորում է մի շարք իրավունքների պաշտպանությունը:

Թեմայի արդիականություն: Հաշվի առնելով քննության բազմաշերտ և բազմաբովանդակ բնույթը և այդ գործընթացին ներգրավված անձանց բավականին լայն շրջանակը անհրաժեշտություն է առաջանում դիտարկելու այդ գործընթացի ընթացքում մարդու իրավունքների ապահովումն երաշխավորող գործիքակազմը, ընդգծելու դրա տերը և դերը քրեադատավարական բարդ հարաբերությունների շրջանակներում, ինչպես նաև որոշելու այն սահմանաբաժանը, որից այն կողմ նախաքննության գաղտնիքի շահարկումը դուրս է գալիս այն նպատակների իրականացման շրջանակներից, որոնց ապահովմանն ուղղված է:

Բովանդակությունը և Մեթոդը: Սույն աշխատանքի շրջանակներում քննարկվել է Նախաքննության գաղտնիքի հասկացությունը և դրա իրավաբանական նշանակությունը, կատարվել է համեմատություն արտասահմանյան երկրների փորձի հետ, ինչպես նաև առանձնացվել են այն ՄԻԵԴ չափորոշիչները, որոնք հավասարակշռում են նախաքննության գաղտնիքի համատեքստում իրար հակադրվող իրավունքները: Օգտագործվել է իրավահամեմատական մեթոդը, դոգմատիկ մեթոդը, անալիզը և սինթեզը, ինդուկտիվ և դեղուկտիվ մեթոդները:

Ժամանակակից իրավական համակարգերում մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանությունն առաջնային դիրք է զբաղեցնում իրավունքի գերակայության սկզբունքի իրականացման համատեքստում: Քրեական արդարադատությունը, իբրև մարդու դեմ հանցագործությունների քննության և պատժման համակարգ, միևնույն ժամանակ հանդիսանում է հարթակ, որտեղ մարդու իրավունքների խախտման վտանգն առավել բարձր է: Այս տեսակետից քրեական դատավարության բոլոր ինստիտուտները պետք է դիտարկվեն ոչ միայն իրենց գործառությախն նշանակությամբ, այլև մարդու իրավունքների վրա դրանց հնարավոր ազդեցության տեսանկյունից: Այն հնարավորություն է տալիս ապահովելու դատական արդարության իրականացման անմիջականությունը և կանխարգելում է հանրության ճնշումները քննության և դատավարության ընթացքի վրա: Նախաքննության գաղտնիությունը ոչ միայն իրավական բարեխնդության խորհրդանշէ, այլ նաև ազդում է հասարակության և պետության փոխարարությունների վրա:

Նախաքննության գաղտնիքի ինստիտուտը ունի թվացյալ ոչ վիճելի նպատակներ՝ ապահովել քրեական գործի բնականոն ընթացքը, կանխել քննության վրա ազդելու փորձերը, պաշտպանել վկաներին, ինչպես նաև կասկածյալների, մեղադրյալների և տուժածների իրավունքները: Սակայն այս տեսական պարզությունը հաճախ մթագնում է գործնական կիրառ-

ման բարդությունները. նախաքննության գաղտնիքը հաճախ վերածվում է գործիքակազմի, որի օգնությամբ սահմանափակվում են այլոց իրավունքները, իսկ որոշ դեպքերում՝ նաև շրջանցվում հանրային վերահսկողությունը արդարադատության նկատմամբ:

Տվյալ հոդվածի նպատակն է նախաքննության գաղտնիքը դիտարկել իրավական տեսական, պատմական և գործնական դաշտերում՝ դրա փոխհարաբերությունը մարդու իմանարար իրավունքների, մասնավորապես՝ անմեղության կանխավարկածի, արդար դատաքննության իրավունքի և խոսքի ազատության համատեքստում: Միևնույն ժամանակ, անդրադարձ է կատարվելու այն խնդիրներին, որոնք ի հայտ են գալիս նախաքննության գաղտնիքի չարաշահման դեպքում՝ հանգեցնելով պետական մարմինների կամ պաշտոնյաների կողմից մարդու իրավունքների խախտումների:

Նախաքննության գաղտնիքի հասկացությունը և դրա իրավաբանական նշանակությունը

Նախաքննության գաղտնիքը քրեական դատավարության ինստիտուտ է, որը կարգավորվում է հիմնականում դատավարական իրավական ակտերով՝ ուղղված գործի օբյեկտիվ, բազմակողմանի և ամբողջական քննությանը: Ըստ ՀՀ Քրեական դատավարության օրենսգրքի 195-րդ հոդվածի՝ նախաքննության տվյալները չեն կարող հրապարակվել առանց քննիչի, դատախազի կամ նախաքննության իրականացնող մարմինի թույլտվության, ինչը օրենքով սահմանված պարտավորություն է:

Համաշխարհային փիլիստիկայական մտքում գաղտնիության գաղափարը մշտապես հնչել է որպես խիստ կարևորություն ունեցող արժեք, որն ապահովում է մարդու իրավունքների պաշտպանությունը: Կատարյալ իրավապաշտպանության տեսության կողմնակից, իրավաբան և փիլիստիկա Հաննա Արենդտը նշում էր, որ գաղտնիությունը ոչ միայն անհրաժեշտ է՝ պաշտպանելու հարցերով քննությունը, այլ նաև մարդու մասնավոր կյանքը, ինչը հատկապես կարևոր է քրեական դատավարության մեջ, որտեղ կասկածները կարող են կործանիչ հետևանքներ ունենալ:

Նմանապես, համաշխարհային իրավաբանական միտքն ընդգծում է այն, որ պետական իշխանության լծակների չարաշահումը, չնայած դրանով իրավապահ համակարգի գործունեության վերասկմանը, կարող է սահմանափակել մարդու ազատությունը և արդարությունը: Այնպես որ, նախաքննության գաղտնիքը ճանաչվում է որպես դեմոկրատական և արդար դատաքննության նախապայման:

Իրավաբանական գրականության մեջ նախաքննության գաղտնիքը որոշ գիտնականների կողմից դիտարկվում է որպես դատավարական արդյունավետության երաշխիք: Օրինակ՝ ուսւածք Ա.Ա. Չուզունվը նշում է. «Следственная тайна – это не только способ защиты следствия от внешнего вмешательства, но и элемент, способствующий сохранению презумпции невиновности».

Մասնավորապես, Ռուսաստանի դրկտոր իրավաբանական գիտությունների թեկնածու Վ.Ս. Չիրոկովը իր աշխատանքներում նշել է, որ նախաքննության գաղտնիքը պետք է դիտվի ոչ միայն որպես օրենքի պահանջ, այլ նաև որպես գործընթացում որոշակի շահերի պաշտպանություն, ներառյալ՝ մեղադրյալի իրավունքների պաշտպանության հարցը: Չիրոկովի տեսակետով, գաղտնիությունը պետք է լինի այնպիսի երաշխիք, որ չի խախտվի քննության ազնվությունը և մասնակից անձանց իրավունքները:

Միջազգային իրավունքը նույնպես անդրադառնում է նախաքննության գաղտնիքի կարևորությանը: Միջազգային մարդասիրական իրավունքները և Եվրոպայի մարդու իրավունքների կոնվենցիան ուղենշում են, որ գաղտնիությունը պետք է պահպանվի քրեական վարույթներում՝ հաշվի առնելով մեղադրյալի իրավունքները: Օրինակ՝ ՄԻԵԴ-ը մի քանի գործերով արձանագրել է, որ նախաքննության գաղտնիքը խախտելը կարող է հանգեցնել ապօրինի ապացույցների կամ ապացույցների սխալ մեկնաբանման, ինչն էլ, արդյունքում, կարող է սպառնալ դատավարության արդարությանը:

Մի քանի գործեր՝ ի թիվս «Տեքտերբերկ-Բավիլով դեմ Ռուսաստանի Դաշնություն» գործի, որտեղ դատավորը նշել էր, որ փաստերի իրապարակումը, որոնք ոչ միայն չպետք է իրապարակվեին, այլև կարող էին ազդեցություն ունենալ դատաքննության ընթացքի վրա, կարելի է դիտարկել որպես ՄԻԵԴ-ի խախտում՝ հիմնվելով քրեական դատավարության գաղտնիության պահպանման սկզբունքի վրա:

Դատական գործ N ԵԴ/0301/02/11 (Հայաստանի Վերաքննիչ դատարան)

Այս գործում դատարանը նշում է, որ նախաքննության գաղտնիության խախտման հիմքով պաշտպանական կողմի ներկայացրած բողոքը պետք է դիտարկել նաև մարդու իրավունքների տեսակետից՝ հաշվի առնելով արդար դատաքննության իրավունքի ապահովման պահանջները: Դատարանը շեշտեց, որ եթե պաշտպանական կողմը զրկված է հավասարապես նյութերին հասանելի լինելու հնարավորությունից, ապա խախտվում է դատավարական հավասարության սկզբունքը:

Տեղեկատվության ազատության կենտրոնի հաղորդագրություններում բազմիցս արձանագրվել են դեպքեր, երբ քննիչները հրաժարվել են տրամադրել նույնիսկ ընդհանուր բնույթի տեղեկատվություն՝ պատճառաբանելով նախաքննության գաղտնիությունը, թեև այդ տվյալները չին պարունակում ոչ մի գործի ընթացքին վնասող բարարիք: Սա փաստում է նախաքննության գաղտնիքի ինստիտուտի չարաշահման ռիսկերի առկայությունը:

- ԵՄ երկրներում նախաքննության գաղտնիքը հավասարակշռվում է հասարակության տեղեկացված լինելով իրավունքով և մամուլի ազատությամբ:
- ՀՀ-ում գերակշռում է պետական շահի գերադասումը անհատի իրավունքների նկատմամբ՝ առանց հստակ սահմանների:

ՀՀ օրենսդրությունը կարիք ունի վերանայման՝ ներդնելու հստակ չափանիշներ, թե երբ և ինչ տվյալներ են գաղտնի համարվում, ինչպես նաև՝ վերահսկողության մեխանիզմներ՝ իրավապահ մարմինների գործողությունների նկատմամբ:

Հարկ ենք համարում ներկայացնել Նախաքննության գաղտնիքի համեմատական վերլուծություն՝ ԵՄ անդամ երկրների օրենսդրության շրջանակում Եվրոպական միությունում նախաքննության գաղտնիքի ինստիտուտը նույնպես կարևոր դեր ունի քրեական գործերի քննության ընթացքում, սակայն միևնույն ժամանակ՝ իրավունքի գերակայության սկզբունքի պահպանումն ու մարդու իիմնարար իրավունքների պաշտպանությունը պարտադիր են:

Ֆրանսիա

Ֆրանսիական քրեական դատավարության օրենսգիրքը (Code de procédure pénale) նախատեսում է, որ նախաքննության ժամանակ վարույթն ունի գաղտնի բնույթ՝ ըստ հոդված 11-ի, սակայն դա կիրառվում է հիմնականում նախաքննության մարմնի աշխատակիցների և մասնակիցների նկատմամբ: Լրագրողները կամ հասարակությունը չեն ենյարկվում նույն սահմանափակումներին, եթե տեղեկատվությունը ստացել են ոչ օրինական ճանապարհով: Ֆրանսիայում դատարանները հաճախ պաշտպանում են մամուլի ազատությունը, եթե վերջինս գործում է հանրային շահի շրջանակում:

Եվրոպական դատական պրակտիկայում՝ “Dupuis and Others v. France” գործով, ՄԻԵԴ-ը գտավ, որ լրագրողների նկատմամբ քրեական հետապնդումը՝ նախաքննության նյութերի հիման վրա լրագրություն անելու համար, խախտում է Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայի 10-րդ հոդվածը (արտահայտվելու ազատություն):

Գերմանիա

Գերմանիայում քրեական դատավարության օրենսգիրքը (StPO) նույնպես նախատեսում է նախաքննության գաղտնիությունը ուղղված քննության արդյունավետության պահպանմանը: Սակայն դրա խախտման դեպքում տեղեկատվություն իրավարակելու համար պատասխանատվություն կարող է կիրառվել միայն այն դեպքում, եթե դա զգալիորեն խոչընդոտել է արդարադատությանը կամ խախտել անձի իրավունքները: Գերմանիայի Դաշնային սահմանադրական դատարանը բազմաթիվ որոշումներով հստակ սահմանել է, որ գաղտնիությունը չի կարող գերակշռել մամուլի ազատության ու հանրային վերահսկողության սկզբունքներին, եթե չի վնասում քննությանը:

Շվեդիա

Շվեդիայում գործում է “Offentlighetsprincipen” կամ «հասարակայնության սկզբունքը», որի համաձայն՝ բոլոր պետական փաստաթղթերը, ներառյալ նախաքննության որոշ նյութեր, համարվում են հասանելի հասարակությանը՝ բացառությամբ այն դեպքերի, եթե առկա է հստակ իրավաչափ պատճառ՝ դրանք գաղտնի պահելու համար: Այս մոտեցումը առավելագույնս նպաստում է թափանցիկությանը, միաժամանակ հստակ սահմանում է՝ եթե և ինչ հիմքով է հնարավոր տեղեկատվության սահմանափակում:

Այսպիսով, թեև գաղտնիքի ինստիտուտը առերևույթ ծառայում է արդար քննությանն ու մարդու իրավունքների պաշտպանությանը, սակայն գործնականում այն կարող է հակադրվել այդ նույն իրավունքներին:

Նախաքննության գաղտնիքի ապահովումը ինչպես գիտենք հարաբերվում է մի շարք իրավունքների հետ: Ուստի դրա բովանդակությունը բացահայտելու և ապահովման կարևորությունն ընդգծելու նպատակով կարևոր է դիտարկել այն մի շարք իրավունքների համատեքստում, որոնց իրացումն ապահովում կամ սահմանափակում է նախաքննության գաղտնիքը: Այսպիսով, նախաքննության գաղտնիքը կարելի է դիտարկել արդար դատաքննության ապահովման, մասնավոր և ընտանեկան կյանքի հարգման, կարծիքի արտահայտման ազատության ապահովման համատեքստում: ՀՀ Սահմանադրության 66-րդ հոդվածը սահմանում է անմեղության կանխավարկածը, որի համաձայն հանցագործության համար մեղադրվողը համարվում է անմեղ քանի դեռ նրա մեղքն ապացուցված չէ օրենքով սահմանված կարգով դատարանի օրինական ուժի մեջ մտած դատավճռով: Անմեղության կանխավարկածը որպես սկզբունք իր ամրագրումն է ստացել նաև Քրեական դատարանության օրենսգրքում: Կարևոր է հաշվի առնել, որ միայն սկզբունքի ամրագրումը

այս կամ այն իրավական ակտում իր գոյությա փաստով չի նպաստում դրա իրականացմանը, և իրավակա ակտերում ամրագրված դրույթները գործնականում կիրառելու համար անհրաժեշտ է նաև գործուն մեխանիզմ բաղկացած իրավական գործիքակազմից: Այդ գործիքակազմի մի տարրն էլ նախաքննության գաղտնիքն է, որը կարևոր երաշխիք է հանդիսանում անմեղության կանխավարկածն ապահովելու համար: Սակայն ինչպես Սահմանադրությամբ, այնպես էլ Մարդու իրավունքների Եվրոպական կոնվենցիայով սահմանված է նաև Կարծիքի արտահայտման ազատությունը, որի հարաբերակցությունը անհրաժեշտ է պարզել ինչպես անմեղության կանխավարկածի, այնպես էլ մասնավոր և ընտանեկան կյանքի հարգման, արժանապատվության անձեռնմխելիության իրավունքների հետ: Այս իրավունքների հարաբերակցությունը բացահայտելու համար կարևոր ենք համարու ՄԻԵԴ նախադեպային որոշումների վերլուծությունը, որը հնարավորություն կընձեռի առանձնացնել այն չափանիշները որոնց սահմանմամբ ՄԻԵԴ-ը հավասարակշռել է այս իրավունքների միջև ծագող մրցակզային բնույթը:

BÉDAT V. SWITZERLAND գործով 2016 թվականի մարտի 29-ի վճռով շատ կարևոր իրավական դիրքորոշում ձևավորեց¹: Այսպես, շվեյցարացի լրագրող Բեղաթը հրապարակել էր դեռևս նախաքննության փուլում գտնվող գործի վերաբերյալ տվյալներ՝ մեղադրյալի նամակագրությունները, բժշկական փաստաթղթերը, հարցաքննության արձանագրություններ:

Շվեյցարիայի դատարանը լրագրողի կողմից վերոնշյալ տվյալների հրապարակման փաստը արձանագրել է որպես նախաքննության գաղտնիքի խախտում և դատապարտել լրագրողին տուգանելով նրան: Բեղաթը դիմել է ՄԻԵԴ պնդելով, որ գործը ներկայացնում էր հանրային հետաքրքրություն, և, որ խախտվել է իր Կարծիքի արտահայտման ազատությունը:

ՄԻԵԴ-ի հայտնած իրավական դիրքորոշման լույսի ներքո վերոնշյալ փաստական հանգամանքների առկայությամբ, ՄԻԵԴ 10-րդ հոդվածի խախտում չարձանագրվեց, քանի որ չնայած նրան, որ գործը հանրային հետաքրքրություն էր ներկայացնում սակայ լրագրողի հրապարակած տվյալները խախտում էին ՄԻԵԿ 8-րդ հոդվածով սահմանված Անձնական և ընտանեկան կյանքը հարգելու իրավունքը, 6-րդ հոդվածով սահմանված արդար դատաքննության իրավունքի 1-ին և 2-րդ մասերը: Այս գործը ուղենիշային համարվեց այնքանով, որ ՄԻԵԴ-ը վճռի պատճառա-

¹ Տե՛ս, BÉDAT V. SWITZERLAND (2016).

բանական մասում նշեց այն հինգ չափորոշիչները, որոնք օգնում են հավասարակշռել նշված իրավունքների հարաբերակցությունը, միաժամանակ ընդգծելով զանգվածային լրատվության միջոցների դերը քրեական արդարադատության թափանցիկությունը և հրապարակայնությունը ապահովելու գործում:

Այսպիսով, վճռի բովանդակությունից կարելի առանձնել հետևյալ հինգ չափանիշները:

1. Լրագրողի կողմից տվյալը ստանալու եղանակը (Կոնֆիդենցիալ տեղեկություն կամ գաղտնիք ստանալու եղանակը կարող է նշանակություն ունենալ Եվրոպական կոնվենցիայի 10-րդ հոդվածի 2-րդ կետի հավասարակշռումն ապահովելու տեսանկյունից: Սույն դեպքում թեև լրագրողն անօրինական չի ստացել այդ տվյալները, սակայն փորձառու լրագրողը պետք է իմանար այդ տեղեկությունների սահմանափակ հասանելիության մասին):
2. Հրապարակված հոդվածի բովանդակությունը (Եվրոպական դատարանը նշել է, որ Շվեյցարիայի դաշնային դատարանը խորը վերլուծություն է իրականացնել հրապարակված հոդվածի բովանդակության առնչությամբ և իրավացիորեն եզրահանգել է, որ տեղեկությունները ներկայացվել են սենսացիոն ձևով և ոչ առողջ հետաքրքրությամբ):
3. Հրապարակված հոդվածի առնչությամբ հասարակության արձագանքը (Եվրոպական դատարանը նշել է, որ դիմումատուն ցույց չի տվել, թե հասարակությունն արդյո՞ք հետաքրքրություն ունեցել է մեղադրյալի հարցաքննության արձանագրության կամ կնոջ հետ իրականացված նամակագրության հարցում, այն դեպքում, եթե մեղադրյալը չի հանդիսացել հանրային անձ):
4. Հրապարակված հոդվածի ազդեցությունը քրեական գործի ելքի վրա (Եվրոպական դատարանն արձանագրել է, որ նախնական քննության գաղտնիքին հատուկ պաշտպանություն տրամադրելը համարվում է իրավաչափ քրեական արդարադատության իրականացման համար: Նախնական քննության գաղտնիքը նպատակ ունի մի կողմից պաշտպանել քննության շահերը, որպեսզի չկերծվեն և չփոփոխվեն քրեական գործի ապացույցները, մյուս կողմից որպեսզի ապահովվի անձի անմեղության կանխավարկածի պատշաճ իրացումը: Դետք չէ սպասել, որ պատասխանող պետությունը ex post facto ներկայացնի ապացույցներ, որոնք կվկայեն քրեական գործի ելքի վրա ազդեցության մասին):

5. Մեղադրյալի մասնավոր կյանքի հարգանքի իրավունքի խախտումը Եվրոպական դատարանը նշել է, որ պետությունն ունենալով Եվրոպական կոնվենցիայի 8-րդ հոդվածով նախատեսված անձի իրավունքներն արդյունավետ պաշտպանելու պողիտիվ պարտականություն՝ կարող է որոշ չափով սահմանափակել Եվրոպական կոնվենցիայի 10-րդ հոդվածով նախատեսված իրավունքները: Եվրոպական դատարանը կոնկրետ դեպքում պետք է համոզվի, թե ներպետական դատարաններն արդյո ք կարողացել են հավասարակշռել այդ երկու իրավունքները: Հոդվածի հրապարակման պահին մեղադրյալը գտնվել է կալանավայրում և քրեական գործում առկա չէ տվյալ առ այն, որ վերջինս իմացել է հրապարակված հոդվածի մասին, որպեսզի փորձեր իրացնել իրավական պաշտպանության միջոցները)²:

Նաև արձանագրենք, որ խոսքի ազատության իրավունքը կարող է գերակայել, եթե դրանով կբարձրաձայնվի հանրային նշանակության խնդիր, որի լուծման համար անհրաժեշտություն է առաջանում գրավել հասարակության լայն շերտերի ուշադրությունը, և այդպիսով իրականացնել հասարակության հանրային վերահսկողության գործառույթը: Ստացվում է, որ նախաքննության գաղտնիքի համատեքստում իրավունքների հավաարակուման խնդիրը անհրաժեշտ է դիտարկել կոնկրետ գործի փաստական հանգամանքներից ենելով դրանցից յուրաքանչյուրի շրջանակներում ի հայտ եկած առաջնահերթությունները:

Նաև անդրադառնալով նախաքննության գաղտնիքի կարևոր երաշխիք հանդիսանալու հանգամանքին, ընդգծենք պետության պողիտիվ պարտականությունը կանխելու տեղեկատվության արտահոսքը, եթե կառիսկ, որ դրա տարածումը կվնասի արդար դատաքննության շահերին, և կխախտի մեղադրյալի իրավունքները:

Նաև նշենք Վճռաբեկ դատարանի ուղենիշային որոշումներից մեկը, որը արձանագրեց պետական պաշտոնատար անձանց զսպածության պարտավորությունը վարույթին առընչվո տվյալներ հրապարակելու համատեքստում: Սեղրակ Քոչարյանի գործով նախադեպում, Ազգային անվտանգության ծառայության կողմից հրապարակվել էին տվյալներ հստակորեն Սեղրակ Քոչարյանին որպես մեղավոր ճանաչելով, այնինչ գործը նախաքննության փուլում էր, արդյունքում տվյալները տարածում

² Տե՛ս *Սուրի ասց ան Վ.Հ.* Օրենքով պահպանվող գաղտնիքի պաշտպանության հիմնախնդիրները ՀՀ քրեական դատավարությունում, Ատենախոսություն: Եր., 2020:

Էին գտել համացանցում ԶԼՄ-ների միջոցով, ինչի հետևանքով տեղի էր ունեցել անմեղության կանխավարկածի և անձի արժանապատվության անձեռնմխելության խախտում:

Վերոգրյալից ենելով վճռաբեկ դատարանը պարտավորեցրեց պետական մարմիններին ցուցաբերել զայլածություն, նախաքննության տվյալներ հրապարակելուց, մասնավորապես վճռաբեկ դատարանը նշեց, որ քննության վերաբերյալ տվյալներ հրապարակելիս, պետական պաշտոնյաները չպետք է անձին ներկայացնեն որպես հաստատապես մեղավոր, և գոնե պետք է հայտնեն իրենց դիրքորոշումը կասկածի տեսքով, այլ ոչ թե պնդել անձի մեղավորությունը հանրության մեջ անձին մեղավոր ներկայացնելով, ինչը խախտում է թե անմեղության կանխավարկածը, թե անձի արժանապատվության անձեռնմխելության իրավունքը:

Ուստի հաշվի առնելով այս իրավունքների հավասարակշռման կարևորությունը իրավակիրառ պրակտիկայում խնդիրների լուծման համատեքստում, առաջարկում ենք՝

- ՄԻԵԴ-ի այն որոշումները, որոնք վերաբերում են նախաքննության գաղտնիքի սահմանափակմանը (օր.՝ Dupuis and Others v. France, Stoll v. Switzerland, Bédat v. Switzerland) ներառել քննիչների, դատախազների և դատավորների վերապատրաստման ծրագրերում:
- սահմանել պարտադիր վերլուծության պահանջ՝ միջպետական ստանդարտների և սահմանափակումների համաչափության վերաբերյալ որոշում կայացնելիս:
- հստակ սահմանել, որ լրագրողների պատասխանատվությունը հնարավոր է միայն այն դեպքում, եթե հրապարակումը ակնհայտ վնասել է դատավարությանը կամ անձնական իրավունքներին, և վնասը ապացուցվել է:
- ապահովել աղբյուրների գաղտնիության իրավունք՝ առանց այն պատրվակ դարձնելու նախաքննության գաղտնիքը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Նորմատիվ իրավական ակտեր

1. Dupuis and Others v. France (App. no. 1914/02, վճիռ՝ 2007թ. հունիսի 7)
2. Bédat v. Switzerland (no. 56925/08, վճիռ՝ 2016թ. մարտի 29):

Մասնագիտական գրականության ցանկ

3. Սուրիապյան Վ.Հ. Օրենքով պահպանվող գաղտնիքի պաշտպանության հիմնախնդիրները ՀՀ քրեական դատավարությունում, Ատենախոսություն, Եր., 2020:

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТАЙНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

М.А. Айрапетян, Л.А. Казарян
Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Предметом статьи является понятие тайны предварительного следствия и ее правовое значение. Исследованы правовые позиции, сформированные в рамках решений Европейского суда по правам человека, с целью подчеркнуть неоспоримую роль и значение защиты тайны предварительного следствия в контексте обеспечения основных прав и свобод человека. Несмотря на широкий круг проблем, решаемых обеспечением тайны предварительного следствия, также сделано указание на необоснованность спекуляций по поводу тайны предварительного следствия, подчеркнуты критерии, позволяющие сбалансировать соотношение прав, в рамках которых обсуждается тайна предварительного следствия. В статье также представлены концепции, сложившиеся в правовой практике зарубежных стран относительно тайны предварительного следствия.

Ключевые слова: конфиденциальность предварительного следствия, Европейская конвенция о правах человека, презумпция невиновности, свобода выражения мнения, право на уважение частной и семейной жизни.

ENSURING SECRET PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE CONTEXT OF ENSURING BASIC HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

M. Hayrapetyan, L. Ghazaryan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The subject of the article is the concept of secret preliminary investigation and its legal significance. Researched legal positions formed within the framework of decisions of the European Court of Human Rights in order to emphasize the indisputable role and importance of protecting the secrecy of the preliminary investigation in the context of ensuring basic human rights and freedoms. Despite the wide range of problems solved by ensuring the secrecy of the preliminary investigation, the unfoundedness of speculations about the secrecy of the preliminary investigation was also pointed out, the criteria allowing to balance the balance of rights, within the framework of which the secrecy of the preliminary investigation is discussed, were emphasized. The article also presents the concepts developed in the legal practice of foreign countries regarding the secrecy of the preliminary investigation.

Keywords: Confidentiality of preliminary investigation, European convention on human rights, Presumption of innocence, freedom of expression, right to respect private and family life.

НАСИЛИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

А.Т. Арутюнян, С.С. Аветисян

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт права

artur.artmar0@mail.ru, avetisyanserj@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы провели научный анализ понятия насилия, выявили виды и формы его проявления как в науке уголовного права в целом, так и в преступлениях, совершаемых против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, насилие, уголовная ответственность, физическое насилие, психологическое насилие.

Введение

Армия всегда играла важную роль в сохранении государственности и обеспечении национальной безопасности. Именно на этом основании преступления против военной службы отличаются своей спецификой и представляют собой особую угрозу для государства.

Данные преступления проявляются самыми различными действиями (бездействием), в числе которых выделяются те, что совершаются с применением насилия (ст. 333–335 УК РФ).

Понятие насилия является одним из самых обсуждаемых в уголовном праве: именно данное понятие отражается в ряде преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а в контексте преступлений, совершаемых против военной службы, приобретает более опасную форму своего проявления.

При разработке данной статьи использовались следующие методы: индукция, дедукция, анализ, сравнительно-правовой метод.

Целью написания данной статьи является определение содержания понятия «насилия» и формулирование предложений по усовершенствованию уголовного законодательства в части преступлений, совершаемых против военной службы с применением насилия.

Задачей данной статьи является изучение понятия насилия и форм его проявления в праве, в частности, в преступлениях, предусмотренных ст. 333–335 УК РФ.

Так, определение «насилия» играет ключевую роль в праве, так как от его конкретного понимания зависят защита конституционных прав человека, квалификация деяний и правоприменительная практика в целом.

Именно с целью разрешения вопросов применения данной категории армянский законодатель в свете новых изменений Уголовного кодекса Рес-

публики Армения (далее – УК РА) впервые представил закрепленную легальную дефиницию данного понятия в УК РА. Так, в соответствии с под п. 9 ч. 1 ст. 3 «насилие – преднамеренное применение физической силы к другому человеку против его воли или вопреки его воле, а равно причинение ему таким способом физического вреда» [1].

Что касается российского законодательства, УК РФ не предусматривает формальное закрепление определения «насилия», но тем не менее, обращаясь к научным источникам, можно раскрыть данный термин. Так, например, Л.Д. Гаухман понимал под насилием «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли» [2].

Такие ученые как В.Д. Меньшагин и Р.А. Базаров толковали «насилие» как «любое воздействие на телесную неприкосновенность человека»[3].

А.М. Прохоров в советском энциклопедическом словаре понимает под «насилием в праве» как физическое или психическое воздействие одного человека на другого[4].

В настоящее время данные понятия можно встретить в ст. 40 главы 8 УК РФ, предусматривающей обстоятельства, исключающие преступность деяния: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения...», «Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения...» [5].

Теория уголовного права разделяя «насилие» на физическое и психическое, понимает в качестве физического насилия неправомерное умышленное причинение вреда здоровью человека помимо или против его воли путем механического, химического, биологического, физического воздействия на органы и ткани человека и физиологические функции организма. Под психическим же насилием предполагается противоправное умышленное воздействие на другого человека путем изменения его эмоциональной среды на отрицательное эмоциональное (психическое) состояние [6].

Тем не менее, говоря о «насилии» следует отметить также то, что оно классифицируется на опасное и не опасное для жизни и здоровья, отражение этого можно найти в некоторых постановлениях Пленума ВС РФ, которые направлены на урегулирование положения тех статей УК РФ, где насилие находит свое место:

«О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [7];

«О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [8];

«О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [9].

Анализируя содержание данных постановлений, можно заметить, что для каждого случая и каждой главы определения насилия различаются. Сегодня для того, чтобы понять, какое именно насилие имело место быть при совершении конкретного преступления, необходимо обратиться к соответст-

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 01.07.2022г.

вующему разъяснению Пленума Верховного Суда, что, на наш взгляд, противоречит принципу правовой определенности, тем самым затрудняя право-применение.

Так, под опасным для жизни и здоровья принято понимать такое насилие, вследствие чего причиняется вред здоровью (легкий, средний либо тяжкий вред здоровью), а под неопасным для жизни и здоровья – насилие, не причинившее вреда здоровью (побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы).

Как уже было сказано, УК РФ предусматривает ряд статей, содержащих преступления против военной службы с применением насилия:

- Ст. 333. Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы;
- Ст. 334. Насильственные действия в отношении начальника;
- Ст. 335. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

Как же воспринимается насилие в главе 33 УК РФ?

Для того, чтобы разобраться в это вопросе, следует немного детальней рассмотреть данные нормы.

Под положением в ч. 1 ст. 333 УК РФ понимается «сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения» [10].

Пленум разъясняет, что под насилием в данной части следует понимать побои, иные насильственные действия, связанные с причинением физической боли, в том числе единичные удары, с ограничением свободы (связывание рук, применение наручников и др.), с причинением легкого вреда здоровью. При этом дополнительной квалификации по статье 115 УК РФ не требуется, а под угрозой применения насилия – высказывания или иные действия, выражющие намерение виновного применить к потерпевшему любое физическое насилие, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [11].

Аналогичное определение Пленум дает и в ст. 335 УК РФ, но при этом в ст. 334 УК РФ законодатель закрепляет объективную сторону в следующем виде: «Нанесение побоев или применение иного насилия...».

На наш взгляд, такой подход некорректен и требует стандартизации понятия «насилия».

Таким образом, предлагаем внести изменения в структуры вышеуказанных статей и применить к этим нормам единое понимание «насилия», предусмотрев его в качестве примечания к данным статьям с целью единообразного применения в рамках одной главы с разделением на:

- *неопасное насилие* – нанесение побоев, единичного удара, повлекшего физическую боль, различные насильственные действия, связанные

ные с причинением физической боли, ограничение свободы (связывание рук, применение наручников и др.), а также

- *опасное насилие* – причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

Нельзя не отметить также то, что в ч. 1 ст. 333, 335 кроме насилия неопасного для жизни и здоровья, согласно предложенному нами определению, есть и причинение легкого вреда, которое нами было внесено в категорию насилия опасного для жизни и здоровья.

Учитывая общее содержание данных статей, исходя из обоснованности нынешнего законодательного распределения причиненного вреда здоровью по разным частям этих статей, предлагаем такую формулировку ст. 333–335 УК РФ, в которых диспозиция будет включать насилие неопасное для жизни и здоровья, а также причинение легкого вреда здоровью.

Для более ясного понимания рассмотрим пример на ч.1 ст. 334 УК РФ, согласно которой «нанесение побоев или применение иного насилия в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей» [12]. Согласно предложенному нами варианту, часть диспозиции данной нормы следует сформулировать следующим образом: «применение насилия неопасного для жизни и здоровья или причинение легкого вреда здоровью, совершенные в отношении начальника во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей».

Аналогичный подход следует также применить к статьям 333, 335 УК РФ с единственным отличительным условием, что причинение легкого вреда здоровью, а также насилия неопасного для жизни и здоровья, не будет квалифицироваться по сопряженности. В этой связи предлагаем убрать выражение «сопряженное» из ст. 333, 335 УК РФ. В ст. 333 УК РФ говорится о «сопротивлении начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения» вместо «...сопряженные с насилием...» заменить на «..., либо тоже деяние с применением насилия неопасного для жизни и здоровья или с причинением легкого вреда здоровью». Такую же формулировку следует применить и относительно ст. 335 УК РФ.

Подводя итоги проведенного нами исследования, мы пришли к выводу, что отсутствие четкого определения насилия влечет за собой проблемы практического применения данного понятия в статьях 333–335 главы 33 УК РФ, в частности, единообразного применения понятия «насилия» в обсуждаемой нами главе, что противоречит принципу правовой определенности.

Ввиду этого, предлагаем в качестве примечания к статьям закрепить понятие «насилия, не опасного для жизни и здоровья» и внести соответствующие изменения в формулировки данных норм, приведенные в настоящей научной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 01.07.2022г.
3. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. И.С. Ноя. Саратов, 1981. С. 22.
4. Меньшагин В.Д., Пионниковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М.: «Госюриздат», 1955. С. 722.
5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 875.
6. Крылов Н.Г. К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве / научная статья. СС. 131–135.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

VIOLENCE IN CRIMES COMMITTED AGAINST MILITARY SERVICE

A. Harutyunyan, S. Avetisyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law

ABSTRACT

In this article, we conducted a scientific analysis of the concept of violence, identified the types and forms of its manifestation both in the science of criminal law in general and in crimes committed against military service.

Keywords: crimes against military service, violence, criminal liability, physical violence, psychological violence.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МНИМОЙ ОБОРОНЫ В УК РФ

B.A. Арутюнян

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт права

vazrik1@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме отсутствия законодательного регулирования мнимой обороны в России. Выработаны понятие и признаки «мнимой обороны». На основе анализа зарубежного законодательства выявлены четыре модели регулирования мнимой обороны, проведен сравнительно-правовой анализ моделей с Российским уголовным законодательством, выявлены проблемы и даны пути их решения. По итогу исследования предлагаются использовать Белорусскую и Армянскую модели после доработки.

Ключевые слова: мнимая оборона, законодательное регулирование, необходимая оборона.

Введение

Конституция Российской Федерации в ст. 45 провозглашает, что «...каждый человек вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом...». В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 сентября 2012г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», говорится, что данное положение конституции в уголовно-правовых нормах реализуется через институт необходимой обороны.

Однако, чтобы признать необходимую оборону правомерной, необходимо выполнение целого ряда условий. Данные условия в теории уголовного права были разделены на два вида, а именно: условия защиты и посягательства. Одним из условий посягательства, являлась реальность посягательства, означающее, что в отношении обороняющегося лица должно совершаться реальное общественно опасное посягательство, а не выдуманное.

Случай, когда лицо совершает «оборонительные» действия от объективно несуществующего посягательства, в теории уголовного права получило название «мнимая оборона». Учитывая, что мнимая оборона не имеет уголовно-правового закрепления в РФ, но при этом используется со стороны правоприменителя, то образуется ситуация, когда лицо будет освобождаться или привлекаться к уголовной ответственности на основании положения, не имеющего уголовно-правового закрепления, что безусловно противоречит принципам законности, справедливости и правовой определенности, к тому

же, как показывает анализ зарубежного уголовного законодательства, многочисленные государства, в том числе постсоветские, начали законодательное регулирование мнимой обороны, основываясь на вышеизложенном, можно предположить, что и российский законодатель когда-нибудь будет вынужден осуществить правовое регулирование данного явления.

Целесообразным на данном этапе, является изучение зарубежного законодательства, чтобы определить перспективные модели и подходы законодательного регулирования мнимой обороны.

Материалы и методы

В статье используется сравнительно-правовой и другие методы исследования.

Для достижения главной цели исследования, необходимо выполнить следующие задачи: дать понятие «мнимой обороны» и провести сравнительно-правовое исследование зарубежных законодательств, выявив плюсы и минусы иностранных моделей регулирования «мнимой обороны».

В настоящее время существуют два основных подхода, через которые воспринимается мнимая оборона. Одни ученые трактуют ее, как разновидность «необходимой обороны», совершенной с ошибкой, другие рассматривают «мнимую оборону», как самостоятельное социально негативное явление, иные относятся к ней как к разновидности фактической ошибки. В современной науке и судебной практике главенствует первый подход, однако необходимо отметить, что «мнимая» и «необходимая» обороны отличаются друг от друга не только реальностью посягательства, но и правовой природой и социальной значимостью [3].

Первый и третий подходы отличны тем, что в первом случае мы раскрываем «мнимую оборону» через институт «необходимой обороны», а третий подход предполагает раскрытие через институт «фактической ошибки».

Правоприменитель в лице Пленума Верховного Суда СССР [6], а после РФ [7] (далее – ПП ВС РФ) раскрыл понятие и признаки «мнимой обороны» через сопоставление с «необходимой обороной», указав, что «судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие. В тех случаях, когда обстановка происшествия давала основания полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны [7]».

В доктрине на сегодняшний день не выработано единого и общепринятого понятия «мнимой обороны», приведем несколько удачных примеров.

Е.А. Русскевич утверждает, что под мнимой обороной следует понимать деяние, совершенное с целью защиты прав личности, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, не существующего в действительности, ошибочное представление о реальности которого у лица возникло, исходя из сложившейся обстановки [4].

Н.Н. Паше-Озерский мнимую оборону определял, как «оборону против воображаемого, кажущегося, но в действительности (объективно) несуществующего посягательства, то есть результат ошибки» [2].

В.М. Лебедев указывал, «что мнимая оборона возникает в ситуации, когда субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы» [1].

На основе вышеперечисленных доктринальных понятий и ПП ВС РФ, можно выделить основные признаки мнимой обороны, которые отличают ее как от «необходимой обороны», так и иных форм ошибочного причинения вреда или иного противоправного поведения:

- наличие обстоятельств, внешне схожих с общественно опасным посягательством;
- отсутствие реального общественно опасного посягательства и причинение неправомерного вреда охраняемым уголовным законом интересам [5];
- ошибка (заблуждение) лица относительно обстоятельств посягательства, возникшее вследствие неправильной интерпретации действий потерпевшего или под воздействием окружающей среды;
- отсутствие вины, в следствии и состава преступления, и наличие мотива «защиты» от предполагаемого общественно опасного посягательства.

Если обобщить позиции многих отечественных исследователей, то под «мнимой обороной» следует понимать противоправное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершенное с целью защиты предусмотренных законом интересов от не существующего в действительности общественно опасного посягательства, возникшее вследствие ошибочного и обоснованного представления лица, о реальности данного посягательства, под воздействием сложившейся внешней обстановки.

К тому же необходимо отметить существование «виновной» и «невиновной» мнимой обороны: при «невиновной» лицо находится в состоянии заблуждения и не может предвидеть отсутствие реальности противоправного посягательства, при «виновной» соответственно оно могло и должно было предвидеть отсутствие реальности противоправного посягательства [4].

Если рассматривать правовую природу «мнимой обороны», следует отметить, что она представляет собой общественно опасное явление и не может быть полностью приравнена к необходимой обороны. В связи с этим возникает необходимость возможности возмещения вреда, причиненного потерпевшей стороне, в соответствии с общими положениями.

Для проведения сравнительно-правового анализа наиболее актуальным является изучение соотношения России и постсоветских государств в силу общего законодательства, доктрины и материальной базы, вплоть до 1991г. Из постсоветских государств представляют Армения, Беларусь, Казахстан, Латвия и Украина, т.к. они в той или иной мере осуществили законодательное регламентирование «мнимой обороны»

В результате анализа уголовного законодательства вышеуказанных государств нами были выявлены четыре модели регламентирования «мнимой обороны»: непосредственно в статье о «необходимой обороне»; через институт фактической ошибки; через постановление Пленума Верховного Суда и в качестве самостоятельной статьи.

Прямое законодательное регламентирование «мнимой обороны» через статью о «необходимой обороне» реализовано только в Республике Армения. Так п. 6 ст. 32 Уголовного Кодекса РА гласит: «Если лицо, защищающееся в данной ситуации, из-за страха, волнения, стресса или других объективных или субъективных факторов не осознавало и не могло осознать, что противоправное посягательство или его реальная угроза отсутствуют, то причиняющее вред деяние считается совершенным в состоянии необходимой обороны...».

С точки зрения формы, такой способ регламентации представляется логичным, понятным и не нарушающим структуру статьи. Однако в содержании имеется определенный недостаток, в тексте пункта производится разделение объективных и субъективных признаков, притом, что для применения данного положения, согласно текстуальному толкованию, достаточным основанием является наличие исключительно субъективных признаков, что однозначно приведет к проблемам квалификации, доказывания и откроет возможности для злоупотребления данной нормой с целью избежать уголовной ответственности.

Главной проблемой армянской регламентации «мнимой обороны» является раздельное рассмотрение субъективных и объективных факторов, а также выставление на передний план субъективной стороны, которая, в отличие от объективной стороны, трудно выявляема и в большинстве случаев недоказуема.

Таким образом, армянский законодатель необоснованно усложняет задачу правопримениителю, ведь наличие факта присутствия мнимой обороны, согласно общепринятой теоретической концепции, может быть установлено исключительно при всесторонней и совокупной оценке субъективных и объективных факторов.

Но раз уж мы критикуем, то предложим свои законодательные изменения. На сегодняшний день предлагается внести следующее изменение: а именно, убрать из п. 6 ст. 32 УК РА, отдельно выделенный аффект, превратив альтернативный состав в сложный, соответственно изменив соединительный союз «или» на «и».

Ст. 32. п. 6 «Если оброняющееся лицо под воздействием объективных и субъективных факторов в данной ситуации не осознавало и не могло осознавать, что противоправное посягательство или его реальная угроза отсутствуют, то причиняющее вред деяние считается совершенным в состоянии необходимой обороны...»

Армянская модель после вышеуказанной корректировки может быть внедрена в Российское законодательство, учитывая, что положения ПП ВС

РФ и ст. 32 УК РА почти созвучны и имеют один и тот же подход, относительно понятия, признаков и правил квалификации «мнимой обороны».

Белорусский законодатель в отличие от Армянского, пошел другим путем, он регламентирует «мнимую оборону» через институт «фактической ошибки».

Согласно ст. 37 УК РБ «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния», в случаях когда лицо «вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются ответственно по правилам статьи 34 (Необходимая оборона) [8]», а в ч. 2 установлено, что если лицо могло или должно было предвидеть отсутствие посягательства, то виновный привлекается к ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Вопросы вызывает формулировка «...по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать», в данном случае у суда и следственных органов появляется большое усомнение, что чревато злоупотреблениями. Поэтому в целях обеспечения правовой определенности и справедливости необходимо разработать более точные критерии добросовестности заблуждения. Но в условиях отсутствия вышеуказанных критериев предлагается использование ПП ВС РФ, как единственного в России действующего механизма, обеспечивающего единую судебную практику и разрабатывающего правила квалификации деяний.

Учитывая схожесть Российского и Белорусского уголовных законодательств, считается возможным использование данной модели, положительной четой является внедрение в УК РФ института «фактической ошибки».

Республика Казахстан, избрала уникальный путь регламентирования «мнимой обороны», провозгласив в ч. 1 ст. 4 следующее:

«Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики».

Соответственно постановления Пленума Верховного Суда Республики Казахстан (далее – ПП ВС РК) стали общеобязательными для правоприменителя [9].

Содержательно постановления Пленумов РФ и РК схожи, но имеют разное юридическое воздействие в отношении правоприменителя.

В России также существует постановление Пленума о «мнимой обороне», но в отличие от РК, оно носит исключительно рекомендательный характер и не может считаться источником права.

Преимуществом данной модели является возможность оперативного устранения пробелов и противоречий в уголовном законодательстве и обеспечения единообразия судебной практики. Однако необходимо отметить, что в России де-факто данная модель уже действует, конечно, российское зако-

нодательство придало ПП ВС РФ рекомендательный характер, но суды, для которых данные постановления вырабатывались, придали им общеобязательный характер, для государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, и прокуратуры.

Недостатком считается нарушение принципа разделения властей, поскольку суд получает возможность посредством толкования закона осуществлять законодательные функции, отсутствие прозрачного механизма принятия постановлений, общественного обсуждения проектов и прямая зависимость от уровня знаний, и подготовки судей пленума делает данную модель спорной и сложной в реализации, так как необходимы высокопрофессиональные судьи и возможность наблюдения и контроля над их деятельностью.

Несмотря на плюсы и минусы, в настоящее время наши Конституция, доктрина и практика еще не готовы к наделению Пленума Верховного Суда де-юре законодательной властью. Может быть, когда-нибудь сформировав крепкую базу и практику, мы приедем к этому, но на сегодняшний день данную модель внедрить не является возможным.

Последняя модель правовой регламентации – это включение в УК самостоятельной статьи, посвященной «мнимой обороне». Такого подхода придерживаются, например, Украина и Латвия. При этом следует отметить, что по содержанию данный подход не вносит принципиально новых элементов по сравнению с уже рассмотренными моделями: положения о «мнимой обороне», как правило, аналогичны по своей сущности ранее выработанным доктринальным и законодательным подходам.

Главным вопросом является целесообразность создания самостоятельной статьи, посвященной «мнимой обороне» в УК РФ.

Очевидно, что каждое нововведение в уголовное законодательство должно способствовать его упорядочиванию, системности, повышению предсказуемости и эффективности применения.

Однако в нынешних условиях, когда действующий институт «необходимой обороны» имеет значительные проблемы, к примеру, при разграничении необходимой обороны и ее превышения.

Высок риск того, что новая статья породит неоднородную практику и возможность злоупотребления.

Таким образом, введение специальной статьи о мнимой обороне в УК РФ на текущем этапе не представляется целесообразным, так как может привести к дестабилизации сложившейся практики.

Рассмотрев вышеуказанные модели законодательного регулирования постсоветских государств, предлагается использовать модели Беларуси и Армении для решения главной проблемы – отсутствия законодательной регламентации «мнимой обороны» в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: «Юрайт», 2013. 754с.
2. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: «Госюриздан», 1962. 181с.

3. Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич М.: «Юридлит», 1969. 191с.
4. Русскевич Е.А. Мнимая оборона в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28с.
5. Даланов Д.С. Вопросы квалификации причинения вреда при мнимой обороне в обстоятельствах розыгрыша (пранка) / Даланов Д.С. // «Право и государство: теория и практика», № 6 (198), 2021. СС. 109–112. DOI 10.47643/1815-1337_2021_6_109. EDN SGHDWM.
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 31.05.2022)»
8. <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
9. https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF IMAGINARY DEFENSE IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Harutyunyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law*

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the lack of legislative regulation of imaginary defense in Russia. The concept and signs of “imaginary defense” have been developed. Based on the analysis of foreign legislation, 4 models of regulation of “imaginary defense” were identified, a comparative legal analysis of models with Russian criminal legislation was carried out, problems were identified and ways to solve them were given. Based on the results of the study, it is proposed to use the Belarusian and Armenian models after revision.

Keywords: imaginary defense, legislative regulation, necessary defense.

**ՔՐԵԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ԱԶԱՏԵԼԸ ԳՈՐԾՈՒՆ
ԶԴՅԱԼՈՒ ՀՄՄՔՈՎ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՆՈՐ
ՔՐԵԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ ԸՆԴՈՒՆՄԱՆ ԼՈՒՅՄԻ ՆԵՐՔՈ**

Գ.Դ. Արշակյան, Գ.Ֆ. Խաչատրյան

Ուսու-հայկական (Ալավոնական) համալսարան

Իրավունքի ինստիտուտ

arshakyangayane111@gmail.com, gag7.xachatryan77@gmail.com

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում վերլուծում է գործուն զղալու մասին խրախուսական նորմը, որը քրեական օրենսդրության մի շարք սկզբունքների իրականացման դրսուրումներից մեկն է: Քննարկվող հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելը ծառայում է հանցանք կատարած անձանց դրական հետհանցավոր վարքագիծը խթանելու նպատակին: Միևնույն ժամանակ, 2021 թվականի նոր Քրեական օրենսդրությունը ընդունմամբ գործուն զղալու ինստիտուտը ենթարկվել է սպառունքային փոփոխությունների, որոնց մի մասը, անշուշտ, դրական է, իսկ մյուսը՝ վիճելի: Մասնավորապես՝ օրենսդրությունը կամովին ներկայանալուց որպես նորմի կիրառման կարևոր պայման:

Գործուն զղալու ինստիտուտի համակարգային վերլուծության հիմնա վրա հոդվածում ներկայացված են մի շարք առաջարկություններ, որոնք ուղղված են իրավակիրառ պրակտիկայի բարելավմանը:

Հիմնարարեր՝ խրախուսական նորմ, գործուն զղալ, խթանում, մարդասիրություն, հետհանցավոր վարքագիծ:

Ներածություն

Քրեական օրենսդրության մեջ խրախուսական նորմերի առկայությունը արդարության և մարդասիրության սկզբունքների իրականացման վառ վկայությունն ու երաշխիքն է: Հումանիստական սկզբունքներն ու լիբերալիզացումը Հայաստանի Հանրապետության քրեական քաղաքականության կարևորագույն և հեռանկարային ուղղություններից են: Նման նորմերից մեկը գործուն զղալու մասին նորմն է, որը ենթարկվել է արմատական վերափոխումների՝ իրականացված քրեականացման բարեփոխման արդյունքում, որն ավարտվել է 05.05.2021թ. նոր Քրեական օրենսդրությունը ընդունմամբ: Կատարված փոփոխությունները, մի կողմից, արժանի են ուշադրության և ուղղված են գործուն զղալու նորմի կիրառման պրակտիկայի օպտիմալացմանը, որը, ինչպես ցույց է տալիս իրավակիրառ պրակտիկան, հաճախ կրում է «մեռած» բնույթ, մյուս կողմից՝

առանձին փոփոխությունները հակասական են և պահանջում են հետագա քննարկում: Քրեաքրավական կոնֆլիկտների լուծման այլընտրանքային ձևերի սոցիալ-իրավական նպատակը խթանումն է հանցավորի դրական հետհանցավոր վարքագիծը¹: Քրեական պատասխանատվության և պատժի ներուժի և քրեական օրենտրության այլընտրանքների արդյունավետության համեմատությունը հանգեցնում է այն մտքին, որ որոշ դեպքերում խրախուսումը շատ ավելի դրական ազդեցություն ունի հանցանք կատարած անձի՝ ի դեմս իրավապահ մարմինների, պետության կողմից ակնկալվող վարքագիծի համատեքսուում:

Խրախուսական նորմի ազդեցության մեթոդը կառուցվում է այնպես, որ անձը չի պարտավորվում, այլ խրախուսվում է հասնել սոցիալապես օգտակար արդյունքի, զարգացնել նոր անհատական հատկություններ նրանց մոտ, ովքեր հայտնվել են քրեական օրենքի ազդեցության ոլորտում, այսինքն՝ հանցավորի սոցիալական վերակռողմնորոշումը²:

Քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու ինստիտուտի սոցիալական նշանակությունը կայանում է նրանում, որ պետությունը որոշում է չիրականացնել հանցագործություն կատարած անձի նկատմամբ միջոցներ կիրառելու իր իրավունքը, որոնք կապված են հանցավորի իրավական կարգավիճակի վրա բացասական ազդեցության հետ, այլ հանցագործություն կատարած անձին վստահություն է ցուցաբերում և ապագայում ակնկալում է նրա օրինապահ պահպանը³: Պետք է նշել, որ գործուն զղալը հեշտացնում է հանցագործությունների բացահայտումը, նպաստում է դրանց ավելի արագ և ամրողական քննությանը, ինայում է զգալի ուժեր և միջոցներ, հնարավորություն է տալիս կանխել այլ հանցագործությունների կատարումը⁴:

¹ Саргсян А.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (сравнительно-правовой анализ). Дисс.канд. юрид наук. Еր., 2020. С. 3.

² Кругликов Л.Л., Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском уголовном праве // «Актуальные проблемы экономики и права», № 3. 2007. С. 157.

³ Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практич. пособие. М.: «Проспект», 2019. С. 13.

⁴ Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности. 2008. С. 42.

Հինական հետազոտություն

2021 թվականի մայիսի 5-ին ընդունված քրեական օրենսգրքում (ուժի մեջ է մտել 01.07.2022թ.) վերոնշյալ նորմը սահմանվել է հետևյալ խմբագրությամբ՝

1. Եթե անձն առաջին անգամ է հանցանք կատարել, ապա կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե նրա կատարած արարքը ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հանցանք է, և նա համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, չի վիճարկում իրեն մեղսագրվող արարքը, վնաս պատճառած լինելու դեպքում հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է հանցագործությամբ պատճառված վնասը:

1.1. Եթե անձի առաջին անգամ կատարած հանցանքը ծանր կամ առանձնապես ծանր հանցանք է, ապա հանցավորի դերի, հանցանքը կատարելիս կամ դրանից հետո նրա վարքագիծ և այլ հանգամանքների հետ կապված բացարիկ գործոնների առկայության դեպքում նա կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, չի վիճարկում իրեն մեղսագրվող արարքը, վնաս պատճառած լինելու դեպքում հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է հանցագործությամբ պատճառված վնասը: Բացարիկ կարող են ճանաչվել ինչպես առանձին մեղմացնող հանգամանքները, այնպես էլ այդ հանգամանքների համակցությունը:

1.2. Սույն հոդվածի 1.1-ին մասով նախատեսված հիմքով անձը չի կարող ազատվել քրեական պատասխանատվությունից սույն օրենսգրքի 133-154-րդ, 188-րդ հոդվածներով, 196-րդ հոդվածի 2-րդ մասով, 308-րդ, 419-րդ, 420-րդ, 425-րդ հոդվածներով, 441-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 1-ին կետով, 450-րդ, 522-րդ, 523-րդ հոդվածներով, 549-րդ հոդվածի 2-րդ և 3-րդ մասերով, 550-րդ հոդվածի 2-րդ և 3-րդ մասերով նախատեսված հանցանքներ կատարելու, ինչպես նաև այնպիսի հանցանք կատարելու դեպքում, որի համար նախատեսված է նաև ցմահ ազատագրվում:

Հակիրճ անդրադառնալով այս ինստիտուտի վերաբերյալ նախկին և նոր քրեական օրենսգրքերի փոփոխությանը՝ նշենք, որ մասնավորապես կատարվել են հետևյալ փոփոխությունները՝ 1. Նախկին քրեական օրենսգրքի համեմատ, նոր քրեական օրենսգրքում հանվել է մեղայականով ներկայանալը՝ որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատելու պայման: Փոխարենը սահմանվել է հետևյալ պայմանը «Անձը չի վիճարկում իրեն մեղսագրվող արարքը»:

2. Նոր քրեական օրենսգրքով սահմանվել է քրեական պատասխանատվությունից ազատելու պայման, եթե անձը համագործակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ, սակայն ներկա քրեական

օրենսդրությունը չի սահմանել, թե որոնք են քրեական հետապնդման մարմինները:

3. Նոր քրեական օրենգրքով սահմանվել է, որ ծանր կամ առանձնապես ծանր հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից բացառիկ գործոնների առկայության դեպքում: Այս հանգամանքի առկայությունը, կարծում ենք, մի շարք անորոշություններ կարող է է ստեղծել իրավակիրառ պրակտիկայում: Սահմանվել է նաև այն հանցակազմերը (133-154-րդ, 188-րդ հոդվածներով, 196-րդ հոդվածի 2-րդ մասով, 308-րդ, 419-րդ, 420-րդ, 425-րդ հոդվածներով, 441-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 1-ին կետով, 450-րդ, 522-րդ, 523-րդ հոդվածներով, 549-րդ հոդվածի 2-րդ և 3-րդ մասերով, 550-րդ հոդվածի 2-րդ և 3-րդ մասերով նախատեսված հանցանքներ կատարելու, ինչպես նաև այնպիսի հանցանք կատարելու դեպքում, որի համար նախատեսված է նաև ցմահ ազատազրկում:), որոնց դեպքում անձը չի կարող ազատվել քրեական պատասխանատվությունից նույնիսկ բացառիկ հանգամանքների առկայության դեպքում, սակայն կարծում ենք, որ այդ շարքին կարելի էր դասել նաև սույն քրեական օրենսգրքի 155-րդ և 198-րդ հոդվածները, ինչը հավելյալ կըննարկենք:

4. Ինչպես նախկին, այնպես էլ նոր քրեական օրենսգրքով սահմանվել է, որ անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հանցանք կատարելու դեպքում, սակայն կարծում ենք, որ այս նորմը պետք է կրի իմպերատիվ բնույթ և անձը պետք է ազատվի քրեական պատասխանատվությունից վերոնշյալ պայմանների առկայության դեպքում:

Ինչպես նաև կարծում ենք, որ անձին պետք է կաշկանդել և չթողնել, որպեսզի նա կորցնի իր զգոնությունն ու ակտիվ դրական հետհանցավոր վարքագիծը լինի կայուն՝ նրա նկատմամբ վերահսկողություն սահմանելով:

Վերոնշյալ փոփոխություններին, իրավական դիրքորոշումներին օբյեկտիվ գնահատական տալու համար անհրաժեշտ է պատշաճ ուսումնասիրության ենթարկել ինչպես տեսական հետազոտություններն, այնպես էլ իրավակիրառ պրակտիկան:

1. Մեղայականով ներկայանալը: Գործող քրեական օրենսգիրքը հանել է մեղայականով ներկայանալը՝ որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատման պարտադիր պայման: Վճռաբեկ դատարանը Ա. Ավետիսյանի գործով որոշման մեջ պարզաբանել է, թե ինչ է իրենից ներկայացնում մեղայականով ներկայանալը, մասնավորապես՝ «Մեղայականով ներկայանալը նշանակում է, որ անձը կամավոր ներկայանում է

իրավապահ մարմիններին (ոստիկանություն, դատախազություն և այլն) և հայտնում է իր կողմից միանձնյա կամ այլ անձի հետ կատարած հանցագործության մասին: Այլ կերպ՝ մեղայականով ներկայացած անձը կամավոր, անկեղծ խոստովանություն է անում, քրեական հետապնդում իրավանացնող մարմինի բանավոր կամ գրավոր կերպով հայտնում իր կողմից կամ իր մասնակցությամբ կատարված հանցագործության մասին: Հնարավոր են իրավիճակներ, երբ հանցագործություն կատարած անձը չի կարող անձամբ ներկայանալ և հայտնել հանցագործության մասին, և Վճռաբեկ դատարանն արձանագրում է, որ նման դեպքերում հեռախոսով կամ փոստով հաղորդումները ևս պետք է դիտվեն որպես մեղայականով ներկայանալ»⁵: Իրավակիրառ պրակտիկայի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հաճախ հենց այս պայմանի հաստատման դժվարությունների պատճառով էր պայմանավորված այն իրավիճակը, որ հնարավոր չէր լինում կիրառել գործուն գործառու մասին նորմը: Սակայն, արդարության համար պետք է նշել, որ ՀՀ Վճռաբեկ դատարանը բավականին լայն է ընկալում և մեկնաբանում իր նախադեպային որոշումներում այս պայմանը: Մասնավորապես, Էդոարդ Ադամյանի գործով Վճռաբեկ դատարանը արձանագրել է, որ «վարույթ իրականացնող մարմին ներկայանալու ոչ բոլոր դեպքերն են իրենց բնույթով և հատկանիշներով համարվում մեղայականով ներկայանալ և հանգեցնում պատասխանատվության ու պատժի պարտադիր մեղմացման: Յուրաքանչյուր գործով անհրաժեշտ է պարզել՝ արդյոք այն եղել է նաև կամովին և հակառակը՝ կամովին ներկայանալու դեպքերը արդյոք պարունակում են մեղայականով ներկայանալուն բնորոշ հատկանիշները: Այսպես, ներկայանալը կարող է համարվել կամովին այն դեպքում, եթե անձն ինքնակամ, սեփական կամահայտնությամբ դիմում է համապատասխան մարմիններին՝ գիտակցելով քննությունից թաքնվելու հնարավորությունը: Ընդ որում, ներկայանալու նախաձեռնությունը կարող է բխել ինչպես հանցավորից, այնպես էլ այլ անձանցից (օրինակ՝ մերձավորների կողմից համոզելու, հորդորելու, խորհուրդներ տալու և այլ դեպքերում): Տվյալ պարագայում սկզբունքային անձի նկատմամբ հոգեկան կամ ֆիզիկական հարկադրանքի բացակայությունն է: Միաժամանակ կամովին ներկայանալը կհամարվի մեղայականով ներկայանալ, եթե հանցավորն ընդունի իր մեղքը հանցանքի կատարման կամ դրան հանցակցելու մեջ, անկեղծորեն գործա կատարվածի համար և տա ճշմարտացի ցուց-

⁵ Անդրանիկ Ավետիսյանի վերաբերյալ գործով «Վճռաբեկ դատարանի 13.07.2011թ. թիվ ԵԱՆԴ/0091/01/09 որոշումը:

մունքներ գործին վերաբերող իրեն հայտնի բոլոր հանգամանքների վերաբերյալ: Միայն վերոնշյալ հատկանիշների միաժամանակյա առկայությունն է վկայում հանցավորի անկեղծ զղալու, հանցագործության բացահայտմանն աջակցելու պատրաստակամության և, հետևաբար, նրա հանրային վտանգավորության աստիճանի էական նվազման մասին»:

Այս հարցի վերաբերյալ Ա. Քյարամյանն ու Հ. Երեմյանը նշել են, որ «Կամովին ներկայանալու հանգամանքը բացակայում է, եյէ անձը գիտակցել է, որ իր գտնվելու վայրը հայտնի է իրավապահներին, և այդ պայմաններում ներկայացել է վերջիններին. այս դեպքում բացակայում է անձի ազատ կամարտահայտությունը: Հարկ է ընդգծել, որ կամովին ներկայանալու դեպքում էական չեն հանցավորի՝ հետախուզման մեջ գտնվելու կամ հանցագործությունը տևական ժամանակ առաջ կատարելու հանգամանքները անձի՝ իր արարքի համար զղալու հանգամանքը զնահատողական կատեգորիա է և սույն ինստիտուտի կիրառման տեսանկյունից պետք է պայմանավորվի կոնկրետ գործողությունների կատարմամբ: Ինչ վերաբերում է իր կատարած արարքի վերաբերյալ անձի հոգեբանական վերաբերմունքին՝ դա խիստ սուրյեկտիվ հանգամանք է և չի կարող որպես պարտադիր հատկանիշ հաշվի առնվել վարույթն իրականացնող մարմնի կողմից: Այս տեսանկյունից առավել կարևոր է օրենքով սահմանված պայմանների կատարումը, սակայն պետք է նկատի ունենալ, որ տեսական մակարդակում քննարկման ենթակա է նաև այն տեսակետը, որ նշված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելը հնար:

Վերոշարադրյալի հիման վրա գտնում ենք, որ մեղայականով ներկայանալը որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատման պարտադիր հատկանիշ օրենսդրի կողմից չդիտարկելը հիմնավորված չէ, քանի որ մեղայականով ներկայանալը ոչ մեծ և միջին ծանրության հանցագործությունների պարագայում կարող է խթան հանդիսանալ հանցագործությունների առավել արդյունավետ բացահայտման համար:

Մեղայականով ներկայանալու հետ կապված պետք է ուշադրության արժանացնել այդ պայմանի իրագործման «օբյեկտիվ անհնարինության» դեպքերը:

Այսպես, ինչպես միանգամայն ճիշտ է նշում Ռ.Ս. Մելսոնյանը «.. առանձին դեպքերում անհնար է կատարել օրենքում առանց բացա-

⁶ Քյարամյան Ա. Հ. Երեմյան Գորխուն զղալու ինստիտուտ քրեաբրավական և քրեադատավարական վերլուծություն // «Օրինականություն»». № 101. 2017. Էջ 23:

ոռության նշված բոլոր պայմանները՝ «անհաղթահարելի ուժի» պատճառաբանությամբ, եթե անձը ձերբակալվում է հանցագործության կատարման վայրում կամ այլ օբյեկտիվ պատճառներով չի կարող ներկայանալ մեղայականով»⁷: Ա.Ա. Սարգսյանը նշում է, որ ենելով քրեական օրենսդրության մարդկանացման քաղաքականությունից, գործուն գոջալու վերաբերյալ խրախուսական նորմի օպտիմալացումից և յուրաքանչյուր կոնկրետ դեպքում իրականության իրողություններին բավարարող առավելագույն համարժեք պայմանների ստեղծումից, նպատակահարմար է թվում ուսումնասիրվող ինստիտուտի «հարմարեցումը» քրեական պատասխանատվության սուբյեկտները հատուկ խմբին՝ զինծառայողներին⁸:

2. Քրեական հետապնդման մարմինները: Գործող քրեական օրենսգրքի 81-րդ հոդվածի 1.1 մասով սահմանվում է, որ անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե համագրքակցում է քրեական հետապնդման մարմինների հետ: Որոշակի ուսումնասիրություններ կատարելով հանգում ենք նրան, որ գործող քրեական օրենսգրքում առկա է օրենսդրական բաց՝ մասնավորապես չսահմանելով, թե որոնք են քրեական հետապնդման մարմինները: Ուսումնասիրելով Վիրաբ Համբարձումյանի «Գործուն գոջալու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու լիազարություն ունեցող մարմինները» գիտական հոդվածը, համակարձիք ենք այն տեսակետի հետ, որ գործող քրեական դատավարության օրենսգրքում «քրեական հետապնդման մարմին» հասկացություն առկա չէ, ի տարբերություն նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքի, որտեղ նշվում էին, թե որոնք են քրեական հետապնդման մարմինները, մասնավորապես՝ դատախազը (մեղադրող), քննիչը և հետաքննության մարմինը:

Կարծում ենք, որ վերոնշյալ օրենսդրական բացի առկայության պայմաններում կարող է որոշակի անորոշություն առաջանալ անձի մոտ հանցանք կատարելուց հետո քրեական հետապնդման մարմիններ դիմելու դեպքում: Այսպիսով հարց է առաջանում, արդյոք «Ոստիկանությունը» համարվում է քրեական հետապնդման մարմին, քանզի ներկայիս պրակտիկան ցույց է տալիս, որ հանցանք կատարած անձինք ցանկության դեպքում առաջին հերթին դիմում են «Ոստիկանություն»: Հետևաբար կարծում ենք, որ գործող քրեական օրենսգրքում «Քրեական հետա-

⁷ Մելտոնյան Ռ.Մ. Освобождение от уголовной ответственности: криминологическая обоснованность закона. Криминологическая наука. № 3(29). 2014. С. 51.

⁸ Սարգսյան Ա.Ա. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (сравнительно-правовой анализ). Дисс. канд. юрид наук. Еր., 2020. С. 139.

պնդման մարմին» հասկացությունը ենթակա է իրավական ճիշտ մեկնաբանման կամ լրացման, ինչպես նաև լինի բավարար չափ որոշակի, որպեսզի դրա հասցեատերը ի վիճակի լինի դրսեորելու համապատասխան վարքագիծ:

3. Բացառիկ հանգամանքը իրավակիրառ պրակտիկայում: Գործող քրեական օրենսգրքում կատարվել է փոփոխություն, մասնավորապես անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից՝ գործուն զղալու հիմքով, նաև ծանր և առանձնապես ծանր հանցագործությունների դեպքում՝ բացառիկ գործոնների առկայությամբ: Չնայած գործուն զղման ինստիտուտի կարևորությանը և դրա դրական ազդեցությանը քրեական արդարադատության որոշակի դեպքերում, կարծում ենք, որ ծանր և առանձնապես ծանր հանցագործությունների համար նախատեսված բացառիկ հիմքերով ազատումը խնդրահարուց է մի շարք պատճառներով, մասնավորապես նման ամրագրումը հակասում է ինչպես արդարադատության սկզբունքներին, այնպես էլ քրեական իրավունքի իրացման նպատակներին: Հաշվի առնելով կատարված արարքի վտանգավորության բարձր աստիճանը, երբեմն դրանց անդառնալի հետևանքները, բախվում ենք մի շարք խնդիրների իրավակիրառ պրակտիկայում: Նորմի էռույթունը ընկալելու համար անհրաժեշտ է հասկանալ, թե ինչ ասել է «բացառիկ գործոն» և մասնավորապես, որոնք ենք այդ բացառիկության չափանիշները: Որպես «բացառիկ» հաշվի առնվող հանգամանքների կապակցությամբ Վճռաբեկ դատարանն իրավական դիրքորոշումներ է հայտնել Հ. Հարեցյանի և Հ. Հովհաննիսյանի վերաբերյալ որոշումներում: Համաձայն Հ. Հարեցյանի վերաբերյալ որոշման՝ «(..) բացառիկ հանգամանքները կապված են հանցանքի շարժադիթների ու նպատակների, հանցավորի դերի, հանցանքը կատարելիս ու դրանից հետո նրա վարքագծի հետ: Այդպիսիք կարող են լինել նաև այլ հանգամանքներ, որոնք էականորեն նվազեցնում են հանցանքի՝ հանրության համար վտանգավորության աստիճանը: Ըստ որում, կարևոր ոչ թե պատիժը մեղմացնող տվյալների քանակն է, այլ այն, թե ինչքանով են դրանք էականորեն ազդել հանցանքի՝ հանրության համար վտանգավորության աստիճանի նվազեցման վրա»⁹: Համաձայն Հ. Հովհաննիսյանի վերաբերյալ որոշման՝ «ՀՀ քրեական օրենսգրքում օգտագործված «բացառիկ» բառը ենթադրում է, որ տվյալ փաստական հանգամանքը կամ դրանց համակցությունը դուրս են գալիս սովորականի շրջանակներից:

⁹ Տե՛ս Հարություն Հարեցյանի վերաբերյալ գործով Վճռաբեկ դատարանի 2007 թվականի օգոստոսի 30-ի ՎԲ-145/07 որոշումը:

Այլ կերպ՝ մեղմացնող հանգամանքը կամ մեղմացնող հանգամանքների համակցությունը պետք է այն աստիճան առանձնահատուկ լինեն, որ վերածվեն բացառության»¹⁰:

Կարծում ենք, որ իրապես պրակտիկայում կարող են լինել բացառիկ հանգամանքներ, որոնք նվազեցնեն հանցանքի վտանգավորության աստիճանը, սակայն դրանք կարող են որոշիչ լինել «ավելի մեղմ պատիժ նշանակելու ինստիտուտը կիրառելու» պարագայում, այլ ոչ քրեական պատահանատվությունից գործուն զղչման հիմքով ազատման դեպքում: Միևնույն ժամանակ օրենսդիրը ամրագրել է մի շարք հանցակազմեր, որոնց դեպքում տվյալ նորմը չի կիրառվում՝ նույնիսկ բացառիկ հանգամանքներում, սակայն այդ հանցակազմերի մեջ ներառված չեն Քրեական օրենսգրքի 155-րդ հոդվածը՝ Սպանությունը և 198-րդ հոդվածը՝ Սերուալ բնույթի բռնի գործողությունները:

Վերը նշվածը թույլ է տալիս եզրակացնելու, որ օրենսդիրը նման ամրագրմամբ անորոշություններ է առաջացրել բացառիկ գործոնների, գործուն զղչման ինստիտուտի և առավել վտանգավոր հանցագործությունների հարաբերակցության հարցում: Միևնույն ժամանակ հաշվի առնելով որ նորմը հայեցողական է, կարծում ենք այն ավելի խոցելի է դառնում և մեծ լծակներ է թողնում իրավակիրառին:

4. Նորմի հմագերատիվ և հայեցողական բնույթը: Նախկին և ներկա քրեական օրենսգրքով սահմանվել է քրեական պատասխանատվությունից ազատվելը՝ գործուն զղչալու հիմքով որպես խրախուսական նորմ: Նորմը սահմանում է, որ ինչպես ոչ մեծ և միջին ծանրության, այնպես էլ ծանր և առանձնապես ծանր հանցագործությունների պարագայում առկա է հայեցողություն: Իրավահամեմատական վերլուծություններ կատարելով և ուսումնասիրելով ներկայիս պրակտիկան, կարծում ենք առկա են որոշակի խնդիրներ, որոնք ունեն լրիվ և օբյեկտիվ վերլուծությունների կարիք: Ինչ վերաբերում է ծանր և առանձնապես ծանր հանցագործություններին, գտնում ենք, որ իրավաչափ է նման ամրագրումը, քանի որ նման հանցագործությունները ունեն եզակի և առանձնահատուկ բնույթ:

Եզրակացություն

Կատարված ուսումնասիրության արդյունքում անհրաժեշտ է արձանագրել հանցավորության կանխարգելման գործում գործուն զղչման խրախուսական նորմի կարևոր դերը: Միևնույն ժամանակ, կարծում ենք,

¹⁰ Տե՛ս Հակոբ Հովհաննիսյանի վերաբերյալ գործով Վճռաբեկ դատարանի 2008թ. փետրվարի 29-ի ՎԲ-13/08 որոշման 19-րդ կետը:

որ ի տարբերություն ծանր և առանձնապես ծանր հանցագործություններին, ոչ մեծ և միջին ծանրության հանցագործությունները ունեն ավելի նվազ վտանգավորության աստիճան, հետևաբար կարծում ենք, որ նորմի իմպերատիվ կիրառումը կարող է խթան հանդիսանալ հանցագործություն կատարած անձի համար դրսորելու դրական վարքագիծ՝ նպաստելով հանցագործությունների բացահայտմանը: Նորմի իմպերատիվ կիրառումը կարող է դրսորվել հետևյալում՝ նախ օրենսդիրը պետք է հստակ ամրագրի այն պայմանները, որոնց առկայության դեպքում անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից: Վերջինս կարելի է լրացնել մեղայականով ներկայանալը՝ որպես պարտադիր հատկանիշ նորմի դիսպոզիցիայում կիրառելով: Հանցագործություն կատարած անձին այս նորմը հնարավորություն կտա դրսորելու հետհանցավոր դրական վարքագիծ, միևնույն ժամանակ կնպաստի հանցագործությունների ժամանակին և օրյեկտիվ բացահայտմանը, սակայն չպետք է այս նորմը հանգեցնի անձին դրսորելու հանցավոր վարքագիծ՝ վտահ լինելով, որ կազատվի քրեական պատասխանատվությունից: Հետևաբար առաջարկում ենք՝ հնարավոր ռիսկերը կանխելու նպատակով սահմանել վերահսկողություն անձի նկատմամբ: Անձի նկատմամբ «վերահսկողություն սահմանել» ասելով պետք է հասկանալ քրեական պատասխանատվությունից ազատելուց հետո այնպիսի ողջամիտ ժամանակահատվածի ընտրություն, որը հնարավորություն կտա անձին հետհանցավոր ժամանակահատվածում դրսորելու դրական վարքագիծ և կլաշկանդի նրան կրկին անզամ կատարելու նույն հանցագործությունը:

Վերահսկողության պայմանների խախտման դեպքում անձը կենթարկվի քրեական պատասխանատվության արդեն իսկ կատարված արարքի համար, այսինքն, եթե անձը կատարել է հանցանք և նրա նկատմամբ սահմանվել է վերահսկողություն՝ պայմանական 1 տարի ժամանակահատվածով, և անձը կրկին անզամ կատարել է նույն հանցագործությունը՝ անձը ենթակա է պատասխանատվության ինչպես նախորդ, այնպես էլ ներկայիս կատարված հանցագործության համար:

Միաժամանակ, կարծում ենք, որ անհրաժեշտ է ընդլայնել այն բացառությունների ցանկը, որն արգելում է գործուն զղալու նորմի կիրառումը բացադիկ հանգամանքների առկայության դեպքում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Саргсян А.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (сравнительно-правовой анализ). Дисс. канд. юрид наук. Еր.: 2020. С. 3.*

2. Кругликов Л.Л., Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском уголовном праве // «Актуальные проблемы экономики и права», № 3, 2007. С. 157.
3. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практич. пособие. М.: «Проспект», 2019. С. 13.
4. Забарчук Е.Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // «Журнал российского права», 2008. С. 42.
5. Քյարտիչյան ԱՀ Երեմյան Գորիսուն զդաշլու ինստիտուտի քրեափրավական և քրեադատավարական վերլուծություն // «Օրինականություն», № 101. 2017. Էջ 23:
6. Мелтонян Р.М. Освобождение от уголовной ответственности: криминологическая обоснованность закона // «Криминологическая наука», № 3 (29), 2014. С. 51.
7. Անդրանիկ Ավետիսյանի վերաբերյալ գործով ՀՀ Վճարել դատարանի 13.07.2011թ. թիվ ԵԱՆԴ/0091/01/09 որոշումը
- 8.Տե՛ս Հարություն Հաբեյյանի վերաբերյալ գործով Վճարել դատարանի 2007 թվականի օգոստոսի 30-ի Վ.Բ-145/07 որոշումը:
- 9.Տե՛ս Հակոբ Հովհաննիսյանի վերաբերյալ գործով Վճարել դատարանի 2008թ. թետրվարի 29-ի Վ.Բ-13/08 որոշման 19-րդ կետը:

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*Г.Д. Ариакян, Г.Ф. Хачатрян
Российско-Армянский (Славянский) университет*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется поощрительная норма о деятельном раскаянии, являющаяся одним из проявлений реализации ряда принципов уголовного законодательства. В то же время с принятием в 2021г. нового Уголовного кодекса в институт деятельного раскаяния были внесены принципиальные изменения, некоторые из которых, безусловно, положительные, а другие – спорные. В частности, законодатель отказался от добровольной явки с повинной в качестве важного условия применения нормы. На основе системного анализа института деятельного раскаяния в статье представлен ряд рекомендаций, направленных на совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: поощрительная норма, деятельное раскаяние, стимулирование, гуманизм, постпреступное поведение.

**EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY ON THE BASIS
OF ACTIVE REPENTANCE IN THE LIGHT OF THE
ADOPTION OF THE NEW CRIMINAL CODE OF THE
REPUBLIC OF ARMENIA**

*G. Arshakyan, G. Khachatrian
Russian-Armenian (Slavonic) University*

ABSTRACT

This article analyzes the incentive rule on active repentance, which is one of the manifestations of the implementation of a number of principles of criminal law. At the same time, with the adoption of the new Criminal Code in 2021, fundamental changes were made to the institute of active repentance, some of which are undoubtedly positive, while others are controversial. In particular, the legislator refused to voluntarily turn himself in as an important condition for the application of the norm. Based on a systematic analysis of the institute of active repentance, the article presents a number of recommendations aimed at improving law enforcement practice.

Keywords: incentive norm, active repentance, stimulation, humanism, post-criminal behavior.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

А.О. Барсегян, Д.Т. Арутюнян

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт права

albert_barseghyan04@mail.ru, davit.harutyunyan.davit@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается уголовно-правовое регулирование института крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Авторы акцентируют внимание на понятие, признаки и принципы применения данного института, включая соразмерность причиненного и предотвращенного вреда, реальность угрозы и неизбежность выбора. Обосновывается его теоретическая значимость для защиты важнейших общественных благ и гуманизма уголовного права. Внимание уделено также проблемам превышения пределов крайней необходимости и практическому применению института в судебной практике. Работа опирается как на теоретические основы, так и на право-применительную практику.

Ключевые слова: крайняя необходимость, уголовная ответственность, причинённый вред, превышение пределов.

Введение

Анализ института крайней необходимости дает возможность углубить понимание правовых механизмов разрешения конфликтов интересов, исследовать гуманистические аспекты уголовного права. Данная тема позволяет изучить принцип соразмерности вреда, этических дилемм и баланса между причиненным вредом и правомерной целью. Данный институт уголовного права создает основу для более справедливой и гуманной правоприменительной практики.

Материал и методы

Крайняя необходимость – это причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам и благам для устранения какой-либо опасности, который угрожает непосредственно личности, правам данного лица или же третьих лиц, интересом общества или государства, морали или нравственности, только в том случае, когда опасность не могла быть устранена иными более мягкими путями. Таким образом, норма о крайней необходимости, являясь управомочивающей, выступает одним из эффективных средств уголовно-правовой защиты объектов уголовно-правовой охраны. Важно учитывать, что вред охраняемым законом интересам может быть причинен только тогда, когда опасность не могла быть устранена иными более мягкими способами.

По законодательству Российской Федерации, а именно согласно ч. 2 ст. 39 уголовного кодекса РФ понимаем, что превышение пределов крайней необходимости, то есть их явная несоразмерность влечет за собой уголовную ответственность в случае умышленного причинения вреда. Принцип соразмерности крайней необходимости также лежит в основе законодательства РА. Важно также учитывать, что, если причиненный вред равен или же более значителен, чем предотвращенный, то лицо привлекается к уголовно-правовой ответственности в случаях явной несоразмерности и умышленного причинения большего вреда.

Важнейшим признаком крайней необходимости также являются условия правомерности действий лица, которые условно можно разделить на две группы:

- условия, относящиеся к опасности, которая включает в себя источник опасности и его устранения, наличие опасности и что самое главное – действительность опасности;
- условия, относящиеся к деятельности по устранению опасности.

Учитывая вышесказанное и определения крайней необходимости можно подтвердить, что ее состояние определяется двумя аспектами – угрожающей опасностью и невозможностью устраниить эту опасность иначе, как путем причинения вреда¹.

Крайняя необходимость – одно из тех обстоятельств, которое исключает преступность деяния, и предполагает причинение меньшего вреда для предотвращения большего. Уголовное законодательство РФ, в частности, статья 39 УК РФ, закрепляет обязательность соблюдения критерия соразмерности, что предполагает следующие факторы:

- причиненный вред должен быть менее значительнее, чем предотвращенный;
- действия в состоянии крайней необходимости являются правомерными, поскольку они предотвращают значительный ущерб для общественных отношений.

Главными критерием является соблюдение пропорциональности между предотвращенным вредом и ущербом, который был причинен. Для того, чтобы полностью оценить ситуацию необходимо учитывать следующие аспекты:

- характер блага, которому угрожает опасность: важно понять, каким благам угрожала данное действие: жизни, здоровью, собственности; если ущерб был нанесен менее ценным благам для того, чтобы убечь более ценные, то это действие признается допустимым;
- размер предотвращенного и причиненного вреда: нужно понимать, что причиненный вред должен быть менее общественно опасным, чем предотвращенный вред;

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 53.

- социально-правовая ценность благ – «крайняя необходимость создает коллизию двух правоохраняемых интересов. Выход из ситуации возможен только путем выбора меньшего зла»².

В уголовном праве Германии (§34 StGB) используется похожий подход к определению правомерности действий во время крайней необходимости. Однако, в отличие от российского законодательства, немецкое четко разграничивает обстоятельства, устраниющие противоправность действий: оправдывающие обстоятельства (Rechtfertigungsgründe) и извинительные обстоятельства (Entschuldigungsgründe) исключают виновность лица, но действия остаются противоправными. Это позволяет точнее разграничивать деяния³. Это актуально также в связи с принятием нового УК РА. Извинительная крайняя необходимость относится к случаям, когда лицо сталкивается с опасностью, угрожающей его жизни или здоровью либо жизни, здоровью его близких. Суть этой разновидности крайней необходимости состоит в бессилии карательной угрозы удержать от совершения преступления человека, «обезумевшего» от страха. Деяние, совершенное в состоянии «извинительной» крайней необходимости, объявляется деянием неправомерным, но ненаказуемым. Характерным признаком «извинительной» необходимости является идея о допустимости причинения смерти другому человеку с целью спасения собственной жизни и не только. Качественно новый УК Республики Армения предусматривает (ч. 6 ст. 34) институт провокации крайней необходимости. Состояние крайней необходимости отсутствует в случаях, когда имеет место провокация крайней необходимости, то есть умышленное создание опасности для охраняемых законом интересов с последующим причинением вреда этим интересам под предлогом нахождения в состоянии крайней необходимости. В данной ситуации лицо сознательно формирует угрожающую обстановку, чтобы затем использовать ее в качестве оправдания своих действий.

Сторонники субъективного обоснования крайней необходимости единодушно высказывались о несправедливости приговора, вынесенного в отношении экипажа судна «Миньонетт». Казнь была заменена шестимесячным заключением в тюрьме⁴.

«Стая волков преследует двух едущих в санях, один из них ввиду неизбежной смерти хватает товарища и бросает животным, чтобы задержать их и иметь время ускакать, или, что случается часто, во время кораблекрушения на лодке нет места всем, кому угрожает смерть. Один из оставшихся сталкивается в воду впереди стоящего, чтобы захватить его место»⁵. В данных ситуа-

² Там же. С. 347.

³ Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. С. 92.

⁴ Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации // дисс. ... канд. юрид. наук. 2019. С. 281.

⁵ Там же.

циях мораль конфликтует с инстинктом самосохранения. Считаем, что подобные деяния людей – действие в состоянии существа, «обезумевшего» от страха. Такие деяния хоть с моральной точки зрения недопустимы, но подпадают под категорию крайней необходимости.

Справедливо будет выделить некоторые концепции о ненаказуемости состояния крайней необходимости в уголовном праве. Г.Е. Колоколов обосновывал ненаказуемость крайней необходимости тремя обстоятельствами: во-первых, бесцельностью наказания с точки зрения общего и специального предупреждения; во- вторых, невозможностью требовать от среднего гражданина героизма, позволившего бы ему перенести опасность, не перелагая ее на другое лицо: в-третьих, бессилием карательной угрозы удержать лицо от совершения преступного деяния в состоянии крайней необходимости⁶. М.Д. Шаргородский придерживается противоположной точки зрения, отмечая следующее: «Наказуем, как мы полагаем, и альпинист, обрубивший веревку, к которой привязан его товарищ, сорвавшийся с горы и тянувший его за собой в бездну, когда он не может того удержать и имеется дилемма: или погибнуть обоим, или спастись ему одному»⁷.

Необходимая оборона, напротив, связана с противодействием противоправному нападению. В отличие от крайней необходимости, здесь вред причиняется нападающему, что делает его допустимым даже в том случае, если он оказывается значительным. Законодатель исходит из того, что лицо не обязано пассивно терпеть преступное посягательство, а может защищаться всеми доступными способами в пределах, предусмотренных законом. Тем самым законодатель предусматривает для человека обороняться и самостоятельно защищать себя от противоправных нападок других лиц. «Наличность» применительно к необходимой обороне характеризует временной промежуток с момента возникновения реальной угрозы посягательства до момента его фактического окончания. При этом защита возможна и в случаях, когда посягательство является фактически оконченным, если для обороняющегося не был ясен момент окончания⁸. Некоторые авторы, предлагают отнести период начала состояния крайней необходимости к моменту, когда «сложилась обстановка, свидетельствующая о значительной степени вероятности возникновения опасности»⁹.

В судебной практике не раз возникали вопросы о том, какие критерии следует использовать для определения соразмерности. Например, можно ли оправдать уничтожение чужого имущества во имя спасения жизни? Или на-

⁶ Колоколов Г.Е. Уголовное право. Курс лекций. М., 1894–1895. С. 183.

⁷ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 243.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Эл. ресурс]: СПС «Консультант плюс», № 19, от 27.09.2012.

⁹ Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9. СПС «КонсультантПлюс», 2018.

сколько допустимо причинение вреда здоровью одного лица ради предотвращения более серьезных последствий для других?

Разрешение ситуаций, в которых одно благо лишь незначительно пре-восходит другое, представляет значительную сложность. «Как установить градацию прав по степени их важности? Можно ли сказать вперед, что право на телесную неприкосновенность выше права личной свободы, или, что каждое из них в отдельности выше любого имущественного права?» – задается вопросом Н.С. Таганцев¹⁰. Обозначить приоритет ценности в каждом случае – одна из сложнейших задач. Эти вопросы не имеют однозначного ответа, что создает правовую неопределенность и затрудняет доказывание право-мерности действий лица. Ключевое значение в процессе доказывания крайней необходимости имеет выяснение мотивов лица, совершившего деяние. Закон требует, чтобы действия были направлены исключительно на предотвращение более значительного вреда, однако на практике доказать отсутствие иных мотивов (например, корыстных, личной мести, стремления избе-жать наказания) бывает крайне сложно. Особенно сложным этот вопрос ста-новится в ситуациях, когда лицо заявляет о крайней необходимости, но его поведение можно истолковать и с иной точки зрения. Кроме того, в условиях стресса, когда субъект вынужден действовать быстро, его способность к ра-циональному анализу ограничена. Однако следственные органы и суд при оценке обстоятельств зачастую исходят из объективных факторов, не учиты-вая психологическое состояние лица в момент принятия решения. Это может приводить к ошибочной квалификации действий и неправомерному отказу в признании крайней необходимости. Как отмечает А.М. Станкевич, в странах общего права, в отличие от романо-германской правовой семьи, предел до-пустимого вреда всегда определяется с учетом психического состояния лица, его оценки ситуации, его предположений о развитии опасности, что пред-ставляется правильным¹¹.

В конце концов доказывание крайней необходимости в уголовном праве связано с рядом существенных трудностей, включая оценку реальности уг-розы, соразмерности вреда, мотивов лица и возможных альтернативных ва-риантов действий. Еще одна проблема в юридической литературе и право-применительной практике то, что вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть менее значительным, чем вред предотврашен-ный. Это самый сложный вопрос для его решения на практике, особенно с учетом субъективного критерия¹². Эти проблемы обусловлены как сложно-стью института крайней необходимости, так и недостатками правопримени-тельной практики. Для их решения необходимо совершенствование законо-

¹⁰ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 68.

¹¹ Станкевич А.М. Указ. соч. С. 14.

¹² Волков М.М. Проблемы превышения пределов крайней необходимости // «Актуаль-ные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции», 2018. СС. 32–37.

дательства, развитие единообразной судебной практики и учет психологических особенностей поведения лиц в экстремальных ситуациях.

Согласно ст. 39 УК РФ, причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам не является преступлением, если этот вред был причинен для устранения опасности, непосредственно угрожавшей личности, обществу или государству, и, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами, а причиненный вред был менее значительным, чем предотвращенный. Однако на практике суды нередко сталкиваются с трудностями в оценке соразмерности вреда, реальности угрозы и наличия альтернативных способов предотвращения опасности. Судебная практика показывает, что в ряде случаев суды признают действия лиц преступными, несмотря на их субъективную уверенность в необходимости таких действий. Примером может служить дело Б., рассмотренное Верховным Судом РФ (Определение № 5-Д1344 от 25.06.2013). Суд первой инстанции признал Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 168 УК РФ (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), не приняв во внимание его ссылку на крайнюю необходимость. Однако Верховный Суд отменил приговор, указав, что действия Б. соответствовали условиям крайней необходимости, так как угроза жизни ребенка была несопоставимо более значимой, чем имущественный ущерб. Судебные органы также сталкиваются с трудностями в установлении реальности угрозы.

В ряде случаев суды приходят к выводу, что у лица были альтернативные варианты действий, но оно ими не воспользовалось, что исключает применение крайней необходимости. Примером может служить дело М., рассмотренное Санкт-Петербургским городским судом. Суд не признал его действия совершенными в состоянии крайней необходимости, указав, что он мог воспользоваться общественными укрытиями или позвонить в экстренные службы. В практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) также встречаются дела, в которых государства ссылались на крайнюю необходимость для оправдания своих действий, однако суд не всегда принимал такие аргументы. Например, в деле «Тагаева и другие против России» (2017г.). Другой пример – дело «Даджен против Великобритании» (1981г.).

Анализ судебной практики показывает, что главными проблемами применения крайней необходимости являются сложность оценки соразмерности причинённого и предотвращённого вреда, необходимость установления объективной реальности угрозы и определение наличия альтернативных способов предотвращения опасности. Каждое дело о крайней необходимости требует детального анализа всех обстоятельств, включая скорость и условия развития угрозы, психологическое состояние субъекта и возможные альтернативы. Эти проблемы делают применение ст. 39 УК РФ достаточно сложным и нередко приводят к ошибкам в правоприменении, что требует дальнейшего совершенствования судебной практики.

Институт крайней необходимости занимает особое место в системе уголовного права, выступая механизмом балансировки интересов общества, личности и государства. Анализ нормативных положений, теоретических

концепций и правоприменительной практики свидетельствует о высокой степени сложности данного института, обусловленной необходимостью строгого соблюдения принципа соразмерности причиненного и предотвращенного вреда.

Одним из ключевых аспектов крайней необходимости является ее гуманистическая природа, направленная на оправдание действий, которые формально содержат признаки преступления, но объективно преследуют цель защиты более значимых общественных благ. В то же время практическое применение данного института сталкивается с рядом серьезных проблем: трудности в установлении реальности угрозы, субъективность оценки возможных альтернативных способов предотвращения вреда и сложности правоприменительной практики. Судебная практика демонстрирует неоднозначность решений, обусловленную различными подходами к оценке обстоятельств каждого конкретного дела.

Важным направлением дальнейшего совершенствования правового регулирования крайней необходимости является разработка более четких критериев ее правомерности, учитывающих психологические и ситуативные аспекты принятия решений в условиях угрозы. Следует обратить внимание на зарубежный опыт, в частности на германскую модель разделения оправдывающих и извиняющих обстоятельств, позволяющую гибко подходить к оценке действий лица.

Таким образом, институт крайней необходимости остается не только теоретически значимым, но и практически востребованным инструментом правового регулирования, требующим комплексного подхода к его развитию. Формирование единообразной судебной практики и совершенствование законодательных норм позволяют избежать правовой неопределенности, обеспечивая защиту общественных интересов в условиях экстременных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] // Система ГАРАНТ.
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 [Эл. ресурс] // <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080>
3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С.С. 53, 347.
4. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона С. 92.
5. *Никуленко А.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации // дисс. ... канд. юрид. наук. 2019. С. 281.
6. *Колоколов Г.Е.* Уголовное право. Курс лекций. М., 1894–1895. С. 183.
7. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 243.
8. *Яхияев А.К., Заидова М.У.* Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // «Актуальные проблемы юриспруденции в современном мире: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции» (под ред. Швецова Н.М., Иванцовой Н.В.), 2017. СС. 289–294.

9. *Веселов А.Д.* Условия правомерности крайней необходимости, как обстоятельства, исключающего преступность деяния // «Наука через призму времени», № 4, 2018. (13). СС. 78–80.
10. *Станкевич А.М.* Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. .. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9. // СПС «КонсультантПлюс», 2018.
11. *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 68.
12. *Станкевич А.М.* Указ. соч. С. 14.
13. *Волков М.М.* Проблемы превышения пределов крайней необходимости // «Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции», 2018. СС. 32–37.

CRIMINAL LAW REGULATION OF THE INSTITUTE OF NECESSITY

A. Barseghyan, D. Harutyunyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of law*

ABSTRACT

This article examines the criminal law regulation of necessity as a circumstance that excludes the criminality of an act. The authors focus on the concept, characteristics, and principles of applying this institution, including proportionality between the harm caused and the harm prevented, the reality of the threat, and the inevitability of the choice. The theoretical significance of necessity in protecting fundamental social values and the humanitarian aspects of criminal law are substantiated. Particular attention is paid to issues of exceeding the limits of necessity and its practical application in judicial practice. The study is based on both theoretical foundations and law enforcement practices.

Keywords: necessity, criminal liability, harm caused, exceeding limits.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ И СПЕЦИАЛЬНЫМ СОСТАВОМ

A.O. Барсегян, Н.Ю. Зограбян

Российско-Армянский (Славянский) университет

Институт права

albert_barseghyan04@mail.ru, naira.zohrabyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В исследовании рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правовой ответственности соучастников в контексте специального субъекта и специального состава. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Армения свидетельствует о значительных изменениях в регулировании уголовной ответственности за преступления, совершенные со специальным субъектом в соучастии. Качественно новый Уголовный кодекс Республики Армения предусматривает специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность лица, не обладающего специфическими признаками специального субъекта, но являющегося фактическим соисполнителем преступления, совершенного со специальным субъектом.

Ключевые слова: специальный субъект, специальный состав, институт соучастия, фактическое соучастие, уголовная ответственность.

Введение

Уголовно-правовая ответственность соучастников в преступлениях, совершаемых специальными субъектами, представляет собой сложный и недостаточно урегулированный институт. Современные тенденции развития уголовного законодательства требуют переосмыслиния подходов к квалификации действий лиц, не обладающих признаками специального субъекта, но участвующих в совершении таких преступлений. Настоящая статья посвящена анализу правовой природы соучастия в преступлениях со специальным составом, а также сравнительному исследованию законодательства Российской Федерации и Республики Армения. Особое внимание уделено новеллам нового Уголовного кодекса Армении, который предусматривает ответственность фактического соисполнителя, не обладающего специальным статусом. Целью исследования является выявление особенностей и проблемных аспектов уголовно-правового регулирования соучастия при наличии специального субъекта.

Материал и методы

Современные тенденции развития института соучастия диктуют необходимость совершенствования отдельных положений российского законодательства. В особенности это касается нормы, предусмотренной ч. 4 ст. 34 УК РФ, согласно которой лицо, не являющееся специальным субъектом в соответствии со статьей Особенной части, но участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного конкретной статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве организатора, подстрекателя либо пособника. При толковании данных положений следует, что лицо, не являющееся специальным субъектом, не может нести уголовную ответственность за данное деяние как (со)исполнитель.

Однако возникает вопрос: как квалифицировать преступление со специальным субъектом, если лицо, не обладающее специальным субъектным статусом, фактически совершает часть объективной стороны данного преступления (является фактическим соисполнителем)? Часть 4 ст. 34 УК РФ не регулирует подобные случаи. Классическим примером может служить убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) либо изнасилование (ст. 131 УК РФ).

Убийство матерью новорожденного ребенка является привилегированным составом, обусловленным тяжелым психофизиологическим состоянием матери в период родов и непосредственно после них. Н.С. Таганцев справедливо замечает: «..закон не может уменьшить наказуемость соучастников за детоубийство, применяя к ним ту же презумпцию психической ненормальности»¹. Тем не менее в практике встречаются случаи, когда третье лицо, не являющееся специальным субъектом (матерью новорожденного ребенка), непосредственно участвует в совершении объективной стороны данного преступления. В таких преступлениях и аналогичных ситуациях понятия пособника, подстрекателя и организатора выходят за рамки объективной стороны состава преступления, и потому несправедливо назначать одинаковое наказание лицу, являющемуся общим субъектом. Примечательно также, что в статью 157 УК РА были внесены существенные изменения. Теперь статья, касающаяся убийства новорожденного ребенка матерью, предусматривает ответственность за убийство ребенка роженицей (родительницей). В сравнении со статьей 106 УК РФ, где под новорожденным понимается ребенок в возрасте до одного месяца, армянский законодатель установил срок до трех месяцев, что, в свою очередь, свидетельствует о повышенной защите ребенка. Армянский законодатель также специально предусмотрел в Особенной части УК РА уголовную ответственность за соучастие в убийстве новорожденного ребенка, совершенном матерью. Согласно статье 158 Уголовного кодекса Республики Армения, организация, подстрекательство или пособни-

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Т. 1. Тула: «Автограф». С. 611; Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 18.

чество в совершении такого преступления, предусмотренного статьей 157, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Аналогичная ситуация возникает при квалификации изнасилования, являющегося преступлением со специальным субъектом, которым, согласно закону, может быть только мужчина. Тем не менее лишь одна часть объективной стороны данного преступления – половое сношение – может быть совершена исключительно мужчиной по физиологическим особенностям, тогда как применение насилия или угроза его применения возможны как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. В свое время А.П. Дьяченко отметил, что лица, не совершившие непосредственно насилиственного полового акта с потерпевшей, а лишь содействовавшие этому, не могут считаться исполнителями, а должны отвечать за соучастие в изнасиловании².

Важно также учитывать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в котором утверждается, что «изнасилованием и насилиственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насилиственное половое сношение или насилиственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам. При этом действия лиц, лично не совершивших насилиственного полового сношения или насилиственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз, содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насилиственных действий сексуального характера. Действия лица, непосредственно не вступавшего в половое сношение или не совершившего действия сексуального характера с потерпевшим лицом и не применявшего к нему и к другим лицам физического или психического насилия при совершении указанных действий, а лишь содействовавшего совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации виновному либо устранением препятствий и т.п., надлежит квалифицировать по ч. 5 ст. 33 УК РФ и при отсутствии квалифицирующих признаков – по ч. 1 ст. 131 УК РФ или по части 1 ст. 132 УК РФ»³. Что подчеркивает разграничение между соисполнительством и другими видами, которые непосредственно указаны в ч. 4 ст. 34 УК РФ, ибо само совершенное деяние – применение физического или психи-

² Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана прав граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. СС. 27–28.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Эл. ресурс] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70-712364/>

ческого насилия противоречит понятиям подстрекательство, пособничество и организаторства.

Возникает вопрос, какая уголовно-правовая ответственность наступает для соучастников, совершивших преступление со специальным составом. Преступление со специальным субъектом предполагает, что только у субъекта данного преступления имеются специфические, т.е. специальные признаки. Специальный состав же включает в себя специфические признаки всех элементов состава, а не только субъекта. Мы считаем, что ч. 4 ст. 34 УК РФ в данном случае является применимой. В таких составах (специальных) признаки специального субъекта обусловлены особенностями специальных отношений. Наличие подобных признаков связано с определением преступности действия, и поэтому в случае их осознания соучастниками ответственность последних должна наступать за совершенное действие. Если в составе только субъект имеет специальный характер, то соисполнителем такого преступления может быть и неспециальный субъект (при условии, если диспозиция статьи допускает возможность выполнения хотя бы части объективной стороны данного преступления, как, например, с изнасилованием). Тем самым, разделяем мнение С.С. Аветисяна, что исполнителем (соисполнителем) преступления со специальным составом, в основном, могут выступать только специальные субъекты, которые являются непосредственными участниками данных специфических правоотношений, что предполагает в каждом конкретном случае выявление и установление дополнительных признаков специального преступления⁴.

Качественно новый Уголовный кодекс Армении (принят 05.05.2021, вступил в силу 01.07.2022) ввел нововведения, касающиеся института соучастия. Данные положения развивают нормы, закрепленные в ч. 4 ст. 34 УК РФ и ч. 1 ст. 48 УК РА (которые идентичны). Исключением из этого правила являются части 4, 5 и 6 ст. 48 УК РА.

Часть 4 ст. 48 УК РА гласит, что лицо, не являющееся специальным субъектом, при совершении объективной стороны данного преступления по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним и при наличии в его действиях состава другого преступления привлекается к уголовной ответственности только за то преступление, состав которого присутствует в его деянии, если за него предусмотрено более строгое наказание.

Ч. 5 ст. 48 УК РА предусматривает, что если лицо, не являющееся специальным субъектом, совершает объективную сторону данного преступления по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним и при этом в его действиях содержатся признаки преступления, субъектом которого оно само является, то оно подлежит уголовной ответственности в качестве исполнителя данного преступления. Например, гражданин Республики Армения подстрекает иностранного гражданина к совершению шпионажа в ущерб интересам Республики Армения. В этом случае гражданин Армении

⁴ Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом. М., 2004. С. 348.

подлежит ответственности за государственную измену, тогда как иностранный гражданин – за шпионаж.

Ч. 6 ст. 48 УК РА предусматривает, что если лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, предусмотренного статьей Особенной части Уголовного кодекса, самостоятельно совершает объективную сторону данного преступления по собственной инициативе, то оно подлежит уголовной ответственности за иное преступление, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса, при наличии в его действиях соответствующих признаков. Так, например, лицо, не являющееся должностным, но выдающее себя перед гражданами за представителя власти и получающее от них денежные средства за совершение в их пользу определенных действий, подлежит уголовной ответственности не за получение взятки, поскольку не обладает статусом специального субъекта должностного преступления, а по части первой ст. 440 Уголовного кодекса, поскольку в его деянии содержатся все признаки данного состава.

Данные нормы уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Армения имеют важное значение при квалификации преступлений, совершенных в соучастии, а именно – по признаку совершения преступления группой лиц. Фактически имеет место совершение преступления группой лиц, однако по закону невозможно квалифицировать его как совершенное группой, если среди соучастников есть как специальный, так и общий субъекты, поскольку субъекты должны быть взаимно годными.

Основными выводами являются внедрение четких разграничений уголовно-правовой ответственности соучастников в преступлениях со специальным субъектом и специальным составом.

Ч. 4 ст. 34 УК РФ требует уточнения и адаптации с учетом международного опыта (включая положения УК Армении). В частности, необходимо учитывать возможность квалификации субъекта, не обладающего специальными признаками, как соисполнителя преступления, если он непосредственно выполняет часть объективной стороны преступления, а также дифференцировать ответственность в зависимости от характера преступления (простого специального субъекта или специального состава).

Это обеспечит соблюдение принципов индивидуализации наказания, справедливости и соразмерности уголовно-правовой ответственности соучастников преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] // Система ГАРАНТ.
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 [Эл. ресурс] // <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Эл. ресурс] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70712364/>

4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая. Т. 1. Тула: «Автограф». С. 611; Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: Автореф. дис.. канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 18.
5. Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана прав граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. СС. 27–28.
6. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом. М., 2004. С. 348.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY OF ACCOMPLICES IN CRIMES INVOLVING A SPECIAL SUBJECT AND A SPECIAL CORPUS DELICTI

A. Barseghyan, N. Zohrabyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

Institute of law

ABSTRACT

The study addresses pressing issues of criminal liability of accomplices within the framework of crimes involving a special subject and a special corpus delicti. A comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia reveals significant developments in the regulation of criminal liability for crimes committed in complicity with a special subject. The qualitatively new Criminal Code of the Republic of Armenia provides for specific provisions establishing criminal liability for persons who do not possess the defining characteristics of a special subject but act as actual co-perpetrators of crimes committed with the involvement of such a subject.

Keywords: special subject, special corpus delicti, institute of complicity, actual complicity, criminal liability.

ИЗУЧЕНИЕ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

М.С. Багдасарян

*Балтийский Федеральный университет имени Иммануила Канта
meri.bgsry@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу уголовных законодательств Российской Федерации, Республики Армения и Соединенных Штатов Америки, устанавливающих ответственность медицинских работников за совершение ятогенных преступлений. Автор обосновывает острую необходимость более детального законодательного урегулирования вопросов внутри института уголовной ответственности за ятогенные преступления в приведенных юрисдикциях

Ключевые слова: ятогенные преступления, законодательство, врачебная ошибка, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Введение

В доктрине уголовного права принято называть преступления, совершенные медицинским персоналом в процессе осуществления своих профессиональных обязанностей, результатом которых стало нанесение вреда здоровью и жизни пациентов, ятогенным (от древнегреческого *ιατρός* «врач» + *γένεσις* «рождение»). Актуальность изучения проблематики ятогенных преступлений в различных странах обусловлена статистикой, приведенной Всемирной организацией здравоохранения в 2019г.: 2,6 миллионов смертей ежегодно в странах с низким и средним уровнем дохода происходит из-за небезопасного осуществления медицинской помощи [1]. Данный факт дает нам основания полагать, что преступления, совершаемые медицинскими работниками из-за ненадлежащего выполнения ими своих профессиональных обязанностей, представляют собой значительную социальную и экономическую проблему для человечества.

Целью данной статьи является изучение и исследование законодательной регламентации уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный ими здоровью и жизни пациентов в таких странах как РФ, РА и США. Сравнительно-правовой анализ уголовного регулирования ятогенных преступлений позволит нам детально изучить положительные и отрицательные аспекты национальных норм права, одновременно заимствуя успешные международные практики в сфере уголовного регулирования данной категории преступлений.

Основное содержание работы

Несмотря на колеблющуюся статистику Следственного комитета РФ за последние пять лет по количеству обращений граждан об ятрагенных преступлениях, их число остается пугающе высоким: так, с 2017г., согласно данным бывшего руководителя отдела по расследованию ятрагенных преступлений Главного следственного управления Следственного комитета России Д. Зинину, в ведомство ежегодно поступает более 5000 сообщений о преступлениях в рассматриваемой сфере правоотношений [2].

Проделанный обзор и анализ российского законодательства дает нам основания утверждать, что отечественный законодатель не закрепил правовую дефиницию таких понятий как «ятрагенные преступления» и «врачебная ошибка». В истории развития российского законодательства некоторое время существовало понятие «дефект оказания медицинской помощи» (в Приказе ФОМС от 01.12.2010 г. № 230), но Приказом ФОМС № 36 от 28.02.2019г. данный термин был заменен на «нарушения при оказании медицинской помощи». Преступления, совершаемые медицинскими работниками из-за ненадлежащего выполнения ими своих профессиональных обязанностей, и вовсе разделены по различным статьям, разделам и главам Уголовного кодекса Российской Федерации (большая часть таких преступлений содержится в главе 16 – «Преступления против жизни и здоровья», так как непосредственным предметом деятельности медиков являются жизнь и состояние здоровья пациента).

Однако, российское уголовное право не выделяет медицинских работников как специальных субъектов преступлений, в Уголовном кодексе используются следующие понятия: «лицо, не имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля» (ч. 1 ст. 123 УК РФ), «лицо, обязанное оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правом» (ч. 1 ст. 124 УК РФ), «лицо, ненадлежащим образом, исполняющее свои профессиональные обязанности» (ч. 4 ст. 122, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ). Также медицинский работник может быть привлечен к ответственности не только за нарушение своих профессиональных обязанностей, но и за преступления, связанные с его должностным положением: ст. 293 УК РФ (халатность), ст. 290 УК РФ (взятка), ч. 1 ст. 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской деятельности), ст. 292 УК РФ (служебный подлог). В основном, как показывает правоприменительная практика, в отношении медицинских работников возбуждаются дела на общих основаниях за преступления (общий субъект), не связанные напрямую с их профессиональной деятельностью [1, 96–99].

В соседней Республике Армения число расследуемых Полицией РА ятрагенных преступлений также продолжает расти ежегодно [4, 126]. До 2022г. в Республике, как и во многих странах постсоветского пространства, сохранялась тенденция на несистематизированное расположение ятрагенных преступлений внутри текста Уголовного кодекса – отсутствовала исчерпывающая единная глава, которая включала бы в себе, если не все, то многие категории преступлений, относящихся в юридической доктрине к ятраген-

ным [5, 45–51]. Так, ст. 130 УК РА вводит уголовное наказание медицинским работникам за ненадлежащее выполнение ими профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности причинение смерти, вреда здоровью либо заражение другого лица ВИЧ-инфекцией [6].

Вместе с тем, законодатель РА предпринял важный шаг к комплексному законодательному регулированию опасных и противоправных действий в сфере медицины с введением в действие нового Уголовного кодекса в июле 2022г. В кодексе была создана глава «Преступления, ставящие под угрозу жизнь и здоровье», включающую такие статьи, как «Незаконный оборот клеток, тканей, органов или биологических материалов или жидкостей человеческого эмбриона, плода, человека или трупа» (ст. 183); «Нарушение правил трансплантации» (ст. 184); «Подвергание человека медицинскому, научному или другому опыту без его согласия» (ст. 185); «Репродуктивное клонирование человека или евгенические эксперименты» (ст. 186); «Неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинскими работниками профессиональных обязанностей» (ст. 187). Так, Н.Ю. Зограбян считает, что данная реформа уголовного законодательства способствовала «становлению» медицинского уголовного права в Республике, добавив в качестве новых видов преступления нетрадиционные для постсоветских государств ятrogenных преступлений, касающихся евгенических экспериментов – «совершение любых действий, направленных на улучшение (селекцию) человека» [7]. Однако, А.А. Саргсян считает, что вышеупомянутая реформа в контексте ятrogenных преступлений содержит в себе недостатки терминологического характера и законодательные пробелы, которые «не способствуют единообразному пониманию и толкованию данного медико-правового термина» [5, 46].

В Соединенных Штатах Америки, согласно данным из Университета Джона Хопкинса, более 250 000 смертей ежегодно происходят из-за врачебных ошибок (medical malpractice) [8]. По данным Американской медицинской ассоциации (AMA), каждый третий врач в течение своей карьеры бывает судим за врачебную ошибку [9], поэтому проблема совершения ятrogenных преступлений в США также является острой.

В Соединенных Штатах Америки законодательство о врачебных ошибках традиционно находится в ведении отдельных штатов, а не федерального правительства, в отличие от рассмотренных нами ранее стран [10, 339–47]. Главной санкцией за совершение медицинским работником ошибки выступает компенсация нанесенного пациенту вреда в рамках деликтного права [11, 44–45]. В уголовном процессе англо-саксонского права имеет значение только грубая небрежность; в гражданском процессе оценивается легкая небрежность, иными словами, непреднамеренная вина. Чаще всего ошибки медицинских работников являются предметом гражданского права.

Однако, в американском праве, в отличие от английского, были предприняты большие усилия для законодательного определения преступной халатности, особенно в Модельном уголовном кодексе, который разграничил два вида неосторожного поведения: легкомыслию (recklessness) и небрежности (negligence) [12, 14–16]. Но несмотря на данный акт, в академической

среде ученых в США до сих не стихают споры о целесообразности привлечения к ответственности за небрежность субъекта за то, что можно условно назвать «ошибкой» в контексте отсутствия наглядного стандарта оценивания небрежности [13, 147–49].

Выводы

Проанализировав основные теоретические и практические проблемы ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью в РФ, РА и США, можно сделать следующие выводы. Пациент, в полной уверенности доверивший врачу самое важное (свою жизнь и здоровье), имеет право рассчитывать на искреннее стремление врача облегчить его страдания, на его профессионализм и нравственные ценности. Международное сообщество в многочисленных актах (а именно в Уставе Всемирной организации здравоохранения, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966г.) также уделяет особое внимание проблеме защиты жизни и здоровья человека, тем самым признавая особую ценность данного права – ведь без него невозможно более полноценное осуществление других прав и благ современного мира.

Однако, как показывают статистические данные, каждый год наблюдается рост количества дел, привлекающих медицинских работников к уголовной ответственности. В процессе проведения исследования были обнаружены трудности в правильной квалификации преступлений, которые совершают медицинские работники, а также значительные законодательные пробелы в регуляции ятрагенных преступлений в трех выбранных юрисдикциях. Результативность работы государственных органов по расследованию ятрагенных преступлений зависит от уровня правового обеспечения этой деятельности, а также от юридической регламентации отношений, возникающих в данном виде правоотношений.

Четкая законодательная регламентация понятий, видов, составов преступлений ятрагенного характера во многом способствует проведению успешной следственной работы в рамках раскрытия данных преступлений, а также организация правительством, медицинскими учреждениями мероприятий по их профилактике. Опыт медицинской и юридической сфер показывает, что чем более развита правовая культура медицинского персонала, тем более ответственно они выполняют свои профессиональные обязанности, что приводит к повышению качества и эффективности медицинской помощи пациентам и реальной защите прав и законных интересов граждан в области здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. WHO calls for urgent action to reduce patient harm in healthcare [Эл. ресурс] // World Health Organization URL: <https://www.who.int/news-room/13-09-2019-who-calls-for-urgent-action-to-reduce-patient-harm-in-healthcare>
2. Каждая третья жалоба пациента в Следственный комитет заканчивается возбуждением уголовного дела [Эл. ресурс] // «Медвестник» URL: <https://medvestnik.ru/con>

tent/news/Kajdaya-tretya-jaloba-pacienta-v-Sledstvennyi-komitet-zakanchivaetsya-vozbujdeniem-ugolovnogo-dela.html?ysclid=lufhempprm519663549.

3. Кузнецов С.В., Селезнева А.Д. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения// «Сборник научно-практических трудов. Следственный комитет Российской Федерации, Академия Следственного комитета Российской Федерации», № 5, М., 2021.
4. Մարգարի Ա. Յատրոպեն Հանգավորության Քրեաքանական Բնութագիրը Եվ Կանխարգելումը Հայաստանի Հանրապետությունում // «Դատական իշխանություն», 2023.
5. Սարգսյան Ա.Ա. О понятии ятрогении и ятогенных преступлений // «Союз криминалистов и криминологов», № 1, 2024.
6. Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021.
7. Զօրգաբյան Հ.Յ. Ятогенные преступления: вопросы криминализации и уголовной ответственности // «Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки», № 2, 2024г.
8. Davis C. A Better Measure of Medical Error [Эл. Ресурс] // Johns Hopkins Medicine URL: <https://www.hopkinsmedicine.org/news/articles/2023/10/a-better-measure-of-medical-error>
9. Bono M., Wermuth H., Hipskind J. Medical Malpractice. // Treasure Island (FL): “StatPearls Publishing”, 2022.
10. Sonny B.-B. An introduction to medical malpractice in the United States. // “Clinical orthopaedics and related research”, № 467, 2009.
11. Заряев В.А., Иванченко О.С., Иванченко Р.Б. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятогенной преступности в россии и за рубежом // «Вестник ВИ МВД России», № 4, 2020.
12. Landro A. Medical Malpractice as a Tort in the U.S., as a Crime in Italy: Factors, Causes, Paths and Outcomes // “The Age of Human Rights Journal”, № 12, 2019.
13. Ambasta K. Medical Negligence as a Criminal Offence: An Analysis of Criminal Law Theory and Practice. // “National Law School Journal”, № 1, 2014.

**THE STUDY OF SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN
THE LEGISLATIVE REGULATION OF IATROGENIC
CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION, THE REPUBLIC
OF ARMENIA AND THE USA**

M. Bagdasarian
Immanuel Kant Baltic Federal University

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, the Republic of Armenia and the United States of America, which establishes the responsibility of medical professionals for committing iatrogenic crimes. The author substantiates the urgent need for a more detailed legislative regulation of issues within the institution of criminal responsibility for iatrogenic crimes.

Keywords: iatrogenic crimes, legislation, medical error, criminal liability, qualification of crimes.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д.Д. Гордиевская

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
gordievskaya.di@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие коррупционного преступления, анализируются его объективные и субъективные признаки. Делается вывод о необходимости закрепить законодательно определение «коррупционное преступление», которое отразит его объективные и субъективные признаки.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, объективные признаки, субъективные признаки.

Коррупция как социально-правовое явление деструктивным образом влияет на все сферы жизни общества и государства, дестабилизируя экономические, политические и общественные отношения. В связи с этим данная проблема не теряет актуальности многие годы и требует постоянного внимания со стороны исследователей, общества и государства в целом. Немаловажным является также то обстоятельство, на которое обращает внимание И.А. Моисеева, что «сложность изучения коррупции как явления в обществе заключается в том, что она имеет глубоко латентный характер. Невозможно изучить коррупцию на основе только статистических данных: во-первых, официальная статистика не в полной мере отражает истинное положение дел; во-вторых, такие данные будут характеризовать в первую очередь качество работы правоохранительных органов или СМИ по выявлению фактов коррупции; в-третьих, статистические данные дают нам представления не о коррупции, а о коррупционной преступности, и понятия эти не тождественны (коррупционная преступность – это лишь часть коррупции, хотя и самая общественно опасная)» [1. С. 91].

Высокая степень влияния коррупции на стабильность государственного управления объясняет широкое правовое регулирование мер по борьбе с данным явлением: так, в содержании Уголовного кодекса Республики Беларусь [2] закреплены составы коррупционных преступлений, что свидетельствует о признании значимости проблемы коррупции. Перечень коррупционных преступлений, в свою очередь, утвержден Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 27 декабря 2013г. № 43/9/95/571/57/274 [9].

Кроме того, в Республике Беларусь принят Закон «О борьбе с коррупцией» [3], содержание которого закрепляет правовую политику государства в

сфере коррупционных правонарушений. Данный правовой акт детально регламентирует меры по борьбе с актами противоправного использования должностных полномочий.

Проблема коррупционной преступности указывает на необходимость глубокого анализа понятия и признаков коррупционных преступлений. Так, белорусский теоретик Г.Г. Шиханцов под коррупционным преступлением понимает общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере интересов службы, признанные противоправными уголовным законодательством и подразумевающие под собой противозаконное использование должностным лицом своих служебных полномочий в целях получения материальной выгоды [4. С. 259].

Однако понятие «коррупционные преступления» не нашло своего отражения в нормах многообразных правовых актах, что, по нашему мнению, является правовым пробелом. Мы разделяем мнение А.С. Кагерманова относительно значимости юридической терминологии в современном законодательстве: так, автор подчеркивает, что термины в праве способны закрепить основные признаки того или иного правового явления [11. С. 34]. Это указывает на необходимость закрепления термина «коррупционные преступления» в антикоррупционном законодательстве.

Исходя из данного определения, следует, что коррупционные преступления характеризуются некоторыми ключевыми признаками, отличающими их от других видов преступлений.

В первую очередь, коррупционные преступления обладают специальным субъектом – должностным лицом, которое, согласно определению В.М. Хомича, осуществляет публично-правовые и властно-организующие полномочия, а следовательно, его действия являются юридически значимыми и оказывают существенное влияние на общественные отношения [5].

Ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь закрепляет перечень должностных лиц, к числу которых относит: государственных служащих, уполномоченных отдавать распоряжения и приказы, а также принимать решения в отношении широкого круга лиц, в том числе не подчиненных им по служебному признаку; лиц, в правовой статус которых входит обязанность реализации правосудия, охраны правопорядка; лиц, должностные обязанности которых связаны с реализацией организационно-распорядительных и административно-хозяйственных компетенций; лиц, наделенных властными полномочиями в иностранных государствах, международных организациях, международных судах [2]. Исходя из данного перечня можно выделить следующие признаки коррупционных преступлений – наличие специфичного объекта коррупционного преступления, публично-правовые общественные отношения, именуемые управленческими.

Доступ должностных лиц к управленческим механизмам может быть использован в личных интересах, что в свою очередь посягает на охраняемые законом общественные отношения. Это указывает на заведомую незаконность действий коррупционной направленности и определяет, что такие действия подрывают фундаментальные основы правового государства.

А.М. Хлус подчеркивает, что коррупционные преступления обладают особой целевой направленностью, ориентированной на достижение личной выгоды через использование служебного положения [6. С. 338–339]. Причем служебное положение может быть использовано как его обладателем, так и лицом, в чьих интересах оно действует.

Из этого следует признак, характеризующий особый способ совершения данного вида преступлений – злоупотребление властью и служебными полномочиями. В данном контексте важным моментом является то, что злоупотребление властью может принимать различные формы, включая взяточничество, мошенничество, использование служебного положения для получения неправомерных преимуществ и другие действия, выходящие за рамки установленной правовой нормы. Это подчеркивает, что коррупционные преступления не всегда имеют явный или формальный характер, что значительно затрудняет их выявление и расследование.

Важным признаком коррупционных преступлений является их корыстная направленность. Она определяет главную цель, преследуемую данной категорией преступлений – «извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц» [7. С. 184]. Корыстная материальная направленность включает в себя не только получение взяток или других форм неправомерных выгод, но и возможность применения имущества и ресурсов в корыстных целях. Возможность применения имущества и ресурсов в корыстных целях отражается через предоставление специальному субъекту имущественной выгоды с целью «выполнения или невыполнение какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий» [2]. Предоставление имущественной выгоды должностному лицу в целях использования его служебных полномочий для удовлетворения собственной потребности также уголовно преследуется: так, в содержании Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплены такие составы преступлений как дача взятки, посредничество во взяточничестве.

Д.А. Суртаев и А.Б. Скаков объективно отмечают, что коррупционные преступления могут совершаться исключительно умышленно [8. С. 335]. Авторы определяют наличие как прямого, так и косвенного умысла в составе коррупционных преступлений, что, на наш взгляд, является спорным суждением.

Так, авторы в качестве коррупционных преступлений с косвенным умыслом приводят в пример бездействие должностного лица. Однако, косвенный умысел, согласно нормативно закрепленному определению Уголовного кодекса Республики Беларусь, подразумевает, что «лицо, совершившее преступление, не желало, но сознательно допускало наступление общественно опасных последствий либо относилось к ним безразлично» [2]. Однако желание наступления общественно-опасных последствий в коррупционных преступлениях четко определено корыстной мотивацией – получением имущественной выгоды, что указывает на исключительно прямой умысел лица при совершении данной категории преступлений.

Таким образом, коррупционные преступления представляют собой общественно опасные деяния, посягающее на общественные отношения в сфере интересов службы, признанные противоправными уголовным законодательством и подразумевающее под собой противозаконное использование должностным лицом своих служебных полномочий в целях получения материальной выгоды. Представляется необходимым закрепить данное определение в статье 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» для обеспечения правовой определенности и упрощения правоприменительной практики.

В качестве признаков коррупционных преступлений можно выделить объективные признаки (специальный субъект, специфический объект, способ совершения – злоупотребление властью) и субъективные признаки (целевая направленность – извлечение выгоды, что отражает корыстный мотив; наличие исключительно прямого умысла). Точная формулировка признаков коррупционных преступлений позволяет успешно классифицировать такие деяния и разрабатывать эффективные меры по их предотвращению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеева И.А.* Индекс восприятия коррупции как показатель степени коррумпированности в отдельно взятой стране и мире / И.А. Моисеева // «Актуальные проблемы экономики и права». Т. 12, № 1, 2018. СС. 89–100.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г.: в ред. Закона от 8 июля 2024г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (Дата обращения: 10.02.2025)
3. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015г. № 305-3.: в ред. Закона от 24 мая 2024г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (Дата обращения: 10.02.2025)
4. *Шиханцов Г.Г.* Криминология: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М: «Тесей», 2016. 296с.
5. *Хомич В.М.* Понятие должностного лица в уголовном праве // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (Дата обращения: 10.02.2025).
6. *Хлус А.М.* Уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений и их криминалистический анализ // «Эпомен», № 46, 2020. СС. 332–347.
7. *Шимишлова Э.С.* Субъективная сторона преступлений коррупционной направленности, совершаемых в коммерческих организациях // «Молодой ученый», № 49 (235). 2018. СС. 184–186.
8. *Суртаев Д.А., Саков А.Б.* Коррупция: понятие и ее уголовно-правовая характеристика // «Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации: материалы круглого стола с международным участием», Минск, 25–26 окт. 2024г. М.: БГУ, 2024. СС. 433–436.
9. Постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 27 декабря 2013г. № 43/9/95/571/57/274 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (Дата обращения: 10.02.2025).

THE CONCEPT AND SIGNS OF CORRUPTION CRIMES

D. Gordievskaia

Yanka Kupala State University of Grodno

ABSTRACT

The article examines the concept of a corruption crime and analyzes its objective and subjective characteristics. It is concluded that it is necessary to legislate the definition of “corruption crime”, which will reflect its objective and subjective characteristics.

Keywords: Corruption, corruption crime, objective features, subjective features.

ИНСТИТУТ НЕВМЕНЯЕМОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В.Г. Джилавян, А.О. Барсегян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
vardan.jilavyan.y192@gmail.com, albert_barseghyan04@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется институт невменяемости в уголовном праве как важный элемент обеспечения справедливости и гуманизма в уголовной юстиции. Рассматриваются понятия и признаки невменяемости, критерии признания лица невменяемым, их юридические и психологические аспекты, а также особенности применения мер медицинского характера. Анализируется влияние данного института на процесс уголовного преследования и баланс между защитой общества и правами лиц с психическими расстройствами. Подчеркивается роль глубокого понимания данного правового явления для эффективного функционирования уголовной системы.

Ключевые слова: субъект преступления, невменяемость, вменяемость, принудительные меры медицинского характера.

Введение

Институт невменяемости занимает важное место в уголовном праве, представляя собой сложный симбиоз юридических и психиатрических знаний. Его применение требует не только строгого соблюдения норм права, но и глубокого понимания психологии и поведенческих особенностей человека. Введение данного института в законодательство было обусловлено необходимостью защиты прав лиц, неспособных осознавать свои действия, и обеспечения справедливого подхода к их уголовной ответственности. В статье рассматриваются ключевые аспекты этого явления, его правовая природа и значение для построения гуманной правоприменительной деятельности.

Материал и методы

Еще в IX веке в теории права появилось понятие физического вменения, но оно было лишь частью более широкого понятия невменяемости и на протяжении веков претерпевало изменения. В России понятие невменяемости появилось в конце XVII – начале XVIII века. С тех пор оно претерпело значительные изменения, развивалось как концепция и менялись методы выявления невменяемых лиц. Само понятие невменяемости зависит не только от развития уголовного права, но и от медицины, психологии, психотерапии и правопонимания общества, поэтому оно всегда остается актуальным и продолжает эволюционировать.

В России впервые упоминание о невменяемости встречается в трудах русского ученого Гавриила Ильича Солнцева, в частности, в его рукописи

«Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым». Ученый утверждал, что для привлечения человека к уголовной ответственности необходимо наличие свободы воли и способности контролировать свои действия. Он выделял три категории невменяемости:

- сумасшедшие;
- безумные;
- природные дураки.

Однако такое деление не удовлетворяло ни юристов, ни психиатров, поскольку не охватывало все многообразие психических расстройств. С момента появления понятия невменяемости оно вызывало большой интерес со стороны ученых и стало важной темой в уголовном праве и медицине. Поскольку невменяемые не подлежат уголовной ответственности, в ранний период развития данной концепции для обеспечения общественной безопасности их либо помещали в сумасшедшие дома, либо передавали под опеку родственников.

Существенное влияние на изучение невменяемости оказали немецкие ученые. В XIXв. медицина и психология в Германии находились на передовых позициях, а поскольку немецкое уголовное право было близко к российскому, идеи немецких специалистов повлияли и на российское правопонимание в данной сфере.

Важнейшим признаком субъекта преступления является его вменяемость. Вменяемость из себя представляет субъективную возможность лица не только осознавать характер и степень опасности своих действий и руководить ими, но и способность лица нести ответственность за совершенное им уголовное наказуемое деяние. Армянский законодатель в качественно новом УК РА дает определение вменяемости. Так, часть 1 статьи 21 УК РА гласит, что вменяемость – это способность лица в момент совершения преступления осознавать противоправность своего действия и руководить им. В теории уголовного права имеются различные определения невменяемости. Основываясь на уголовных кодексах, дадим определение невменяемости. В ч. 1 ст. 21 УК РФ говорится, что лицо не подлежит уголовной ответственности, если во время совершения преступления находилось в состоянии невменяемости т. е. не осознавало фактический характер и общественную опасность деяния (действия или бездействия) либо не руководил ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или же иного болезненного состояния, связанного с психикой. Ч. 2 ст. 29 УК РА разъясняет, что невменяемым считается лицо, которое вследствие проблем с психикой не осознавало противоправность своих действий и не могло руководить ими.

В теории уголовного права невменяемость характеризуется двумя основными критериями: психологический критерий (в науке уголовного права также называется «юридическим»); медицинский критерий (в медицинский критерий входят все психические заболевания, которые могут влиять на способность лица анализировать свои действия и вытекающие из них последствия).

Юридический критерий определяется двумя признаками: интеллектуальным и волевым, которые тесно переплетены между собой. Хотя есть точка зрения, что они связаны и волевой признак не может быть без интеллектуального. Например, страдающее клептоманией лицо не контролирует свои действия и не понимает, что делает, но эта область не исследована и, на наш взгляд, тут действует лишь волевой признак, и лицо понимает, что делает, но не может это контролировать. Не каждое психическое заболевание автоматически влечет за собой признание лица невменяемым, так как в определенных случаях ввиду латентного протекания болезни, психическое расстройство не оказывает влияния на интеллектуальный признак юр критерия, то есть должна быть определенная глубина психического расстройства.

Интеллектуальный признак представляет собой непонимание лицом своих действий, их социальное содержание, противоправность. «В связи с этим вполне возможны случаи, когда лицо, сознавая фактическую сторону своего поведения, не осознает его общественной опасности. Так, страдающий определенным психическим заболеванием (допустим, шизофренией) может осознавать, что лишает жизни человека, например, путевого рабочего, производившего осмотр или ремонт железнодорожного полотна, но воспаленное психической болезнью воображение субъекта связывает это не с совершением преступления (убийства), а с предупреждением (как кажется) акта терроризма (крушения поезда). В связи с этим лицо считает свои действия выполнением им своего общественного долга, а не совершением преступления»¹.

Волевой признак означает неспособность лица руководить своими действиями. Например, лицо может осознавать уголовную противоправность своих действий, но в силу психологических расстройств не может воздержаться от совершения этих действий. В данном случае задействован феномен так называемой «заторможенной реакции», когда лицо, сознавая общественную опасность своих действий или же бездействий, в силу психических недостатков, не может «затормозить» свои действия вовремя². Необходимо, чтобы юридический критерий вытекал из медицинского. В медицинский критерий входят хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие или же иное болезненное состояние психики (ч. 1 ст. 21 УК РФ).

Хроническое психическое расстройство представляет собой такое заболевание, которое неизлечимо или же трудно излечимо. Временное психическое расстройство – такой вид заболевания, протекающий в течение определенного временного промежутка, которое заканчивается выздоровлением лица. Самыми проблематичными являются временные психические заболевания, поскольку они имеют внешний характер и на момент расследования

¹ Рарог А.И. Уголовное право России: частя общая и особенная: учебник. 10-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2023. С. 148–149.

² Малиновский А.А. Эволюция института невменяемости в английском праве // «Психология и право». Том 11, № 3, 2021. С. 175–186.

преступления лицо может уже полностью быть восстановленным, и трудно понять, может ли лицо являться субъектом преступления и нести уголовную ответственность или нет, поэтому важно доказать, в каком состоянии лицо было на момент совершения преступления. Временным психологическим расстройством является также состояние опьянения, но не надо путать так называемое физиологическое опьянение с патологическим опьянением. Во время физиологического опьянения лицо все еще действует мотивировано и является вменяемым так как опьянение не приводит к полной потере контроля над своими действиями, а при патологическом опьянении лицо резко теряет контроль, может видеть галлюцинации и все это при малых дозах, поэтому в таком состоянии лицо считается невменяемым. Слабоумие из себя представляет потерю или же уменьшение умственных способностей лица, вследствие врожденного или приобретенного заболевания. Иное болезненное состояние психики не является как таковой психическим заболеванием в прямом значении этого понятия, но представляют из себя нарушение психики.

В случае частичных расстройств, когда нарушения психики не приводят к полному отсутствию вменяемости, может быть установлена ограниченная вменяемость³.

Понятие невменяемости имеет большое значение для состава преступления, так как от этого зависит, может ли лицо быть субъектом преступления или нет. Если лицо является субъектом преступления, за его деяния не предусмотрена уголовная ответственность. Вменяемость является центральным признаком субъекта преступления. Ст. 21 УК РФ дает понятие невменяемости как состояние лица, когда лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия либо руководить ими, но интересно то, что законодатель дает понятие невменяемости, но не дает понятие вменяемости, то есть мы должны раскрыть понятие вменяемости только как противоположность невменяемости. Невменяемое лицо, совершившее общественно опасное действие, не несет уголовной ответственности, к нему лишь применяются меры медицинского вмешательства, но они не являются наказанием.

Есть также понятие «возрастной невменяемости». Насчет возрастной вменяемости Л.М. Алтынбаева приходит к выводу, что «существующие пре-зумпции возрастного порога ответственности позволяют говорить не столько о возрасте уголовной ответственности, сколько о возрастной вменяемости, базирующейся на обязательном учете интеллектуального и волевого развития лица»⁴. Ст. 20 УК РФ регулирует возраст, с которого наступает уголовная ответственность, но бывают ситуации, когда лицо, достигшее нужного возраста, из-за недостаточного уровня интеллектуального и волевого разви-

³ Сирджинников Д.В. Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики // Екатеринбург, 1998. С. 20.

⁴ Алтынбаева Л.М. Возрастная вменяемость субъекта преступления // «Сибирское юридическое обозрение», № 3, 2014. С. 24.

тия не может анализировать свои действия, их общественную опасность, последствия и не может являться субъектом преступления. Для этого существует удачный термин – «психическая незрелость»⁵. Отставание в развитии может быть по разным причинам: оно может передаться по наследству, может появиться из-за неправильного воспитания или же недостаточной социализированности лица и, чтобы правильно оценить уровня интеллектуального и волевого развития лица, нужно его тщательное обследование. От этого зависит, лицо в состоянии нести уголовную ответственность или нет. Также, проблемы с развитием могут возникнуть, если у лица есть «нейросенсорный дефект»⁶. Например, глухонемота, при таких ситуациях лицу нужен специальный уход. Если лицу не предоставляется специального ухода, то у лица может появиться отсталость в развитии, что может привести к тому, что лицо не будет анализировать свои действия и это приведет к психической незрелости. «В Японии ныне отмененная ст. 40 УК также предусматривала ненаказуемость деяний глухонемых или смягчение наказаний за их деяния. Отмена статьи была вызвана тем, что, по мнению специалистов, учеба глухонемых усовершенствовалась настолько, что их психическое развитие не обязательно тормозится»⁷. Ч. 4 ст. 19 УК РА устанавливает, что если лицо достигло возраста уголовной ответственности, но вследствие умственного отставания не могло в полной мере осознавать противоправность своих действий или руководить ими, это рассматривается как смягчающее обстоятельство при назначении наказания судом. Примечательно, что согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ лицо в аналогичных обстоятельствах не подлежит уголовной ответственности.

Понятие «психическое расстройство» является медицинским, понятие «вменяемость», как и «невменяемость» – юридическим. Если юридическая наука использует медицинский термин «психическое расстройство», то использование юридических терминов в медицинской науке вызывает критику⁸. Термин психическое расстройство является медицинским, и закреплен в ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Согласно ст. 10 данного закона диагноз «психическое расстройство» ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами. Таким стандартом является Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-10, где в разделе психические расстройства и расстройства

⁵ Беломестнова К.С. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством: понятие и уголовно-правовое значение // «Сибирский юридический вестник», № 1, 2011. С. 165.

⁶ Рагулина А.В. Уголовно-правовое значение психических отклонений. М., 2000.

⁷ Щипанова Н.И., Кухтина Т.В. Вопросы невменяемости в некоторых зарубежных странах // «Проблемы права», № 6 (54), 2015. С. 204.

⁸ Котов В.П., Мальцева М.М. Клинико-психологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // «Российский психиатрический журнал», № 1, 2014. С. 13.

поведения во всех случаях используется термин «психическое расстройство».

Несмотря на развитие судебно-психиатрической практики, выявление невменяемости остается проблематичным, и в УК РФ все еще есть пробелы, связанные с последствиями действий невменяемых. В условиях современного права прокурорско-следственные и судебно-психиатрические вопросы решаются с помощью так называемого «конвенционализма». Примером его применения является то, что часть судебно-психиатрических оценок базируется на договоренностях между судебными психиатрами. Эти договоренности касаются того, что одни психопатологические состояния исключают вменяемость лица, а другие – нет.

Первым эту тему на доктринальный уровень поднял С.Н. Шишков. Он говорил, что «конвенционализм» способен до основания потрясти здание современной судебной психиатрии. На тот момент его высказывания не получили должного признания, и даже было наложено табу на данную тему, поскольку в советские времена признание конвенционализма в судебно-психиатрической практике могло привести к обвинению эксперта в профессиональной непригодности. Именно поэтому утверждалось, что ученые вполне могут отличить невменяемое лицо от вменяемого. Проблема конвенционализма заключается в том, что невменяемость лица зависит не только от самого психопатологического состояния, но и от стадии и формы болезни. В данном случае возникает вопрос о том, что каждая экспертиза вменяемости человека должна быть индивидуальной. Ведь у двух лиц может быть одно заболевание, но одного сочтут полностью невменяемым, а второго – нет, из-за различий в форме и стадии болезни.

Примером может служить дело Сергея Козлова, который впервые был задержан в 1995г. за нападение на восьмилетнего мальчика, катавшегося на горке. Во второй раз его задержали в 2005г. за убийство пятилетнего Богдана Прахова, катавшегося на велосипеде со своим другом. После экспертизы у него обнаружили олигофрению в стадии дебильности и умственную отсталость. Это была легкая степень олигофрении, которая обычно не является основанием для признания лица невменяемым, но в данном случае его все же сочли невменяемым и назначили принудительное лечение. Этот случай показывает, что, несмотря на наличие психического заболевания, каждая экспертиза должна быть индивидуальной.

Значимым прецедентом в практике применения принудительных медицинских мер к невменяемым лицам является судебное разбирательство по делу Тиграна Гаспаряна (Ф-1/0058/01/16) В ходе разбирательства рассматривался вопрос о процессуальных правах таких лиц, включая их возможность участвовать в судебных заседаниях и отстаивать свои интересы в рамках уголовного производства.

В отличие от России, в Англии, где действует прецедентная судебная система, критерием невменяемости является правило Мак-Натена, сформулированное еще в XIX веке. Суть данного правила связана с судебным разбирательством по делу лесоруба Дэниела Мак-Натена, страдавшего манией

преследования. Он пытался убить своего мнимого преследователя – премьер-министра Великобритании Роберта Пиля, но по ошибке застрелил его личного секретаря Эдварда Драммонда. В ходе суда было установлено, что Мак-Натен страдал тяжелым психическим расстройством, что привело к разработке критерииев невменяемости Палатой лордов – высшей судебной инстанцией того времени. Правило Мак-Натена исходит из презумпции вменяемости, то есть предполагается, что любое лицо считается вменяемым, пока не будет доказано обратное в суде. Для признания невменяемости необходимо подтвердить, что лицо не осознавало характера своих действий или не могло контролировать свое поведение. Однако это правило не учитывает волевой аспект преступного деяния, что вызывает критику со стороны современных ученых. Они утверждают, что, несмотря на развитие науки, подходы к установлению невменяемости остаются устаревшими.

Чтобы понять, как работает этот термин, нужно представить линию, которая начинается белым цветом и постепенно темнеет, пока не станет полностью черной. Эта модель демонстрирует уровень вменяемости человека.

В отличие от УК РФ, где судебная экспертиза обязательна, если необходимо установить психическое или физическое состояние лица, в КоАП РФ нет норм, закрепляющих обязательное проведение экспертизы. В КоАП РФ содержатся лишь общие правила: в случаях, когда при производстве по делу об административном правонарушении возникает необходимость в использовании специальных познаний, должностное лицо, в производстве которого находится дело, выносит определение о назначении экспертизы.

Основными выводами данного исследования являются следующие заключения:

- анализ понятий, критерииев и особенностей применения данного института свидетельствует о его эволюции под влиянием изменений в праве, медицине и общественном сознании;
- понятие невменяемости не является статичным: его содержание адаптируется к новым научным открытиям, развитию психиатрической диагностики и потребностям правоприменительной практики.
- правовые подходы к признанию лица невменяемым основываются на сочетании юридических и медицинских критерииев, обеспечивая баланс между защитой общества и правами лиц с психическими расстройствами.

Анализ правовых систем России, Армении, Великобритании и других стран демонстрирует как сходства, так и различия в критериях признания лица невменяемым, что обусловлено различными традициями правового регулирования и философскими основаниями уголовного права. Развитие науки и медицины делает вопросы невменяемости еще более актуальными, требующими комплексного междисциплинарного подхода. Исследование данного института позволяет не только совершенствовать уголовное законодательство, но и обеспечивать более гуманное и справедливое правосудие, где уголовная ответственность соразмерна реальному психическому состоянию лица, совершившего деяние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] // Система ГАРАНТ.
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021 [Эл. ресурс] // <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080>
3. *Рарог А.И.* Уголовное право России: части общая и особенная: учебник. 10-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2023. С. 148–149.
4. *Малиновский А.А.* Эволюция института невменяемости в английском праве // «Психология и право», № 3, 2021. Том 11. С. 175–186.
5. *Сирджинников Д.В.* Ограниченнная вменяемость: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 1998. С. 20.
6. *Алтынбаева Л.М.* Возрастная вменяемость субъекта преступления // «Сибирское юридическое обозрение», № 3, 2014. С. 24.
7. *Беломестнова К.С.* Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством: понятие и уголовно-правовое значение // «Сибирский юридический вестник», № 1, 2011. С. 165.
8. *Рагулина А.В.* Уголовно-правовое значение психических отклонений. М., 2000.
9. *Котов В.П., Мальцева М.М.* Клинико-психологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // «Российский психиатрический журнал», № 1, 2014. С. 13.

THE INSTITUTION OF INSANITY IN CRIMINAL LAW

V. Jilavyan, A. Barseghyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the institution of insanity in criminal law as a crucial component in ensuring justice and humanism. It analyzes the concept and characteristics of insanity, the criteria for recognizing a person as insane, as well as their legal and psychological aspects. The peculiarities of applying compulsory medical measures are also studied, along with the impact of this institution on the criminal prosecution process, ensuring a balance between societal protection and the rights of individuals with mental disorders. The importance of a deep understanding of this legal phenomenon is emphasized for the effective functioning of the criminal justice system.

Keywords: subject of crime, insanity, sanity, compulsory medical measures.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ: ПРЕСТУПНОСТЬ МИГРАНТОВ И МЕРЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Д.Р. Кадырова

Кубанский государственный университет
kadyrovadiana591@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются глобальные миграционные потоки, их влияние на уровень преступности среди мигрантов и правовые аспекты, связанные с регулированием этих процессов. В условиях глобализации растет количество мигрантов, актуализируется вопрос о криминогенной ситуации в принимающих странах. В работе приведены статистические данные по преступлениям, совершенным мигрантами, и сопоставление уровня их преступности с преступностью среди местного населения. Особое внимание уделяется факторам, способствующим данному виду преступности, таким как низкая квалификация работников и их низкий социальный статус, трудное положение семей, неудовлетворительные условия труда и жизни и другие факторы. Подчеркивается важность комплексного подхода к решению проблем миграции и преступности, который включает в себя как правовые, так и социальные меры, направленные на интеграцию мигрантов в общество.

Ключевые слова: глобальные миграционные потоки, преступность мигрантов, проблемы миграции, миграционные процессы, правовые механизмы.

Глобализация, характеризующаяся укрупнением и усилением экономических, политических и социокультурных связей между странами, неизбежно влечет за собой увеличение миграционных потоков. Основные миграционные потоки, по данным Международной организации по миграции, идут из таких стран, как Индия, Мексика, Российская Федерация, Китай, Бангладеш, Пакистан, Украина [1. С. 115].

Миграция, как сложное явление, оказывает существенное влияние на различные аспекты жизни принимающих и отправляющих обществ, включая динамику преступности. В этой связи, безусловно важным, является анализ взаимосвязи между ростом глобальных миграционных потоков и изменением уровня преступности, с акцентом на современные тенденции и правовые аспекты регулирования данных процессов. Согласно открытым данным МВД РФ¹, всего за 2023г. в России было зарегистрировано 1947000 преступ-

¹ Министерство внутренних дел РФ. Статистика и аналитика [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 17.03.2025).

лений, 38000 из которых были совершены иностранными гражданами и лицами без гражданства. Однако не только РФ ощущает проблему преступности мигрантов, данный вопрос носит международных характер. Так, например, число преступлений в Германии, совершаемых мигрантами в 2023г. по сравнению с предыдущим, увеличилось на 26,8%². Аналогичную ситуацию можно видеть и в других странах. На территории Республики Армения в 2021г. в преступления были вовлечены 76 иностранцев, в 2022г. – 139, в 2023г. – 146. Как отмечает, начальник организационного отдела главного управления криминальной полиции МВД Армении, полковник Ваче Овсепян, рост преступлений, совершенных иностранными гражданами, связан с их большим притоком. В том числе одним из катализаторов такой динамики может служить Специальная военная операция (СВО), проводимая Вооруженными Силами РФ с февраля 2022г. Часть россиян, не согласных с политикой государства, опасающиеся мобилизации или экономических последствий, приняли решение покинуть страну. Республика Армения стала одним из основных направлений релокации для таких граждан, чему способствовали культурная близость, безвизовый режим, наличие русскоязычной диаспоры, а для некоторых – и родственные связи.

Взаимосвязь миграции и преступности является предметом дискуссий в научном сообществе на протяжении десятилетий [2, с. 109; 3, с. 90; 4, с. 1]. Выделить точные международные аспекты преступности мигрантов не представляется возможным, так как существуют психологические, социокультурные, половозрастные особенности конкретной изучаемой социальной общности. Однако специфическими факторами, непосредственно влияющими на криминальную обстановку среди иностранных граждан в России, можно считать следующие:

- во-первых, миграционные потоки, входящие в РФ, в основном состоят из трудовой миграции: для этой категории характерны низкая квалификация работников и невысокий социальный статус мигрантов, а также временный или циркулярный характер их пребывания на новом месте;
- во-вторых, преступные намерения и действия иностранцев обусловлены характером и степенью серьезности существующих жизненных проблем как в России, так и на их Родине (например, трудное положение семей мигрантов, неудовлетворительные условия труда и жизни и другие факторы).

Наиболее совершаемыми преступлениями среди мигрантов во всем мире являются преступления против собственности. По информации Следственного Комитета РФ, за первые четыре месяца 2023г. увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных мигрантами: их доля составила 47% от общего количества. Из них 66,7% – преступления против

² В ФРГ число совершаемых мигрантами преступлений выросло на 26,8% в 2023г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/22305569> (дата обращения: 16.03.2025).

собственности, 21,2% – в сфере незаконного оборота наркотиков, 4% – против жизни и здоровья³. По данным МВД Республики Армения, самым распространенным преступлением, совершаемым иностранными гражданами, является незаконное пересечение границы, затем – кражи, рукоприкладство и контрабанда наркотиков⁴. Это подтверждает тезис о том, что изучаемая проблема актуальна для всех стран мира, а в РФ и Республики Армения – во многом аналогична и имеет общие черты и сходство.

Важно отметить, что незаконная миграция, а именно нелегальное пересечение границ гражданами иностранного государства, по факту не наносит прямого вреда отдельным лицам, тем не менее, часто именно незаконные мигранты вовлекаются в криминальные процессы. Так нелегальная миграция создает условия для прикрытия транзита глобального терроризма по всему миру. Только в 2017г. число беженцев в Сирии составило 6,3 млн человек. Убежищем для них является Турция, из которой через границу с Азербайджаном нетрудно проникнуть в Россию и другие страны. Также под видом беженцев возможно проникновение боевиков ИГИЛ. Печальным наглядным примером является теракт в «Крокус Сити Холле», унесший жизни 144 человека. Среди жертв были граждане иностранных государств – Армении, Белоруссии, Молдавии. Этот теракт, совершенный в Москве 22 марта 2024г. группировкой ИГИЛ-К, стал самым смертоносным террористическим актом в Европе со времен захвата школы в Беслане в 2004г.⁵.

Хочется отметить, что преступность международных мигрантов отличается высокой степенью латентности. Относительно повышенный удельный вес, а именно 49% от общего количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами, составляют деяния, характеризующиеся сравнительно небольшой общественной опасностью (кража, побои и др.). Преступления же, относящиеся к категории особо тяжких (террористический акт, геноцид и др.), реже остаются без внимания правоохранительных органов, соответственно, чаще подлежат фиксации в уголовной статистике. Их удельный вес в общей массе преступлений, совершаемых лицами без гражданства и иностранными гражданами – 27%. Таким образом, соотношение рассмат-

³ Председатель СК России принял участие в заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам миграционной политики [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/item/1799345/> (Дата обращения: 16.03.2025).

⁴ Преступления, совершенные иностранцами и против иностранцев в Армении: подробности от МВД [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20240909-prestupleniya-sovershennye-inostrantsami-i-protiv-inostrantsev-v-armenii-podrobnosti-ot-mvd-80397467.html> (Дата обращения: 15.03.2025).

⁵ О нападении террористов на «Крокус Сити Холл в Москве» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://osce.usmission.gov/ru/o-napadenii-terroristov-na-kroksus-sit/> (Дата обращения: 15.03.2025).

риваемых категорий в той или иной мере искажается в сторону увеличения доли более опасных преступных деяний⁶.

Важно подчеркнуть, что рост преступности, связанной с миграцией, не является неизбежным следствием увеличения миграционных потоков. Он обусловлен комплексом факторов, включая социально-экономические условия в принимающих странах, эффективностью миграционной политики, уровнем интеграции мигрантов в общество и другими.

В связи с увеличением доли тяжких и особо тяжких преступлений, все более важным и актуальным является устранение существующих проблем в квалификации преступлений, совершенных мигрантами. Во многом это обусловлено различием юридических норм в законодательствах зарубежных государств, что затрудняет единообразную квалификацию. Деяния, которые в одних странах являются преступлением, не всегда являются преступлением в других. Например, в некоторых странах, таких как Нидерланды и Португалия, определенные виды наркотиков (например, марихуана) легализованы или декриминализованы, в то время как в России или Армении употребление, хранение и распространение даже небольших количеств этих же наркотиков может привести к уголовной ответственности.

Особую проблему квалификации преступлений мигрантов создает языковой барьер: мигранты часто сталкиваются с трудностями в понимании правовых норм из-за языковых различий, что может привести к неправильной интерпретации их действий. Например, в 2018г. в Италии несколько мигрантов из Северной Африки были задержаны за участие в незаконной торговле товарами на улице. Они продавали вещи без лицензии и разрешений, не понимая, что это является нарушением местного законодательства. Мигранты, не говорящие на итальянском языке, не понимали, что для ведения торговли на улицах необходимо получать специальные разрешения от местных властей. Когда их задержали, они не могли объяснить свою ситуацию из-за языкового барьера и отсутствия доступа к юридической помощи.

Не менее важной социальной проблемой является предвзятость: стереотипы и пристрастное отношение к мигрантам могут влиять на действия правоохранительных органов и судебных инстанций, что приводит к неправильной и несправедливой квалификации преступлений. Пример – европейский миграционный кризис в 2015г. Остро ситуация стояла в Германии в канун Нового года в Кельне, где произошли массовые беспорядки, в ходе которых группа мужчин, многие из которых были мигрантами и беженцами, совершила ряд преступлений, включая сексуальные домогательства и кражи. Эти события вызвали широкий общественный резонанс и привели к значительному увеличению предвзятости и стереотипов в отношении иностранных граждан и апатридов в целом.

⁶ Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://demreview.hse.ru/article/view/22716/19017> (Дата обращения: 16.03.2025).

Регулирование миграционных процессов и борьба с преступностью, связанной с миграцией, являются важными задачами для государств. Эффективное их решение требует комплексного подхода. Необходимо обеспечить баланс между интересами национальной безопасности и правами мигрантов. Законодательство должно быть четким, прозрачным и соответствовать международным стандартам. Важно обеспечить эффективный контроль за въездом, выездом и пребыванием иностранных граждан и апатридов на территории государства.

Не менее важно создавать условия для успешной интеграции мигрантов в принимающее общество, включая доступ к образованию, здравоохранению, рынку труда и культурным ценностям. Например, в крупных городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, работают центры, где мигранты могут получить информацию о правовых аспектах, медицинской помощи и обучении. Мигрантам из Армении в России помогает Общероссийская Общественная Организация «Союз армян России». Организация занимается поддержкой мигрантов разными способами: юридическая помощь: консультации по опросам миграционного законодательства, помощь в оформлении документов; социальная поддержка: доступ к медицинским услугам, жилью и образованию; культурная интеграция: мероприятия, направленные на сохранение армянской культуры и традиций. Эти действия помогают мигрантам легче адаптироваться к жизни в России и находить необходимые ресурсы для успешной интеграции.

Кроме того, эффективная борьба с преступностью, связанной с миграцией, требует тесного сотрудничества между государствами в области обмена информацией, выдачи преступников и проведения совместных операций.

Увеличение глобальных миграционных потоков является объективной реальностью современного мира. Миграция оказывает сложное и многогранное влияние на различные аспекты жизни обществ, включая динамику преступности. Необходимо принимать меры по предотвращению и пресечению нелегальной миграции, в том числе путем усиления пограничного контроля и борьбы с организованными преступными группами, занимающимися незаконным ввозом мигрантов. Таким образом, российский законодатель признал в ноябре 2024г. организацию незаконной миграции особо тяжким преступлением в тех случаях, когда она совершается организованной группой и в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 322.1 УК РФ).

Кроме того, группа российских законодателей внесли в октябре 2024г. в Государственную Думу РФ законопроект, согласно которому предлагается внести в ч. 1 ст. 63 УК РФ, в которой регламентированы отягчающие обстоятельства при совершении преступления, новое такое обстоятельство – «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации»⁷.

⁷ Дума признала отягчающим обстоятельством совершение преступления нелегальным мигрантом [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/989142> (Дата обращения: 16.03.2025).

Важно подчеркнуть, что проблема совершения мигрантами террористических и других отдельных, наиболее распространенных, преступлений важна не только для Российской Федерации, но и для всех стран мира, включая Армению. В связи с чем полагаем, выдвинутые предложения могут быть рассмотрены и армянскими законодателями в рамках противодействия преступности иностранных граждан. В частности, о включении аналогичного обстоятельства, отягчающего наказания, в ст. 71 Уголовного кодекса Республики Армения.

Вышеизложенное иллюстрирует, как резкое изменение миграционных потоков, вызванное политическими событиями (например, СВО, проводимой РФ), может приводить к росту числа преступлений. Хотя точные статистические данные за весь период после начала СВО недоступны в полном объеме, однако можно отметить, что на примере Армении увеличилась доля следующих преступлений⁸:

- нарушения правил пребывания иностранных граждан: нарушение правил въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию Республики Армения (ст. 469–470 УК РА);
- экономические преступления: в условиях экономической нестабильности и трудностей с трудоустройством наблюдается рост числа преступлений, связанных с мошенничеством (ст. 255 УК РА) и другими экономическими правонарушениями;
- преступления против человека: в условиях стресса и социальной дезадаптации увеличивается количество преступлений против жизни и здоровья человека (гл. 23 и 24 УК РА), а также хулиганства (ст. 297 УК РА).

Однако важно подчеркнуть, что рост преступности не является неизбежным следствием миграции. Эффективное регулирование миграционных процессов, борьба с нелегальной миграцией, социальная и культурная интеграции мигрантов, а также международное сотрудничество являются ключевыми факторами, способствующими снижению рисков, связанных с миграцией, и обеспечению безопасности как для мигрантов, так и для принимающих обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бучаков С.А. Незаконная международная миграция и угроза терроризма // «Вестник ОмГУ. Сер.: Право», № 2, 2019.
2. Дядюн К.В. Миграция и преступность: взаимосвязь причин и условий // «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке», № 2 (18), 2012.
3. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Миграционная преступность как криминологическая проблема // «Миграционное право», № 4, 2024.

⁸ «Три убийства ежедневно»: почему в Армении растет статистика преступности [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20240319/tri-ubiystva- ezhednevno-pochemu-v-armenii-rastet-statistika-prestupnosti-73538704> (Дата обращения 18.03.2025).

4. Кочнева Е.В., Памочкина Н.А. Миграция и преступность // «Вестник СМУС74», № 1 (8), 2015.

GLOBAL MIGRATION STREAMS: CRIME MIGRANTS AND MEASURES TO PREVENT IT

*D. Kadyrova
Kuban State University*

ABSTRACT

The article examines global migration flows, their impact on the crime rate among migrants and the legal aspects related to the regulation of these processes. In the context of globalization, the number of migrants is growing, and the issue of the criminal situation in the host countries is becoming relevant. The paper provides statistical data on crimes committed by migrants and compares them with the crime rate among the local population. Special attention is paid to the factors contributing to this type of crime, such as the low qualifications of workers and their low social status, the difficult situation of families, unsatisfactory working and living conditions, and other factors. The importance of an integrated approach to solving the problems of migration and crime, which includes both legal and social measures aimed at integrating migrants into society, is emphasized.

Keywords: global migration streams, migrant crime, migration problems, migration processes, legal mechanisms.

ФЕМИЦИД – УБИЙСТВА ЖЕНЩИН НА ПОЧВЕ ГЕНДЕРНОЙ НЕНАВИСТИ

Э.Р. Куртмollaева

*Кубанский государственный университет
geraevaevvelina@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению фемицида, обусловленного дискриминацией в отношении женщин и девочек, неравными властными отношениями, гендерными стереотипами или социальными нормами. Констатируется недостаточное внимание к проблеме фемицида в странах Содружества Независимых Государств. Выделяются его характерные свойства и особенности, а также рассматриваются примеры данного посягательства и предполагаемые пути решения проблемы, включая совершенствование законодательства, изменение общественного восприятия гендерного насилия и разработку эффективных механизмов защиты жертв.

Ключевые слова: фемицид, дискриминация в отношении женщин, насилие, гендерное превосходство, преступления против женщин.

Фемицид представляет собой преднамеренное убийство женщин (доведение до самоубийства) и девочек на основе их гендерной принадлежности. Данный вид преступления обусловлен неравенством полов, укоренившимся стереотипами и дискриминацией в отношении женщин. Вопрос признания фемицида в качестве отдельного уголовного преступления актуален для многих стран, стремящихся к защите прав женщин и обеспечению гендерного равенства. Международные организации, такие как ООН и ВОЗ, признают фемицид серьезной проблемой глобального масштаба. 18 декабря 2013г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 68/191 «Принятие мер против гендерно-мотивированных убийств женщин и девочек», в которой настоятельно призывала страны-члены принять меры для предотвращения фемицида, включая совершенствование национального законодательства и системы правоприменения¹. На уровне Совета Европы данная проблема также не остается без внимания. Стамбульская конвенция о предотвращении и борьбе с

¹ A/RES/68/191 Организация Объединенных Наций (2013г.) Принятие мер против гендерно-мотивированных убийств женщин и девочек [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R-N1345093.pdf> (Дата обращения: 10.03.2025).

насилием в отношении женщин и домашним насилием, также призывают государства бороться с насилием в отношении женщин².

В соответствии с Декларацией ООН об искоренении насилия в отношении женщин, оно охватывает любые акты насилия, совершенные на основании полового признака, которые причиняют или могут причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни³.

При написании научной статьи использовались различные методы исследования: *диалектический метод* позволяет рассмотреть фемицид как социально-правовое явление в его развитии, взаимосвязи с иными уголовно-правовыми и криминологическими категориями; *сравнительно-правовой метод* используется для сопоставления уголовно-правового регулирования фемицида в различных странах, выявления лучших практик и возможностей их применения в отечественном законодательстве; *интерпретационный метод* использовался для толкования норм права и международных соглашений, что позволило комплексно исследовать проблему и предложить научно обоснованные выводы.

Гендерно мотивированные убийства женщин и девочек (фемицид или феминицид) рассматриваются через призму насилия в отношении женщин. Согласно определению Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴, это насилие, совершаемое против женщины именно потому, что она является женщиной, либо оказывающее на женщин непропорционально сильное воздействие.

В данном контексте насилие над женщинами и девочками рассматривается как широкое явление, коренящееся в социально-структурном и традиционно укорененном гендерном неравенстве. Оно связано с установленными ролями мужчин и женщин в обществе, что является важным аспектом при определении характеристик преступлений, включенных в данную статистическую систему.

Фемицид, как явление, – глобальная проблема: в 2021г. наибольшее количество было зарегистрировано в странах Азии (17 800) и Африки (17 200), за ними следуют Северная и Южная Америка (более 7000), Европа (2500) и

² Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, Стамбул, 11.V.2011. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f> (Дата обращения: 10.03.2025).

³ ⁴ A/RES/48/104 Организация Объединенных Наций (1993г.) Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-48-104> (Дата обращения: 10.03.2025).

⁴ A/47/38 Организация Объединенных Наций (1993г.) Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 19, принятая на одиннадцатой сессии [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (Дата обращения: 10.03.2025).

Океания (300)⁵. В РФ в указанный период было зафиксировано 1456 случаев фемицида⁶.

В книге «Фемицид» активистки Московского женского музея Любавы Малышевой к этим преступлениям относятся и преступления, совершенные женщинами против женщин в целях мужской выгоды [1. С. 9].

Фемицид всегда связан с гендерным контекстом, потому что представляет собой «наказание» за отклонение от предписанной гендерной роли или подтверждает доминирование мужчины, который может распоряжаться жизнью женщины по своему усмотрению. Стоит обратить внимание на то, что убийства женщин и девочек, совершенные по гендерным мотивам, в большинстве случаев происходят по вине нынешних или бывших сексуальных партнеров, а также других членов семьи. Убийства, совершаемые сексуальными партнерами (мужьями, бывшими партнерами, мужчинами, с которыми жертва состоит в отношениях), нередко обусловлены стремлением мужчин установить контроль над женщинами или наказать их за поведение, воспринимаемое как недопустимое. Помимо этого, насильтственные действия со смертельным исходом могут совершаться членами семьи, не являющимися сексуальными партнерами женщины, такими как отцы, братья или дяди. Такие преступления зачастую основываются на укоренившихся в обществе и культуре нормах, которые могут включать вредные традиции, например, убийства во имя чести. В рамках подобных практик, насильтственные действия могут совершать не только мужчины, но и женщины, принадлежащие к семье жертвы.

Особенностью и обязательным элементом субъективной стороны фемицида является мотивация преступления. Верным представляется мнение Н.А. Лопашенко, которая определяет ненависть или вражду к какой-либо социальной группе как крайне негативное, непримиримое и отрицательно окрашенное чувство и отношение человека к этой группе и ее членам [2. С. 424]. Понятие «гендерное превосходство» – убеждение в превосходстве мужского пола над женским, дающее право доминировать, контролировать и в случае фемицида лишать жизни [3. С. 253]. Оно является более узким по сравнению с понятием «вражда» и соотносится с ним как часть и целое⁷.

⁵ Приданое, колдовство, ненависть: что такое фемицид и за что убивают женщин [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/forbes-woman/496103-pridanoe-koldovstvo-nenavist-cto-takoe-femicid-i-za-cto-ubivayut-zensin> (Дата обращения: 10.03.2025).

⁶ Первый российский антифемицидный проект [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.wmmsk.com/femicid/> (Дата обращения: 10.03.2025).

⁷ CEDAW/C/GC/35 (2017г.) Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://european-court-help.ru/obshhaja-rekomendacija-35-o-gendernom-nasilii-v-otnoshenii-zhenshhin-prednaznachennaja-dlya-obnovlenija-obshhej-rekomendacii-19/> (Дата обращения: 10.03.2025).

Мотивы фемицида часто просты: ревность, эротические фантазии, восприятие женщины как объекта или одержимости. В условиях патриархата женщина лишается статуса полноценного человека и права на жизнь. По мнению правозащитников, несмотря на то что Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Конституция Российской Федерации (ст. 17), Конституция Республики Армении (ст. 30) обеспечивают равенство прав и свобод для всех граждан вне зависимости от пола, определенные социальные группы сталкиваются с дискриминацией и поэтому страдают больше остальных. Женщины чаще становятся жертвами насильственных преступлений, совершаемых мужчинами, что во многом обусловлено их относительно меньшей физической силой, ограничивающей возможности эффективного сопротивления в критических ситуациях. Поскольку в уголовном законодательстве нет определения фемицида, сложно оценить масштаб проблемы, найти пути ее решения, как в РФ, так и в Республике Армении, и мире в целом.

Еще одна проблема, из-за которой возникают сложности, – это доказательство того, что убийство было совершено на почве гендерной ненависти или в контексте гендерного превосходства. Это требует сбора и анализа специфических доказательств, включая мотивы преступника, его отношение к жертве и контекст преступления, что не всегда возможно сделать однозначно.

По последним оценкам ООН, ежегодно от рук интимных партнеров и членов семьи погибает около 50 000 женщин и девочек. Это 137 потерянных жизней ежедневно⁸. В эту цифру включены только убийства членами семьи и партнерами, но не включены убийства женщин и девочек в контексте вооруженных конфликтов и в связи с приданым.

Европейский институт гендерного равенства определяет в качестве фемицида следующие факторы:

- убийства женщин в результате насилия со стороны интимного партнера – текущего или бывшего мужа или парня;
- пытки и убийства женщин из-за женоненавистничества;
- убийства женщин или девочек во имя «чести»;
- целенаправленные убийства женщин и девочек в условиях вооруженного конфликта;
- убийства женщин, связанные с приданым;
- убийства женщин и девушек из-за их половой ориентации или гендерной идентичности;
- убийства женщин и девушек из числа коренного населения и коренных народов;

⁸ UNODC GLOBAL STUDY ON HOMICIDE Gender-related killing of women and girls 2019г. Проект [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet_5.pdf (Дата обращения: 10.03.2025).

- по признаку пола;
- убийство младенцев женского пола и вытравление плода по половому признаку;
- смерти, связанные с калечащими операциями на половых органах;
- обвинения в колдовстве;
- другие убийства женщин, связанные с организованной преступностью, торговлей наркотиками, торговлей людьми и распространением стрелкового оружия⁹.

Наглядной иллюстрацией фемицида, полагаем, может служить дело Салтанат Нуkenовой, убитой в столице Казахстана, имевшее большой общественный резонанс во всех странах СНГ. Она систематически подвергалась физическому и психологическому насилию со стороны супруга, включая шантаж с использованием интимных видеоматериалов и моральное унижение, которое влияло на ее психо-эмоциональное состояние. Данный случай демонстрирует типичную динамику гендерно-мотивированного насилия, при котором женщина оказывается в ситуации длительного контроля и подавления со стороны партнера. Это жестокое убийство, где партнер был одержим жертвой, не давая возможности и права на развод, стало «катализатором» принятия в Казахстане 14 апреля 2024г. закона «О поправках по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», который еще называют – «Закон Салтанат».

Полагаем, фемицид представляет собой преступление, мотивированное ненавистью на основе пола и гендерной принадлежности. Оно не всегда сводится к убийству, но также включает в себя доведение до самоубийства и различные формы насилия, включая домашнее насилие. Убийства на почве ненависти к женщинам, как и другие виды насилия в их отношении, не являются чем-то неотвратимым. Считаем, что такие преступления становятся результатом длительного накопления агрессии и повторяющихся актов дискриминации по признаку пола. Это позволяет своевременно выявлять тревожные сигналы и принимать меры для предотвращения трагедий.

Наиболее эффективными оказываются программы, направленные на предупреждение насилия, трансформацию общественных установок и формирование в сообществах нетерпимости к любым формам насилия в отношении женщин. Правоохранительные органы и судебная система играют ключевую роль в борьбе с этой проблемой. Их задача – оказывать поддержку пострадавшим, оперативно реагировать на сигналы о насилии и привлекать виновных к ответственности. Статистика показывает, что многие жертвы убийств ранее обращались за помощью, но их призывы остались без должного внимания, хотя трагедию можно было предотвратить¹⁰.

⁹ Расследование фемицида: руководство GIJN 07.07.2021г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://gijn.org/ru/resurs/rassledovanie-femicida-rukovodstvo-gijn/> (Дата обращения: 10.03.2025).

¹⁰ Слово года в России: Фемицид [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.wm-msk.com/2019/11/femicidrf2019/?utm_source (Дата обращения: 10.03.2025).

Предлагаем рассмотреть пути решения со стороны законодательства на примере УК РФ. Считаем целесообразным в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, включить в ч. 1 ст. 63 УК РФ новый пункт «е.2» – «совершение преступления по мотивам гендерной ненависти». Это позволит расширить сферу его применения как к женщинам, так и к мужчинам, ведь фемицид представляет собой преступления, относящиеся именно к гендерному насилию, применение которого возможно и в отношении лиц мужского пола. Одновременно с этим в отдельных статьях Особенной части УК РФ выделить новый квалифицирующий признак преступления, совершенного по мотивам гендерной ненависти: п. «л.1» ч. 2 ст. 105 «Убийство»; п. «е» в ч. 3 ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», п. «к» ч. 2 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; в п. «к» ч.2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; п. «е» ч. 2 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; п. «к» ч. 2 ст. 117 «Истязание»; п. «г» ч. 2 ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью».

Таким образом, девочки и женщины могут почувствовать себя более защищенно, зная, что уголовный закон содержит четкие механизмы для квалификации преступлений, совершенных по мотивам гендерной ненависти, и предусматривает более строгое наказание за такие деяния.

Введение квалифицирующего признака «преступление, совершенное по мотивам гендерной ненависти» позволит не только учитывать специфику гендерно мотивированного насилия, но и обеспечит адекватное наказание для преступников, совершивших такие деяния. Это также станет важным шагом в направлении признания фемицида как самостоятельного правового явления, требующего системного подхода к его предупреждению и пресечению.

Кроме того, такая законодательная мера будет способствовать формированию более справедливой правоприменительной практики, исключающей случаи недооценки тяжести преступлений, совершенных на основе гендерной дискриминации. Это может повысить уровень доверия женщин к правоохранительной системе, а также побудить жертв насилия обращаться за защитой, не опасаясь игнорирования их проблемы.

В заключение следует отметить, что убийства женщин по гендерным мотивам также совершаются в контексте других отношений между преступником и жертвой, при отсутствии таких отношений или, наконец, в случаях, когда преступник может оставаться неизвестным для жертвы вовсе. В долгосрочной перспективе усиление уголовной ответственности за гендерно-мотивированные преступления может сыграть значительную роль в снижении уровня насилия, изменении общественного восприятия подобных деяний и формировании культуры нулевой толерантности к насилию по признаку пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева Л. Фемицид. М.: «Московский женский музей», 2021.
2. Лопашенко Н.А. Убийства: монография. М.: «Юрлитинформ», 2013.

3. Вишневецкая И.Н. Фемицид: проблемы уголовно-правовой квалификации и криминологические особенности // «Вестник Саратовской государственной юридической академии», № 1 (150), 2023.

FEMICIDE – MURDERS OF WOMEN BASED ON GENDER HATRED.

E. Kurtmollaeva
Kuban State University

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of femicide caused by discrimination against women and girls, unequal power relations, gender stereotypes or social norms. Insufficient attention to the problem of femicide in the countries of the Commonwealth of Independent States is stated. Its characteristic properties and features are highlighted, and examples of this attack and possible solutions to the problem are considered, including improving legislation, changing public perception of gender violence and developing effective mechanisms for protecting victims.

Keywords: femicide, discrimination against women, violence, gender superiority, crimes against women.

**ԶԵՐԲԱԿԱԼՄԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴՐԵՐԸ
ՔՐԵԱԴԱՏԱՎԱՐԱԿԱՆ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ**

Թ.Ա. Մանուչարյան, Ա.Գ. Գևորգյան

Ուսու-հայկական (Ալավոնական) համալսարան

Իրավունքի ինստիտուտ

alvardgevorgyan42@gmail.com, manucharyantehmine97@gmail.com

ԱՍՓՈՓԱԳԻՐ

Քննարկվող հոդվածում անդրադարձել ենք քրեադատավարական նոր փոփոխությունների համատեքստում՝ ձերքակալման և անձին բերման ենթարկելու ինստիտուտների առջև ծառացած խնդիրներին, ինչպես նաև ուսումնասիրելով պրակտիկան վեր ենք հանել որոշակի խնդիրներ: Մասնավորապես՝ ուսումնասիրության առարկան են հանդիսացել բերման ենթարկելու ինստիտուտի վերացման հետ կապված իրավակիրառ մարմինների անհրաժեշտ գործիքակազմից զրկելու հետևանքով առաջացած խնդիրները:

Հիմնարարեր՝ ձերքակարում, բերման ենթարկել, Մարդու իրավունքների Եվրոպական Կոնվենցիա, ազատության սահմանափակում, հիմնավոր կասկած:

Ներածություն

Քրեական դատավարության օրենսդրությունը ենթարկվեց արմատական փոփոխությունները և որոշ ինստիտուտներ այդ փոփոխությունների համատեքստում կրեցին լուրջ փոփոխություններ կամ վերացվեցին: Սակայն յուրաքանչյուր ինստիտուտ փոփոխելիս կամ կիրառելիս անհրաժեշտ է մտածել այն հետևանքների մասին, որոնք առաջանում են իրավակիրառ պրակտիկայում այդ ինստիտուտների փոփոխությունների տիրույթում: Մասնավորապես՝ անձին բերման ենթարկելու ինստիտուտի վերացմամբ իրավասու մարմիններին զրկել են անհրաժեշտ գործիքակազմից: Հոդվածի նպատակն է բարձրաձայնել որին բախվում է իրավակիրառը իր գործունեությունն իրականացնելիս:

Թեմայի արդիականությունը: Հաշվի առնելով Քրեական դատավարության օրենսդրության կրած արմատական փոփոխությունները, կարևոր ենք համարել թեմայի ուսումնասիրությունը հաշվի առնելով ձերքակալման ինստիտուտի շրջանակներում լուծվող խնդիրների տեսակաբար կշիռը:

Բովանդակություն և մեթոդ: Սույն աշխատանքը բաղկացած է երկու հիմնական մասից: Առաջին մասում անդրադարձել ենք ձերքակալման ինստիտուտին, իրավահամեմատական մեթոդի օգնությամբ վերլուծել ենք նախկին և գործող օրենսդրական կարգավորումները ձերքակալման հասկացության և հիմքերի վերաբերյալ: Հաջորդիվ անդրադարձ է կատարվում ենթարկելու ինստիտուտի հասկացությանը, որա դերին և նշանակությանը իրավակիրառ պրակտիկայում:

Օգտագործվել է իրավահամեմատական մեթոդը, դոգմատիկ մեթոդը, անալիզը և սինթեզը, ինդուկտիվ և դեդուկտիվ մեթոդները:

Ներկայիս քրեական դատավարության օրենսգիրքը (այսուհետ՝ Քր. դատ. օր.) ենթարկվել է մի շարք փոփոխությունների, որոնք պայմանավորված են եղել օրենսդիր մարմնի վարած նոր քրեական քաղաքականությամբ: Ներկայումս օրենսդիրը սահմանել է քրեական դատավարության նպատակը, որին հասնելու համար մի շարք ինստիտուտներ վերափոխվել են կամ կորցնելով իրենց նշանակությունը՝ հանվել են քր. դատ. օր-ից: Այդպիսիններից են ձերքակալման և բերման ենթարկելու ինստիտուտները: Զերքակալման ինստիտուտը ենթարկվել է մի շարք փոփոխությունների, իսկ բերման ենթարկելու ինստիտուտը ամրողովին դուրս է բերվել, ինչը հանգեցրել է մի շարք խնդիրների, որոնց հետ առերեսվում է վարույթն իրականացնող մարմինը իրավակիրառ պրակտիկայում: Հաջորդիվ կներկայացվեն ուսումնասիրության առարկան կազմող վերոնշյալ ինստիտուտների հետ կապված առանցքային փոփոխությունները և հիմնախնդիրները:

Ներկայիս քր. դատ. օր-ով ձերքակալման հասկացությունը ենթարկվել է մի շարք էական փոփոխությունների: Մասնավորապես՝ նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքի 128-րդ հոդվածի 1-ին մասով ձերքակալում էր համարվում անձին արգելանքի տակ վերցնելը, հետաքննության կամ վարույթ իրականացնող մարմին բերելը, համապատասխան արձանագրություն կազմելը և այդ մասին նրան հայտարարելը՝ օրենքով որոշված վայրերում կամ պայմաններում արգելանքի տակ կարձաժամկետ պահելու համար, իսկ նոր քրեական դատավարության օրենսգրքի 6-րդ հոդվածի 44-րդ կետով ձերքակալում է համարվում, եթե անձին անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածով կամ մեղադրյալին դատարան ներկայացնելու նպատակով անձնական ազատության իրավունքի սահմանափակումն է, առանց դատարանի որոշման: Այստեղ կարող ենք նկատել, որ եթե նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքը անձը համարվում էր ձերքակալված օրենսգրքով նախատեսված հաջորդական գործողությունները կատարելուց հետո, այսինքն՝ անձը

համարվում էր ձերբակալված միայն այն ժամանակ, երբ կազմում էին ձերբակալման մասին արձանագրությունը և այդ մասին հայտնում էին անձին, ապա ներկայիս քրեական դատավարության օրենսգրքով անձը համարվում է ձերբակալված նրա ազատության փաստացի զրկման պահից, և այդ պահից էլ հաշվարկվում է ժամկետը, մինչդեռ նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքով ձերբակալման ժամկետը հաշվարկվում էր արձանագրությունը կազմելու և դրա մասին հայտարարելու պահից:

Մեր կարծիքով ներկայիս կարգավորումը ավելի նպատակահարմար է, քանի որ ձերբակալման մեջ ներառվում է այդ ամբողջ ժամանակահատվածը, այսինքն՝ սկսած անձի փաստացի ազատության զրկման պահից, մինչդեռ նախկին կարգավորման մեջ այդ ժամանակը չի ներառվում, հետևաբար անձը համարվում էր ձերբակալված արձանագրությունը կազմելուց հետո, իսկ այն ժամանակահատվածը, որն ընկած էր մինչև արձանագրության կազմումը, չի մտնում բուն ձերբակալման մեջ, որը մարդու իրավունքների պաշտպանության տեսանկյունից ընդունելի չէր համարվում:

Ներկայիս քրեական դատավարության օրենսգրքի 108-րդ հոդվածի 1-ին մասով սահմանված են ձերբակալման հետևյալ երեք հիմքերը՝

1. Հանցանք կատարած լինելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայության դեպքում,
2. Ազատության մեջ գտնվող մեղադրյալին դատարան ներկայացնելու համար,
3. Խափանման միջոցի պայմանները խախտած մեղադրյալի նկատմամբ:

Նախկին քրեական դատավարության օրենսգիրքի 128-րդ հոդվածի 3-րդ մասով սահմանված էր ձերբակալման միայն երկու հիմք՝

1. Հանցանք կատարելու մեջ անմիջականորեն ծագած կասկածի հիման վրա:
2. Քննիչի ոչոշման հիման վրա:

Ինչը վերաբերում է քննիչի որոշման հիման վրա ձերբակալմանը, ապա այն բաղկացած էր երկու մասից՝ ձերբակալումը ազատության մեջ գտնվող մեղադրյալին դատարան ներկայացնելու համար և խափանման միջոցի պայմանները խախտած մեղադրյալի ձերբակալումը, որը ներկայիս քրեական դատավարության օրենսգրքով նախատեսված է որպես առանձին երկու հիմքեր: Վերջիններս նոր քր. դատ. օրով ենթարկվել են ժամկետային փոփոխությունների, քանի որ նախկինում այս երկու հիմքերով ձերբակալումը չէր կարող տևել 36 ժամից ավելի,

իսկ դատարան պետք է տարվեր 18 ժամվա ընթացքում, ներկայումս օրենսդիրը ավելի է սեղմացրել ժամկետը՝ 36 ժամից դարձնելով 24 ժամ, որից 12 ժամվա ընթացքում մեղադրյալը պետք է դատարան տարվի:

Անդրադառնալով հանցանք կատարած լինելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայության դեպքում ձերբակալմանը, ապա տվյալ հիմքով ձերբակալումը կարող է իրականացվել հետևյալ դեպքերում, եթե

- 1) նա բոնվել է ենթադրյալ հանցանքը կատարելիս կամ այն կատարելուց անմիջապես հետո,
- 2) ականատեսն ուղղակի մատնանշում է տվյալ անձին որպես քրեական օրենքով նախատեսված արարքը կատարողի,
- 3) տվյալ անձի կամ նրա հազուստի կամ նրա կողմից օգտագործվող այլ իրերի վրա, նրա մոտ կամ նրա բնակարանում, ներառյալ տրանսպորտային միջոցում, հայտնաբերվել են քրեական օրենքով նախատեսված Թ.Ա. Մանուչարյան, Ա.Գ. Գևորգյան արարքի կատարմանը նրա առնչությունը վկայող բացահայտ հետքեր,
- 4) առկա են հանցանքի կատարմանը անձի առնչությունը հաստատող այլ հիմքեր, և միաժամանակ նա դեպքի վայրից կամ քրեական վարույթն իրականացնող մարմնից բարնվելու փորձ է կատարել կամ չունի բնակության մշտական վայր, կամ նրա ինքնությունը պարզված չէ:

Այստեղից կարող ենք եզրակացնել, որ ձերբակալումը կիրառվում է միայն այն դեպքերում, եթե ենթադրյալ հանցանքի փաստական հանգամանքները և այն կատարող անձը իրավասու մարմնին հայտնի են դարձել հոդվածում թվարկված իրավիճակներից որևէ մեկի ակնհայտ առկայության դեպքում: Տվյալ հիմքով ձերբակալումը չի կարող տևել 72 ժամից ավել, ընդ որում՝ 6 ժամում անձը արդէն մեղադրյալի կարգավիճակ պետք է ունենա, և հետագայում մեղադրյալը պետք է դատարան տարվի ոչ ուշ, քան ձերբակալման պահից 60 ժամվա ընթացքում: Նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքով տվյալ հիմքով ձերբակալման ժամկետը նույնպես չէր կարող գերազանցել 72 ժամը, բայց ինչպես արդեն նշել ենք, այդ ժամը հաշվարկվում էր արգելանքի վերցնելու պահից, ինչպես նաև նախկինում չէր նշվում, թե այդ 72 ժամվա ընթացքում անձը երբ է ձեռք բերում մեղադրյալի կարգավիճակ և միայն սահմանում էր, որ 72 ժամվա ընթացքում պետք է ձեռք բերի մեղադրյալի կարգավիճակ: Հաշվի առնելով նախկինում առկա բացթողումը, ներկայիս կարգավորման մեջ դա որոշակիացվել է՝ նշելով, թե որ պահից սկսած է անձը ձեռք բերում մեղադրյալի կարգավիճակ: Ձերբակալման

քննարկվող տեսակը այն բացառիկ դատավարական միջոցն է, որը կիրառվում է մինչև քրեական վարույթ նախաձեռնելը և բացառապես ոստիկանության կամ այլ իրավասու մարմնի աշխատակցի կողմից սեփական նախաձեռնությամբ, որը կարող է տևել առավելագույնը 6 ժամ՝ մինչև քննիչի կողմից ձերբակալելու կամ ազատ արձակելու մասին որոշում կայացնելը:

Հանցանք կատարած լինելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայության դեպքում ձերբակալման վերաբերյալ առկա են Վճռաբեկ դատարանի կողմից ընդունված երկու, կարևոր որոշումներ, որոնք հանգամանալիորեն ներկայացնում են տվյալ հիմքով ձերբակալում իրականացնելու էական չափորոշիչները, որով պետք է ուղղորդվի ձերբակալում իրականացնող իրավասու մարմինը: Արամ Սուրբիայանի և Ալբերտ Հովհաննիսյանի գործերով Վճռաբեկը դատարանը արձանագրում է, որ անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկած հասկացությունը չի ենթադրում կասկածի հետագա հիմնավորման պահանջ, քանի որ նման դեպքերում կխախտվի անմիջականության չափանիշը: Այսինքն՝ անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածը բացառում է կասկածի հետագա հիմնավորման հնարավորությունը, այն միշտ պետք է առկա լինի ի սկզբանե¹:

Ինչը վերաբերում է կասկածի հիմնավոր լինելուն, ապա Վճռաբեկ դատարանը նշում է, որ ձերբակալման դեպքում ենթադրյալ հանցանք կատարած լինելու կասկածի հիմնավոր լինելը և դրա ապացուցվածության աստիճանը որոշված է օրենքով: Մասնավորապես քրեական դատավարության օրենսգիրքի 109-րդ հոդվածի 1-ին մասով սահմանված՝ հանցանք կատարելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայության դեպքում օրենսդիրը որպես ձերբակալման հիմք սահմանել է հենց հիմնավոր կասկած առաջացնող փաստացի իրավիճակները, որոնցից որևէ մեկի առկայությունն ինքնին բավարար է անձին ձերբակալելու համար²:

Սակայն ուսումնասիրելով պրակտիկան, կարող ենք ասել, որ քրեադատավարական նոր կարգավորումները բազմաթիվ խնդիրներ են առաջացնում իրավապահ մարմինների համար: Եթե համեմատենք նախկին քրեական դատավարության կարգավորումների հետ, ապա

¹ Տե՛ս Ալբերտ Հովհաննիսյանի վերաբերյալ գործով Վճռաբեկ դատարանի՝ 2024 թվականի հունվարի 18-ի թիվ ՀԿԴ/0188/06/23 որոշումը:

² Տե՛ս Արամ Սուրբիայանի վերաբերյալ գործով Վճռաբեկ դատարանի՝ 2024 թվականի մարտի 1-ին թիվ ՀԿԴ/0066/06/23 որոշման 12-րդ կետը:

կարող ենք ասել, որ այն ավելի մեծ հնարավորություններ էր ստեղծում իրավապահ մարմինների համար, ավելի օպերատիվ և արդյունավետ աշխատանք կատարելու համար, քանի որ նրանց հիմնական նպատակներից է հանցագործությունների կանխումն ու բացահայտումը, որին հասնելու համար առկա էին բավականին մեծ գործիքակազմ և օրենտրական հնարավորություններ: Սակայն ներկայիս քրեական դատավարությունը ավելի շատ հնարավորություններ է նախատեսում անձի խախտված իրավունքների և ազատությունների, ինչպես նաև մեղանդրանքի առկայության դեպքում, մեղանդրանքից պաշտպանվելու լայն հնարավորություններ է նախատեսել, ինչը անձի իրավունքների պաշտպանության տեսանկյունից բավականին արդյունավետ մոտեցում է: Սակայն խնդիրներ է առաջացնում իրավակիրառի համար՝ զրկելով անհրաժեշտ գործիքակազմից:

Մասնավորպես՝ նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքում, ձերբակալման ինստիտուտի հետ զուգահեռ, գործում էր նաև անձինք բերման ենթարկելու ինստիտուտը, որը կարծում ենք ավելի նպատակահարմար էր, քան հիմա գործող քրեական դատավարության օրենսգիրքը, որում բացակայում է բերման ենթարկելու իրավակարգավորումները:

Նախկին քր. դատ. օր-ի 153-րդ հոդվածը սահմանում էր անձին բերման ենթարկելու դեպքերը, կատարման կարգը և այլն: Սույն հոդվածի համաձայն՝ բերման ենթարկելը առանց հարգելի պատճառի քննության չներկայացող կասկածյալին, մեղադրյալին, ամբաստանյալին, դատապարտյալին, վկային և տուժողին հարկադրաբար քրեական վարույթն իրականացնող մարմնին ներկայացնելն է՝ նրա նկատմամբ սույն օրենսգրքով նախատեսված համապատասխան դատավարական գործողություններ կատարելու համար, որը կարող է զուգորդվել բերման ենթարկվող անձի իրավունքների և ազատությունների ժամանակավոր սահմանափակմամբ:

Նույն հոդվածի 2-րդ մասի համաձայն՝ բերման ենթարկելը կատարվում է վարույթն իրականացնող հետաքննության մարմնի, քննիչի, դատախազի կամ դատարանի պատճառաբանված որոշման հիման վրա: Ինչպես տեսնում ենք, նախկինում հնարավորություն կար անձին հարկադրաբար դատարան կամ քննչական մարմին ներկայացնելու, և այդպիսի որոշում կայացնելու իրավունք ուներ անզամ հետաքննության մարմինը, որը թեև լի էր անձի իրավունքների խախտման վտանգով, սակայն արդյունավետ էր քննության իրականացման տեսակյունից: Ինչպես վերը նշեցինք, Արամ Սուքիասյանի գործով վճռաբեկ դատարանի որոշումը առանցքային նշանակություն ուներ, նախ՝ ձերբակալման

հիմքերի, այն է՝ հանցանք կատարած լինելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայության դեպքում, ինչ է նշանակում անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկած արտահայտությունը, ինչպես նաև ցույց տվեց, թե ինչ խնդիրներ են առաջանում իրավակիրառ պրակտիկայում:

Մասնավորապես՝ Արամ Սուրբիայանի քրեական գործի շրջանակներում հայտնի դարձավ, որ օպերատիվ-հետախուզություն իրականացնող մարմինները 2022թ. դեկտեմբերից ունեցել են տեղեկություններ այդ ժամանակ պաշտոնատար անձ հանդիսացող Արամ Սուրբիայանի կողմից առերևույթ հանցանք կատարելու մասին: Սակայն չունենալով բավականչափ հիմքեր ապացուցման շեմը հաղթահարելու համար, շարունակել են տվյալներ հավաքել դեպքի կապակցությամբ, ինչի արդյունքում կարողացել են դեպքի առթիվ նախաձեռնել քրեական վարույթ, սակայն անձին ձերբակալելու և քննչական մարմին ներկայացնելու համար չկար որևէ հիմք, քանի որ առաջին հիմքը վերաբերում էր անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածին, իսկ 2-րդ հիմքի համար անհրաժեշտ էր, որ անձը լինի մեղադրյալ, իսկ Արամ Սուրբիայանը դեռ չեր ստացել մեղադրյալի կարգավիճակ: Այսպիսով՝ օպերատիվ-հետախուզություն իրականացնող մարմինը անձին ձերբակալում է առաջին հիմքով, իսկ վարույթ իրականացնող մարմինը, որպես ականատես ներկայացրել էր այն անձանց, որոնցից Ա. Սուրբիայանը կաշառք էր ստացել: Այս ամենը հայտնի է դառնում դատարանին, որի պատճառով ձեռքակալումը համարվել է ոչ իրավաչափ, սակայն վարույթ իրականացնող մարմինը այնուամենայնիվ կիրառել է կալանավորումը, որպես խափանման միջոց, ինչի պատճառով խախտվել են Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայով (այսուհետ՝ ՄԻԵԿ) ամրագրված իրավունքները:

Ինչպես նկատեցինք, սույն գործով իրավասու մարմինն այդպիսի որոշում էր կայացրել, քանի որ զրկված էր անհրաժեշտ գործիքակազմից, որն առաջացել է ներկա քրեալատակարական փոխխություններից: Եթե նախկին քր. դատ. օր-ի բերման ենթարկելու ինստիտուտը առկա լիներ նաև ներկա իրավակարգավորումներում, ապա այսպիսի խնդիրներ չեր առաջանա իրավակիրառ պրակտիկայում:

Ներկա իրավակարգավորումների համատեքստում, քննիչները գտել են միջոց փոխարինելու բերման ենթարկելու ինստիտուտը, ինչը ևս խնդրահարույց է և խախտում է անձի իրավունքներն ու ազատությունները: Մասնավորապես՝ նշում են, որ այն դեպքերում, երբ հնարավորություն և հիմքեր առկա չեն անձին ձերբակալելու համար, հանցանք

կատարած լինելու անմիջականորեն ծագած հիմնավոր կասկածի առկայությամբ անձին ձերբակալում են, այնուհետև բաց թողնում, իսկ քննիչն այդ ընթացքում նախաձեռնում է քրեական վարույթի շրջանակներում անձին ճանանչում է մեղադրյալ: Այս ամբողջ գործընթացը իրականացնելուց հետո, քննիչի որոշմամբ անձին ձերբակալում են երկրորդ հիմքով, այն է՝ ազատության մեջ գտնվող մեղադրյալին դատարան ներկայացնելու համար:

Այս գործընթացը հակասում է Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայով սահմանված իրավունքներին և ազատություններին: Մասնավորապես՝ հոդված 18-ը սահմանում է, որ յուրաքանչյուր իրավունք պետք է սահմանափակել միայն որոշակի իրավաշափ նպատակ հետապնդելով, քանի որ ձերբակալումը ենթադրում է անձի ազատության իրավունքի սահմանափակում, որն ամրագրված է ՄԻԵԿ-ի 5-րդ հոդվածի ներքո, որում հստակ սահմանված են իրավաշափ նպատակները, որոնց հասնելու դեպքում, միայն կարող է կիրառվել անձի ազատության իրավունքի սահմանափակում: Այս դեպքում իրավասու մարմինը անձին ձերբակալում է հետազում մեղադրանք առաջադրելու և ձերբակալման հիմք ստեղծելու նպատակով, որն օրենքով սահմանված չէ:

Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի (այսուհետ՝ ՄԻԵԴ) պրակտիկայի լույսի ներքո բազմից անդրադարձ է կատարվել ՄԻԵԿ 5-րդ և 18-րդ հոդվածներում ամրագրված իրավունքների խախտումներին: *Murray v. The United Kingdom* (1994) գործով Դանիել Մյուրեյն 1982թ. ձերբակալվել էր Հյուսիսային Իռլանդիայում՝ Իռլանդական Հանրապետական բանակի հետ կապ ունենալու կասկածով: Հյուսիսային Իռլանդիայի հատուկ օրենքի (Northern Ireland (Emergency Provisions) Act) համաձայն, անձը առանց պաշտոնական մեղանդրանքի կարող է ձերբակալվել մինչև 72 ժամ: Սակայն Մյուրեյնին պահել էին 48 ժամ, որից հետո նորից ձերբակալել էին առանց հիմնավոր կասկածի ապացուցման շեմը բարձրացնելու: ՄԻԵԴ գտել էր, որ կրկնակի ձերբակալությունները խախտում են ՄԻԵԿ-ով սահմանված 5-րդ հոդվածով սահմանված մարդու իրավունքները և միայն նոր, հիմնավոր ապացույցների հիման վրա կարող է կատարվել կրկնակի ձերբակալություն³:

Մեկ այլ գործով՝ *Bozano v. France* (1986), Ստեֆան Բոզանոն, որը խտալիայի քաղաքացի էր, մեղադրվում էր սպանության համար և 1976թ. օրենքի վրա չհիմնված դատարանում դատապարտվել էր 15 տարվա

³ Տե՛ս *Murray v. The United Kingdom* no. 14310/88 28 October 1994.

ազատազրկման: 1979թ. Բոզանոն տեղափոխվեց Ֆրանսիա և Խոտալիան պահանջեց Ֆրանսիայից արտահանձնել նրան: Ֆրանսիայի ազգային դատարանը համարում էր, որ դատավարությամբ խախտվել է արդար դատաքննության իրավունքը (ՄԻԵԿ-ի 6-րդ հոդված) և մերժել էր Խոտալիայի պահանջը: Խոտալիայի կառավարությունն իմնդրանքով դիմել էր Ֆրանսիայի կառավարությանը՝ Բոզանոնին արտահանձնելու համար: Ֆրանսիայի կառավարությունը որոշեց ձերբակալել, որպես արտահանձման ենթակա անձ, այնուհետև տեղափոխել Շվեցարիա և արտահանձնել Խոտալիային: ՄԻԵԿ-ը գտնում էր, որ ձերբակալումը կատարվել է դատարանի որոշումը շրջանցելու նպատակով, ինչը ևս հանդիսանում էր ՄԻԵԿ-ի 5-րդ և 18-րդ հոդվածների խախտում և չէր հետապնդում ՄԻԵԿ-ով սահմանված իրավաչափ նպատակը⁴:

Եզրակացություն: Քրեական դատավարության նոր մոտեցումները և կարգավորումները թեև միտված են անձի իրավունքների և ազատությունների երաշխավորման վրա հիմնված՝ ենթադրյալ հանցանքների վերաբերյալ վարույթի իրականացման արդյունավետ կարգի սահմանմանը, այնուամենայնիվ առաջացրել են բազմաթիվ խնդիրներ, որի հետ առնչվում է վարույթն իրականացնող մարմինը, օպերատիվ-հետախուզություն իրականացնող մարմինները և այլն: Կարծում ենք, վարույթի արդյունավետ իրականացման համար անհրաժեշտ է իրավասու մարմիններին տրամադրել անհրաժեշտ գործիքակազմ, միջոցներ, որպեսզի հնարավորություն ունենան իրականացնել իրենց առջև դրված խնդիրների լուծումները, և հասնեն օրենսգրքով սահմանված նպատակների իրազործմանը: Վերոնշյալ խնդիրների լուծման համար կարծում ենք, անհրաժեշտ է նախկին քրեական դատավարության օրենսգրքի նման նախատեսել ձերբակալման ինստիտուտի հետ մեկտեղ, նաև բերման ենթարկելու ինստիտուտը, որի շնորհիվ իրավասու մարմինները ստիպված չեն լինի անձին ձերբակալել տարբեր հիմքերով և խախտել մարդու իրավունքները և ազատությունները, միաժամանակ, որպեսզի բացառվեն բերման ենթարկելու դեպքում իրավասու մարմինի կամայականությունները, սահմանվեն որոշակի դատական երաշխիքներ կամ վերահսկողության հավելյալ մեխանիզմներ՝ մարդու իրավունքների խախտումներ թույլ չտալու համար: Կարծում ենք, այսպես և՝ վարույթ իրականացնող մարմինը կունենա անհրաժեշտ գործիքակազմ օրենսդրուեն սահմանված նպատակին հասնելու համար, և՝ կլինեն երաշխիքներ, անձի իրավունքների պաշտպանությունն ապահովելու համար:

⁴ Տե՛ս Bozanov. France no. 9990/82, 18 December 1986.

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Նորմատիվ իրավական ակտեր

- ՀՀ Քրեական դատավարության օրենսգիրը ՀՕ-306-Ն// 01.07.2022/30.06.2021
- ՀՀ Քրեական դատավարության օրենսգիրը ՀՕ-248//01.07.1998//01.07.2022

Մասնագիտական գրականության ցանկ

- Եվրոպայի խորհուրդ: (2022թ, հուլիս): ՀՀ Քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի հայեցակարգային լուծումների, նորարական մոտեցումների և հիմնական ինստիտուտների մեկնաբանման գործնական ուղեցույց: Եր.:
- Ղամբարյան Ա. ՀՀ Քրեական դատավարության դասագիրը մաս 1, Տիգրան Մեծ, Եր., 2009:

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРЕСТА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Т.А. Манучарян, А.Г. Геворкян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В обсуждаемой статье мы рассмотрели проблемы, стоящие перед институтами ареста и содержания под стражей в контексте новых реформ уголовного судопроизводства, а также, изучая практику, выявили некоторые проблемы. В частности, предметом исследования стали проблемы, возникшие в связи с упразднением института заключения под стражу, что лишило правоохранительные органы необходимого инструментария.

Ключевые слова: арест, задержание, Европейская конвенция о правах человека, ограничение свободы, обоснованное подозрение.

CURRENT ISSUES OF ARREST IN THE CONTEXT OF CRIMINAL JUSTICE REFORMS

T. Manucharyan, A. Gevorkyan,

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In the discussed article, we considered the problems facing institutions of arrest and detention in the context of new criminal justice reforms, and also, studying the practice, revealed some problems. In particular, the subject of research was the problems that arose in connection with the abolition of the institution of detention, which deprived law enforcement agencies of the necessary tools.

Keywords: arrest, detention, European Convention on Human Rights, restriction of freedom, reasonable suspicion.

ՏՆԱՅԻՆ ԿԱԼԱՆՔԻ ԿԻՐԱՌՈՒԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Ա.Ա. Մնացականյան

*Ոուս-Հայկական (Ալավոնական) համալսարան
Իրավունքի ինստիտուտ
alen.mnachakanyan@mail.ru*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի ընդունման լույսի ներքո եղան մի շարք նորամուծություններ. արմատապես փոխվել է խափանման միջոցների համակարգը, ընդունվել է խափանման միջոցների այլ դասակարգում, ըստ որի՝ խափանման միջոցները բաժանվում են երկու խմբի՝ կալանք և այլնտրանքային խափանման միջոցներ: Կալանքին այլնտրանք հանդիսացող խափանման միջոցների թվին է դասվում տնային կալանքը, որը նորամուծություն է ՀՀ քրեական դատավարության օրենսդրությամբ:

Տնային կալանք նախատեսելը շատ կարևոր է՝ հաշվի առնելով կալանքի որպես ընտրված խափանման միջոցի բացառիկ լինելը, և եթե նախվինում վարույթն իրականացնող մարմինն իր առջև դրված նպատակները իրականացրել է կալանք կիրառելով, այժմ հնարավորություն ունի այդ խնդիրները իրականացնել իր բնույթով համեմատաբար ավելի մեղմ խափանման միջոց ընտրելով, իհարկե, հաշվի առնելով իր առջև դրված խնդիրն վերոնշյալ խափանման միջոցի նպատակահարմարությունը:

Սակայն կան կիրառման մի քանի բարդություններ, որոնցից մի քանիսին կանոնադրառնանք այսօր:

Հիմնարարներ՝ տնային կալանք, քրեական դատավարության օրենսգիրք, սահմանափակում, ազատություն, հարկադրանքի միջոց, օրենսդրություն, հստակեցում:

Ներածություն

Մարդու իրավունքների և ազատության ձանաչումն ու պաշտպանությունը մշտապես գտնվել են պետությունների ուշադրության կենտրոնում: Դեռևս 1215 թվականին Ազատությունների մեծ խարտիան (Magna Carta) ամրագրում էր մարդու ազատության և անձեռնմխելիության իրավունքը, ըստ որի՝ ոչ մի ազատ մարդ չէր կարող ձերբակալվել, կամ նրա իրավունքները չէին կարող այլ կերպ սահմանափակվել առանց պերերի (բարոնների) դատի¹:

¹ Տես՝ Magna Carta (Ազատությունների մեծ խարտիա), 1215թ. 15–19 հունիս:

Բազմաթիվ միջազգային փաստաթղթերում ևս ամրագրված է անձի ազատության և անձեռնմխելիության իրավունքը, որի թվին են պատկանում Մարդու իրավունքների համբողականուր հոչակազիրը (հոդվածներ 3, 9), Քաղաքացիական և քաղաքական իրավունքների մասին միջազգային դաշնագիրը (հոդված 9), Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիան (հոդված 5):

Այս իրավունքն իր ամրագրումն է ստացել նաև ներպետական օրենսդրության մեջ, ՀՀ Սահմանադրության և ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում:

Թեև անձի ազատության և անձեռնմխելիության իրավունքը հոչակվում է Սահմանադրությամբ ու միջազգային իրավական ակտերով, սակայն այն բացարձակ բնույթ չի կրում: Իրավական համակարգում (հատկապես քրեական դատավարության ոլորտում) անխուսափելիորեն առաջանում են այնպիսի իրավիճակներ, երբ անհրաժեշտ է լինում անձի ազատության և անձեռնմխելիության իրավունքը սահմանափակել որոշակի նպատակներից ենելով:

Կարծում ենք՝ անձի՝ օրենսդրությամբ նախատեսված ազատության իրավունքը սահմանափակելու հնարավորությունը չպետք է չարաշահել և վերջինիս սահմանափակման համար պետք է լինեն հստակ չափանիշներ: Այս համատեքստում, սակայն, հարկ ենք համարում նշել, որ պրակտիկան վկայում է հակառակը:

Անձին ազատությունից գրկելն արդարացված է միայն այն դեպքում, եթե ուրիշ միջոցներով հնարավոր չի եղել հասնել անհրաժեշտ նպատակին²:

Տնային կալանքի դեպքում նշվում է, որ անձը ոչ թե գրկվում է ազատությունից, այլ նրա ազատությունը սահմանափակվում է³:

² Տես՝ Witold Litwa v. Poland Judgment of 4 April 2000:

³ Տես՝ Եվրոպական կոնվենցիայի 5-րդ հոդվածի 3-րդ կետի պահանջները, հավասարապես կիրառելի են տնային կալանք սահմանելու դեպքում (Buzadji v. the Republic of Moldova Application no. 23755/07, 5 հուլիսի 2016թ. վերահաստատված՝ De Tommaso v. Italy [GC], no. 43395/09, 23 փետրվարի 2017թ., կետ 87): Այդ կապակցությամբ Եվրոպական դատարանն ընդգծել է, որ կալանքի պայմանները և կալանավորվածի (ան)հարմարավետության մակարդակը տվյալ դեպքում 5-րդ հոդվածի կիրառելիությունը որոշելու համար դեր չեն խաղում (Buzadji v. the Republic of Moldova Application no. 23755/07, 5 հուլիսի 2016թ. կետ 113):

Մեր ուսումնասիրության բուն թեման հանդիսանում է տնային կալանքը՝ որպես այլընտրանքային խափանման միջոց, ուստի անդրադառնանք դրան:

Հիմնական հետազոտություն

Տնային կալանքը դատավարական հարկադրանքի միջոց է, որը դատարանի որոշմամբ նշանակվում է մեղադրյալի նկատմամբ, ուղեկցվում է նրա ազատության էական սահմանափակմամբ, և որի ընթացքում կարող են սահմանվել որոշակի անձանց հետ շփվելու, նրանց իր բնակարանում հյուրընկալելու, նամակներ ստանալու կամ փոխանցելու, կապի ցանկացած միջոցներով բանակցություններ վարելու արգելքներ:

Մի կողմից տնային կալանքը էականորեն սահմանափակվում է մեղադրյալի սահմանադրական իրավունքները, որի մասին վկայում է որոշակի արգելքների սահմանումը, ազատ տեղաշարժման իրավունքի սահմանափակումը. այն իր խստությամբ զիջում է միայն կալանքին: Այս առումով, ինչպես գիտենք, կալանքը կարող է կիրառվել միայն այնպիսի դեպքերում, երբ ավելի մեղմ խափանման միջոցների կիրառումն անհնարին է կամ անբավարար՝ մեղադրյալի անօրինական վարքագիծը կանխելու համար:

Վերոգրյալը բխում է Եվրոպական դատարանի կողմից բազմիցս արտահայտված իրավական դիրքորոշումից առ այն, որ անձին ազատությունից զրկելն արդարացված է միայն այն դեպքում, երբ ուրիշ միջոցներով հնարավոր չի եղել հասնել անհրաժեշտ նպատակին⁴:

Մյուս կողմից տնային կալանքը, ի տարբերություն կալանքի, հանդիսանում է ավելի մարդասիրական խափանման միջոց, որը թույլ է տալիս անձին պահել ավելի մեղմ մեկուսացման պայմաններում՝ հասնելով անհրաժեշտ արդյունքին և նպատակին:

Անձի ազատության իրավունքի սահմանափակումը տնային կալանքի համատեքստում քննարկելիս անհրաժեշտ է անդրադառնալ մի քանի հիմնական բաղադրիչների, որոնք իրավակիրառ պրակտիկայում որոշակի բարդություններ են առաջացնում:

Քրեական դատավարության օրենսգրքի 123-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 2-րդ կետով սահմանվում է, որ դատարանի որոշմամբ մեղադրյալին կարող է արգելվել շփում ունենալ որոշակի անձանց հետ կամ իր բնակության վայրում հյուրընկալել այլ անձանց:

⁴ Տես.՝ Witold Litwa v. Poland Judgment of 4 April 2000:

Վստահորեն կարող ենք ասել, որ այս սահմանափակումը տարածվում է նաև մեղադրյալի հետ համատեղ բնակվող անձանց վրա, քանի որ վերահսկողություն իրականացնող մարմնի համար գրեթե անհնար է կողմնորոշվել, թե արդյոք հյուրընկալող է հանդիսացել մեղադրյալի հետ համատեղ բնակվող անձը, թե՝ հենց մեղադրյալն է հյուրընկալու գործին առընչվող որևէ անձի, և կան ոիսկեր, որ կխախտվի խափանման միջոցի պայմանները:

Ըստրված խափանման միջոցով նախատեսված սահմանափակումները պետք է տարածվեն բացառապես մեղադրյալի վրա՝ հնարավորինս չխոչընդոտելով երրորդ անձանց կողմից իրենց իրավունքների անխոչընդոտ իրականացմանը:

Ազատության սահմանափակման համատեքստում անհրաժեշտ է անդրադառնալ նաև այն հանգամանքին, որ նույնիսկ կալանքի կիրառման պարագայում մեղադրյալը առնվազն մեկ ժամ գրունելու իրավունք ունի, այնինչ տնային կալանքի կիրառման պարագայում անձը չունի այդ իրավունքը, և լավագույն դեպքում պետք է սահմանափակվի պատշգամբ դուրս գալով:

Կարծում ենք, որ այս կոմպոնենտի չափահովումը ևս խնդրահարույց է, քանի որ այն, բացի ժամանցային բնույթ կրելուց, կապված է անձի առողջության պահպանման հետ, և չենք բացառում այն հանգամանքը, որ անձը կարող է ունենալ հենց բժշկական ցուցում՝ առնվազն մեկ ժամ գրուսանքին հատկացնելու:

Այս խնդրի լուծումը, մեր կարծիքով, հնարավոր է հետևյալ տարբերակներով.

1. Պրակտիկ լուծում – Դիմել դատարան միջնորդությամբ՝ պահանջելով տնային կալանքի պայմանների փոփոխում կամ հստակեցում, մասնավորապես՝ թույլ տալ հյուրերի այցելությունը այն պայմանով, որ դա չի խանգարի վարույթին:

2. Օրենսդրական լուծում – Կատարել փոփոխություն ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում՝ հստակ սահմանելով, որ տնային կալանքը չի կարող անհիմն սահմանափակել համատեղ բնակվող անձանց շփման իրավունք՝ բացառությամբ հիմնավորված դեպքերի (օրինակ՝ գործի քննությանը խոչընդոտելու վտանգի դեպքում):

Անդրադառնանք ևս մեկ պրակտիկ խնդրի, որը նույնպես շատ կարևոր է և վերաբերում է տնային կալանքի կատարման կարգին:

Պատկերացնենք մի իրավիճակ, եթե անձը բնակվում է վարձակալությամբ, իսկ այդ ընթացքում նրա նկատմամբ որպես խափանման միջոց կիրառվում է տնային կալանքը: Նա, ենթարկվելով վերջինիս կանոն-

ներին, այլս չի կարողանում աշխատել և վճարել բնակարանի համար նախատեսված վարձավճարը, որի հետևանքով բնակարանի սեփականատերը պահանջում է դուրս գալ բնակարանից:

Հարց է առաջանում, թե այս դեպքում ինչպես պետք է կարգավորվի այս հարցը, և ում կողմից պետք է լուծվի վերոնշյալ խնդիրը:

Այս հարցն, ըստ եռության, պետք է լուծվի դատարանի և իրավասու պետական մարմինների կողմից, որոնք պարտավոր են ապահովել, որ խափանման միջոցը չհանգեցնի անձի և նրա ընտանիքի սոցիալական աղետի:

Իսկ ո՞րն է այդ լուծումը:

Կարծում ենք՝ եթե տնային կալանքը սահմանված է տվյալ բնակարանում, բայց անձը չի կարող այնտեղ մնալ վարձավճարը վճարել չկարողանալու պատճառով, և չի ստացվում վարձատուի հետ համաձայնություն ձեռք բերել վճարման պայմանների շուրջ, ապա անհրաժեշտ է դիմել դատարան միջնորդությամբ՝ տնային կալանքի հասցեի փոփոխման համար:

Միջնորդության մեջ պետք է նշել, որ անձը չի կարողանում վճարել բնակարանի վարձը, իսկ դուրս գալու պահանջը նրան դարձնում է կացության վայր չունեցող, ինչն անհնարին է տնային կալանքի պայմաններում: Դատարանը կարող է կամ փոփոխել խափանման միջոցը, կամ որոշել փոփոխել կալանքի հասցեն՝ թույլատրելով տեղափոխվել բնակության այլ վայր, օրինակ՝ ազգականների տուն:

Առկա է նաև մեղադրյալի առողջական խնդիրների հետ կապված հարց, եթե անձն ունի առողջական խնդիրներ և պետք է պարբերաբար այցելի բժշկական կենտրոն՝ բուժում ստանալու:

Վերոգրյալ դեպքում տնային կալանքը կարող է խոչընդոտել բժշկական կենտրոններ հաճախելուն: Տվյալ դեպքում պետք է նախատեսվեն պարզեցված կարգեր՝ անհրաժեշտության դեպքում բժշկական հաստատություն այցելելու համար.

- Նախապես սահմանված բացառություններ – Տնային կալանքի ենթարկված անձին թույլատրել առանց դատարանի հասուկ թույլատվության այցելել բժշկի, եթե կա բժշկական փաստաթղթերով հիմնավորված անհրաժեշտություն, օրինակ՝ կանոնավոր բուժում, շտապ օգնության կարիք:
- Արագ միջնորդության մեխանիզմ – Ստեղծել դատարան դիմելու արագացված ընթացակարգ, որպեսզի անհրաժեշտության դեպքում որոշումը կայացվի 24 ժամվա ընթացքում:

- Տեսազանգով բժշկական ստուգում – Հնարավորության դեպքում ապահովել հեռավար բժշկական խորհրդատվություն տնից դուրս գալու անհրաժեշտությունը նվազեցնելու համար:
- Ուստիկանության կամ հսկող մարմնի ուղեկցությամբ դուրս գալու հնարավորություն – Եթե առկա են ռիսկային գործոններ, անձին հնարավորություն տակ ստանալ բուժօգնություն իրավապահների ուղեկցությամբ՝ պահպանելով խափանման միջոցի սահմանափակումները:

Եզրակացություն

Տնային կալանքի ներկայիս կարգավորումները հաճախ հանգեցնում են այնպիսի իրավիճակների, երբ խափանման միջոցի կիրառումը կորցնում է իր բուն նշանակությունը և անհամաշափ ազդեցություն է ունենում ինչպես կալանքի տակ գտնվող անձի, այնպես էլ նրա հետ համատեղ բնակվող անձանց վրա:

Առաջացած խնդիրներից առաջինը հյուրեր ընդունելու արգելքն է, որը կարող է ոչ միայն խախտել կալանքի տակ գտնվող անձի սոցիալական շփման իրավունքը, այլև անարդար սահմանափակումներ դնել նրա ընտանիքի կամ համատեղ բնակվող անձանց համար: Այս արգելքը պետք է լինի հիմնավորված և չխոչընդունի համատեղ բնակվող անձանց ազատ շփման իրավունքը:

Երկրորդ խնդիրը վերաբերում է բնակարանի վարձավճարը տալու անհնարինությանը, երբ տնային կալանքի հետևանքով անձը չի կարող աշխատել և վճարել բնակարանի համար: Սա կարող է հանգեցնել նրան, որ տան սեփականատերը պահանջի ազատել բնակարանը, սակայն կալանքի հասցեի փոփոխության ընթացակարգի բարդության պատճառով անձը կարող է հայտնվել իրավական փակուլու մեջ: Այս խնդիրի լուծման համար անհրաժեշտ են ավելի պարզեցված և արագացված մեխանիզմներ, որոնք հնարավորություն կտան փոխել տնային կալանքի հասցեն կամ ապահովել սոցիալական աջակցություն:

Վերջին խնդիրը բժշկական օգնության սահմանափակումն է, երբ կալանքի տակ գտնվող անձը չի կարող առանց դատարանի հատուկ թույլտվության այցելել բժշկի, նույնիսկ եթե դա անհրաժեշտ է: Սա խախտում է անձի առողջության իրավունքը և կարող է վտանգավոր հետևանքներ ունենալ: Լուծումները կարող են լինել օրենքով նախապես սահմանված բացառությունները, արագ միջնորդությունների մեխանիզմը կամ վերահսկողության այլնտրանքային միջոցները, որոնք թույլ կտան ապահովել անհրաժեշտ բուժօգնություն՝ պահպանելով խափանման միջոցի կարգը:

Այս խնդիրները ցույց են տալիս, որ տնային կալանքի կարգավորման ներկայիս համակարգը պահանջում է փոփոխություններ՝ ավելի ձկուն և հիմնավորված մոտեցումներ ապահովելու համար: Դետական մարմինները պետք է հստակեցնեն օրենսդրական դաշտը և դատական պրակտիկան այնպես, որ խափանման միջոցը չհանգեցնի սոցիալական անարդարության կամ անհամաշափ խոշլնդրությունը պահպանելով ինչպես դատավարության շահերը, այնպես էլ մարդու հիմնարար իրավունքները:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Magna Carta (Ազատությունների մեծ խարտիա), 1215թ. 15–19 հունիս:
2. Witold Litwa v. Poland Judgment of 4 April 2000:
3. Եվրոպական կոնվենցիայի 5-րդ հոդվածի 3-րդ կետի պահանջները, հավասարապես կիրառելի են տնային կալանք սահմանելու դեպքում (Buzadji v. the Republic of Moldova Application no. 23755/07, 5 հունիսի 2016թ վերահաստաված՝ De Tommaso v. Italy [GC], no. 43395/09, 23 փետրվարի 2017թ., կետ 87): Այդ կապակցությամբ Եվրոպական դատարանն ընդգծել է, որ կալանքի պայմանները և կալանավորվածի (ան)հարմարավետության մակարդակը տվյալ դեպքում 5-րդ հոդվածի կիրառելիությունը որոշելու համար դեր չեն խաղում (Buzadji v. the Republic of Moldova Application no. 23755/07, 5 հունիսի 2016թ., կետ 113):
4. Witold Litwa v. Poland Judgment of 4 April 2000:
5. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն, 2015թ., հոդված 27, 31:
6. Մարդու իրավունքների Եվրոպական կոնվենցիա, հոդված 6, 8:

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Ա.Ա. Մնացականյան

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В свете принятия нового Уголовно-процессуального кодекса произошел ряд новаций. В частности, радикально изменена система мер пресечения: принятая иная классификация этих мер, согласно которой они делятся на две группы: содержание под стражей и альтернативные меры пресечения. Альтернативой задержанию является домашний арест, что является «новшеством» Уголовно-процессуального кодекса.

Очень важно было предусмотреть домашний арест, прежде всего, с учетом исключительности ареста как избранной меры пресечения, и если раньше орган, осуществляющий производство, решал поставленные перед ним цели применением ареста, то теперь он имеет возможность реализовать эти задачи, избрав относительно более мягкую меру пресечения, конечно, с учетом соответствия указанной меры пресечения стоящей перед ним задаче.

Однако есть несколько сложностей применения, одна из которых и будет рассмотрена.

Ключевые слова: домашний арест, УПК, ограничение, свобода, мера принуждения, законодательство, спецификация.

THE MAIN PROBLEMS OF APPLYING HOUSE ARREST

A. Mnatsakanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In light of the adoption of the new Code of Criminal Procedure, a number of innovations have been introduced. In particular, the system of preventive measures has been radically changed, a different classification of preventive measures has been adopted, according to which preventive measures are divided into two groups: detention and alternative preventive measures. House arrest, which is an innovation in the Criminal Procedure Code, is among the preventive measures that are an alternative to detention.

It was very important to provide for house arrest, first of all, taking into account the exceptional nature of detention as a selected preventive measure, and if previously the body conducting the proceedings achieved the goals set for it by applying detention, now it has the opportunity to achieve these goals by choosing a relatively milder preventive measure in its nature, of course, taking into account the appropriateness of the aforementioned preventive measure for the problem set before it.

However, there are several complications of application, one of which we will address today.

Keywords: house arrest, Criminal Procedure Code, restriction, freedom, coercive measure, legislation, clarification.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПООЩРИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

В.К. Мурадян, А.А. Саргсян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
vmmuradyan111@icloud.com, adelina-sargsyan@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию правовых проблем, возникающих при применении поощрительной нормы в делах о торговле людьми, с акцентом на ее правовую природу, основания освобождения от ответственности и эффективность в борьбе с преступностью. Проводится анализ уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за торговлю людьми в РФ и РА, а также рассматриваются проблемы правоприменения, включая критерии освобождения от ответственности, риски злоупотребления данной нормой и ее соответствие принципам уголовного права. Особое внимание уделяется анализу правоприменительной практики и пробелам в законодательстве, затрудняющим достижение целей уголовного законодательства. В заключении сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовно-правового регулирования института поощрения в делах о торговле людьми, направленные на устранение правовых неопределенностей и повышение эффективности борьбы с преступностью.

Целью исследования является выявление и анализ ключевых проблем, связанных с применением поощрительной нормы в уголовных делах о торговле людьми, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность исследования обусловлена высокой степенью общественной опасности торговли людьми и сложностью ее раскрытия и пресечения. Введение поощрительных норм направлено на стимулирование отказа от преступной деятельности и содействие правоохранительным органам, однако их применение вызывает дискуссии с точки зрения справедливости, эффективности и возможных рисков злоупотребления. Изучение практики, выявление проблемных аспектов и выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правового регулирования делает исследование значимым в контексте борьбы с организованной преступностью.

Ключевые слова: торговля людьми, поощрительная норма, организованная преступность, справедливость.

Одним из специальных видов поощрительной нормы о деятельности раскаяния является норма об освобождении от уголовной ответственности за торговлю людьми, социальная обусловленность которой, на наш взгляд, кро-

ется в необходимости оптимизации борьбы с траффингом, характеризующимся высокой степенью латентности. Учитывая повышенную степень общественной опасности торговли людьми, совершенствование форм и методов ее совершения, крайнюю уязвимость ее жертв, велико значение поощрительной нормы в данном случае, которая, на наш взгляд, обладает двойным превентивным потенциалом. Об отмеченном, в частности, упоминает ряд ученых. Так, например, по мнению А.А. Саргсян «Наличие в уголовном законодательстве рассматриваемых специальных норм о деятельном раскаянии свидетельствует о стремлении законодателя предотвратить наступление еще более тяжких последствий совершенного преступления» [1]. В.И. Колосова также отмечает, что двойная превенция присуща также поощрительным нормам уголовного закона [2].

Ответственность за торговлю людьми закреплена в ст. 127.1 УК Российской Федерации. В соответствии с данной нормой под страхом уголовного наказания запрещена купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.

Уголовная ответственность за аналогичное деяние установлена также и в ст. 188 УК Республики Армения, которая устанавливает уголовную ответственность за вербовку, перевозку, выдачу, укрывательство или получение людей с применением насилия или с угрозой его применения в целях склонения к проституции или иной сексуальной эксплуатации, принудительному труду или службе, обращению в рабство или доведение до состояния, аналогичного рабства, или много зависимого положения, а также в целях изъятия органов человека путем похищения, мошенничества, иного обмана, злоупотребления властью или использования уязвимости его положения или получения согласия лица, присматривающего за другой личностью, посредством оплаты или подкупа в виде получения выгоды.

Торговля людьми (траффинг) представляет собой серьезное преступление, нарушающее основные права человека, включая право на жизнь, свободу, человеческое достоинство и неприкосновенность личности. Вопросы противодействия торговле людьми на международном уровне регулируются Палермским Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее.

Данное деяние квалифицируется как преступление против свободы личности, поскольку затрагивает основные права, гарантированные международными и национальными правовыми актами. В сегодняшние дни масштабы и транснациональный характер торговли людьми возросли, что делает ее одним из наиболее серьезных вызовов для правопорядка и международного сотрудничества.

Таким образом, данная поощрительная норма направлена на защиту одного из наиболее ценных благ – свободы человека, провозглашенной конституционной ценностью в Российской Федерации и Республике Армения, а также в ряде международно-правовых актов. Так, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950г. также провозглашает право

человека на свободу и личную неприкосновенность. Международный пакт о гражданских и политических правах также закрепляет, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

Специальная поощрительная норма об освобождении от уголовной ответственности за торговлю людьми в УК РФ изложена следующим образом: «Лицо, впервые совершившее деяние предусмотренное, частью первой или пунктом “а” ч.2 статьи 127.1, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». При этом добровольное освобождение потерпевшего (потерпевших) не освобождает виновное лицо от уголовной ответственности за иные незаконные действия, в том числе за деяния, совершенные в ходе торговли людьми, если они содержат состав самостоятельного преступления.

Таким образом, важным является установление следующих условий, образующих деятельное раскаяние по смыслу примечания к ст. 127.1 УК РФ:

1) *преступление совершено впервые по ч. 1 или по п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК;*

По нашему мнению, применение данной поощрительной нормы в ситуации, когда объектом данного преступного посягательства стали сразу несколько или десятки лиц не должна применяться. Большое число потерпевших свидетельствует о более высокой степени организованности преступной деятельности, усилении ее латентности и большей сложности в выявлении и расследовании. В таких случаях освобождение преступника от уголовной ответственности не только не способствует защите прав потерпевших, также не соответствует принципам справедливости, но и создает опасный прецедент.

2) *виновный добровольно освобождает потерпевшего;*

Добровольное освобождение потерпевшего, является одним из основных условий для применения поощрительной нормы и на практике порой представляет собой определенные трудности. Так, добровольность должна отражать осознанное, самостоятельное прекращение преступных действий, не продиктованное внешним принуждением, страхом скорейшего разоблачения или иными вынуждающими обстоятельствами. Ее наличие свидетельствует не только о действительном раскаянии лица, но и о его готовности содействовать восстановлению правопорядка. Поощрительные нормы должны распространяться исключительно на те случаи, когда прекращение преступления является результатом самостоятельного выбора, а не следствием неблагоприятного стечения обстоятельств, лишающих виновного возможности довести преступный замысел до конца. Лишь в таком случае сохраняется баланс между справедливостью и целесообразностью, не допуская превращения механизма поощрения в инструмент, позволяющий преступнику избежать заслуженной уголовной ответственности, под прикрытием формального соблюдения установленных требований. А.В. Бриллиантов, рассматрив-

вая категорию добровольности применительно к освобождению от уголовной ответственности, отмечает, что освобождение осуществляется при наличии объективной или субъективной возможности удержания потерпевшего [3].

- 3) *виновный способствует раскрытию совершенного преступления;*
- 4) *в действиях виновного не содержится иного состава преступления.*

Поощрительные нормы направлены на людей, которые или начали совершение преступления или уже совершили и достигли своей цели, и с помощью поощрительной нормы законодатель хочет стимулировать преступников не совершать в дальнейшем преступления. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что анализируемая поощрительная норма предоставляет виновному возможность совершить действия, связанные с куплей-продажей человека, его вербовкой, перевозкой, передачей, укрывательством или получением в целях эксплуатации и впоследствии отказаться от преступного умысла, освободить потерпевшего и не нести ответственности. Проблемы могут возникнуть в случае, если люди начнут совершать преступления в области торговли людьми, совершать купли-продажу человека, после чего у человека может в дальнейшем появиться психическое расстройство, или он не сможет обратно вернуться к своей жизни, и после этого преступник, который совершил данное деяние, может освободиться от уголовной ответственности при данных обстоятельствах.

Социальная справедливость – не просто юридическая конструкция, но и нравственный ориентир, определяющий соразмерность ответственности и защиту прав каждого человека. Ее сущность заключается в обеспечении равновесия между общественными интересами, необходимостью эффективной борьбы с преступностью и защитой прав потерпевшего. В этом контексте справедливость не может ограничиваться лишь формальным соблюдением правовых процедур или гуманным отношением к лицу, прекратившему преступную деятельность. Она должна учитывать всю совокупность последствий преступления, степень морального и материального ущербов, нанесенных потерпевшему, а также необходимость восстановления его прав. Восстановление социальной справедливости – это этико-правовая категория и, на наш взгляд, она отнюдь не означает восстановление того состояния, которое было до момента совершения преступления. Введение поощрительных норм, безусловно, играет важную роль в стимулировании отказа от преступной деятельности и содействии правоохранительным органам. Однако применение этих норм должно быть тщательно сбалансировано, чтобы не подрывать общественное восприятие справедливости и не создавать правовых лазеек для лиц, совершивших преступление, (которые своими действиями причинили существенный вред жертвам), и позволить им избежать уголовной ответственности. Должна быть обеспечена гарантия того, что освобождение от уголовной ответственности не становится неоправданной привилегией, которая игнорирует интересы жертв преступления, что в свою очередь подрывает доверие людей к правосудию. По нашему мнению, данная поощрительная норма может способствовать раскрытию преступлений, что было

бы больше выявленных и расследованных случаев торговли людьми, однако с точки зрения защиты прав потерпевшего, ее применение вызывает вопросы, поскольку не учитывает ущерб, причиненный жертве, и не гарантирует восстановление ее прав.

Мы полагаем, что поощрительные меры имеют как плюсы, так и минусы, но минусов, исходя из статьи 127.1 УК РФ, гораздо больше. Для применения поощрительных норм необходимо их совершенствование. Полагаем целесообразным согласиться с мнением Д.А. Гришина, который отмечает «необходимость дальнейшей проработки существующих проблем при применении и толковании конкретных видов освобождения от уголовной ответственности. Необходимо конкретизировать встречающиеся оценочные понятия в законе. Закрепить в уголовном законе лишь условные виды освобождения от уголовной ответственности. Необходимо провести классификацию всех имеющихся специальных видов освобождения от уголовной ответственности с целью выработки единых критериев и подхода к применению норм и, как следствие, устранить как теоретические, так и практические проблемы» [4].

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что поощрительная норма, предусмотренная ст. 127.1 УК РФ, *не должна применяться к лицам, которые уже осуществили фактическую эксплуатацию потерпевшего*. Применение данной нормы в этих случаях нарушает права потерпевшего, поскольку не учитывает тяжесть причиненного ущерба. Преступник, который уже довел преступление до стадии эксплуатации, фактически завершил свой преступный умысел, и освобождение его от уголовной ответственности лишь на основании содействия раскрытию преступления не может служить оправданием. Это создает угрозу для обеспечения социальной справедливости и защиты прав потерпевших.

Таким образом, мы считаем, что поощрительная норма должна быть ограничена и не распространяться на тех, кто уже совершил все действия, связанные с эксплуатацией, так как их действия выходят за рамки первоначального преступного замысла и несут значительный вред потерпевшему и преступник, который уже своими действиями причинил значительный и физический и психологичный вред, может с помощью данного примечания освободиться от ответственности.

В УК РА, наоборот, в ст. 81 о деятельном раскаянии зафиксировано, что лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 188 (траффикинг), это, по нашему мнению, является некорректным, поскольку в России предусмотрена поощрительные норма для данного состава преступления, и преступники больше склоняются к сотрудничеству с правоохранительными органами, а значит, повышается эффективность борьбы с преступлением, и отсутствие такой нормы ведет к тому, что у участников преступной группы нет мотивации раскаяться, помочь следствию и содействовать освобождению жертв, что в свою очередь снижает раскрываемость и затрудняет пресечение, если законодательство предполагает наказание в любом случае, преступник ско-

рее будет скрывать следы преступления, чем сотрудничать, и это особенно критично в сфере торговли людьми, где на кону человеческие жизни, психическое состояние жертвы и при этом важно понимать, что введение поощрительной нормы не означает освобождение всех подряд от ответственности, она должна быть четко сформулирована и применяться только в случаях, когда человек действительно добровольно прекратил преступную деятельность, помог следствию и освободил потерпевших, такой подход не только гуманен.

По нашему мнению, при освобождении от уголовной ответственности поощрительная норма не должна применяться к лицам, которые использовали потерпевших в целях эксплуатации, причиняли им физический и психический вред или получили существенную материальную выгоду от преступления, наша позиция заключается в том, что поощрительная норма должна действовать исключительно в случаях, когда преступник не совершал действий, направленных на эксплуатацию, а напротив, добровольно прекратил преступную деятельность и оказал помощь в расследовании, только такой подход обеспечит баланс между справедливостью и эффективностью уголовного преследования, позволяя концентрировать усилия государства на борьбе с организованной преступностью и защитой жертв от траффикинга.

Выводы

1. Поощрительная норма может способствовать раскрытию преступлений, но ее применение должно быть ограничено, чтобы не нарушать права потерпевших. Освобождение преступников от уголовной ответственности без учета причиненного вреда ставит под угрозу восстановление социальной справедливости.
2. Поощрительная норма не должна применяться к лицам, осуществившим фактическую эксплуатацию жертвы. Если преступник уже извлек выгоду из преступления, освобождение его от ответственности подрывает саму идею справедливости.
3. Российский подход отличается от армянского законодательства, где освобождение от ответственности за торговлю людьми полностью исключено. Такой подход может снижать эффективность борьбы с преступлением, так как лица, совершившие данное преступление, не имеют мотивации к сотрудничеству с правоохранительными органами.
4. Для обеспечения социальной справедливости необходимо усовершенствование законодательства. Следует четко определить критерии применения поощрительных норм, чтобы они не использовались в ущерб правам потерпевших, а их применение было оправдано с точки зрения интересов общества и борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саргсян А.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (сравнительно-правовой анализ): дисс. канд. юрид. наук, 12.00.05. Ер., 2020.

2. Колосова В.И. Специальные нормы уголовного законодательства в борьбе с экономическими и смежными с ними преступлениями (применение норм с «двойной превенцией» и поощрительных норм) // «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского», № 2 (1), 2012.
3. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практическое пособие. М.: «Проспект», 2019. С. 32.
4. Сабанин С.Н., Гришина Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // «Юридическая наука и правоохранительная практика», № 2, 2012.

ISSUES OF IMPLEMENTING AN INCENTIVE NORM ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR HUMAN TRAFFICKING

V. Muradyan, A. Sargsyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the legal challenges associated with the application of the incentive norm in human trafficking cases, focusing on its legal nature, grounds for exemption from criminal liability, and effectiveness in combating crime. It analyzes the criminal law provisions regulating liability for human trafficking in the Russian Federation (RF) and the Republic of Armenia (RA), as well as the challenges in their practical application. Key issues include the criteria for exemption from liability, risks of abuse of the norm, and its alignment with the principles of criminal law. Special attention is given to the analysis of law enforcement practices and legislative gaps that hinder the achievement of criminal law objectives. The article concludes with recommendations for improving the criminal law regulation of the incentive norm in human trafficking cases, aimed at eliminating legal uncertainties and enhancing the fight against crime.

The study's objective is to identify and analyze key issues related to the application of the incentive norm in human trafficking cases and to develop practical recommendations for improving legislation and law enforcement practices.

The research is highly relevant due to the significant societal danger posed by human trafficking and the complexities involved in its detection and prevention. The introduction of incentive norms aims to encourage desistance from criminal activity and cooperation with law enforcement. However, their application raises debates concerning fairness, effectiveness, and potential risks of abuse. Studying these practices, identifying problematic aspects, and proposing recommendations for improving criminal law regulation make this research significant in the context of combating organized crime.

Keywords: human trafficking, incentive norm, organized crime, fairness.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ НЕКОТОРЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АКТОВ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

A.A. Наджарян

Российско-Армянский (Славянский) университет
najaryan.aid@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Настоящая научная статья преследует цель дифференцировать и изучить сочетание принципа свободной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве и проверки правомерности административных актов на основе анализа армянского и российского законодательства.

Ключевые слова: доказательства, принципы оценки доказательств, внесудебные документ, административный акт, правомерность административного акта.

Введение

Институт доказательств является одним из важнейших институтов уголовного судопроизводства. В.Д. Спасович, говоря о теории доказательств, указывал, что она

«составляет центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса, начало движущее, образующее, статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов, и все главные формы судопроизводства» [1].

В уголовном судопроизводстве действует принцип свободной оценки доказательств, а именно: никакие данные не имеют силы заранее достоверных доказательств. Судья, а также следователь и прокурор не должны предвзято относиться к доказательствам, не должны придавать некоторым из них большее или меньшее значение по сравнению с другими, до тех пор, пока они не будут оценены в рамках надлежащей правовой процедуры [2].

В этом контексте особый интерес представляет оценка такого вида доказательства, как внесудебные документы (согласно терминологии УПК РФ, иные документы [3]), в частности, оценка административных актов.

Особое теоретическое и практическое значение имеет установление границы между сферой действия данного принципа и процессом оценки правомерности административных актов.

1. Административные акты, как вид доказательства в уголовном судопроизводстве

Согласно недавно введенному в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения понятию [4], внесудебным документом признается любое письменное, словесное, графическое либо иное знаковое обозначение, зафик-

сированное на бумажном, магнитном, электронном или ином носителе, содержащее сведения о фактах, имеющих значение для уголовного производства, если оно сформировано вне рамок данного уголовного дела.

Внесудебными документами *inter alia* являются административные акты, а именно: решение, распоряжение, приказ или другой индивидуальный правовой акт, имеющие внешнее воздействие, которые административными органами приняты с целью урегулирования конкретного дела в области публичного права и направлены на установление, изменение, отмену или признание прав и обязанностей лиц [5].

Эти документы часто имеют важное доказательственное значение для выявления объективной стороны некоторых составов преступлений, таких как управление транспортными средствами лицом, лишенным права управления транспортными средствами или лишенным этого права, или управление транспортным средством этим лицом или лицом, не имеющим права управлять транспортными средствами, в состоянии алкогольного (нетрезвого) опьянения, или отказ/уклонение от прохождения проверки на трезвость [6], или ряд составов преступлений, содержащихся в главе об экономических преступлениях (например, уклонение от уплаты налогов, контрабанда или другие преступления экономического характера) [7].

Однако их допустимость, достоверность и доказательная сила должны оцениваться с использованием соответствующих критериев в зависимости от процесса и источника их получения.

2. Проблематика и критерии оценивания административных актов в уголовном судопроизводстве

2.1. Преюдициальное значение административных актов, как исключение от принципа свободного оценивания доказательств в уголовном судопроизводстве

Административные акты могут быть оценены в соответствии с принципом свободной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, но с некоторыми оговорками.

Как известно из общей теории доказательства, есть доказательства, которые не подлежат доказыванию. Некоторые факты, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, не включаются в состав обстоятельств (предмета доказывания), подлежащих доказыванию по прямому указанию закона, не нуждаются в доказательстве в ходе судебного разбирательства и не могут быть опровергнуты. Эти факты принимаются как истина, которая не нуждается в доказательствах. Например, общеизвестные факты, неоспоримые факты или, что представляет для нас наибольший интерес, преюдициальные факты.

Преюдициальные факты в процессуалистике также называются «преюдициями», «заранее установленными фактами» или фактами, подтвержденными вступившим в законную силу судебным актом суда.

Возможность использования преюдициальных фактов имеет решающее значение с точки зрения экономии процессуальных средств, предотвращения непреодолимых противоречий между судебными актами и проблемы конкуренции судебных актов. Благодаря данной особенности, при вступлении в законную силу заключительного судебного акта, практически исключается различная, противоречивая оценка одних и тех же фактов, что может вызвать правовую неопределенность, стать причиной падения авторитета судебной власти и рассматриваться как нарушение принципа верховенства права. [8]

Касаясь вопроса о границах преюдиции (преюдициальной связи) судебных актов, Кассационный суд РА в одном из своих решений [9] отметил, что объективные границы преюдициальной связи судебных актов, или преюдиции, определяются тем кругом обстоятельств, которые должны быть установлены вступившим в законную силу судебным актом и не подлежат повторному доказательству или опровержению при рассмотрении другого дела.

В другом своем решении Кассационный Суд РА отметил, что преюдициальное значение не может иметь правовая позиция касательно интерпретации правового акта. В связи с этим Кассационный суд РА подчеркнул, что правовая позиция суда не может считаться преюдициальным обстоятельством, хотя суд правомочен делать определенные выводы на основе собственного понимания права [10].

Получается, что преюдициальное значение может иметь установленное обстоятельство, но не правовая позиция суда.

В данном контексте следует отметить, что в уголовных судах до сих пор не выработан единый подход к оценке в качестве доказательств административных актов, признанных, например, правомерными либо неправомерными в окончательном судебном решении специализированного суда административной юрисдикции.

Учитывая то обстоятельство, что преюдициальность – это взаимная обязательность судебных актов, проявляющаяся в их преюдициальной связи, мы считаем, что на этом основании административные акты, признанные правомерными или неправомерными окончательным судебным актом, должны отличаться по своему доказательственному значению от еще не оспоренных административных актов.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит нормы, предусматривающие возможность признания преюдиции. Так, ст. 90 УПК РФ предусматривает следующее: «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводств, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» [11].

Мы полагаем, что при оценке внесудебных документов в рамках принципа свободной оценки доказательств суды должны применять дифференцированный подход к тем административным актам, правомерность которых была подтверждена или опровергнута вступившим в законную силу судебным решением, обладающим преюдициальным значением.

Таким образом, представляется обоснованным и целесообразным закрепление аналогичного подхода, реализованного в российском законодательстве, и в правовой системе Армении.

2.2. Разграничение между оценкой допустимости административных актов в качестве доказательств по уголовным делам и проверкой их правомерности, относящейся к исключительной компетенции специализированного административного суда

В отличие от административного судопроизводства, в рамках которого *inter alia* внимание уделяется проверке правомерности административных актов, в уголовном процессе оценка таких актов осуществляется преимущественно с позиции их доказательственного значения. Иными словами, уголовный суд не рассматривает административный акт как предмет самостоятельного правового анализа на предмет его соответствия требованиям административного законодательства. Вместо этого он исследует данный акт как возможное доказательство, способное способствовать установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Компетенция уголовного суда не включает в себя полномочий по признанию административного акта недействительным или ничтожным (речь, разумеется, идет не о формальном признании, а о содержательной оценке), поскольку такие вопросы находятся в исключительном ведении судов, рассматривающих дела в порядке административного судопроизводства. Попытка выйти за пределы данной процессуальной юрисдикции может привести к нарушению принципа разграничения функциональной компетенции между судами.

Тем не менее, судья по уголовному делу наделен правом критически оценивать представленные административные акты сквозь призму принципов допустимости, относимости и достоверности доказательств. В этом контексте суд вправе установить, обладает ли соответствующий акт достаточной степенью надежности, и может ли он объективно способствовать выяснению обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Так, например, в случае, если протокол об административном правонарушении, составленный Органом Комитета государственных доходов, не содержит обязательных реквизитов, в частности, указания на дату и место совершения правонарушения, сведений о составителе, подписи сторон либо иных предусмотренных законом данных, такой документ может быть признан недопустимым доказательством в уголовном процессе. Основанием для этого служит не правовая дефектность административного производства как такового, а нарушение требований уголовно-процессуального закона в части допустимости доказательств.

Судья, осуществляющий проверку доказательства на предмет его приемлемости, не уполномочен исследовать соответствие действий административного органа нормам административного права или давать формально-правовую оценку правомерности издания соответствующего акта. Вместо этого судебная проверка осуществляется в ином, содержательном ключе с позиции того, способен ли данный документ в силу своей формы, содержания и обстоятельств составления объективно свидетельствовать о наличии или отсутствии признаков объективной стороны преступления, включая место, время, способ, орудия и последствия деяния.

Таким образом, критерий допустимости в уголовном процессе опирается прежде всего на соответствие доказательства установленным процессуальным стандартам, включая принципы надлежащей формы, достоверности источника, недопущения нарушений прав участников процесса, а также обеспечения объективности и полноты судебного разбирательства.

Таким образом, административные акты, представленные в уголовном процессе, приобретают статус источников сведений, подлежащих свободной оценке судом наряду с другими доказательствами.

Вместе с тем на практике нередко возникают затруднения, связанные с проведением четкого разграничения между оценкой доказательств с точки зрения их допустимости и достоверности (в рамках принципа свободной оценки доказательств) и фактическим выходом суда за пределы своей компетенции, выражаящимся в даче правовой оценки действиям административного органа. Иными словами, суды подчас смешивают два концептуально различных подхода – анализ доказательства на предмет его пригодности для установления фактических обстоятельств уголовного дела и оценку законности процедур, лежащих в основе формирования этого доказательства в сфере административного производства.

Такое смешение подходов может привести к нарушению принципа разграничения юрисдикций и подмене задачи уголовного правосудия, заключающейся в установлении истины по делу, оценкой правомерности действий должностных лиц, что выходит за пределы уголовного судопроизводства и подлежит рассмотрению исключительно в рамках административной юрисдикции. Указанное обстоятельство особенно критично в делах, где административные акты или протоколы составляют существенную часть доказательственной базы, но при этом сформированы с нарушением требований процессуального закона, регулирующего их форму и содержание.

Таким образом, реализация принципа свободной оценки доказательств не может подменять собой анализ вопросов, находящихся вне пределов уголовной юрисдикции. Суд должен строго следовать критериям, установленным уголовно-процессуальным законом: допустимость, относимость, достоверность и достаточность доказательств, не подменяя их оценкой административной правомерности, которая подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке и другой судебной инстанцией.

Заключение

Таким образом, представляется, что формулирование и внедрение указанных практических критериев, предназначенных для руководства судом при оценке административных актов в рамках уголовного судопроизводства, будет способствовать недопущению выхода за пределы уголовной юрисдикции и позволит избежать подмены оценки доказательственной пригодности анализом правомерности действий административных органов. Таким образом, рекомендуется:

- закрепление нормами УПК РА возможности признания преюдиции в рамках уголовного судопроизводства, учитывая вышеизложенные обоснования;
- выработка дополнительного основания для приостановления уголовного производства: учитывая применение вышеуказанных преюдициальных принципов, прежде всего, мы считаем, что уголовно-правовым законодательством должно быть предусмотрено такое основание для приостановления уголовного производства, которое позволит адресату административного акта, признанного внесудебным документом, обжаловать его в административном порядке; предложение базируется на практическом наблюдении: в настоящее время отсутствует единообразие в судебной практике в отношении того, необходимо ли предопределять исход уголовного дела решением административного суда о проверке законности административного акта;
- проверка источниковой прозрачности: суд при оценке административного акта, представленного в качестве доказательства, должен установить, обладают ли содержащиеся в нем сведения проверяемой документальной основой или же они носят предположительный, оценочный или декларативный характер; прозрачность источника означает возможность отследить происхождение информации, ее фиксацию уполномоченным лицом, а также соответствие изложенных данных реальным фактам;
- принцип сопоставления доказательств: информация, содержащаяся в административном документе, не может рассматриваться как самоу довлетворяющее доказательство, для признания ее достоверной необходимо сопоставление с иными доказательствами, полученными в ходе уголовного процесса, включая свидетельские показания, заключения экспертиз, вещественные доказательства и иные релевантные материалы, только в совокупности с другими источниками сведений возможно признание административного акта достоверным;
- формальные недостатки и пределы анализа: при выявлении явных процессуальных (формальных) недостатков административного акта, таких как отсутствие даты, подписи, указания должностного лица, нарушений порядка составления, суд вправе поставить под сомнение его достоверность, при этом не требуется юридическая квалификация правомерности действий административного органа: достаточно того,

что подобные изъяны затрудняют или делают невозможной проверку фактической стороны представленного документа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спасович В.Д. Избранные труды. Мин.: «Промышленное право», 2015, 320 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РА. Ст. 22, ред. от 01.07.2022г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. П. 6, ч. 2, ст. 74, ред. от 21.04.2025г.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РА. Ст. 96, ред. от 01.07.2022г.
5. Закон РА «Об основах администрирования и административном производстве». Ст. 53, ред. от 29.01.2005г.
6. Уголовный Кодекс РА. Ст. 343, ред. от 01.07.2022г.
7. Уголовный Кодекс РА. Ст. 290, ред. от 01.07.2022г.
8. Мегрян С.Г. Доказывание и доказательства в гражданском процессе в Республике Армения. Еր.: Изд-во Академии юстиции, 2020, СС 66–75.
9. Решение Кассационного суда РА, № 3-93 (ВД) от 29.02.2008г.
10. Решение Кассационного суда РА, № 3-132 (ВД) от 27.03.2008г.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ст. 90, ред. от 21.04.2025г.

THE MAIN PROBLEMS OF EVALUATING CERTAIN ADMINISTRATIVE ACTS IN THE PROCESS OF PROVING CRIMINAL CASES

A. Najaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This scientific article aims to differentiate and study the combination of the principle of free evaluation of evidence in criminal proceedings and verification of the legality of administrative acts based on the analysis of Armenian and Russian legislation.

Keywords: evidence, principles of evidence assessment, extrajudicial document, administrative act, legality of administrative act.

ՏԱՐԱԾՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ ՔՐԵԱԿԱՆ ՕՐԵՆՔԻ ԳՈՐԾՈՂՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԷՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ա.Ա. Հովհաննիսյան

«Հայասլոր դատավիճակության միջազգային-իրավական համագործակցության
վայջություն»
anna.hovhannisyan@prosecutor.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է Հայաստանի Հանրապետության քրեական արդարադատության ոլորտում իրականացվող բարեփոխումներին: Դրանում համակարգային վերլուծության են ենթարկվում 2022 թվականի հուլիսի 1-ից ուժի մեջ մտած Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի գործողության հարցերը կանոնակարգող մի շարք դրույթներ՝ համեմատական անցկացնելով նախկին օրենսդրության կարգավորումների հետ:

Հոդվածում անդրադարձ է կատարվում նախկինում վեր հանված խնդիրների կարգավորմանն ուղղված գործող օրենսդրական լուծումներին և այդ համատեքստում օրենսդրության բարեփոխման նպատակով առաջարկներին:

Հիմնարարներ՝ քրեական օրենսգրքը, բարեփոխում, տարածություն, անձեռնմխելիություն:

Ներածություն

21-րդ դարը մի շարք պետությունների համար ազդարարել է սեփական շահերի պաշտպանության և իրավագորության ամրապնդման նոր ուղիներ գտնելու կարևորությունը: Այդ համատեքստում բացառություն չի կազմում նաև Հայաստանի Հանրապետությունը (ստորև՝ ՀՀ):

Վերջին տարիներին օրենսդրի կողմից իրականացված մի շարք իրավական բարեփոխումներ էականորեն փոփոխել են ՀՀ քրեական օրենսգրքի գործողության սահմանները տարածության մեջ: Արյոյունքում՝ փոփոխության են ենթակվել նաև ՀՀ քրեաիրավական իրավագորությանն առնչվող մի շարք հիմանարար հարցեր, որոնց անդրադարձ է կատարվում ստորև:

Մեթոդները.

Հոդվածում կիրառվում են համեմատական-իրավական վերլուծության մեթոդը, ազգային օրենսդրության վերլուծությունը և առաջարկված լուծումների համեմատական վերլուծությունը:

Արյոյունքները.

2022 թվականի հուլիսի 1-ից ուժի մեջ մտած ՀՀ քրեական օրենսգրքով բարեփոխվել են նախկին օրենսգրքով նախատեսված մի շարք իրավակարգավորումներ և իրավական ինստիտուտներ, այդ թվում՝ տարածության մեջ ՀՀ քրեական օրենքի գործողության հիմնահարցերը:

Քրեական նախկին օրենսգրքի 14-րդ հոդվածը սահմանում էր, որ ՀՀ տարածքում կատարված էր համարվում այն հանցանքը, որը՝

ա) սկսվել, շարունակվել կամ ավարտվել էր ՀՀ տարածքում.

բ) հանցակցությամբ կատարվել է այն անձանց հետ, ովքեր հանցավոր գործունեություն են իրականացրել այլ պետության տարածքում [1]:

Նշված պայմաններից առաջինը նույնական է Վրաստանի քրեական օրենսգրքի 4-րդ հոդվածով ամրագրված կարգավորումների հետ [2]:

Ի տարբերություն նախկին կարգավորումների, գործող ՀՀ քրեական օրենսգրքով էական փոփոխության են ենթարկվել տարածության մեջ քրեական օրենսքի գործողության նշված երկու վավերապայմաններն են:

Այսպես, ՀՀ քրեական օրենսգրքի 10-րդ հոդվածի համաձայն՝ քրեական օրենքով նախատեսված արարքը համարվում է ՀՀ տարածքում կատարված, եթե՝

ա) դրա բաղկացուցիչ մասերից որևէ մեկն իրականացվել է ՀՀ տարածքում.

բ) ՀՀ-ում գտնվելու ժամանակ անձը հանցագել է ՀՀ տարածքից դուրս հանցանք կատարելուն [3]:

Նշված վավերապայմաններից առաջինը համահունչ է Ֆրանսիայի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի իրավակարգավորումներին [4]:

Վերը նշված հանգամանքներից առաջինը՝ արարքի բաղկացուցիչ մասերից որևէ մեկն ՀՀ տարածքում իրականացվելու հիմքը ՀՀ քրեական օրենքի գործողության օրինակներից կարող է լինել իրավիճակ, երբ քրեական օրենքով նախատեսված արարքը կատարվել է ՀՀ-ում, բայց դրա հետևանքները առաջացել են ՀՀ տարածքից դուրս, կամ ընդհակառակը՝ ՀՀ տարածքից դուրս սկսված արարքն է ավարտվել ՀՀ-ում կամ շարունակվող հանցագործության էպիզոդներից մեկն է տեղ գտել ՀՀ-ում:

Վերը նշված փոփոխությունների համատեքստում անհրաժեշտ ենք համարում անդրադառնալ նաև կատարված օրենսդրական փոփոխության հիմքում դրված մոտեցումներին՝ օրենսդրի կամքը բացահայտելու, արդյունքում՝ օրենսդրական փոփոխության իրական շահառուին բացահայտելու և քրեական օրենսգրքով նախատեսված խնդիրները լուծելու համար:

Այս կապակցությամբ հատկանշական է «Նորմատիվ իրավական ակտերի մասին» ՀՀ օրենքի 41-րդ հոդվածը, որի համաձայն՝ նորմատիվ իրավական ակտի նորմը մեկնաբանվում է՝ հաշվի առնելով նորմատիվ իրավական ակտն ընդունելիս այն ընդունող մարմնի նպատակը՝ ելնելով դրանում պարունակվող բառերի և արտահայտությունների տառացի նշանակությունից, ամբողջ հոդվածի, գլխի, բաժնի կարգավորման համատեքստից, այն նորմատիվ իրավական ակտի դրույթներից, ի կատարումն որի ընդունվել է այդ ակտը, տվյալ նորմատիվ իրավական ակտով սահմանված սկզբունքներից, իսկ այդպիսի սկզբունքներ սահմանված չինելու դեպքում՝ տվյալ իրավահարաբերությունը կարգավորող իրավունքի ձյուղի սկզբունքներից [5]:

Այս համատեքստում վերլուծելով ՀՀ նոր քրեական օրենսգրքի հայեցակարգով ամրագրվել է, որ օրենսդրական ձևակերպումների մեջ տարբեր արժեքների թվարկման հաջորդականությունը վկայում է դրանց կարևորության և պաշտպանության առաջնահերթության մասին:

Նշված մոտեցումը կիրառելով ՀՀ քրեական օրենսդրության խնդիրները սահմանող նորմի (ՀՀ քրեական օրենսգրքի հոդված 2) նկատմամբ՝ արձանագրում ենք, որ օրենսդիրը սահմանել է քրեական օրենսդրության հետևյալ խնդիրների հաջորդականությունը՝

- օրենքով նախատեսված շահերի պաշտպանություն հանցավոր ուսնական գործություններից,
- հանցագործությունների կանխում,
- քրեական պատասխանատվության ենթակա իրավաբանական անձի և հանցանք կատարած անձի պատասխանատվության արդարացիություն,
- հասարակությունում հանցանք կատարած անձի վերահնտեղում,
- վերացնիալականացման ապահովում:

Այսպիսով, կարող ենք եզրակացնել, որ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 2-րդ, 10-րդ և 12-րդ հոդվածների համակարգային վերլուծությունը վկայում է, որ օրենսդիրը, կատարված բարեփոխումների, այդ թվում՝ ՀՀ քրեական օրենքի գործողության ընդլայնման մոտեցումը որդեգրելիս, առաջնորդվել է, նախևառաջ, հանցավոր ուսնական գործություններից օրենքով նախատեսված շահերի պաշտպանություն նպատակով: Այլ կերպ, նման մոտեցման հիմքում է դրվագ ՀՀ քրեական օրենսգրքի կիրառման հնարավորությունը՝ թե՝ ՀՀ տարածքում, թե՝ սահմանված դեպքերում ՀՀ տարածքից դուրս կատարված հանցանքների դեպքում:

ՀՀ քրեական օրենքի գործողության հարցին անդրադառնալիս հարկ է վերլուծել նաև ՀՀ քրեական օրենսգրքի 10-րդ հոդվածի 3-րդ և 4-րդ

մասերով փոփոխության ենթարկված այն իրավակարգավորումները, որոնք տևական ժամանակ հանդիսացել են քննարկման առարկա իրավական հանրության լայն շրջանակներում:

Նոր իրավակարգավորումներով փոփոխության է ենթարկվել նաև ՀՀ տարածքում կատարված հանցանքների և «դիվանագիտական անձեռնմխելիությանն» առնչվող իրավահարաբերություններում քրեական օրենքի գործողության հարցը:

Մասնավորապես, նախկին օրենսգրքով ամրագրված էր, որ միջազգային իրավունքի նորմերին համապատասխան է լուծվում ՀՀ տարածքում հանցանք կատարած օտարերկրյա պետությունների դիվանագիտական ներկայացուցիչների և դիվանագիտական իմունիտետից օգտվող այլ անձանց քրեական պատասխանատվության հարցը:

Ի տարբերություն նման նեղ կարգավորման, ՀՀ գործող քրեական օրենսգրքով ամրագրվել է, որ ՀՀ տարածքում քրեական օրենքով նախատեսված արարքը կատարած օտարերկրյա դիվանագիտական, հյուպատոսական կամ միջազգային կազմակերպության համար սահմանված անձեռնմխելիությունից օգտվող անձի քրեական պատասխանատվության հարցը լուծվում է Հայաստանի Հանրապետության միջազգային պայմանագրերին համապատասխան:

Նոյն հոդվածի 4-րդ մասի համաձայն՝ այն դեպքերում, երբ անձը քրեական օրենքով նախատեսված արարքը կատարել է ՀՀ տարածքում գտնվող այն վայրում, որտեղ գործում է օտարերկրյա պետության դիվանագիտական, հյուպատոսական կամ միջազգային կազմակերպության համար սահմանված անձեռնմխելիությունը, ապա նրա քրեական պատասխանատվության հարցը լուծվում է ՀՀ քրեական օրենսգրքով, բացառությամբ ՀՀ միջազգային պայմանագրերով նախատեսված դեպքերի:

Այսպիսով, օրենսդիրը, նախ, որոշակիորեն ընդլայնել է «անձեռնմխելիության» իրավահարաբերությունների սուրյեկտ հանդիսացող անձանց շրջանակը՝ այս անձանց իսմբին դասելով նաև հյուպատոսական կամ միջազգային կազմակերպության համար սահմանված անձեռնմխելիությունից օգտվողներին:

Նման մոտեցումն արդարացված է՝ հիմք ընդունելով ՀՀ օրենսդրության մասը կազմող միջազգային պայմանագրերը, որոնցով նշված անձանց համար արդեն իսկ նախատեսված են հստակ անձեռնմխելիության երաշխիքներ:

Այսպես, ՀՀ Սահմանադրության 5-րդ հոդվածի 3-րդ մասի համաձայն՝ Հայաստանի Հանրապետության վավերացրած միջազգային պայ-

մանագրերի և օրենքների նորմերի միջև հակասության դեպքում կիրառվում են միջազգային պայմանագրերի նորմերը [6]:

«Դիվանագիտական հարաբերությունների մասին» 1961թ. և «Հյուպատոսական հարաբերությունների մասին» 1963թ. կոնվենցիաներով ամրագրված է, որ դիվանագիտական և հյուպատոսական անձնակազմի անձեռնմխելիության սկզբունքը, թեև հյուպատոսական անձնակազմի դեպքում գործում է բացառություն: Մասնավորապես, «Հյուպատոսական հարաբերությունների մասին» կոնվենցիայի 41-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ Հյուպատոսական պաշտոնատար անձինք ենթակա չեն ոչ ձերբակալման, ոչ նախնական կալանքի՝ ոչ այլ կերպ, բան ծանր հանցագործություններ կատարելու դեպքում՝ իրավասու դատական իշխանությունների վճիռների հիման վրա [7, 8]:

Հետևաբար, բացի դիվանագիտականից, նաև հյուպատոսական և միջազգային կազմակերպության ներկայացուցչի համար նախատեսված անձեռնմխելիության սկզբունքի արմագրումը ՀՀ քրեական օրենսգրքում արդարացված է և բխում է արդեն իսկ գործող, ՀՀ ներպետական օրենսդրության մասը կազմող միջազգային պայմանագրերից, որոնց կողմն է Հայաստանի Հանրապետությունը:

Բացի այդ, վերը նշված՝ հոդվածի 4-րդ մասով ամրագրված կանոնակարգման արյունքում օրենսդիրը վերջնական լուծում է տվել տևական ժամանակ իրավակիրառ պրակտիկայում քննարկումների առարկա հանդիսացող այն հարցին, թե արդյոք ՀՀ տարածքում գտնվող այն վայրում, որտեղ գործում է օտարերկրյա պետության դիվանագիտական, հյուպատոսական կամ միջազգային կազմակերպության համար սահմանված անձեռնմխելիությունը, կիրառելի է ՀՀ քրեական օրենսգրքը:

Գործող քրեական օրենսգրքով, մասնավորապես, ամրագրվել է, որ նշված տարածքներում հանցանք կատարելու դեպքում անձի քրեական պատասխանատվության հարցը ենթակա է լուծման ՀՀ քրեական օրենսգրքի համաձայն՝ միջազգային պայմանագրով այլ բան նախատեսված չլինելու դեպքում:

Հարկ է նկատել, որ նման մոտեցումը նորարական է ՀՀ օրենսդրության համար, այն առկա չէ Վրաստանի և Ռուսաստանի Դաշնության քրեական օրենսգրքերում և կնպաստի տևական ժամանակ քննարկված արդի հարցի վերջնական կարգավորմանը [9]:

Արդյունքների ամփոփում

Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի բարեփոխումների համակարգային վերլուծությունը վկայում է, որ դրանք ոչ միայն

արդիականացնում են իրավական համակարգը՝ ընդլայնելով ՀՀ քրեական օրենսդրության կիրառման հնարավորությունները, այլ ստեղծում են ՀՀ շահերի, ՀՀ քաղաքացիների պաշտպանության և քրեական օրենսդրության սկզբունքիների առավել արդյունավետ կիրառման համակարգ:

2022 թվականի հուլիսի 1-ից ուժի մեջ մտած ՀՀ նոր քրեական օրենսդրով իրականացվել են էական բարեփոխումներ, որոնք վերաբերում են քրեական իրավունքի տարածության կիրառմանը Հայաստանում: Կատարված բարեփոխումների դրական ազդեցությունների թվին կարելի է դասել առանձին հարաբերությունների նկատմամբ օրենսդրական հստակության սահմանումը և ՀՀ քրեական օրենսդրության իրավասության ներքո նախկինում վիճելի անձանց շրջանակի ներառումը:

Միաժամանակ, կատարվող բարեփոխումներն իրենցից ներկայացնում են նաև որոշակի մարտահրավերներ, որոնց դիմակայելու համար անհրաժեշտ է ապահովել քրեական արդարադատության հիմնարար սկզբունքների պահպանումը և ՀՀ քրեական օրենսդրության իրավասության ներքո նախկինում վիճելի անձանց շրջանակի ներառումը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք, ընդունվել է 18.04.2003թ., ուժը կորցրել է 01.07.2022թ., <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=159328> (մուտք 16.03.2025թ.)
2. Criminal code of Georgia, adopted 22.07.1999, Article 4, <https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/16426?publication=262> (մուտք 16.03.2025թ.)
3. Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք, ընդունվել է 05.05.2021թ., <https://arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=204754> (մուտք 16.03.2025թ.)
4. Code penal, adopted 01.03.1994, Article 113-2-1, https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719 (մուտք 16.03.2025թ.)
5. Նորմատիվ իրավական ակտերի մասին Հայաստանի Հանրապետության օրենք ՀՕ-180-Ն, ընդունվել է 21.03.2018թ., <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=187324> (մուտք 16.04.2025թ.)
6. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն, ընդունվել է 05.07.1995թ., 27.11.2005 թ. և 06.12.2015թ. փոփոխություններով, <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=143723> (մուտք 16.04.2025թ.)
7. «Դիվանագիտական հարաբերությունների մասին» Միացյալ Ազգերի Կազմակերպության կոնվենցիա, ընդունվել է 18.04.1961, <https://www.irtek.am/views/act.aspx?tid=37357> (մուտք 16.04.2025թ.)
8. «Հյուպատոսական հարաբերությունների մասին» Միացյալ Ազգերի Կազմակերպության կոնվենցիա, ընդունվել է 24.04.1963թ. <https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=37360> (մուտք 16.04.2025թ.)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации, принят 13.06.1996г., статья 12 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (մուտք 17.03.2025թ.)

СУТЬ ПРИНЦИПА ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

А.А. Оганесян

*Управление международного правового сотрудничества
Генеральной прокуратуры Республики Армения*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена реформам, проводимым в сфере уголовного правосудия Республики Армения. В ней представляется системный анализ ряда положений Уголовного кодекса Республики Армения, вступившего в силу 1 июля 2022г., с особым акцентом на нормы, регулирующие его применение. Положения нового кодекса рассматриваются в сравнении с предыдущим законодательством.

В статье также анализируются законодательные решения, направленные на устранение ранее выявленных проблем, и предлагаются рекомендации по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, реформа, территориальное действие, неприкосновенность.

THE ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL APPLICABILITY OF CRIMINAL LAW

A. Hovhannisyan

*Department of International Legal Cooperation,
Office of the Prosecutor General of the Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article is devoted to the reforms implemented in the field of criminal justice in the Republic of Armenia. It presents a systemic analysis of several provisions of the Criminal Code of the Republic of Armenia that entered into force on July 1, 2022, particularly focusing on the rules governing the applicability of the Code.

A comparative approach is used to evaluate these provisions against the regulations of the previous legislation. The article addresses the solutions introduced to previously identified issues and, in this context, puts forward recommendations for further legislative reform.

Keywords: Criminal Code, reform, territorial applicability, immunity.

ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦ: РОССИЙСКИЙ И АРМЯНСКИЙ ОПЫТ

В.Ю. Пудовочкин

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
vadimpudovochkin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты сравнительно-правового исследования применения обратной силы уголовного закона при квалификации убийства нескольких лиц в уголовном законодательстве Российской Федерации и в уголовном законодательстве Республики Армения.

Ключевые слова: обратная сила закона, уголовное право России и Армении, убийство двух и более лиц.

Введение

Уголовно-правовая охрана жизни человека в условиях динамично меняющихся общественных условий и следующих за ними уголовных законов подчинена двум основным принципам. Во-первых, принципу гуманизма, требующему всесторонней защиты личности, и во-вторых, принципу перспективного действия уголовного закона. Однако в некоторых ситуациях их строгое соблюдение корректируется иными правилами действия уголовного закона во времени.

В правовых системах Российской Федерации и Республики Армения установлены временные пределы действия закона и закреплен в качестве общего правила запрет применения закона с обратной силой. В то же время закреплено, что закон, декриминализирующий деяние, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу.

Практическое применение этих законоположений вызвало существенные сложности в ситуации, когда законодатели и России, и Армении, провели ряд реформ, в том числе затронувших сферу криминализации убийств, совершаемых неоднократно или в отношении двух и более лиц.

Нынешние правила квалификации убийства нескольких лиц являются результатом динамичного развития уголовного права в обоих государствах за последнюю четверть века и существенно различаются, что предопределяет важность их сравнительного анализа.

Законодательство и практика Российской Федерации

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был принят в 1996г. и с тех пор претерпел значительные изменения, в том числе касающиеся уголовной ответственности за убийство.

Изначально уголовное законодательство Российской Федерации устанавливало дифференцированные правила квалификации убийства нескольких лиц. Соответствующие разъяснения содержались в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Согласно им, если убийства совершались одновременно и (или) с единым умыслом, то судам следовало квалифицировать действия обвиняемого по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух и более лиц); если же убийства были совершены в разное время и не были связаны умыслом между собой, то действия надлежало квалифицировать по п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное неоднократно) [1]. Такие правила предопределялись тем, что на момент принятия УК РФ в нем существовал институт неоднократности преступлений, представляющий из себя форму множественности. Под неоднократностью понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ [2] (в отличие от совокупности преступлений, под которой понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи УК РФ, ни за одно из которых лицо не было осуждено [2]).

Существенные изменения УК РФ претерпел в 2003г., когда был принят Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Были признаны утратившими силу нормы о неоднократности преступлений, исключены соответствующие признаки в квалифицированных составах Особенной части УК РФ. Были внесены изменения и в статью, посвященную совокупности преступлений. С 2003г. совокупностью признается совершение двух или более преступлений вне зависимости от того, предусмотрены они одной или разными статьями закона, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание [3].

На практике это вызвало немало споров при квалификации убийств нескольких лиц, совершенных без единого умысла и (или) в разное время, так как официальное судебное толкование п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ в тот момент не предусматривало его распространения на данные убийства. По логике законодательных изменений в данной ситуации должны были быть применены правила квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство без квалифицирующих признаков), при условии, что они были совершены после внесения изменений в УК РФ в 2003г. К убийствам нескольких лиц, совершенным до 2003г., правила о совокупности преступлений применяться не могли. Расширение содержания совокупности преступлений в новой редакции УК РФ ухудшало положение лица, в связи с

чем квалификация по совокупности преступлений в порядке обратной силы была невозможна.

Так, в 2000г. З. в процессе разбоя, выйдя за пределы совместного с Н. предварительного сговора, с целью убийства нанес потерпевшему Д. множественные удары ножом в различные части тела и лишил его жизни. Через несколько месяцев З. и П. с целью убийства напали на потерпевшего А. П. нанес А. удар по голове неустановленным твердым тупым предметом, причинив тяжкий вред здоровью, а З. из обреза произвел выстрел в голову потерпевшего.

За эти деяния З. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство Д.) и по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство А.). Приговор состоялся после внесения изменений в УК РФ в декабре 2003г.

Рассмотрев дело, Президиум Верховного Суда РФ признал судебные решения подлежащими изменению ввиду неправильного применения уголовного закона. Преступления осужденным совершены до внесения изменений в УК РФ. Суд первой инстанции, квалифицируя действия З. по каждому из совершенных им убийств по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и назначая наказание по правилам совокупности преступлений, применил положения ст. 17 УК РФ в новой редакции, чем ухудшил положение осужденного З. Согласно же прежней редакции ст. 17 УК РФ, действия З. должны квалифицироваться по одной статье, то есть по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4].

Как видно из приведенного примера, фактическое убийство нескольких лиц не образовывало совокупности преступлений, так как действовавшая на момент совершения преступления ст. 17 УК РФ этого не допускала, и не могло быть квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, потому что действовавшее на момент принятия судебного решения толкование данного признака этого не позволяло. Соответственно, в случае отсутствия квалифицирующих признаков, убийства нескольких лиц, совершенные без единого умысла и в разное время надлежало квалифицировать как одно преступление по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Данная ситуация порождала проблему очевидной несправедливости. Причем при сохранении толкования признака «убийство двух или более лиц» эта несправедливость могла сохраняться и при решении казусов, возникших после 2003г., поскольку квалификация убийства нескольких лиц с разными намерениями по правилам совокупности обеспечивала более мягкое наказание, нежели квалификация по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства двух или более лиц с единым намерением. Эта проблема была решена путем изменения толкования п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в 2008г. были внесены изменения, согласно которым убийство нескольких лиц надлежало квалифицировать как убийство двух и более лиц по вышеупомянутому пункту вне зависимости от обстоятельств убийства каждого из них. Но поскольку толкова-

нию, которое дал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, не может быть придана обратная сила (что было подтверждено Конституционным Судом Российской Федерации [5]), рассматриваемое правило оценки в качестве одного преступления убийства нескольких лиц применяется ко всем соответствующим случаям, имевшим место до 2008г.

Законодательство и практика Республики Армения

В Республике Армения в ее новейшей истории действовали два кодекса: Уголовный кодекс Республики Армения от 2003г. (далее – прежний УК РА) и ныне действующий Уголовный кодекс Республики Армения от 2021г. (далее – новый УК РА).

Причем прежний УК РА, (который содержательно был близок российскому закону), в 2011г. подвергся изменениям, также связанным с исключением института повторности преступлений и реформированием института совокупности, что порождало аналогичные проблемы в квалификации убийств. Суды исходили из того, что квалифицирующим обстоятельством как при неоднократном убийстве, так и при убийстве двух или более лиц, является факт причинения смерти двум или более лицам. Соответственно, убийство двух или более лиц не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по п. 1 ч. 2 ст. 104 прежнего УК РА [6]. Однако ситуация практически повторилась в связи с принятием нового УК РА, в котором был исключен квалифицирующий признак «убийство двух и более лиц». В случае совершения убийства нескольких лиц судам надлежит руководствоваться правилами о совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 155 нового УК РА. Законодатель закономерно исходил из того, что жизнь каждого человека имеет отдельную ценность, а установление ответственности за коллективное лишение жизни обесценивает человеческую жизнь как ценность. Поэтому в соответствии с новым УК РА независимо от того, является ли умысел на лишение жизни единым или каждый раз возникал отдельно, вне зависимости от того, совершены ли убийства одновременно или последовательно, деяние следует квалифицировать как совокупность преступлений, если в результате действий виновного погибло более одного человека [7].

Так как санкции ч. 2 ст. 104 прежнего УК РА и ч. 1 ст. 155 нового УК РА отличаются возможностью применения наказания в виде пожизненного лишения свободы, появилась проблема обеспечения справедливости и достижения целей уголовного наказания. Возникают ситуации, когда для достижения этих целей более мягкое наказание, чем пожизненное лишение свободы, назначить невозможно. Для решения этой проблемы законодатель предусмотрел специальное правило назначения наказаний по совокупности преступлений. Так, согласно ч. 7 ст. 74 нового УК РА, если совокупность преступлений включает в себя два и более особо тяжких преступления, связанных с умышленным лишением жизни, то суд с учетом мотива, цели, способа преступления и степени реализации преступного намерения может назначить окончательное наказание в виде пожизненного лишения свободы, даже

если ни для одного из совершенных преступлений это не предусмотрено санкцией статьи Особенной части нового УК РА [8].

Именно эти правила в совокупности с устранением квалифицирующего признака «убийство двух или более лиц» породили вопрос о возможности придания новому закону обратной силы, согласно ст. 9 нового УК РА, в части квалификации и назначения наказания за убийство нескольких лиц.

Так, в «Деле Сепояна», суд первой инстанции приговором от 16 февраля 2021г. признал Сепояна виновным по п. 1 ч. 2 ст. 104 прежнего УК РА и приговорил его к пожизненному заключению. Суд апелляционной инстанции оставил приговор без изменения.

В жалобах в Кассационный суд Армении адвокаты указывали, что в ходе предварительного следствия и суда Сепоян был обвинен и осужден по ч. 2 ст. 104 прежнего УК РА за убийство двух и более лиц, а ст. 155 нового УК РА не содержит данного квалифицирующего признака. Следовательно, деяние, в котором виновен Сепоян, в настоящее время соответствует ч. 1 ст. 155 нового УК РА и наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Иными словами, по мнению стороны защиты, был принят закон, который частично устранил преступность действия Сепояна и смягчает ему наказание, и, следовательно, имеет обратную силу. Специальное правило о возможности назначения пожизненного лишения свободы по ч. 7 ст. 74 нового УК РФ, по мнению апеллянтов, не должно иметь обратной силы, так как ухудшает положение лица.

Рассматривая дело, Кассационный суд не согласился с доводами жалоб. По его мнению, исключение конкретной статьи УК, каких-либо ее признаков или отягчающего обстоятельства не означает, что произошла полная или частичная декриминализация, поскольку исходя из специфики законодательной техники законодатель может счесть целесообразным объединить некоторые преступления или, наоборот, разделить их, изменить их наименование или номер статьи и т.п. Иными словами, изменение может носить формальный (или технический) характер, а по существу преступление, его часть или отягчающее обстоятельство продолжит оставаться уголовно наказуемым. По содержанию указанный качественный вид убийства в новом УК РА не устранен, а механизмы противодействия ему изменились.

При этом правило, предусмотренное ч. 6 ст. 9 нового УК РА, по которому закон, частично смягчающий и одновременно частично усиливающий ответственность, имеет обратную силу только в той части, которая смягчает ответственность, применимо в данном случае, так как фактическое устранение отягчающего обстоятельства убийства двух и более лиц по сути является частичным смягчением ответственности, а новое регулирование, предусмотренное правилом о назначении наказания при совокупности преступлений, является частично отягчающим, поэтому новый уголовный закон имеет обратную силу лишь частично. Смягчение ответственности отчасти является неприемлемым. Кассационный суд подчеркивает, что и прежний, и действующий уголовные кодексы допускают назначение пожизненного заключения в случае убийства двух и более лиц, поэтому не может быть и речи о

частичном смягчении и частичном ужесточении ответственности, в противном случае внесенные изменения в части возможности назначения пожизненного лишения свободы никак не улучшили и не ухудшили состояние человека.

В итоге акты нижестоящих судов были частично отменены, дела направлены на рассмотрение в суд первой инстанции с учетом изложенных позиций Кассационного суда и подлежат пересмотру по вопросам квалификации и назначения наказания [9].

Как видно из приведенного примера, отсутствие квалифицирующего признака убийства двух и более лиц в новом УК РА не означает какого-либо смягчения ответственности за данное деяние. Законодатель, не отказываясь от признания общественной опасности данного преступления, предусмотрел правила о возможности назначения наказания более жесткого, чем предусмотрено в статье Особенной части.

Заключение

Основные различия квалификации убийства нескольких лиц в Российской Федерации и в Республике Армения связаны с непростым философским и правовым вопросом: является ли убийство каждого человека самостоятельным преступлением или допускается «объединение» жизней нескольких людей, убийство которых признавать одним преступлением? Нуждается ли каждое убийство в самостоятельной уголовно-правовой оценке с применением правил о совокупности преступлений или убийство нескольких лиц является самостоятельным и единым составом преступления? Уголовное законодательство России и Армении в настоящее время дают собственные подходы к разрешению этой проблемы.

При этом для ее решения недостаточно только внести изменения в уголовный закон. Как было показано, на практике это может приводить к вынесению судами откровенно несправедливых приговоров. Следует своевременно и системно реагировать на нововведения для обеспечения их применения в настоящий момент, а также в порядке обратной силы в соответствии с общими правилами действия уголовного закона во времени, а также принципами уголовного права.

В настоящее время в российской науке существуют предложения об исключении квалифицированного состава «убийство двух и более лиц» из ст. 105 УК РФ. По мнению авторов, такая законодательная позиция противоречит конституционному провозглашению человека высшей ценностью [10]. В случае подтверждения данной позиции со стороны законодателя, опыт Республики Армения в вопросах квалификации и назначении наказания за убийство нескольких потерпевших представляется наиболее актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (ред. от 27.01.1999) URL:

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=21893&dst=100004> (Дата обращения: 02.03.2025).

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996», № 63-ФЗ (ред. от 09.02.1999) URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=21934&dst=100005,7> (Дата обращения: 02.03.2025).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996», № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 02.03.2025).
4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2014г. по делу № 37-П14 URL: [Https://Login.Consultant.Ru/Link/?Req=Doc&Base=ARB&N=394729&Dst=100005](https://Login.Consultant.Ru/Link/?Req=Doc&Base=ARB&N=394729&Dst=100005) (Дата обращения: 02.03.2025).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013г. № 29-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=156408&dst=100007> (Дата обращения: 02.03.2025).
6. Аветисян С.С. Проблемы квалификации убийства двух или более лиц в право-применительной практике Армении и России / С.С. Аветисян // «Союз криминалистов и криминологов», № 2, 2022. С. 7–11. DOI 10.31085/2310-8681-2022-2-208-7-11. EDN FBZEDC.
7. Габузян А., Маргарян А., Симонян Т. Руководство по толкованию концептуальных подходов и новых институтов, нашедших место в новом Уголовном кодексе РА. Совет Европы, 2022.
8. «Уголовный кодекс Республики Армения от 05 мая 2021г.» URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (Дата обращения: 03.03.2025).
9. Решение Кассационного суда Республики Армения по делу ЧЧ1/0059/01/16 URL: <https://cassationcourt.am/en/precedent/precedent-single-decision/criminal-case/2414> (Дата обращения: 04.05.2025).
10. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: «Юрлитинформ», 2018. 656с.

THE RETROACTIVE FORCE OF THE CRIMINAL LAW IN QUALIFYING THE MURDER OF SEVERAL PERSONS: RUSSIAN AND ARMENIAN EXPERIENCE

V. Pudovochkin
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ABSTRACT

The article presents the result of a comparative legal study of the use of retroactive force of criminal law in qualifying the murder of several persons in the criminal legislation of the Russian Federation and in the criminal legislation of the Republic of Armenia.

Keywords: the retroactive force of the law, the criminal law of the Russian Federation and Armenia, the murder of two or more persons.

СОВМЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ЛИЦОМ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

3.Ю. Пудовочкина

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Zlatapud@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты сравнительно-правового анализа законодательства, уголовно-правовой доктрины и судебной практики Российской Федерации и Республики Армения в части, касающейся разрешения проблемы квалификации действий субъекта, совершившего преступление совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовное право России и Армении, соучастие, группа лиц, субъект преступления, исполнитель преступления.

Введение

Уголовно-правовой институт соучастия вызывает множество проблем в правоприменительной практике в разных странах на протяжении многих лет. Одной из основных проблем при квалификации преступлений, совершенных в соучастии, выступает оценка ситуации, при которой совершение преступления осуществляется субъектом совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости. В России по данному вопросу высказаны различные точки зрения в литературе, представлены противоречивые решения высших судебных органов, из чего можно сделать вывод, что научные работники и правоприменитель так и не пришли к единому мнению по данному вопросу. В Армении, насколько можно судить, напротив, в законе и на практике установлено вполне однозначное его решение. Эти обстоятельства определяют необходимость проведения сравнительного исследования с целью выработки наиболее оптимальных вариантов развития права.

Решение проблемы в Республике Армения

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА) «соучастие отсутствует, когда лицо, совершающее преступление, использует такое лицо, которое не подлежит уголовной ответственности в силу закона или не подлежит уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителя» [1]. Исходя из этого, действия субъекта, совершившего, например, убийство совместно с лицом, не достигшим

возраста уголовной ответственности или признанным невменяемым, должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 155 УК РА, а не по п. 8 ч. 2 ст.

155 УК РА (убийство, совершенное группой лиц). В этом случае при назначении наказания преступнику суд должен будет учесть в качестве отягчающего обстоятельства п. 4 ч. 1 ст. 71 УК РА «привлечение к совершению преступления лица, имеющего проблемы с психическим здоровьем, или лица, не достигшего возраста, установленного для уголовной ответственности, если преступник осознает, что лицо, имеющее проблемы с психическим здоровьем или не достигло возраста, установленного для уголовной ответственности».

Судебная практика придерживается этой позиции. Так Кассационный суд Армении в решении по делу Алика Матевосяна и Рафика Арутюняна сформулировал следующее суждение: из содержания Уголовного кодекса РА следует, что соучастию присущи три признака: 1) совершение преступления двумя или более лицами; 2) совместность действий; 3) преднамеренный характер соучастия. При этом, по мнению суда, первый объективный признак соучастия – совершение преступления двумя или более лицами – выражается в том, что преступление должно быть совершено двумя или несколькими лицами, являющимися субъектами преступления. Соучастниками могут быть вменяемые физические лица, достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности. Для соучастия необходимо наличие не менее двух лиц, наделенных всеми признаками субъекта преступления [2; 3].

Такую же позицию обосновывает в своей работе С.А. Погосян: говоря о двух и более лицах, следует иметь в виду только субъектов преступления, а случаи совершения преступления совместно с лицами, не привлекаемыми к уголовной ответственности, рассматривать как отягчающее обстоятельство [4].

Решение проблемы в России

Согласно ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [5]. При этом российский закон в отличии от армянского не дает характеристики этих лиц с точки зрения вменяемости и достижения возраста наступления уголовной ответственности.

В силу этого в доктрине и в судебной практике возникают противоречия.

Имеется судебная практика, которая не признает соучастием совместное выполнение преступления субъектом и лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Например, в Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 1999г. № 192п99пр высшая судебная инстанция указала, что совместные противоправные действия О. с малолетним М., не являющимся субъектом совершенных преступных деяний, не образуют соучастия в форме группы лиц по предварительному сговору [6].

С такой позицией правоприменителя согласился П.С. Яни, говоря о том, что преступление, совершенное совместно с невменяемым или малолетним

лицом, можно квалифицировать точно так же, как преступление, совершенное при помощи «боевой собаки». Указанные лица не могут иметь умысла на совершение деяния, следовательно без умысла они не являются исполнителями, а без соисполнителей отсутствует признак группы лиц [7].

Вместе с тем имеется и судебная практика, основанная на противоположной правовой позиции. Так в апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2018г. сказано: «действия осужденной по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицированы правильно как убийство, совершенное в группе лиц, поскольку она наряду с лицом, в отношении которого применены принудительные меры медицинского характера, действуя с умыслом, направленным убийство, непосредственно участвовала в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, опасное для жизни» [8]. Теоретическое обоснование такого подхода Верховный Суд Российской Федерации сформулировал в другом своем решении. В частности, в кассационном определении от 27 мая 2021г. по делу № 75-УДП21-8-К3 суд признал: «положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировки.. о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности» [9].

С данной позицией согласен Г.А. Есаков. В своей работе он утверждает, что деяние субъекта, совершившего преступление совместно с невменяемым или не достигшим возраста уголовной ответственности, должно квалифицироваться с вменением признака «совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору» [10].

Таким образом, некоторые специалисты факт совместного совершения преступления субъектом и не субъектом ответственности признают соучастием, а другие – нет. Однако ни у кого не возникает сомнения, что такие действия заслуживают повышенного наказания. При этом исследователи предлагаю различные варианты решения проблемы обеспечения справедливого наказания. Если П.С. Яни предлагает внести в статьи Особенной части УК РФ указание на квалифицирующий признак «совершение преступления совместно с лицами невменяемыми или не достигшими возраста уголовной ответственности» (в этом его позиция близка положениям армянского уголовного права), то И.А. Клепицкий пишет о том, что можно модернизировать понятие соучастия и признавать таковым «умышленное участие лица в совершении умышленного преступления другим лицом, а также в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, лицом не подлежащим уголовной ответственности в силу его возраста, невменяемости или иных обстоятельств» [11].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить два подхода к решению проблемы уголовно-правовой оценки совместного совершенного преступления субъектом с лицом, не достигшем возраста уголовной ответственности

или невменяемым. Первый состоит в признании таких ситуаций соучастием или создании отдельного квалифицированного состава преступления и, следовательно, законодательном увеличении размера санкции. Второй подход предполагает исключение здесь признаков соучастия с предоставлением суду возможности назначать более строгое наказание в пределах санкции простого состава (Рис. 1).

Рисунок 1. Подходы к наказуемости совместного совершения преступления субъектом с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

Как представляется, именно первый подход в любом из его вариантов (предполагающий создание специальной санкции) будет наиболее верным при разрешении таких дел, поскольку гарантирует справедливое и усиленное наказание лицу, которое совершает преступление совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Уголовный кодекс Республики Армения от 05.05.2021». URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (Дата обращения: 08.03.2025).
2. Решение Кассационного Суда Республики Армения №У才算/0046/01/16 от 27.12.2022 URL: <https://cassationcourt.am/ru/precedent/criminal-cases-advanced-search?page=2> (дата обращения: 08.03.2025).
3. Решение Кассационного Суда Республики Армения №У才算/0088/01/17 от 26.05.2023. URL: <https://cassationcourt.am/ru/precedent/criminal-cases-advanced-search?page=2> (дата обращения: 08.03.2025).
4. Погосян С.А. Особенности уголовной ответственности соучастников: автореф. дисс. .. канд. юрид. наук. Ер.: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 2021, 19с.

5. «Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996», № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.03.2025).
6. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.1999 № 192п99пр. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B&n=79409#IUXtseU4251 quIT21> (дата обращения: 08.03.2025).
7. Яни П.С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // «Законность», № 8, 2013. СС. 24–28.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2018 № 31-АПУ18-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17052018-n-31-apu18-4/> (дата обращения: 08.03.2025).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 75-УДП21-8-К3 URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27052021-n-75-udp21-8-k3/> (дата обращения: 08.03.2025).
10. Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // «Уголовное право», 2011. СС. 10–15.
11. Клепицкий И.А. Участие невменяемого в совершении преступления // «Актуальные проблемы российского права», № 2, Т. 17, 2022. СС. 135–140.

JOINT COMMISSION OF A CRIME WITH A PERSON NOT SUBJECT TO CRIMINAL LIABILITY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Z. Pudovochkina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ABSTRACT

The article presents the results of a comparative legal analysis of the legislation, criminal law doctrine and judicial practice of the Russian Federation and the Republic of Armenia regarding the resolution of the problem of qualifying the actions of a subject who committed a crime together with a person who is not subject to criminal liability.

Keywords: criminal law of Russia and Armenia, complicity, group of persons, subject of crime, perpetrator of crime.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

A.E. Симонян

Российско-Армянский (Славянский) университет
simona0411@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблемы уголовной ответственности за мелкое взяточничество. В условиях современных экономических и социальных вызовов, когда коррупционные проявления становятся нормой в отдельных сферах, необходимо разработать четкие правовые механизмы, направленные на минимизацию подобных преступлений. Статья посвящена анализу проблем уголовной ответственности за мелкое. Особое внимание уделяется правовыми пробелам и противоречиям, возникающим в процессе судебной практики, а также проблемам, связанным с определением критериев «мелкого» взяточничества. В статье обсуждаются возможные пути совершенствования законодательства, направленные на более эффективную борьбу с коррупцией.

Ключевые слова: уголовная ответственность, коррупция, взяточничество, мелкое взяточничество, законодательное совершенствование.

Введение

В современном обществе борьба с коррупцией является одной из приоритетных задач правовой системы многих государств. Особое внимание уделяется различным формам взяточничества, включая так называемое мелкое взяточничество, которое, несмотря на сравнительно небольшой размер суммы, наносит значительный ущерб принципам справедливости и законности. Мелкое взяточничество подрывает доверие к государственным институтам, способствует распространению коррупционных практик и снижает эффективность государственной власти. Вместе с тем, уголовная ответственность за подобные деяния сопровождается рядом проблем, связанных с квалификацией преступлений, соразмерностью наказания и процессуальными особенностями. Введение уголовного преследования за мелкие взятки требует тщательного анализа как с правовой, так и с практической точки зрения, что и является целью данной статьи:

Статья 291² Уголовного кодекса РФ устанавливает уголовную ответственность за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей [9].

На первый взгляд кажется, что отличие между ст. 291² и ст. 290, 291 лишь в размере предмета взятки. Анализ вышеуказанных статей позволяет заметить, что дача или получение взятки в размере, превышающем 10.000 рублей, предусматривают такие квалифицирующие признаки, как соверше-

ние того же деяния в составе группы, для стимулирования совершения незаконных действий (бездействия), либо в процессе вымогательства.

Отсутствие в ст. 292² вышеуказанных признаков в качестве квалифицирующих, на наш взгляд, несправедливо уменьшает степень ответственности лица за то же деяние, совершенной группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, совершенное за незаконные действия или если имело место вымогательство взятки. В связи с чем правоприменитель вынужден квалифицировать то же деяние, совершенное группой лиц, с совершением незаконных действий или вымогательством взятки по ч.1 обсуждаемой статьи. По мнению А.И. Рарога, «для квалификации преступлений, связанных с взяточничеством, первостепенное значение имеет не только размер предмета взятки, но и способ ее получения, субъект и последствия деяния». Ученый подчеркивает, что **неоправданное игнорирование квалифицирующих признаков (вымогательство, групповое совершение)** в ст. 291.2 УК РФ «искажает принципы справедливости уголовного закона» [8]. Данные признаки по своей социальной природе имеют гораздо большую общественную опасность и не должны терять свою общественную опасность из-за изменения размера взятки. И.И. Чучаев считает, что «чрезмерная дифференциация уголовно-правовых последствий только по формальному признаку (сумме взятки) может привести к девальвации самого понятия коррупции как общественно опасного явления» [10]. Он подчеркивает необходимость **учета характера и целей действий при квалификации**, даже если сумма взятки незначительна. Таким образом, проблема квалификации заключается в том, что простой состав мелкого взяточничества включает в себя вышеуказанные отягчающие признаки, в то время как они должны были быть предусмотрены в качестве квалифицирующих.

Как показывает судебная практика, у судов не сформировалось единого подхода по указанному вопросу. Так, 6 января 2017г. около 22.30 Ибадов Э.Я., управляющий автомобилем «Фольксваген Пассат», за совершенное им правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, был остановлен, находившимся при исполнении своих должностных обязанностей инспектором специализированного взвода ДПС ГИБДД оперативного реагирования УМВД России ФИО-1, осуществляющим совместно с инспектором специализированного взвода ДПС ГИБДД ФИО-2 контроль за безопасностью дорожного движения. Находясь в служебном автомобиле, куда Ибадов Э.Я. проследовал по предложению ФИО-1, осознавая, что инспекторы являются должностными лицами ОВД, Ибадов Э.Я. лично передал ФИО-1 и ФИО-2 взятку в виде денег в размере 5 000 руб. за совершение заведомо незаконного бездействия в свою пользу, а именно – за непривлечение его к административной ответственности за совершенное им административное правонарушение. Противоправные действия ФИО-1 и ФИО-2 были квалифицированы по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, несмотря на наличие таких квалифицирующих признаков, как незаконное бездействие и совершение преступления группой лиц [6].

До внесения изменений в уголовное законодательство, такие действия квалифицировались по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ как покушение на дачу взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействие), которые относились к категории тяжких преступлений, заслуживающих более сурогового наказания. В настоящее время указанные действия квалифицируются по ч. 3 ст. 30, ст. 291.2 УК РФ как покушение на мелкое взяточничество [3].

В свете недавних законодательных изменений в Республике Армения, считаем необходимым обратиться также к Уголовному кодексу РА. Уголовный кодекс РА, на наш взгляд, вполне справедливо не содержит норму о мелком взяточничестве, предусматривая ответственность за дачу или получение взятки, а также посредничество во взяточничестве начиная с любого размера взятки. Считаем, что в этом аспекте законодательство Республики Армения не оставляет никаких правовых пробелов. Однако должны признать, что в ином вопросе УК РА тоже содержит правовой пробел. В квалифицированных составах предусматривается ответственность за дачу или получение взятки в крупном и особо крупном размере. Ст. 3 УК РА устанавливает основные понятия, использующиеся в УК, в том числе, что понимать под крупным и особо крупным размером. Но проблема заключается в том, что понятие крупного и особо крупного размеров может распространяться только на норму о получении взятки, так как п. 17 ч. 1 ст. 3 УК РА устанавливает эти размеры только для хищения, имущественного ущерба, причиненного преступлением или имущества или выгоды, приобретенных или полученных преступным путем. Так, в случае с взяточником не возникает никаких проблем квалификации, поскольку денежные средства или иные имущественные блага, являющиеся предметом преступления, получены преступным путем. Но как квалифицировать действия взяточника, ведь денежные средства, ценные бумаги или иной предмет преступления не подпадают ни под одну вышеуказанных категорий, использующихся в ст. 3 УК РА. С целью совершенствования уголовного законодательства Армении предлагаем дополнить п. 17 ч. 1 ст. 3 УК РА понятием «предмет взятки» и распространить на него понятие крупного и особо крупных размеров и привлекать взяточника и взяточника к уголовной ответственности на равных условиях.

Для обсуждения следующей проблемы квалификации, связанной с мелким взяточничеством, считаем необходимым обратиться к анализу ст. 291¹, которая устанавливает ответственность за посредничество во взяточничестве.

Объективная сторона преступления заключается в совершении двоякого рода действий: а) непосредственной передаче взятки по поручению взяточнику или взяточнику; б) способствовании взяточнику и (или) взяточнику в достижении или реализации соглашения между ними и даче/получении взятки. Преступление в первой форме является оконченным с момента фактической передачи посредником взятки должностному лицу. Во второй форме преступление по смыслу закона должно признаваться окон-

ченным в момент достижения соглашения между взяткодателем и взяткополучателем об условиях передачи взятки [8].

Степень общественной опасности посредника во взяточничестве заключается в том, что он способствует установлению и реализации коррупционной связи между взяткодателем и взяткополучателем, тем самым способствуя совершению преступления и затрудняя его раскрытие. Посредник нередко действует как связующее звено, обеспечивая конфиденциальность сделки и снижая риски для основных участников. Именно поэтому законодатель установил самостоятельную уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) – для пресечения таких действий на ранней стадии и повышения эффективности борьбы с коррупцией.

Н.Г. Лопашенко отмечает, что **действующее уголовное законодательство фактически не охватывает посредничество при мелком взяточничестве**, несмотря на его нередко ключевую роль в сокрытии коррупционных связей. Ученая подчеркивает: «деятельность посредника во взяточничестве, каким бы ни был размер вознаграждения, обладает самостоятельной общественной опасностью и должна быть криминализирована» [5]. Обязательное условие наказуемости посреднических действий – значительный размер взятки (свыше 25 тыс. руб.), посредничество во взяточничестве на меньшую сумму не влечут ответственности ни по ч. 1 ст. 2911 УК, ни по ст. 2912 УК, поскольку закон под мелким взяточничеством подразумевает только дачу взятки и ее получение [8].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, **уголовная политика должна стремиться к устранению правовых лакун, способствующих уклонению от ответственности**, в том числе при посредничестве и сговоре в мелком взяточничестве. Она обращает внимание на необходимость системного подхода к законодательной регламентации всех форм коррупционных преступлений [4]. Необходимость введения отдельной нормы, устанавливающей ответственность за посредничество в мелком взяточничестве, обусловлена рядом факторов.

Во-первых, мелкое взяточничество, несмотря на сравнительно незначительный размер вознаграждения, носит массовый и системный характер, особенно в таких сферах, как ГИБДД, миграционные службы, образование и медицина. Посредничество в таких преступлениях часто используется для сокрытия личности взяткодателя и/или взяткополучателя, что усложняет выявление и расследование преступлений.

Во-вторых, действующая редакция ст. 291.1 УК РФ (ответственность за посредничество во взяточничестве) не охватывает случаи посредничества в мелком взяточничестве, поскольку прямо связана с квалифицированными составами по статьям 290 и 291 УК РФ. Это образует правовой пробел, который позволяет посредникам уклоняться от уголовной ответственности, даже при наличии очевидной фактической помощи в совершении коррупционного деяния.

В-третьих, установление отдельной уголовно-правовой нормы позволило бы обеспечить единообразие и последовательность в борьбе с коррупци-

ей, распространив репрессивные меры не только на основных участников, но и на лиц, содействующих совершению даже «мелких» коррупционных преступлений. А.П. Здравомыслов справедливо замечает: «массовость мелкого взяточничества при участии посредников придает ему систематический характер» [2].

Таким образом, криминализация посредничества в мелком взяточничестве отвечает целям предупреждения, выявления и пресечения коррупции на всех уровнях и способствует укреплению правопорядка.

Несмотря на формальную простоту статьи 291.2 УК РФ, ее применение вызывает множество вопросов. Отсутствие четких границ, противоречивая практика и неполнота регламентации требуют совершенствования законодательства. Внесение предложенных изменений повысит определенность и эффективность антикоррупционной политики.

Заключение

Анализ действующего законодательства, научных подходов и судебной практики по вопросу уголовной ответственности за мелкое взяточничество позволяет сделать вывод о наличии существенных пробелов в регулировании и квалификации подобных деяний.

Во-первых, **отсутствие квалифицирующих признаков** в ст. 291.2 УК РФ, таких как совершение преступления группой лиц, с использованием служебного положения, при вымогательстве взятки или в обмен на совершение заведомо незаконных действий (бездействия), **приводит к существенному снижению уголовной ответственности** за деяния, аналогичные по своей общественной опасности тем, что охватываются более тяжкими составами (ст. 290, 291 УК РФ). Это подрывает принцип справедливости уголовного закона и нарушает принцип равной ответственности за равные по опасности действия.

Во-вторых, **уголовное законодательство РФ в его текущей редакции не предусматривает ответственности за посредничество в мелком взяточничестве**, что приводит к безнаказанности лиц, активно способствующих совершению коррупционных преступлений при суммах до 10 000 рублей. Такая ситуация создает «лазейку» в законодательстве, позволяющую избегать ответственности при использовании посредников, особенно в повседневных и типичных схемах коррупционного взаимодействия.

В-третьих, **судебная практика демонстрирует правовую неустойчивость и отсутствие единообразного подхода к квалификации аналогичных ситуаций**, что подтверждается рядом решений (дело Ибадова, апелляционное определение ВС Республики Коми и др.). Это затрудняет применение закона, порождает неоднозначность и способствует выборочному правоприменению.

Кроме того, в законодательстве Республики Армения, несмотря на положительный опыт отказа от выделения мелкого взяточничества как самостоятельного состава, выявляется иной пробел – **неопределенность категории «предмет взятки» в отношении квалифицированных составов**. Это

препятствует единообразной квалификации действий взяткодателя при передаче взятки в крупном и особо крупном размерах.

Законодательные предложения:

1. Внести изменения в ст. 291.2 УК РФ, включив следующие квалифицирующие признаки:

совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; вымогательство взятки;

совершение заведомо незаконных действий (бездействия) за вознаграждение; использование служебного положения.

2. Дополнить УК РФ новой статьей, устанавливающей уголовную ответственность за **посредничество в мелком взяточничестве**, предусматривая санкции аналогично ст. 291.1 УК РФ, но применительно к суммам, не превышающим 10 000 рублей.

3. Изменить редакцию п. 17 ч. 1 ст. 3 УК Республики Армения, дополнив его термином «предмет взятки» и распространив понятия «крупного» и «особо крупного» размеров не только на имущество, полученное преступным путем, но и на вознаграждение, передаваемое взяткодателем.

4. Уточнить пределы действия ст. 291.2 УК РФ путем установления **верхнего и нижнего порогов** применимости статьи, а также предусмотреть **альтернативные наказания**, учитывающие степень вины и характер содеянного (например, штраф без лишения свободы при отсутствии квалифицирующих обстоятельств).

5. Разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации мелкого взяточничества, включая случаи соучастия, посредничества, сговора и незаконных действий, с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилов С.В.* Мелкое взяточничество: понятие, признаки, проблемы квалификации // «Уголовное право», № 4, 2022. С. 33–38.
2. *Здравомыслов А.П.* Социальные основы уголовного права. М.: «Норма», 2021. 240с.
3. *Киришина Е.А.* Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): особенности квалификации // «Вестник Нижегородской академии МВД России», № 4, 2017. С. 72–78.
4. *Кузнецова Н.Ф.* Уголовное право: вызовы XXI века. М.: «Проспект», 2020, 256с.
5. *Лопашенко Н.Г.* Ответственность за коррупционные преступления. М.: «Юрлитинформ», 2022. 192с.
6. *Миронова С.И.* Судебная практика по делам о мелком взяточничестве // «Журнал российского права», № 7, 2023. С. 44–50.
7. *Петрухин И.Л.* Декриминализация и уголовная политика: случай мелкого взяточничества // «Государство и право», № 10, 2021. С. 65–72.
8. *Рарог А.И.* Уголовное право России. Особ. часть: учебник. М.: «Юрайт», 2023, 432с.
9. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рарога.* 15-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2022. 752с.
10. *Чучаев И.И.* Российское уголовное право. Общая часть: учебник. М.: «Норма», 2022, 528с.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR MINOR BRIBERY

H. Simonyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article is dedicated to the study of the problem of criminal liability for minor bribery. In the context of modern economic and social challenges, where manifestations of corruption become normalized in certain sectors, it is necessary to develop clear legal mechanisms aimed at minimizing such crimes. The article analyzes the problems of criminal liability for minor bribery. Special attention is paid to legal gaps and contradictions arising in the course of judicial practice, as well as problems related to defining the criteria of "minor" bribery. The article discusses possible ways to improve legislation aimed at more effective combating of corruption.

Keywords: criminal liability, corruption, bribe, minor bribery, legislative improvement.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОГО ПРИЗНАКА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Л.А. Хачатрян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Lyubakhachatryan2004@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам субъекта преступления и его возрастным особенностям. Несмотря на то, что понятие субъекта преступления тщательно разрабатывается и исследуется длительное время и по этой теме написано множество научных трудов, в науке уголовного права имеют место множественные дискуссии относительно возраста субъекта. В статье рассматриваются вопросы, связанные с подходами, принципами в определении субъекта преступления, рассматриваются различные точки зрения на возрастные особенности.

Ключевые слова: возраст; субъект преступления; момент наступления возраста; несовершеннолетний; малолетний; принцип законности, гуманизма.

Анализ научной литературы показывает, что вопросы связанные с субъектом преступления продолжают представлять научный интерес. «Субъект преступления – одно из ключевых понятий уголовно-правовой науки. Недостатка внимания ученых к осмыслиению проблемы субъекта преступления не испытывалось никогда, начиная с трудов дореволюционных ученых, выдающихся юристов и заканчивая исследованиями новейшего времени. Тем не менее, эволюция научных знаний о субъекте преступления не в полной мере привела ученых к устоявшейся теоретической модели субъекта преступления», – пишет Н.Ю. Зографян [1].

Актуальность обусловлена тем, что в настоящее время в связи с стремительным развитием технологий проблемы, связанные с субъектом преступления, и особенно со снижением возраста лиц, совершающих правонарушения, приобретает новую окраску. Самое главное в этой проблеме – это доступность информации, в том числе и весьма специфической, которая может быть причиной правонарушений, изобретения или применения новых способов совершения преступления. И так как в значительной мере потребителем информационных технологий является молодежь, то и возраст совершения тех или иных правонарушений и преступлений должен снижаться. На наш взгляд, стремительное развитие искусственного интеллекта также придаст новую остроту данной проблеме. В связи с чем актуализируется вопрос о принципах уголовной политики в отношении субъектов преступления, в частности, возраста, особенно несовершеннолетних.

Целью данной статьи является изучение исторически обусловленных наиболее значимых принципов уголовной политики при определении признаков субъектов преступления, особенно несовершеннолетних.

В рамках данной статьи поставлены следующие задачи:

- обозначить историю становления понятия субъекта преступления, как стержневого института уголовного права,
- раскрыть некоторые принципы уголовного права, которые очерчивают особенности при определении возраста субъекта преступления,
- сравнить старый и новый Уголовные кодексы Республики Армения.

Несмотря на наличие разных подходов в уголовном праве, субъект преступления – это вменяемое физическое лицо (человек), достигшее определенного возраста, виновное в совершении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным кодексом и способное понести за него уголовную ответственность. Понятие «субъект преступления» отражает лишь некоторые из многочисленных свойств личности виновного, имеющих уголовно-правовое значение, с которыми уголовный закон связывает способность человека нести уголовную ответственность [2]. Таким образом, под субъектом преступления понимают описанную законом совокупность признаков (физическое лицо, вменяемость, возраст), которое обладает уголовной ответственностью и является одним из четырех элементов состава преступления.

На наш взгляд, хотя субъект преступления, является одним из элементов состава преступления (объекта преступления, объективной стороны и субъективной стороны преступления), все-таки, субъект преступления – это стержневой элемент уголовной ответственности, связанный с конкретным вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного законом (ст. 19 УК РФ, ст. 19 УК РА, §.1), совершившим общественно опасное деяние.

Само же преступление законодателем сформулировано как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ, ст.16 УК РА).

Если же говорить о составе преступления как совокупности элементов, указанных или подразумеваемых в уголовном законе, характеризующих общественно опасное деяние как конкретный вид преступления, то при выпадении любого элемента из него нельзя говорить о составе, а также об уголовной ответственности [3].

При установлении возраста уголовной ответственности законодатель берет за основу уровень сознания человека, возможности понимать и осознавать совершенные им поступки, а также их последствия.

На практике, общественно опасное деяние может совершить любое лицо, но субъектом преступления может быть только обладающее признаками, установленными в законе, – вменяемостью п определенным возрастом (14–16 лет), с которого наступает уголовная ответственность.

Таким образом, наше предположение о возможном снижении возраста правонарушителей и преступников, и соответственно, снижении возраста, при котором наступает уголовная ответственность, за совершенные деяния,

нуждаются в проверке. Известно, что существуют два основных метода исследования того или иного предположения, идеи, это – исторический или логический методы.

Интернет-запрос «преступление», выдает в числе других ответов работу Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Данная книга издана в 1764г. [4] и представляет большой интерес в рамках данной статьи. Ч. Беккариа с полной уверенностью можно назвать отцом современного (континентального, романо- германского) уголовного права, к которому принадлежит и уголовное право Республики Армения [5].

В целом, вопрос о том, насколько Ч. Беккариа был прав, в доказательствах не нуждается. Всякое великое произведение, будь то художественное, научное или философское, на то и великое, что идеи, которые оно обсуждает, актуальны во все времена. Само произведение практически содержит все основные институты, которыми современное уголовное право оперирует. Хотя словосочетание «субъект преступления» отсутствует в этом произведении, однако этот самый субъект преступления незримо присутствует во всем произведении: §1 – «Происхождение наказаний», §2 – «Право наказания», §6 – «Соразмерность между преступлениями и наказаниями» и т.д. [6, с. 7, 8, 15]. Все принципы, закрепленные в главе 2 Уголовного кодекса Республики Армения, практически затронуты или вытекают из идей, выдвинутых у Ч. Беккариа. К примеру, ст. 4 «Принцип законности», ст. 5 «Принцип личной ответственности», ст. 6. «Принцип виновной ответственности». Из анализа текста сочинения видно, что Ч. Беккариа предвосхитил такое понятие, как правовое поведение: «действие или бездействие, имеющее социальное значение и подконтрольное государству, которое вызывает правовые последствия» [7].

Таким образом, можно сказать, что Ч. Беккариа стал родоначальником не только уголовного права, как отрасли, но того явления, которое зовется уголовной политикой. Говоря о преступлениях среди несовершеннолетних, Ч. Беккариа отмечает, что самым трудным средством предупреждения является правильное воспитание. Он утверждал, что воспитание не должно сводиться к заучиванию предметов, а должно основываться на их осмысленном и доступном разъяснении. Ч. Беккариа считал главной целью не просто передачу информации, а формирование у ребенка способности анализировать причинно- следственные связи в окружающем мире. По его мнению, дети должны естественным путем прийти к пониманию добродетели, осознавая неизбежность последствий своих поступков.

Идеи Беккариа находят отражение и в современных дискуссиях о возрастных границах уголовной ответственности. Одной из главных задач остается определение того момента, когда воспитательные меры уже не могут гарантировать исправление и возникает необходимость привлекать несовершеннолетних к уголовной ответственности.

Следует отметить, что об уголовной политике в сфере несовершеннолетних, детей и подростков, в частности, касающейся возраста правонарушителей, высказывался также немецкий юрист Франц фон Лист, по мнению которого применение наказания к несовершеннолетнему недопустимо до тех

пор, пока его личность не достигнет достаточного уровня зрелости [8]. Понимание правовых и нравственных норм у малолетних носит иной, незрелый характер. Только при наличии устойчивых представлениях о праве, морали и религии, сформированных в процессе воспитания, социализации и осознания возможных последствий деяния, можно говорить о наличии достаточного уровня правосубъектности. До завершения процесса духовного, нравственного и физического становления лица применение наказания не может быть признано обоснованным.

«Впрочем, можно быть различных взглядов на возрастные периоды. Некоторые придают особенное значение возрасту в 14 лет в жизни малолетнего, потому что в эту пору на Западе малолетний выходит из школы. Говорят, поэтому пока не наступил этот возраст, пока школьное образование не окончено, о помещении в карательное заведение малолетнего не может быть речи, а уместны только более строгие воспитательные воздействия» [8].

Ранее уже было сказано, что глава 2 УК РА содержит статьи, которые в целом обозначают, постулируют принципы уголовного права РА. Таким образом, Уголовный кодекс РА содержит целую встроенную систему для защиты интересов личности от произвола властей, которая включает в себя базовые понятия, выступающие в качестве барьеров от произвола государства. К примеру, то, что обычно обозначается общим термином «принцип законности», в действительности представляет собой достаточно широкий комплекс, включающий в себя принцип *nullum crimen sine lege* (нет преступления без предусматривающего его закона) и принцип *nulla poena sine lege* (нет наказания без предусматривающего его закона). В свою очередь, принцип *nullum crimen* выражается в требовании специфичности закона, запрете ретроактивности (обратной силы) закона и запрете применения уголовного закона по аналогии.

В настоящее время уже стало аксиоматичным то, что принцип законности может быть выражен через четыре следующих запрета:

- запрет выносить уголовное наказание вне процедуры, предусмотренной формальным законом (*lex scripta*);
- запрет применять уголовный закон к ситуациям, этим законом не предусмотренным, или запрет применения уголовного закона по аналогии (*lex stricta*);
- запрет придания уголовному закону, устанавливающему или ухудшающему положение обвиняемого, обратной силы (*lex previa*);
- запрет устанавливать уголовные законы с неопределенным содержанием (*lex certa*) [9].

По нашему мнению, все вышесказанное закрепляет не только принцип законности, но и в самом принципе закрепляется принцип гуманизма, которую, собственно говоря, проповедовал Ч. Беккариа. Поэтому при определении возраста совершения преступления, исходя из вышесказанного, снижение возраста уголовной ответственности необходимо в первую очередь учитывать: принцип гуманизма, который в данном случае, на мой взгляд, должен выходить на первый план, а следовательно, несмотря на социальные и тех-

нологические изменения современности, уголовное право должно оставаться явлением человеческого порядка.

В то же время, следует отметить, что как следствие уголовно-правовой реформы, в Республике Армения был принят новый уголовный кодекс, в котором были подвергнуты значительным изменениям различные институты Общей части уголовного права [10]. При разработке нового уголовного кодекса законодатель придерживался политики гуманизации, что придало законодательству Армении современный и прогрессивный характер.

В новом Уголовном кодексе РА законодатель расширил перечень мер ответственности несовершеннолетних. Согласно части 3 статьи 94, в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление, могут быть применены меры принудительного воспитательного характера, меры безопасности или наказание, а в случае освобождения от наказания по решению суда он может быть помещен в учреждение по реабилитации несовершеннолетних.

Тем временем, в старом уголовном кодексе законодатель предусматривал лишь назначение наказания и меры принудительного воспитательного характера.

В той же статье нового уголовного кодекса упоминаются цели наказания, назначаемые в отношении несовершеннолетнего. Наряду с общими целями уголовного наказания законодатель подчеркивает необходимость обеспечения нормального психического, духовного, физического, нравственного и социального развития подростка, его воспитания и защиты от негативного влияния со стороны других лиц.

В новом уголовном кодексе изменился и перечень назначаемых судом наказаний. Если в старом уголовном кодексе их было всего четыре: штраф, общественные работы, арест и лишение свободы на определенный срок, то новый уголовный кодекс дал правопримениителю выбор из шести таких наказаний, как штраф, общественные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, краткосрочное лишение свободы и лишение свободы. Несмотря на то, что законодатель не исключает возможности наказания в виде лишения свободы, он все же продолжает проводить политику гуманизации, поскольку расширение перечня наказаний позволяет применять менее суровые меры и выбирать наказание, соразмерное тяжести преступления. Остальные меры, такие как ограничение свободы, краткосрочное лишение свободы и другие направлены на кратковременную изоляцию несовершеннолетних и создание условий для их ресоциализации, что позволяет избежать полной изоляции осужденного от общества. Таким образом у несовершеннолетних появляется возможность восстановить свое положение в обществе и вернуться в социум.

Упоминая такие меры наказания, как лишение свободы на короткий срок и лишение свободы, законодатель подчеркивает, что данные меры наказания назначаются только в том случае, если более мягкий вид наказания не может способствовать достижению целей наказания.

Примечательно, что, учитывая социально-психологические особенности несовершеннолетних, лица, не достигшие ко времени совершения преступления восемнадцати лет, не могут быть осуждены к пожизненному лишению свободы.

Отдельно армянское законодательство затронуло также вопросы о лицах, не достигших двадцати одного года. Согласно новому Уголовному кодексу РА при назначении наказания несовершеннолетнему или лицу, не достигшему двадцати одного года, учитываются как общие принципы назначения наказания, так и условия их жизни и воспитания, уровень психического развития, состояние здоровья, другие особенности личности и влияние на них других лиц.

Основными видами уголовно-правового воздействия в отношении данной категории лиц по степени приоритетности являются меры воспитательного характера, затем условное осуждение и только после этого – наказание.

Внедрение в Уголовный кодекс Армении такой главы является ярким проявлением гуманизации, что, безусловно, является положительным шагом на пути к развитию уголовной политики и ее соответствуию международным стандартам [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зограбян Н.Ю. Проблемы квалификации преступлений по признакам субъекта. Ер.: Изд-во РАУ, 2009.
2. Полный курс уголовного права. Том I. Преступление и наказание / Коллектив авторов. СПб., «Юридический центр Пресс», 2008.
3. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2001.
4. On Crimes and Punishments // Wikipedia. 2025. 318p.
5. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Армения // Республика Армения [El. resource]. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/articles/10/armeniya-respublika-armeniya.htm> (accessed: 12.03.2025).
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: «ИНФРА-М», 2004.
7. Сыч В.К. Фундаментальные идеи Ч. Беккариа и становление классической школы уголовного права // «Человек: преступление и наказание», № 1, 2014.
8. Фон Лист Ф. Задачи уголовной политики: преступление как социально-патологическое явление. М.: «ИНФРА-М», 2004, 103с.
9. Принцип законности и его модальности [El. resource] // StudFiles. URL: <https://studfile.net/preview/6703641/page:6/> (accessed: 11.03.2025)
10. Аветисян С.С. Некоторые перспективы развития уголовного права в свете принятого нового Уголовного Кодекса Республики Армения : <https://cassationcourt.am/library/uploads/639b191бебасf>
11. Уголовный Кодекс РА (2003).
12. Уголовный Кодекс РА (2021).

FEATURES OF THE AGE CHARACTERISTIC OF THE SUBJECT OF A CRIME

L. Khachatryan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article is devoted to the issues concerning the subject of a crime and its age-related characteristics. Despite the fact that the concept of the subject of a crime has been extensively studied and developed over a long period, and numerous scholarly works have been written on the topic, criminal law science continues to witness ongoing debates regarding the age of criminal responsibility. The article examines various approaches and principles for defining the subject of a crime, as well as different perspectives on age-related distinctions in criminal liability.

Keywords: age; subject of a crime; moment of reaching age; minor; juvenile; principle of legality; principle of humanism.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Д.В. Григорян, А.К. Айрапетян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
diana11052002@gmail.com, hayrapetyanarshak@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы современные международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций, а также различные стабилизирующие оговорки в двусторонних инвестиционных договорах. В работе выявлены ключевые проблемы правовой защиты капиталовложений в условиях политической и экономической нестабильности развивающихся стран и государств переходной экономики, а также предлагаются пути совершенствования международной системы защиты инвестиций.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, двусторонние инвестиционные договоры, экспроприация, дипломатическая защита, стандарты защиты инвестиций, режим наибольшего благоприятствования.

Введение

Обеспечение правовой защиты иностранных инвестиций представляет собой одну из центральных проблем современного международного инвестиционного права. Особую актуальность данная проблематика приобретает для Республики Армения как государства переходной экономики, стремящегося к интеграции в мировое экономическое пространство и привлечению международных капиталовложений для модернизации национальной экономики.

Инвесторы, осуществляющие инвестиционную деятельность в развивающихся странах и государствах переходной экономики, сталкиваются с рисками политической и экономической нестабильности, которые могут привести к ограничениям или принудительному изъятию их собственности. В этих условиях создание эффективной системы международно-правовой защиты иностранных инвестиций становится критически важным фактором обеспечения инвестиционной привлекательности страны.

Цель исследования заключается в анализе современного состояния международных способов защиты иностранных инвестиций и выявлении наиболее эффективных правовых механизмов их реализации.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) проанализировать основные стандарты защиты иностранных инвестиций, предусмотренные международными договорами;
- 2) исследовать различные виды стабилизирующих оговорок в инвестиционных соглашениях;
- 3) оценить роль дипломатической защиты как средства защиты нарушенных прав инвесторов;
- 4) определить перспективы развития международной системы защиты инвестиций.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе международных двусторонних договоров о взаимном поощрении и защите иностранных инвестиций, практики международных арбитражных судов по инвестиционным спорам, а также национального законодательства по регулированию иностранных инвестиций. В работе использованы методы сравнительно-правового анализа, системного подхода и изучения судебной практики международных арбитражных трибуналов по наиболее значимым инвестиционным спорам.

Основные стандарты защиты иностранных инвестиций в международном праве

Основной проблемой в международном инвестиционном праве является обеспечение правовой защиты иностранных инвестиций. Осуществляя инвестиционную деятельность в развивающихся странах и государствах переходной экономики со свойственной им политической и экономической нестабильностью, инвестор рискует тем, что в случае изменения политической ситуации его капиталы могут быть подвергнуты определенным ограничениям, а то и мерам принудительного изъятия его собственности. Главной задачей в сфере привлечения иностранных инвестиций в экономику должно являться предоставление иностранным инвесторам благоприятных условий для их притока. В связи с этим проведем анализ современного состояния международных способов защиты иностранных инвестиций.

Одним из основных правовых инструментов усовершенствования правовой защиты иностранных инвестиций международно-правовая практика предусматривает международные двусторонние договоры о взаимном поощрении и защите иностранных инвестиций, так называемые двусторонние инвестиционные договоры (ДИД). Данные договоры, как и международные договоры о защите инвестиций предусматривают определенные стандарты защиты.

Центральное место среди них занимает **стандарт справедливого и равноправного обращения** (Fair and Equitable Treatment – FET), который стал наиболее важным стандартом в современных инвестиционных спорах. Стандарт FET разработан как норма международного права и не определяется законами принимающего государства. На основе типичных фактических си-

туаций, к которым инвестиционные суды применяли стандарт FET, были выработаны определенные принципы: прозрачность, последовательность, стабильность и защита законных ожиданий инвестора, соблюдение договорных обязательств, соблюдение процессуальных норм и надлежащего судебного процесса, добросовестные действия (*bona fide*) и свобода от принуждения и притеснений. Эти категории не исчерпывают всех возможностей стандарта FET, что позволяет международным арбитражным судам гибко применять его к различным фактическим обстоятельствам.

Принцип полной защиты и безопасности (Full protection and security – (FPS)) предполагает обязанность принимающего государства принимать активные меры для защиты инвестиций от неблагоприятных последствий. Обязанность обеспечивать физическую защиту и безопасность может действовать в связи с посягательствами государственных органов (Asian Agricultural Products Ltd против Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка) или в связи с действиями частных лиц (Wena Hotels Ltd против Арабской Республики Египет). Общепризнано, что принимающее государство должно будет проявить должную осмотрительность и принять такие меры по защите иностранных инвестиций, которые являются разумными в данных обстоятельствах (Noble Ventures Inc против Румынии).

Защита от произвольных или дискриминационных мер составляет важный элемент системы защиты иностранных инвестиций. Инвестиционные суды признали действия принимающего государства произвольными, если они наносят ущерб инвестору без достижения какой-либо очевидной законной цели. Решающим критерием для определения неразумного или произвольного характера меры, наносящей ущерб инвестору, в области международной защиты инвестиций, является то, может ли она быть оправдана с точки зрения рациональных причин, связанных с фактами (Лаудер против Чешской Республики). Произвол отсутствовал бы, если бы мера была разумной и соразмерной реакцией на объективно проверяемые обстоятельства. Аналогичным образом, мера является произвольной, если она основана не на правовых стандартах, а на усмотрении, предубеждении или личных предпочтениях. То же самое относится и к мерам, принятым по причинам, отличным от тех, которые были выдвинуты лицом, принимающим решение. Этот вывод применим, в частности, в тех случаях, когда общественный интерес выдвигается в качестве предлога для принятия мер, направленных на нанесение ущерба инвестору (SME против Чешской Республики). Дискриминация может принимать различные формы. В контексте регулирования иностранных инвестиций наиболее распространенной проблемой является дискриминация по признаку гражданства.

Аргентинский юрист Кальво охарактеризовал **национальный режим** следующим образом: «Нерезиденты, участвующие в коммерческом обороте страны пребывания, имеют право на получение аналогичной защиты, как и резиденты, но они не вправе требовать большего уровня правовой защиты». Доктрина Кальво не отказывается от принципов, присущих международному стандарту в отношении экспроприации иностранной собственности (по мо-

тивам «общественные нужды», «недискриминация» и «адекватная компенсация»). Однако согласно этой доктрине, названные принципы имеют не международно-правовую, а национально-правовую природу, и все споры, возникающие в связи с их применением, должны решаться национальными судами и в соответствии с внутренним законодательством.

Цель **режима наибольшего благоприятствования** (РНБ) заключается в обеспечении того, чтобы соответствующие стороны относились друг к другу по меньшей мере так же благоприятно, как они относятся к третьим сторонам. Этот стандарт относителен и зависит от выгод, которыми пользуются третьи государства и их граждане. Как только государство предоставляет льготы, связанные с инвестициями и международной защитой, они автоматически распространяются на государство, в пользу которого действует оговорка о РНБ. Точная сфера применения положения о РНБ будет определяться его формулировкой, а конкретная предоставляемая выгода будет зависеть от права, предоставленного третьему государству.

Специальные механизмы стабилизации и защиты от экспроприации

Современная практика международных инвестиционных соглашений включает различные виды стабилизирующих оговорок, направленных на обеспечение предсказуемости правового режима для иностранных инвесторов.

«**Зонтичные оговорки**» предусматривают обязанность каждой договаривающейся стороны соблюдать любые обязательства, взятые ею перед инвестором или инвестициями инвестора другой договаривающейся стороны. Некоторые суды постановили, что если рассматриваемый контракт заключен не с самим государством, а с государственным образованием или провинцией, данная оговорка может оказаться бесполезной (Impregilo SpA против Исламской Республики Пакистан). Аналогичным образом, контракт, заключенный с государством не самим иностранным инвестором, а его местной дочерней компанией, может не подпадать под действие (CMS против Аргентины). Некоторые суды постановили, что «обязательства, взятые на себя» принимающими государствами, не ограничивались контрактами. Обязательства, принятые в соответствии с законами и нормативными актами, также могут привести к возникновению ответственности в соответствии с данной оговоркой (Enron Corp и Ponderosa Assets LP против Аргентины).

Другие стабилизирующие оговорки:

- **замораживающие оговорки** - предназначены для замораживания национального законодательства, затрагивающего инвестора, на срок действия его инвестиций, они обычно предусматривают, что законодательство, принятое после заключения инвестиционного договора, не будет связывать инвестора;
- **оговорки о нематериальных активах** предусматривают, что принимающее государство не может в одностороннем порядке национа-

лизировать проект или изменить инвестиционный договор, любые изменения требуют согласия инвестора;

- **положения об экономическом равновесии или изменении баланса льгот** обеспечивают защиту инвесторов, гарантируя, что в случае изменения законодательства, которое негативно скажется на инвесторе, правительство принимающей страны позаботится о том, чтобы инвестор не оказался в невыгодном положении. Обычно это предполагает использование специальных механизмов согласования компенсации инвестору со стороны правительства принимающей страны.

Оговорка о распределении бремени аналогична оговорке об экономическом равновесии. Она предусматривает, что в случае изменения законодательства бремя таких изменений ляжет на принимающее государство. Например, договор о разделе продукции в нефтяной отрасли может предусматривать, что бремя любых изменений в налогообложении ляжет на государственную нефтяную компанию, а не на частного инвестора.

Защита от безвозмездной **экспроприации** является краеугольным камнем международного инвестиционного права. Суды, как правило, признают экспроприацию только в тех случаях, когда ущерб является полным или существенным. Даже серьезное вмешательство не будет равносильно экспроприации, если оно оставляет определенную долю контроля в руках инвестора (дело LG & E). Суды придают все большее значение «полицейским полномочиям» принимающих государств. Согласно этой доктрине, законные нормативные акты, затрагивающие иностранных инвесторов, не будут равносильны экспроприации. Арбитражный суд по делу Methanex Corp. против Соединенных Штатов заявил в этой связи: «Недискриминационное регулирование в общественных целях, которое вводится в действие в соответствии с надлежащей правовой процедурой и которое затрагивает, в частности, иностранного инвестора или инвестиции, не считается экспроприацией и не подлежит компенсации, если только регулирующее правительство не взяло на себя конкретные обязательства перед предполагаемым иностранным инвестором». Проблема косвенной и ползучей экспроприации остается одной из наиболее сложных в международном инвестиционном праве, требуя баланса между правами инвесторов и суверенными полномочиями государств по регулированию в общественных интересах.

Обстоятельства **необходимости** могут исключать противоправность действий государства в соответствии с обычным международным правом. Многие международные договоры требуют режима наибольшего благоприятствования и национального режима в отношении компенсационных схем, принятых принимающим государством для ликвидации последствий вооруженного конфликта или другой чрезвычайной ситуации с применением насилия. По делу CMS Gas Transmission Co против Республики Аргентина трибунал пришел к выводу, что требования об установлении необходимости не были выполнены, поскольку меры, принятые Аргентиной, не были единственным способом справиться с ситуацией, и Аргентина сама способствовала возникновению ситуации.

Выделение условий международных двусторонних договоров о защите иностранных инвестиций относительно **перевода платежей** иностранному инвестору в отдельную группу гарантий связано с тем, что в большинстве стран сохраняют свое действие различные валютные ограничения. Кроме того, сильные ограничения в переводе сумм, связанных с инвестициями в иностранную валюту, могут быть приравнены по своей эффективности к мерам по национализации и экспроприации инвестиций. Должно быть обеспечено беспрепятственное осуществление платежей в связи с капиталовложениями.

При отсутствии специального международного соглашения эффективным средством защиты нарушенных в принимающем государстве прав инвестора на международном уровне является **дипломатическая защита**. Вместе с тем международное право рекомендует иностранному инвестору использовать все имеющиеся национальные средства урегулирования возникшего спора, прежде чем обращаться за дипломатической защитой. В число таких средств входит обращение в судебный орган государства-реципиента.

Заключение

Таким образом, анализ современного состояния международных способов защиты иностранных инвестиций показывает, что эффективная защита требует от государств создания стабильной, транспарентной и недискриминационной правовой среды, обеспечивающей соблюдение международных стандартов, предусмотренных инвестиционными договорами. Система защиты иностранных инвестиций основывается на комплексе взаимосвязанных стандартов, включающих справедливое и равноправное обращение, полную защиту и безопасность, национальный режим, режим наибольшего благоприятствования и различные стабилизирующие оговорки.

Особую важность для развивающихся стран и государств переходной экономики, включая Армению, представляет необходимость обеспечения баланса между защитой прав иностранных инвесторов и сохранением суверенных полномочий государства по регулированию экономических отношений в общественных интересах. Дипломатическая защита остается эффективным средством защиты нарушенных прав инвестора на международном уровне при отсутствии специальных международных соглашений.

Перспективы развития международной системы защиты инвестиций связаны с созданием многостороннего инвестиционного суда, который позволит снизить неунифицированный подход и различия в толковании ключевых понятий международного инвестиционного права. Это будет способствовать повышению предсказуемости и единообразия в применении международных стандартов защиты иностранных инвестиций, что особенно важно для создания благоприятного инвестиционного климата в странах с переходной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Армения «Об иностранных инвестициях», принят 31 июля 1994 года № 3Р-115 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2007) [Arlis]: URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173422>
2. Treaty Between the United States of America and the Republic of Armenia Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment, signed September 23, 1992, entered into force March 29, 1996. URL: https://www.trade.gov/sites/default/files/2024_06/Armenia%20Bilateral%20Investment%20Treaty.pdf
3. CMS Gas Transmission Co. v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/01/8).
4. Methanex Corporation v. United States of America, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits, 3 August 2005.
5. Noble Ventures, Inc. v. Romania (ICSID Case No. ARB/01/11).
6. Asian Agricultural Products Ltd v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka (ICSID Case № ARB/87/3).
7. Wena Hotels Ltd v. Arab Republic of Egypt (ICSID Case № ARB/98/4).
8. *Лаптева А.М.* Инвестиционное право: учеб. для вузов / А.М. Лаптева, О.Ю. Скворцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2023. 705с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15242-5. Текст: эл. // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/517327>
9. *Vasciannie S.* The Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment // “British Yearbook of International Law and Practice”, 1999. 70 BYIL 99.
10. *Reinisch A.* Expropriation’ in P Muchlinski et al (eds) / “The Oxford Handbook of International Investment Law Y Fortier and SL Drymer”, Indirect Expropriation in the Law of International Investment, (2004), (2008), 407.

FEATURES OF THE PROTECTION OF FOREIGN INVESTMENTS IN INTERNATIONAL LAW

D. Grigoryan, A. Hayrapetyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article analyzes modern international legal mechanisms for the protection of foreign investments, as well as various stabilizing clauses in bilateral investment treaties. The paper identifies key issues of legal protection of investments in the context of political and economic instability in developing countries and countries in transition, and suggests ways to improve the international investment protection system.

Keywords: foreign investments, bilateral investment agreements, expropriation, diplomatic protection, investment protection standards, most-favored-nation treatment.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ

А.А. Даниелян, В.А. Оганесян

Российско-Армянский (Славянский) университет
danielyan_alya@mail.ru, volodya.hovhannisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены правовая природа и международно-правовые особенности арбитражных решений в инвестиционных спорах. Проанализированы отличия инвестиционного арбитража от коммерческого, источники международного инвестиционного права, а также феномен автономности и денационализации арбитражных решений по инвестиционным делам. Особое внимание уделено вопросам признания и исполнения таких решений в рамках Конвенции МЦУИС и Нью-Йоркской конвенции 1958г. Обобщены ключевые доктрины материального права инвестиций – режим справедливого и равноправного отношения (FET), экспроприация, «зонтичные» оговорки – с примерами из практики международных арбитражей и их кратким анализом.

Ключевые слова: инвестиционный арбитраж, арбитражное решение, экспроприация.

Введение

Международный инвестиционный арбитраж стал одним из центральных механизмов разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами. Его развитие связано с ростом числа двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) со второй половиной ХХв. и созданием в 1965г. при поддержке Всемирного банка системы Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (Конвенция МЦУИС). В современных условиях инвестиционный арбитраж играет ключевую роль в защите прав инвесторов на международном уровне, дополняя дипломатическую защиту и национальные средства правовой защиты. Вместе с тем правовая природа инвестиционного арбитража, возникающая на пересечении международного публичного и частного права, обладает специфическими чертами, отличающими его от традиционного коммерческого арбитража.

Актуальность исследования обусловлена тем, что арбитражные решения по инвестиционным спорам затрагивают суверенные права государств и интересы широкого круга лиц, выходя за рамки обычных коммерческих разбирательств. Уникальный статус таких решений – их автономность от национальных правовых систем и особый режим исполнения – вызывает теоретические дискуссии и практические вопросы. Кроме того, содержание инвестиционно-правовых обязательств (стандарты защиты инвестора) формируется через практику арбитражных трибуналов, что поднимает проблему единобразия и предсказуемости правоприменения. Наконец, на фоне неко-

торого кризиса легитимности механизма Investor-State Dispute Settlement (ISDS) назрела необходимость анализа современных вызовов системе инвестиционного арбитража и поиска путей ее совершенствования.

Цель данной работы – исследовать правовую природу инвестиционных арбитражных решений и их международно-правовые аспекты, включая порядок признания и исполнения, а также проанализировать ключевые доктрины материального инвестиционного права на основе арбитражной практики.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- выявить отличительные черты инвестиционного арбитража по сравнению с коммерческим;
- охарактеризовать источники международного инвестиционного права, на основании которых выносятся решения;
- раскрыть особенности автономии и денационализации арбитражных решений в инвестиционных спорах;
- проанализировать механизм исполнения таких решений (в системах МЦУИС и Нью-Йоркской конвенции);
- исследовать применение доктрин FET, экспроприации, umbrella clause и др. в практике арбитражей;
- обозначить современные проблемы и тенденции развития инвестиционного арбитража.

Методологическую основу исследования составляют методы сравнительно-правового анализа (сопоставление инвестиционного и коммерческого арбитража, анализ различных договоров и прецедентов), системный подход (рассмотрение системы международных соглашений и институтов ISDS в совокупности) и метод анализа прецедентной практики международных арбитражных трибуналов. Использована эмпирическая база из материалов ключевых дел ICSID и ad hoc арбитражей по инвестиционным спорам.

Правовая природа инвестиционного арбитража: отличие от коммерческого

Инвестиционный арбитраж представляет собой особый механизм разрешения споров, отличающийся от классического международного коммерческого арбитража по ряду параметров. Прежде всего, в инвестиционном арбитраже спор возникает *между иностранным инвестором и государством*, тогда как коммерческий арбитраж обычно касается частноправового спора между коммерческими предприятиями. Отсюда вытекает публично-правовой элемент инвестиционных споров – затрагиваются суверенные действия государства, регулирующие экономические отношения, а интересы спора выходят за рамки частных отношений.

Коммерческий арбитраж основан на арбитражном соглашении сторон (например, арбитражная оговорка в контракте), то есть имеет договорную природу. В инвестиционном же арбитраже согласие государства на рассмотрение спора в арбитраже обычно закреплено в *международном договоре* – двустороннем инвестиционном соглашении (ДИД) или многостороннем до-

говоре (например, Энергетическая Хартия, НАФТА), либо в национальном законе об инвестициях. Таким образом, право инвестора инициировать арбитраж против государства вытекает из международно-правового обязательства самого государства, а не из прямого двустороннего соглашения с инвестором. Это придает инвестиционному арбитражу черты механизма *международного публичного права*, встроенного в систему защиты иностранных инвестиций.

Коммерческие арбитры обычно применяют материальное право, избранное сторонами (контрактом) или коллизионными нормами, зачастую это национальное право или международное коммерческое право (LEX mercatoria, принципы УНИДРУА и т.д.). В инвестиционных спорах применяется международное инвестиционное право: сами инвестиционные договоры, принципы и нормы международного права (например, нормы о защите иностранных граждан), а также внутреннее право государства-инвестора постольку, поскольку это предусмотрено договором или необходимо для заполнения пробелов. Например, ст. 42 Конвенции МЦУИС предписывает применять право государства-реципиента инвестиций и «применимые правила международного права» при отсутствии иного соглашения сторон. В итоге инвестиционный арбитраж оперирует категориями международного права, а не только национального, что сближает его с международным судебным разбирательством.

В инвестиционном арбитраже решение может возлагать на государство обязательство уплатить значительную компенсацию из бюджета, изменить свое поведение, что затрагивает налогоплательщиков и может повлиять на государственную политику, в отличие от коммерческого, где затрагиваются только права и обязанности частных сторон и решения исполняются за их счет. Более того, в подобных спорах государство не может уклониться от юрисдикции, сославшись на суверенный иммунитет, поскольку дало предварительное согласие в договоре. Инвестор, в отличие от обычного истца, обладает правом предъявлять иск государству напрямую благодаря положениям договора об инвестициях, минуя внутренние суды. Это исключение из принципа государственного иммунитета и традиционных норм международного права (где только государства предъявляют иски государствам) – существенная особенность инвестиционного арбитража. Подводя итог, инвестиционный арбитраж представляет собой гибридную форму правосудия: по форме – это арбитраж с участием частного лица, по сути – механизм реализации норм международного инвестиционного права, призванный балансировать частные интересы инвестора и публичные интересы государства. Такое двойственное положение определяет и особый правовой режим его решений, рассматриваемых далее.

Источники международного инвестиционного права и основы арбитражных решений

Основным источником норм, применяемых в инвестиционных спорах, являются двусторонние договоры о поощрении и защите инвестиций (BITs

или ДИД). Именно в ВИТ содержатся ключевые *материальные стандарты защиты*, о некоторых мы поговорим ниже.

Решения инвестиционных трибуналов, как правило, основываются на толковании соответствующих положений ДИД, применимого к конкретному спору. Например, дело *CMS Gas v. Argentina* разбиралось в контексте ДИД США–Аргентина 1991г., а *Philip Morris v. Uruguay* – по ДИД Швейцария–Уругвай 1988г. Таким образом, ДИД – «конституция» инвестиционного спора, определяющая права инвестора и обязательства принимающего государства.

Помимо ДИД, существуют региональные и многосторонние договоры, предусматривающие защиту инвестиций. Пример – *НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле, глава 11)*, теперь замененное на соглашение USMCA, или *Энергетическая хартия* 1994г., предусматривающая арбитраж между инвесторами и государствами-участниками в энергетическом секторе. Также двусторонние соглашения о свободной торговле нередко включают главы об инвестициях.

Процессуальным фундаментом инвестиционного арбитража является Конвенция Международного центра по урегулированию инвестиционных споров 1965г. Конвенция учреждает Центр (МЦУИС) при Всемирном банке и предписывает, что арбитражные решения, вынесенные в рамках ICSID, обязательны для сторон и не подлежат обжалованию в национальных судах. Также, согласно ст. 54 Конвенции, государства-участники Конвенции обязаны признавать и исполнять такие решения как окончательные решения своих национальных судов. Конвенция МЦУИС не содержит материальных норм защиты инвестиций: она лишь процедура. Однако ее значение огромно: она обеспечивает инвесторам *форум* и гарантии исполнения решений. Многие ДИД прямо предусматривают МЦУИС-арбитраж как предпочтительный. Если же государство не является участником МЦУИС (например, Россия, Бразилия), споры обычно идут *ad hoc* по правилам ЮНСИТРАЛ либо в другие институты (МКАС, Стокгольмский арбитраж и т.д.). В целом, Конвенция – краеугольный камень системы МЦУИС, во многом объясняющий автономный статус инвестиционных решений.

Решая споры, арбитры нередко опираются на принципы и нормы международного права вне конкретного ДИД. Например, доктрина *необходимости* (state of necessity) из общего международного права может учитываться при оценке правомерности мер государства во время кризиса, если ДИД напрямую этого не урегулировал. Также принципы добросовестности, толкование договоров по Венской конвенции о праве договоров 1969г. – все это применяется к инвестиционным соглашениям.

В совокупности, система источников международного инвестиционного права образует комплекс из *договорных норм* (ДИД, многосторонние соглашения) и *обычного права*, применяемых арбитрами. Правильное определение применимых норм – важнейший этап в любом деле, поскольку именно от текста договора зависит исход спора. Следовательно, инвестиционный арбитражный процесс во многом сводится к авторитетному толкованию дого-

ворных положений в свете международного права. Рассмотрев источники, перейдем к особенностям статуса самих арбитражных решений.

Автономия и денационализация инвестиционных арбитражных решений

Одной из характерных черт решений инвестиционных арбитражей является их *автономность от национальных юрисдикций*, порой называемая «денационализация». Это проявляется прежде всего в рамках МЦУИС-арбитражей, но отчасти затрагивает и другие. В отличие от коммерческих арбитражей, которые неизбежно связаны с законодательством места арбитража, решения арбитражей МЦУИС не подсудны национальным судам *вовсе*. Согласно ст. 53 Конвенции МЦУИС, вынесенное решение является окончательным и не подлежит обжалованию или иному средству в любой национальной системе. Единственный способ оспорить решение – специальная процедура *аннулирования* в самом МЦУИС, *ad hoc*. Комитет из 3 человек может отменить решение по ограниченным основаниям: существенное отступление от основных процессуальных норм, превышение полномочий и др.

Интересно, что после вынесения решения по делу *наблюдается смещение статуса спора из сферы частного права в плоскость международного публичного*. Пока спор не решен, отношения инвестор–государство имеют двойственную природу (частный иск, основанный на договоре между государствами). Но вынесенное арбитражное решение МЦ фактически приравнивается к *международному обязательству*: отказ исполнить такое решение есть нарушение Конвенции ICSID государством. Кроме того, согласно ст. 27 Конвенции, после передачи спора в ICSID дипломатическая защита или международный иск со стороны государства инвестора исключаются. Но если государство не исполняет решение, эта защита может быть восстановлена. Таким образом, инвестиционное арбитражное решение – не просто окончательный акт, но и элемент международных отношений: его неисполнение может повлечь международно-правовую ответственность государства.

В целом, автономия и денационализированный характер инвестиционных арбитражных решений – двойственный феномен. С одной стороны, он обеспечивает *независимость и устойчивость* механизма (государства не могут легко уклониться от ответственности, используя национальные суды). С другой – ставит вопрос о легитимности и балансе: по сути, частные арбитры окончательно решают споры публичного характера без внешнего контроля. Эта особенность – как достоинство (защита инвесторов от влияния госорганов), так и объект критики, обсуждаемый в контексте реформ ISDS.

Ключевые доктрины материального инвестиционного права и арбитражная практика

Международное инвестиционное право выработало ряд ключевых доктрин (стандартов), которые наиболее часто становятся предметом споров и толкования в арбитражах. Рассмотрим основные из них – режим справедли-

вого и равноправного отношения, запрет незаконной экспроприации, а также т.н. “umbrella clause” – и проиллюстрируем их применение на примерах precedents.

Стандарт справедливого и равноправного отношения (Fair and Equitable Treatment, FET)

Классически FET означает, что государство должно относиться к инвестициям *честно, беспристрастно, прозрачно и последовательно*, воздерживаться от произвольных и дискриминационных мер, уважать *законные ожидания* инвестора и обеспечивать надлежащее судебное и административное разбирательство.

Наиболее ярко содержание FET было раскрыто арбитражем в деле *Testmed v. Mexico* (2003). Трибунал указал, что FET требует предоставлять инвестору такой режим, который *не нарушает базовых ожиданий*, упомянутых им при вложении средств. «*Иностранный инвестор вправе рассчитывать, что государство будет действовать последовательно, без двусмыслинности и полностью прозрачно по отношению к нему, чтобы он знал заранее все правила и нормы, которыми будут руководствоваться его инвестиции*». Это знаменитое заявление арбитров Testmed, ставшее отправной точкой доктрины “*legitimate expectations*”. Проще говоря, если инвестор при вложении исходил из определенной стабильности законодательства или конкретных обещаний властей, то их резкое и необоснованное изменение в ущерб инвестору может быть расценено как нарушение FET. Разумеется, не всякое изменение закона незаконно – трибуналы признают суверенное право государства реформировать нормы, но требуют, чтобы изменения не были *резкими, дискриминационными или шокирующими* для инвестора.

В некоторых договорах (особенно с участием США, Канады) уточняется, что FET не обязан превышать *минимальный стандарт обращения с иностранцами* по обычному международному праву. Этот минимальный стандарт эволюционировал и теперь включает предсказуемость и прозрачность.

Большинство исков инвесторов содержат требование о нарушении FET, и многие удовлетворяются именно по этому основанию. Например, в деле *CMS v. Argentina* (2005) трибунал признал, что действия Аргентины во время финансового кризиса (замораживание тарифов и отмена гарантированных условий) нарушили справедливый и равноправный режим, поскольку разрушили разумные ожидания инвестора на стабильность нормативной базы. Аргентина ссылалась на крайнюю необходимость, но трибунал отклонил эту защиту, указав, что даже тяжелый кризис не оправдывает полную денонсацию обязательств перед инвестором.

В последние годы трибуналы нередко отклоняют притязания инвесторов по FET, подчеркивая *законность добросовестного регулирования*. Показателен кейс *Philip Morris v. Uruguay* (ICSID, 2016): табачная корпорация утверждала, что антитабачные меры Уругвая (увеличение предупреждающих надписей до 80% пачки, ограничение разновидностей брендов) нарушили ее ожидания и были необоснованы. Трибунал большинством *отклонил все*

требования инвестора, признав, что Уругвай действовал добросовестно в рамках своего права на защиту общественного здоровья, и ни стандарт FET, ни положение о запрете экспроприации нарушены не были. Этот случай продемонстрировал, что FET – не абсолютная гарантия замораживания регуляторной среды; государству остается пространство для изменений политики в общественных интересах, если они не дискриминационны и пропорциональны цели. Заметим, однако, что по тому делу один арбитр в частичном особом мнении усмотрел нарушение (что говорит о субъективности оценок в рамках FET).

Защита от экспроприации (прямой и косвенной)

ДИД традиционно запрещают экспроприировать или национализировать инвестиции без выполнения строгих условий: для публичных целей, на не-дискриминационной основе, в должном порядке и с выплатой быстрой, адекватной и эффективной компенсации. Прямая экспроприация – явный акт изъятия собственности (национализация завода, отмена лицензии с передачей имущества государству и пр.). В современных условиях такие случаи редки. Более актуальна *косвенная (непрямая) экспроприация*: когда государство формально не отбирает титул собственности, но своими действиями лишает инвестора основных атрибутов владения, использования и извлечения прибыли, фактически обесценивая инвестицию. Классический пример – лишение долгосрочной лицензии или разрешения без надлежащих оснований: у инвестора остается юридическое лицо, но оно больше не может вести деятельность и приносить доход.

Арбитражи выработали несколько подходов к определению, произошла ли косвенная экспроприация:

- *подход «единственного эффекта» (sole effect)*: оценивается только тяжесть последствий меры для инвестора: если в результате действий государства он утрачивает контроль над инвестициями или их экономическую ценность – налицо экспроприация, требующая компенсации;
- *доктрина «полицейских полномочий» (police powers)*: исходит из того, что государства вправе принимать добросовестные нормативные меры ради общественных целей (защита здоровья, экологии, порядка), и такие меры не считаются экспроприацией, даже если существенно затрагивают иностранный бизнес; эта доктрина восходит к практике США и другим государствам: разумное регулирование – это не изъятие собственности, и компенсация не положена, иначе государство не сможет выполнять свои функции;
- *пропорциональный подход*: некоторые трибуналы взвешивают цель и эффект – даже серьезный ущерб не будет признан экспроприацией, если мера преследовала легитимную цель и была пропорциональна (т.е. выгоды для общества существенно перевешивают потери инве-

стора, либо последнему предоставлены разумные переходные возможности).

«Зонтичная» оговорка (umbrella clause)

Термин “umbrella clause” означает положение договора, возлагающее на государство обязательство *соблюдать все обязательства, принятые им в отношении инвестиций инвесторов другой стороны*. Такие оговорки есть примерно в 40% ДИД. По сути, они поднимают под «международный зонтик» любые обещания и договоры государства с инвестором: невыполнение даже *контрактного* или предусмотренного национальным правом обязательства может рассматриваться как нарушение международного договора

Для инвестора umbrella clause выгодна – дает дополнительный инструмент. Например, если государственный орган заключил контракт с инвестором и нарушил его, можно пойти не только в местный суд, но и напрямую в инвестиционный арбитраж, заявив о нарушении ДИД через невыполнение контракта. Государства опасались, что такая оговорка слишком широко трактуется (каждая мелкая неисполненная обязанность перед инвестором станет международным спором). Поэтому практика разошлась: некоторые трибуналы применяли оговорку широко, другие – ограничительно, иногда отказываясь от юрисдикции по чисто контрактным притязаниям.

Дело *CMS Gas Transmission Company v. Argentina* (МЦУИС, 2005) стало одним из значимых по толкованию umbrella clause. В ДИД США–Аргентина 1991г. содержится обязанность сторон соблюдать любые обязательства по инвестициям (ст. II(2)(с)). Инвестор (CMS) владел долей в аргентинской газотранспортной компании, чья концессия гарантировала тарифы в долларах с коррекцией на инфляцию. В ходе кризиса 2001–2002гг. Аргентина заморозила тарифы и отвязала их от доллара, нарушив, по сути, условия концессии. Трибунал признал, что эти действия нарушили не только стандарт FET, но и umbrella clause, поскольку обязательство не замораживать тарифы и поддерживать правила концессии было частью обещаний государства инвесторам. Соответственно, невыполнение этих обещаний стало международно-противоправным деянием – нарушением ДИД. Впоследствии Аннулированный комитет согласился, что трибунал мог так квалифицировать ситуацию, хотя и выразил некоторые оговорки. CMS получала право на возмещение ущерба.

Заключение

Правовая природа инвестиционного арбитража формируется на стыке международного публичного и частного права и отличается автономностью, денационализированным характером и особым режимом исполнения. Арбитражные решения, особенно в рамках ICSID, обладают международно-правовым статусом, минимизируя вмешательство национальных юрисдикций и укрепляя доверие инвесторов.

Анализ практики показал, что ключевые доктрины – справедливое и равноправное обращение, защита от экспроприации, соблюдение обязательств (umbrella clause) – развиваются в сторону большей правовой определённости. Современные арбитражные трибуналы все чаще учитывают пропорциональность, добросовестность и публичные интересы, формируя более сбалансированный подход.

Существующие механизмы исполнения, включая ICSID и Нью-Йоркскую конвенцию, в целом эффективны, но требуют доработки в части обращения взыскания и предотвращения злоупотреблений. Особое внимание следует уделить гармонизации стандартов и внедрению процедур апелляции или пересмотра для повышения согласованности решений.

Несмотря на критику, инвестиционный арбитраж остается важнейшим элементом международной правовой защиты инвестиций. Его развитие должно опираться на принципы прозрачности, независимости и баланса интересов сторон. Только через конструктивный диалог государств и инвесторов возможно формирование устойчивой, справедливой и легитимной системы разрешения инвестиционных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (ICSID Convention, 1965) – «Вашингтонская конвенция МЦУИС 1965г.».
2. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York Convention, 1958) – «Нью-Йоркская конвенция о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958г.».
3. CMS Gas Transmission Co. v. Argentine Republic, ICSID Case № ARB/01/8, Award (2005) – «Дело CMS против Аргентины».
4. Philip Morris Brands Sàrl et al. v. Oriental Republic of Uruguay, ICSID Case № ARB/10/7, Award (2016) – «Дело Philip Morris против Уругвая».
5. Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States, ICSID Case № ARB(AF)/00/2, Award (2003) – «Дело Tecmed против Мексики».
6. Лаптева А.М. Инвестиционное право: учеб. для вузов / А.М. Лаптева, О.Ю. Скворцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2023, 705с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15242-5. [Текстэлектр.] // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/517327>
7. Reinisch A. Expropriation in P Muchlinski et al (eds) // “The Oxford Handbook of International Investment Law Y Fortier and SL Drymer”, “Indirect Expropriation in the Law of International Investment”, (2004), (2008) 407.
8. Jeremy Sh. The Mauritius Convention and UNCITRAL Rules on Transparency in Treaty-based Investor-State Arbitration in The Elgar Companion to UNCITRAL, Rishi Gulati, Thomas John, and Ben Köhler (eds), 2023.
9. Vasciannie S. The Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment Law and Practice, (1999) 70 BYIL 99.
10. Broches A. The Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States, (1972-II) 136 Recueil 331.

THE LEGAL NATURE AND INTERNATIONAL ASPECTS OF ARBITRAL AWARDS IN INVESTMENT DISPUTES

A. Danielyan, V. Hovhannisyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the legal nature and international legal features of arbitral awards in investment disputes. It analyzes the differences between investment and commercial arbitration, the sources of international investment law, as well as the phenomena of autonomy and denationalization of arbitral awards in investment cases. Special attention is given to the issues of recognition and enforcement of such awards under the ICSID Convention and the 1958 New York Convention. The article summarizes key doctrines of substantive investment law – such as the fair and equitable treatment (FET) standard, expropriation, and umbrella clauses – with examples from international arbitration practice and brief analysis.

Keywords: investment arbitration, arbitral award, expropriation.

ТРАНСФОРМАЦИЯ «МЯГКОГО ПРАВА»: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

К.К. Комагурин

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

kotmagurin@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье будут рассмотрены понятия и виды актов «мягкого права», примеры их применения и причины повышения актов «soft law» в современных международных отношениях.

Ключевые слова: источники международного права, «мягкое право», нормотворчество, обычное международное право, юридически необязательные инструменты.

В условиях глобализации традиционные механизмы регулирования становятся недостаточными для решения сложных международных проблем, таких как изменение климата, миграция и международная безопасность. Вместе с тем, в последнее десятилетие наблюдается рост числа международных соглашений, которые включают элементы мягкого права. Это свидетельствует о признании его важности в современных международных отношениях. Мягкое право позволяет быстрее реагировать на изменяющиеся условия и потребности международного сообщества, что делает его важным инструментом в правотворчестве.

«Мягкое право» («soft law») – это нормы и принципы, которые не имеют обязательной юридической силы, но могут оказывать значительное влияние на международные отношения и правоприменение. К таким актам относятся декларации, рекомендации, кодексы поведения, резолюции международных организаций и другие документы, которые не требуют обязательного исполнения, но могут служить основой для формирования норм жесткого права или влиять на поведение государств и организаций.

«Жесткое право» («hard law») – это нормы и правила, которые имеют обязательную юридическую силу и подлежат исполнению. К «жесткому праву» относятся международные договоры, конвенции, законы и другие правовые акты, которые создают юридические обязательства для государств и могут быть предметом судебного разбирательства. «Жесткое право» обеспечивает более высокую степень предсказуемости и стабильности в международных отношениях.

Евразийские государства используют акты «мягкого права» в качестве важного инструмента внешней политики и международного взаимодействия, часто дополняя, а иногда и замещая ими жесткие обязательства договоров. Это позволяет им более гибко реагировать на изменения в международной обстановке и адаптировать свои стратегии без необходимости в длительных

переговорных процессах, способствуя формированию норм и стандартов в соответствии с их национальными интересами и ускоряя реализацию проектов в области экономики, инфраструктуры и технологического сотрудничества. Такой подход минимизирует риски блокирования инициатив со стороны государств с отличающимися взглядами и позволяет наращивать влияние посредством постепенного распространения желаемых практик.

Использование мягкого права государствами Евразийского региона способствует формированию альтернативных нормативных и институциональных структур, конкурирующих с западноцентрическими международными организациями. Данный процесс, характеризующийся усилением плурализма в международном праве, способствует эволюции многополярного миропорядка, снижает зависимость от традиционных центров глобального управления и продвигая децентрализацию международных отношений. Применение мягких правовых инструментов позволяет обходить ограничения, присущие формальному праву, и обеспечивает большую гибкость и адаптивность в реализации национальных интересов в глобальной среде. В результате формируется конкурентная международная архитектура, в которой наблюдается параллельное существование и взаимодействие различных нормативных систем и институтов. Вместе с тем применение актов «мягкого права» минимизирует трансакционные издержки, связанные с заключением обязательных соглашений. В случае неудачи инициативы или возникновения непредвиденных обстоятельств, стоимость выхода из режима мягкого права существенно ниже, чем расторжение формального договора, учитывая как финансовые, так и репутационные потери. Низкий уровень обязательств, характерный для мягкого права, позволяет странам сохранить большую степень гибкости и адаптивности в изменяющейся международной ситуации, снижая риски “lock-in” эффекта и позволяя избежать негативных последствий, связанных с жестким закреплением обязательств в договорных рамках.

В последнее десятилетие Китайская Народная Республика демонстрирует активное использование мягкого права в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Стратегическое применение деклараций, кодексов поведения и иных документов «мягкого права» для регулирования экономических и инфраструктурных проектов позволяет КНР привлекать к сотрудничеству страны с различным уровнем социально-экономического развития и политических систем, минимизируя трансакционные издержки, связанные с заключением юридически обязывающих договоров. В качестве примера можно привести «Кодекс поведения по финансированию инфраструктурных проектов на основе принципов устойчивого развития», устанавливающий фреймворк общих принципов без наложения строгих юридических обязательств. Аналогичная стратегия применяется в многочисленных соглашениях о сотрудничестве в рамках «Один пояс, один путь», оформляемых в виде меморандумов о взаимопонимании, обеспечивающих гибкость в реализации проектов. Данный подход, в отличие от традиционных договорных механизмов, с их длительными переговорными процессами и ратификационными процедурами, позволяет обеспечить более быструю мобилизацию ресурсов и нач-

ло реализации проектов. Однако, такой подход сопряжен с уменьшением уровня юридической защиты для участников сотрудничества. Наблюдаемая тенденция отражает эволюцию международного права в направлении плюрализма, где наряду с жестким правом возрастает роль мягкого права как инструмента формирования нормативных стандартов и ожиданий поведения, не всегда подкрепленных эффективными механизмами принуждения.

В заключение, акты «мягкого права», несмотря на их рекомендательный характер, представляют собой значимые инструменты в сфере международных отношений, благодаря своей полезности для государств и отражению лучших практик. «Мягкое право» характеризуется высокой степенью гибкости и адаптивности в сравнении с нормами *“hard law”*, что позволяет государствам оперативно реагировать на динамичные изменения в международной обстановке, а также учитывать уникальные национальные условия в проведении своей внутренней политики. Следует отметить, что многие государства признают акты мягкого права не только как рекомендации, но и как обязательные к исполнению в рамках своей внешней политики. Как правило, это связано с тем, что такие акты часто формируются на основе консенсуса и учитывают мнения различных участников международного сообщества. В результате активных внешних многосторонних сношений акты мягкого права зачастую становятся основой для последующих переговоров и разработки более жестких обязательств, что подчеркивает их важность в контексте международного сотрудничества. Кроме того, акты мягкого права способствуют укреплению взаимодействия между государствами, поскольку они помогают установить общие нормы и стандарты поведения. Акты *“soft law”* в наибольшей степени способствуют эффективному решению современных глобальных вызовов человечества, таких как изменение климата, обеспечение безопасности и защита прав человека.

Таким образом, акты мягкого права играют ключевую роль в формировании международной политики, оказывая значительное влияние на поведение государств на мировой арене. Несмотря на свою рекомендательную природу, акты мягкого права обладают потенциалом для создания устойчивых основ для международного сотрудничества и могут способствовать выработке согласованных решений по важнейшим мировым проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедиктов А.В. «Мягкое право» в международных отношениях: новые вызовы и подходы. М.: «Наука», 2020, 256с.
2. Громова Т.В., Шевченко А.П. «Мягкое право» как инструмент международного сотрудничества в борьбе с изменением климата // «Экологическое право и политика: современные вызовы и решения», № 2 (30), 2022. СС. 15–28.
3. Петров А.В., Сидорова Е.И. Судебная практика по вопросам экстрадиции: взгляд на международные обязательства // «Российский юридический журнал», № 5 (65), 2021. СС. 90–102.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права (A/RES/2625(XXV)) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Эл.

ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/res26-25.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

5. Фролова Н.В. Обычное международное право в системе международного экономического регулирования // «Журнал международного права и международных отношений». Т.14, № 3, 2021. СС. 22–35.
6. Чжан Л., Ли Х. Инициатива «Один пояс, один путь»: роль «мягкого права» в международных проектах // “Asian Journal of International Law”. Vol. 11, № 2, 2021. PP.145–162.
7. Шабанов В.Н., Коваленко Е.А. «Мягкое право» как инструмент регулирования международных конфликтов // «Журнал международного права и международных отношений». № 1. Т.15, 2022. СС.12–25.

SOFT LAW TRANSFORMATION: NEW DIMENSIONS IN THE INTERNATIONAL LEGAL SYSTEM'S SOURCES

K. Komagurin

Southern Federal University

ABSTRACT

This article examines the concepts and types of “soft law” instruments, examples of their use, and the reasons behind the increasing prevalence of soft law instruments in contemporary international relations.

Keywords: sources of international law; “soft law”; rulemaking; customary international law; legally non-binding instruments.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРЕКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

О.П. Косерум

ФГАОУ «Южный федеральный университет»
koserum@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выявляется эффективность норм международного права в прекращении вооруженных конфликтов и минимизации их последствий.

Ключевые слова: международное право, вооруженный конфликт, мирные договоры, капитуляция.

Введение

В соответствии с общим международным правом все войны и вооруженные конфликты заканчиваются переговорами и мирными соглашениями.

Международное гуманитарное право (МГП) – совокупность международно-правовых принципов и норм, регулирующих правила и обычай ведения войны и защиту участников военных действий, а также мирного населения в период вооруженных конфликтов.

Эффективное действие международного гуманитарного права в прекращении вооруженных конфликтов возможно в сочетании с применением норм общего международного права, касающихся права международной безопасности, регламентирующего международно-правовые средства прекращения вооруженных конфликтов. Что ввиду вышесказанного целесообразно проанализировать.

Материал и методы

Одной из ключевых задач МГП является создание условий для прекращения вооруженных конфликтов. Одно из таких условий закреплено в ст. 3, общей для всех четырех Женевских Конвенций 1949г., устанавливающей для государств – сторон вооруженного конфликта – обязанность оказывать помощь раненым и больным независимо от их статуса. А в 3 разделе III Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949г. установлены правила интернирования и содержания военнопленных, а также их обмена между воюющими сторонами. Исполнение этих правил создаст условия для начала мирных переговоров.

При соблюдении норм международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта между государствами выстраивается диалог, который в дальнейшем также создает условия для успеха переговорного процесса. Диалог должен быть позитивным, учитывая позиции сторон и на-

правленным на достижение общей цели – прекращение вооруженного конфликта. Такой диалог должен послужить основанием для начала мирных переговоров, потому что их задачей является не только прекращение военных действий, но и решение комплекса задач, а именно: отвод вооруженных сил на определенное расстояние; определение линии прекращения огня; установление контроля за невозобновлением военных действий; выработка тактики и стратегии заключения полномасштабного мирного договора, закрепляющего обязательства обоих сторон и устанавливающего гарантии соблюдения положений данного договора.

Нормы общего международного права регламентируют международно-правовые способы прекращения вооруженных конфликтов. При характеристике данных способов следует начать с капитуляции и ее условий, предъявленных победителем или согласованных с представителями другой воюющей стороной. Различаются виды капитуляции: безоговорочная (полная) и частичная.

Безоговорочная капитуляция обычно подписывается при полном разгроме вооруженных сил, при котором побежденная сторона прекращает вооруженное сопротивление и сдает победителю вооружение и военную технику, а личный состав вооруженных сил передается в качестве военнопленных на условиях, предъявленных победителем. Историческим примером такой капитуляции является безоговорочная капитуляция Германии и Японии после окончания Второй мировой войны в 1945г. Частичная капитуляция не влечет принятия политических, экономических, военных и других обязательств от имени капитулировавшего государства. Полной капитуляции Германии предшествовал ряд частичных капитуляций разных групп армий на разных фронтах.

Еще одним международно-правовым способом прекращения вооруженных конфликтов является заморозка вооруженного конфликта, это ситуация в международных отношениях, когда вооруженный конфликт между сторонами прекращается без определения условий и подписания мирного договора. Период заморозки конфликта не определяется. Примером применения заморозки конфликта является Корейское соглашение о перемирии, подписанное в 10 часов утра в Пханмунджоме 27 июля 1953г., положившее конец боевым действиям Корейской войны. Более того, при заключении данного перемирия было использовано еще одно правовое средство – участие в качестве представителя Организации Объединенных Наций генерал-лейтенанта армии США Уильяма Гаррисона.

Самым действенным способом прекращения вооруженного конфликта является заключение мирного договора. Мирный договор, помимо решения главного вопроса – закрепления воли сторон об окончании войны – разрешает многие другие вопросы, например определяет условия и порядок прекращения военных операций на всем театре войны, устанавливает порядок освобождения территорий, reparаций и реституций.

Общее международное право закрепляет несколько вариантов мирного договора, как способа прекращения вооруженных конфликтов. Одной из та-

ких вариаций является мирный договор с участием государства посредника или как это именуется в международном гуманитарном праве – державы по-покровительницы. Примером применения такого средства является Портсмутский мирный договор 1905г. между Японией и Российской империей. Он положил конец русско-японской войне 1904–1905 гг. Договор был подписан в американском городе Портсмут, штат Нью-Гемпшир, при посредничестве США в лице американского президента Теодора Рузельята.

Еще одной вариацией является заключение мирного договора на международной конференции. Ярким примером такого мирного договора является Потсдамское соглашение 1945г., зафиксировавшее итоги Потсдамской конференции. В ходе конференции державами-победительницами были приняты решения о новом политическом и территориальном устройстве Германии, ее демилитаризации, выплачиваемых Германией reparations и судьбе немецких военных преступников.

Особое значение имеет такой способ прекращения вооруженного конфликта, как заключения классического мирного договора. Примером применения такого способа является заключение Константинопольского мирного договора между Россией и Турцией от 27 января (8 февраля) 1879г. по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878гг. Этот договор заключен сторонами вооруженного конфликта без участия посредника и в его статье 1 данного мирного договора закреплено: «Отныне между обеими империями будут мир и дружба».

Новые геополитические условия оказывают влияние на использование способов прекращения вооруженных конфликтов. Примером может служить вооруженный конфликт между Израилем и палестинским руководством. Под давлением США, поддерживающим Израиль населением Сектора Газа 19 января 2025г. в срочном порядке было заключено перемирие между участниками конфликта. Из-за недостаточной проработки это соглашение оказалось очень узким по содержанию, не соответствующим всем тем признакам, о которых говорится выше, не охватывающим всех аспектов проблемы и поэтому ненадежным, есть опасения, что оно в любой момент может быть нарушено любым участником, к тому же не решен важнейший вопрос о возвращении гражданского населения Газы, вынужденного ранее покинуть ее территорию в свои родные места.

Резюмируя проанализированное, можно сделать вывод, что уже идущие переговоры по прекращению вооруженных действий между Россией и Украиной могут оказаться результативными, только в том случае, если будут учтены причины начала конфликта, сложившееся территориальное положение и будущий нейтральный статус Украины.

При сочетании норм общего международного права и международного гуманитарного права, при применении, а также в случае реалистического подхода к данной ситуации участников конфликта и возможности заключения полномасштабного мирного договора, применение международного права в прекращении этого конфликта окажется эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Версальский мирный договор. Полный перевод с фр. // «Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров» / Под ред. Ю.В. Ключникова и А.В. Сабанина. М.: Литиздата НКИД, 1925.
2. Парижский договор (18 апреля 1951г.) Полный перевод с фр. // «Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров» / Под ред. Ю.В. Ключникова и А.В. Сабанина. М.: Литиздата НКИД, 1956.
3. Манильская декларации о мирном разрешении международных споров. 1982 (Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН от 15.11.1982). № 37/10 // СПС «Консультант-Плюс».
4. Гаагская Конвенция о мирном разрешении международных столкновений (Гаага, 18.10.1907) // СПС «Консультант-Плюс».
5. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2011, 1144с.
6. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов / под ред. В.А. Томсикова. М.: «Зерцало», 2008, 209с.

**WANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF THE
APPLICATION OF INTERNATIONAL LAW IN ENDING
ARMED CONFLICTS**

O. Koserum
Southern Federal University

ABSTRACT

The article reveals the effectiveness of the norms of international law and the law in ending armed conflicts and minimizing their consequences.

Keywords: international law, armed conflict, peace treaties, capitulation.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ И АРМЕНИИ: АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ

Л.Ю. Мкртчян

Тульский государственный университет
liana.mkrtchyan.0207@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется развитие законодательства о защите личных данных в России и Армении, акцентируя внимание на аналогиях и различиях в правовых системах обеих стран. Анализируются ключевые нормативные акты, такие как Закон РФ «О персональных данных» и Закон Армении «О защите личных данных», с акцентом на принципы и механизмы защиты прав субъектов данных.

Ключевые слова: защита личных данных, правовая система, цифровизация, сравнительный анализ, цифровая безопасность.

Введение

С развитием технологий и стремительным увеличением объемов собираемой и обрабатываемой персональной информации вопрос защиты личных данных приобретает первостепенное значение как в России, так и в Армении. Защита прав субъектов данных стала важной задачей для государственных органов, бизнеса и общества в целом. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа существующих законодательных подходов, их соответствия международным стандартам и тем, способны ли они эффективно защищать права граждан в условиях цифровизации.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ законодательства о защите персональных данных в России и Армении, выявить ключевые аналогии и различия в их правовых системах. Состояние проблемы заключается в недостаточном понимании генезиса и практических аспектов реализации норм, регулирующих защиту персональной информации, что может привести к правовым коллизиям и нарушению прав граждан.

Сравнительный анализ законодательства о защите персональных данных в России и Армении: аналогии, различия и перспективы развития

Основным нормативным актом, регулирующим защиту персональных данных в России, является Федеральный Закон от 27 июля 2006г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Данный закон был принят с целью реализации положений Конституции РФ о праве на частную жизнь и конфиденциальность личной информации. Он устанавливает основные понятия, регулирует сбор, обработку и хранение персональных данных, а также права субъектов

данных. Важным аспектом является то, что закон определяет принципы обработки персональных данных, такие как законность, справедливость, прозрачность, ограничение по целям, минимизация данных и обеспечение их точности.

В ст. 6 Закона РФ «О персональных данных» детально описаны условия обработки данных [1]. Например, для легитимности обработки требуется либо получение согласия субъектов данных, либо наличие других оснований, например, исполнение договора или законные интересы оператора. Кроме того, закон устанавливает права субъектов данных, включающие доступ к своим данным, их уточнение и уничтожение неточных или незаконно обработанных данных. Важным пунктом является ответственность за нарушение норм закона, предусмотренная как на уровне административной, так и уголовной ответственности.

Несмотря на наличие достаточно обширной нормативной базы, система защиты персональных данных в России сталкивается с рядом существенных проблем. На практике часто фиксируются случаи сбора и обработки данных без согласия субъектов, что подрывает доверие к законодательству. Также существует нехватка реальных механизмов контроля за соблюдением норм закона, что создает возможность для злоупотреблений. Распределение функций контроля между различными органами власти также усложняет эффективность применения законодательства.

В Армении закон о защите персональных данных был принят 18 мая 2015г. и представляет собой Закон «О защите личных данных» [2]. Принятие этого закона стало важным шагом к интеграции страны в европейские правовые стандарты, особенно в контексте реализации Соглашения о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли с Европейским Союзом. Закон устанавливает аналогичные принципы обработки персональных данных, включая законность, целесообразность и безопасность данных.

Важно отметить, что в соответствии со ст. 9 данного закона в Армении также имеются четкие требования к обработке персональных данных. Армянское законодательство предписывает, что обработка данных должна быть законной и соответствовать целям, для которых они были собраны. Права субъектов данных в Армении также схожи с российскими, включая право на доступ к информации, возможность оспаривать незаконные действия и право на возмещение ущерба. Сохраняя общие черты, Армения сможет предложить более эффективные механизмы контроля и надзора за соблюдением законодательства. В частности, в стране создано Агентство по защите персональных данных, которому поручено осуществление надзора за соблюдением прав субъектов данных и контроль за выполнением норм закона. Такой подход позволяет более комплексно и целенаправленно работать в этой области, в то время как в России контрольные функции распределены между различными государственными органами, что часто приводит к неопределенности в правоприменении и снижению результатов работы.

Одним из основных преимуществ законодательства Армении является его более раннее и проактивное соответствие международным стандартам,

таким как Общий регламент о защите данных (GDPR) [4]. Это содействует улучшению правовой среды для бизнеса и граждан, создавая более безопасные условия для обмена данными. Армения активно сотрудничает с Европейским Союзом по вопросам прав человека, включая защиту персональных данных, что открывает новые возможности для развития правовой системы.

В то же время в Армении также существуют вызовы. Несмотря на наличие законодательства в области защиты персональных данных, его реализация часто сталкивается с недостатком ресурсов и недостаточной осведомленностью как среди граждан, так и среди организаций о своих правах и обязанностях. Поэтому существует необходимость в повышении уровня правовой грамотности и обучении специалистов, работающих в этой сфере.

При сравнении законодательств о защите персональных данных в России и Армении можно выделить как аналогии, так и различия. Оба законодательства имеют схожую структуру и основываются на принципах законности, прозрачности и защиты прав субъектов данных. Однако различия проявляются в механизмах контроля и надзора, а также в скорости адаптации к международным стандартам. В то время как Армения демонстрирует более быстрые и эффективные шаги в направлениях модернизации законодательства, Россия сталкивается с вызовами в области практической реализации и уровня ответственности.

В процессе сравнительного анализа законодательства о защите персональных данных в России и Армении важно также рассмотреть аспекты, в которых одна страна может уступать другой. Обе страны имеют свои сильные и слабые стороны, что делает их подходы к защите персональных данных уникальными, но также сопоставимыми [3].

В первую очередь, несмотря на наличие современных норм, регулирующих защиту персональных данных, Армения имеет недостаточный опыт в их практическом применении. В то время как Россия обладает более долгой историей работы в данной области, ее правоприменительная практика накопила определенный опыт, в том числе в сфере защиты данных государственных органов. Армения, являясь более молодой юрисдикцией в данной сфере, сталкивается с проблемой недостаточной подготовки специалистов и право-применителей. Например, отсутствие практических кейсов и судов, разрешающих дела, связанные с нарушениями в области защиты персональных данных, может вводить неопределенность в правоприменение и не способствовать формированию прецедентов, что важно для дальнейшего развития законодательства. В этом контексте эффективные механизмы правоприменения в России, хотя и сталкиваются с вызовами, все же имеют определенное преимущество, так как позволяют более активно обсуждать и разрешать практические вопросы.

Кроме того, в России существует более проработанная система обеспечения информационной безопасности и защиты данных в государственных органах. Главная причина заключается в том, что Россия в результате исторического и политического контекста имеет большую инфраструктуру для удержания и защиты данных. Граждане России могут рассчитывать на воз-

можность правовой защиты в случае компрометации своих данных в государственном секторе, что на данный момент остается проблематичным для Армении. В России различные федеральные службы, такие как Роскомнадзор, имеют четко прописанные функции по контролю за соблюдением законодательства и обеспечению прав субъектов данных, в то время как в Армении на развитие подобной инфраструктуры еще предстоит потратить время и ресурсы.

С другой стороны, Россия также имеет свои недостатки, особенно в отношении практического исполнения норм, регулирующих защиту персональных данных. Один из основных недостатков – это низкий уровень правовой безопасности для граждан. Например, несмотря на наличие закона, случаи сбора персональных данных без согласия субъектов остаются распространенными. Исследования показывают, что многие компании и даже государственные учреждения не всегда полностью соблюдают требования законодательства, что связано как с недостаточной информированностью, так и с отсутствием достаточного контроля со стороны органов, ответственных за соблюдение норм.

К тому же, несмотря на то что ответственность за нарушения норм закона в России прописана довольно строго, многие дела не доходят до суда, что существенно ослабляет правовые реперные точки в обеспечении защиты данных. Это создает правовую неопределенность, когда граждане могут чувствовать себя уязвимыми. Армения, напротив, с помощью своей новой законодательно-нормативной базы может предпринимать активные шаги к формированию более прозрачной системы, где рынкам установлены четкие правила, что может, в конечном счете, снизить риск утечек и нарушения конфиденциальности. Кроме того, Армения осуществляет более активные шаги по интеграции в мировое правовое сообщество, следя европейским стандартам. Это дает ей возможность адаптироваться к современным вызовам в области защиты персональных данных быстрее, чем России, где каждое новое законодательство проходит через сложную бюрократическую процедуру, зачастую не успевая за развитием технологий.

Важно также отметить, что в Армении существует растущее признание важности защиты данных на уровне общественности и бизнеса. Хотя в России публичный интерес и осведомленность о защите данных также растут, недостаток открытого обсуждения данной темы и активной политики по ее популяризации создает дополнительные сложности.

Таким образом, как Армения, так и Россия имеют свои представительные преимущества и недостатки в области защиты персональных данных. У Армении есть потенциал для быстрого развития современного и соразмерного законодательства, в то время как в России имеются более сложные механизмы контроля и больший опыт правоприменения, однако требуется большая работа по повышению уровня доверия граждан к правовым механизмам. Это подчеркивает необходимость не только гармонизации норм, но и практического исполнения законодательств обеих стран с целью создания более безопасной среды для пользователей в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция. [Текст]: электр. // Официальный интернет-портал правовой информации. М., URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (Дата обращения 27.02.2025)).
2. Закон РА «О защите личных данных» от 18.05.2015. [Текст]: электр. // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5275&lang=rus> (Дата обращения 27.02.2025).
3. Конев С.И., Сарксян И.Л. Перспективы развития законодательства о персональных данных: опыт России и Армении // «Юридическая наука», № 3, 2023. С.186.
4. Терещин М.В. Правовое регулирование защиты персональных данных в РФ и ЕС в контексте вступления в силу общего регламента по защите данных (GDPR) // «Образование и право», № 8, 2019. С. 89.

DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON PERSONAL DATA PROTECTION IN RUSSIA AND ARMENIA: ANALOGIES AND DIFFERENCES

L. Mkrtchyan
Tula State University

ABSTRACT

The article examines the development of legislation on the protection of personal data in Russia and Armenia, focusing on the analogies and differences in the legal systems of both countries. Key regulatory acts such as the Law of the Russian Federation "On Personal Data" and the Law of Armenia "On Personal Data Protection" are analyzed, with an emphasis on the principles and mechanisms for protecting the rights of data subjects.

Keywords: personal data protection, legal system, digitalization, comparative analysis, digital security.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Д.А. Марджанян

Российско-Армянский (Славянский) университет
dmarjanyan6@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты международно-правового сотрудничества в области атомной энергетики. Анализируется роль и юридические аспекты деятельности международных организаций, таких как МАГАТЭ, а также двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на развитие безопасного и устойчивого использования атомной энергии. Особое внимание уделяется правовому механизму гражданской ответственности за ядерный ущерб.

Ключевые слова: МАГАТЭ, ДНЯО, СЕРА, атомная энергетика.

Введение

Международному сотрудничеству в области атомной энергетики присуща определенная двойственность. С одной стороны, оно обеспечивает эффективное развитие атомной энергетики в различных странах мира, научно-технический обмен информацией и передачу атомных технологий. С другой, является дополнительным механизмом контроля за нераспространением ядерного¹ оружия и технологий, направленных на получение такого оружия.

В последние несколько лет система международных отношений претерпевает тектонические изменения (замедление глобализации, установления многополярного мироустройства), проходящие в условиях нарушения и видоизменения существующих механизмов международного сотрудничества. Особенно остро стоят вопросы, связанные с различными аспектами международной безопасности, в частности, в сфере атомной энергетики и нераспространения ядерного оружия. Для Армении актуальность этих вопросов обусловлена еще и рядом обстоятельств.

Во-первых, Армянская АЭС (ААЭС) была построена и эксплуатировалась еще во времена СССР, в совершенно особых условиях кооперации и сотрудничества между республиками бывшего Советского Союза, и при весьма отличном от нынешнего климате международных отношений и структуры взаимодействий между государством, международными организациями и частными компаниями.

¹ В литературе по международным отношениям и безопасности термин “nuclear” (ядерный) используется синонимично термину “atomic” (атомный). В специальной литературе по энергетике, термины «атомный» и «ядерный» (или «термоядерный») отличны и принадлежат к различным «технологическим мирам».

Во-вторых, с технологической точки зрения атомные реакторы ААЭС, хоть и находятся в должном состоянии безопасной эксплуатации, однако они неизбежно стареют. Рано или поздно они должны быть выведены из эксплуатации. Между тем, официальные документы стратегии развития энергетики Армении до 2040г [1] рассматривают наличие непрерывной атомной генерации как основу национальной и энергетической безопасности республики. Решениями правительства Армении срок эксплуатации Армянской ААЭС² был продлен до 2026г., с возможностью повторного продления до 2036г.

Далее, в ноябре 2017г. было подписано «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Европейским Союзом и Республикой Армения» (СЕРА), вступившее в силу 1 марта 2021г.

Вопреки расхожему мнению, СЕРА по сути является 3-х сторонним соглашением т.к. одним из его подписавших является Европейское сообщество по атомной энергии (ЕврАтом). Пунктами (i) и (ii) статьи 42 Главы 2 СЕРА предусматривается возможность сотрудничества в безопасном выводе из эксплуатации Мецаморской АЭС, основываясь на стандартах Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и принимая во внимание международные рекомендации по атомной энергетике. Эта задача является приоритетной и для правительства Армении.

Формулировки статьи 42 СЕРА оставляют пространство для интерпретаций, указывая на необходимость иметь замещающие мощности при выводе из эксплуатации второго блока ААЭС. С другой стороны, она фактически размывает исключительную ответственность МАГАТЭ привлекая к процессу «ЕврАтом» и его 28 членов, что может создать определенные риски.

Наконец, атомная энергетика рассматривается сегодня как наиболее действенный способ снижения выбросов парниковых газов, являющихся основной причиной антропогенного изменения климата на планете. В декабре 2023г. на 28-ой «Конференции сторон» (Дубай, ОАЭ) РК ООН³ более чем 20 странами, в том числе и Арменией, была принята декларация об утвреждении атомной генерации до 2050г.⁴

Таким образом, в силу указанных обстоятельств и учитывая срок строительства новых атомных блоков (не менее 10 лет), уже сегодня Армения должна определиться не только с технологическим типом и мощностью нового блока, но и с возможностями определения механизмов международного

² Точнее, работы второго блока ААЭС, находящегося в эксплуатации с 1995г.

³ «Конференции сторон» (СОП) Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) по борьбе с антропогенным вмешательством человека в климатическую систему подписана в 1992г. Начиная с 1995г. ежегодно проводятся «Конференции сторон» РКИК ООН, которые являются высшим органом принятия решений РКИК. Армения стала государством-членом ООН 2-го ноября 1992г., а в мае 1993г. Арменияratифицировала РКИК.

⁴ The Declaration to Triple Nuclear Energy <https://www.energy.gov/articles/cop28-countries-launch-declaration-triple-nuclear-energy-capacity-2050-recognizing-key>

сотрудничества в области атомной энергетики в постсоветский период своей истории.

Между тем в отечественной специальной литературе вопросы международного сотрудничества в области атомной энергетики рассматриваются редко. Цель нашей работы – с помощью сравнительного анализа и исходя из актуальности указанных вопросов, рассмотреть некоторые аспекты международного сотрудничества Армении в области атомной энергетики с ведущими ядерными державами мира.

1. Механизм ядерного нераспространения и Атомная энергетика

27 июня 1954г. в городе Обнинск (СССР) была введена в эксплуатацию первая в мире промышленная атомная электростанция, положив начало мирному использованию атомной энергии. По состоянию на июль 2024г., в мире эксплуатировались 416 атомных энергетических реакторов (блока), установленных в 32 странах мира⁵. За пределами своих национальных территорий АЭС или отдельные атомные блоки строили в прошлом и строят сегодня всего 5 государств: РФ/СССР, США, Франция, Южная Корея и Китай.

Строительство ААЭС – первой в Закавказье и во всем регионе Большого Ближнего Востока – началось в 1969г. В 1977г. был введен в эксплуатацию 1-й блок ААЭС, второй – в мае 1980-го. После разрушительного Спитакского землетрясения (7 декабря 1988) Совет Министров СССР Постановлением № 15 «Об остановке энергоблоков ААЭС и мерах по обеспечению энергоснабжения республик Закавказья» от 06.01.89г. принял решение остановить ААЭС. Блоки 1 и 2 были остановлены в феврале-марте 1989г.⁶ После распада СССР (в декабре 1991) и политических потрясений в регионе в начале 90-ых, приведших к энерго-транспортной блокаде Армении, страна столкнулась с жестоким системным энергетическим кризисом, что и обусловило необходимость принятия решения о повторном запуске второго блока ААЭС в 1995г.

Режим нераспространения ядерного оружия является краеугольным камнем глобальных усилий по предотвращению распространения ядерного оружия, продвижению сотрудничества в области мирного использования атомной энергии и достижению цели ядерного разоружения. Под режимом нераспространения (non- proliferation regime) подразумевается «совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967г.» [2].

Международно-правовой базой механизма нераспространения ядерного оружия является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО),

⁵ 16% от общего числа стран членов ООН (193).

⁶ Во время Спитакского землетрясения нормальная работа атомных блоков ААЭС и остальных станционных узлов не нарушалась и не прерывалась.

подписанный в 1968г.⁷ В настоящее время участниками ДНЯО являются 191 государство. Армения присоединилась к ДНЯО в июне 1993г., как правопреемница Армянской ССР⁸ [3].

Основанное в 1957г. МАГАТЭ осуществляет развитие сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии. МАГАТЭ является своеобразным исполнительным органом ДНЯО по проверке взятых на себя обязательств по режиму нераспространения стран участников ДНЯО и в качестве международного инспектората по гарантам (safeguards inspectorate). МАГАТЭ также служит многосторонним каналом для мирной передачи ядерных технологий [6].

Контроль и верификацию выполнения положений ДНЯО МАГАТЭ осуществляет в рамках двусторонних Соглашений и Дополнительных Протоколов к Соглашению между МАГАТЭ данной страной участником ДНЯО. Дополнительные Протоколы расширяют полномочия МАГАТЭ, предоставляя инспекторам больше возможностей для проверки ядерных объектов, включая инспекции без предварительного уведомления, доступ к информации о потенциально связанных с ядерной деятельностью производствах и поставщиках.

Армения подписала Соглашение с МАГАТЭ 30 сентября 1994 (вступило в силу в мае 1994г.). В мае 1997г. вступил в силу первый Дополнительный Протокол к Соглашению с МАГАТЭ, в октябре 2004г. – второй.

2. Международное сотрудничество по атомной энергетике

Помимо международных соглашений, направленных на контроль за нераспространением ядерного оружия, значительное влияние на развитие атомной энергетики оказывают и правовые механизмы, регулирующие международное сотрудничество в этой сфере. В этом контексте особого внимания заслуживает вопрос выбора Арменией страны-поставщика атомных энергетических реакторов, поскольку не все страны, строящие сегодня атомные блоки за пределами своей национальной территории, в равной степени охвачены правовыми механизмами т.н. «гражданской ответственности за ядерный ущерб»⁹. Вопрос этот практически не освещен в отечественной литературе и целесообразно остановиться на нем чуть подробнее.

Правовыми инструментами механизма гражданской ответственности за ядерный ущерб являются множество конвенций и протоколов. Первыми конвенциями, принятыми в данной области, стали Парижская конвенция 1960г. (ПК) и Брюссельская дополнительная конвенция (БДК) 1963г. Они были приняты не под эгидой МАГАТЭ, а под эгидой Организации экономиче-

⁷ Вступил в силу в 1970г., страны депозитарии ДНЯО – США, РФ, СК.

⁸ Заметим, что Азербайджан не включен в официальный список ООН стран, подписавших или присоединившихся к ДНЯО [3], хотя формально Азербайджан и считается его участником [4, 5].

⁹ Civil Liability for Nuclear Damage.

ского сотрудничества и развития (ОЭСР), которая имеет свое собственное агентство по ядерной энергии. Позже к этому списку добавился ряд конвенций, все из которых охватывают схожие вопросы.

В Табл. представлены данные о принадлежности пяти стран-экспортеров атомных энергетических блоков к различным элементам правового регулирования гражданской ответственности за ядерный ущерб.

Таблица. Механизм Конвенций о международной ответственности за атомный (ядерный) ущерб для стран экспортеров атомных блоков.

Страна	Конвенции
Франция	ПК, БДК, СП, ППК, ПБДК
РФ	ВК
США	КДВ
Китай	—
Ю. Корея	—

ПК: Парижская конвенция об ответственности в отношении третьих лиц в области ядерной энергии 1960г.

ППК: Протокол о пересмотре Парижской конвенции 2004г.

БДК: Брюссельская дополнительная конвенция 1963г.

ПБДК: Пересмотренная Брюссельская дополнительная конвенция 2004г.

ВК: Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963г.

СП: Совместный протокол относительно применения Венской конвенции и Парижской конвенции 1988г.

КДВ: Конвенция о дополнительном возмещении ущерба. Вступила в силу в апреле 2015г., после присоединения к ней Японии.

Правовые обязательства в сфере гражданской ответственности за ядерный ущерб зависят от национальных и международных юрисдикций вовлеченных сторон. В контексте Армении речь идет о двусторонней ответственности – поставщика и принимающей страны. Следовательно, страховое покрытие атомной деятельности в любой юрисдикции должно учитывать обязательства обеих сторон.

Как следует из Таблицы, из пяти представленных стран только Россия, США, и Франция являются участниками международных конвенций по ядерной ответственности. Эти конвенции служат не только задачам правового регулирования, но и геополитическим инструментом, усиливающим позиции стран экспортеров на мировом рынке. То обстоятельство, что Китай и Южная Корея находятся вне правового поля этого механизма, создает барьеры для их экспортных амбиций в области атомной энергетики. Принятие обязательства по гражданской ответственности за ядерный ущерб со стороны поставщика атомных энергетических технологий прежде всего демонстрирует степень заинтересованности и вовлеченности страны-экспортера в данный проект, подчеркивая его приверженность к выполнению работ.

Наконец, следует указать, что Франция, РФ и США рассматривают компоненты ПК, ВК и КДВ как механизмы, гарантирующие собственное влияние на международном рынке атомной энергетики, и как способ усиления своего геополитического и экономического влияния в мире.

Отнюдь не случайно, что сегодня ни одна страна, которая приняла Парижскую конвенцию (ПК) и примыкающие к ней компоненты (ППК, БДК, ПБДК), не приняла компонент КДВ, являющейся механизмом поддержки экспортной политики атомной технологии США, и пользующаяся ее полным покровительством. Верно и обратное – ни одна из стран компоненты КВД не приняла Парижскую конвенцию. Сказанное верно и для Венской конвенции.

Исторически Армения является участником Венской конвенции (ВК), продвигаемой Россией. Это подчеркивает роль ВК как инструмента расширения влияния РФ в регионе.

Выводы

Учитывая факторы, приведенные выше, наиболее перспективными партнерами международного сотрудничества по атомной энергетике для Армении являются Россия, США и Франция. Только эти страны обладают развитой атомной отраслью, значительным опытом в строительстве и эксплуатации атомных энергетических объектов за рубежом, а также необходимой правовой базой для урегулирования вопросов, связанных с гражданской ответственностью за ядерный ущерб.

ЛИТЕРАТУРА

- ՀՀ կներգեսիլկայի բնագավառի ռազմավարական ծրագիր (մինչև 2040թ.): https://api.mtad.am/storage/pages/files/2023/11/pdf/22_12-30-sc546-655dbc226f18b.pdf
- Основные вызовы режиму ядерного нераспространения. 17 мая 2024. https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/columns/sandbox/osnovnye-vyzovy-rezhimu-yadernogo-nerasprostraneniya/?phrase_id=145914642
- Договор о нераспространении ядерного оружия. База данных ООН, <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=08000002801d56c5>
- Azerbaijan Overview. The Nuclear Threat Initiative, Aug 31, 2020. <https://www.nti.org/analysis/articles/azerbaijan-overview/>.
- Контроль над вооружениями и военной деятельностью. Справочник. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2001. <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Справочник-Контроль-над-вооружениями-и-военной-деятельностью.pdf>
- The International Atomic Energy Agency. 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapons. <https://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/IAEA%20factsheet.pdf>
- Handrlíca J., Novotná M. The Vienna convention on civil liability for nuclear damage // "Juridical Tribune", v. 8, Special Issue. October 2018. <https://www.tribunajuridica.eu/arhiva/An8vS/5.%20Handrlíca,%20Novotná.pdf>
- Bellamy J. Civil liability for nuclear damage in countries developing nuclear new build programmes // "Journal of World Energy Law and Business", Oxford, 2018. PP. 1–13. <https://www.39essex.com/sites/default/files/JWELB-Nuclear-Civil-Liability-Article-2018.pdf>

SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF NUCLEAR ENERGY

D. Marjanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines some aspects of international legal cooperation in the field of nuclear energy. It analyzes the role and legal aspects of the activities of international organizations such as the IAEA, as well as bilateral and multilateral agreements aimed at developing the safe and sustainable use of nuclear energy. Particular attention is paid to the legal mechanism of civil liability for nuclear damage.

Keywords: IAEA, NPT, CEPA, nuclear energy.

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

ՀՀ ՆՈՐ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆ ԸՆԴՈՒՆՈՒՄԸ ԱԶԳԱՅԻՆ
ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ

Է.Գ. Առաքելյան, Կ.Ա. Սավույշյան

*Ուսու-Հայկական (Ալավոնական) համալսարան
arakelyan.elen1204@gmail.com, karinesavgulyan16@gmail.com*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածի նպատակն է անդրադառնալ վերջին շրջանում հասարակական լայն հետաքրքրություն առաջացրած կարևորագույն խնդրին՝ նոր Սահմանադրության ընդունման անհրաժեշտությանը գնահատելով վերջինիս ազդեցությունը ազգային անվտանգության տեսանկյունից:

Հիմնարարներ՝ ՀՀ Սահմանադրություն, ազգային անվտանգության ռազմավարություն, Անկախության հոչակագիր, տարածաշրջանային խաղաղություն:

Ներածություն

2015 թվականի սահմանադրական փոփոխություններից ի վեր նոր Սահմանադրության ընդունման կամ առկա Սահմանադրության վերանայման անհրաժեշտության հարցը մշտապես եղել է իրավաբանական և քաղաքագիտական շրջանակների քննարկման առարկա: Հայ-ադրբեջանական սահմանազատման կանոնակարգի նախագիծը և դրան հաջորդած ՍԴՈ-1749 որոշումը՝ «Հայաստանի Հանրապետության և Ադրբեջանի Հանրապետության միջև պետական սահմանի սահմանազատման և սահմանային անվտանգության հարցերով հանձնաժողովի ու Ադրբեջանի Հանրապետության և Հայաստանի Հանրապետության միջև պետական սահմանի սահմանազատման պետական հանձնաժողովի համատեղ գործունեության մասին», խնդիրն ավելի հրատապ և վիճահարույց են դարձել: Հոդվածի նպատակն է գնահատել նոր Սահմանադրության ընդունման անհրաժեշտությունը ազգային անվտանգության համատեքստում: Այս նպատակին հասնելու համար առաջադրվում են հետևյալ հետազոտական խնդիրները:

- Վերլուծել սահմանադրական փոփոխությունների վերաբերյալ դոկտրինալ մոտեցումները:

- Բացահայտել նախատեսվող փոփոխությունների շրջանակը, դրանց իրավական և քաղաքական ենթատեքստերը:
- Գնահատել դրանց հնարավոր ազդեցությունը Հայաստանի Հանրապետության ազգային անվտանգության և ազգային շահերի վրա:

Արդիականություն

Ուսումնախրության արդիականությունը պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ նոր Սահմանադրության ընդունման հարցը շարունակում է գտնվել քննարկման փուլում՝ առաջ բերելով լայն հասարակական հետաքրքրություն և բանավեճեր:

Նյութեր և մեթոդներ

Սույն հոդվածի շրջանակներում վերլուծության հիմնական թիրախներն են ՀՀ Սահմանադրության 2005թ.-ի և 2015թ.-ի բարեփոխումները, ներկայումս քննարկվող նոր Սահմանադրության ընդունման վերաբերյալ հանրային իշխանության և Սահմանադրական դատարանի դիրքորոշումները (ՍԴՈ-1749), Սահմանադրության նախարանի փոփոխման կամ վերացման իրավական և փաստացի ազդեցությունը Ազգային անվտանգության ռազմավարությունների (2007թ. և 2020թ.) տեսանկյունից:

Հոդվածում կիրառվել են ինդուկցիայի և դեղուկցիայի, SWOT և համեմատական վերլուծության մեթոդներ՝ ապահովելով բազմակողմանի և գիտականորեն հիմնավորված մոտեցում:

Սահմանադրությունը հանդիսանում է պետության հիմնական իրավական փաստաթուղթը, օրենսդրության հիմնայունը, որը սահմանում է պետության քաղաքական, տնտեսական, իրավական և հասարակական հիմքերը: Սահմանադրության դերը ոչ միայն իրավական համակարգի հիմքերն ապահովելն է, այլև գաղափարական առաջնահերթությունների և զարգացման ուղենիշերի սահմանումը: «Marbury v. Madison» գործի շրջանակներում ԱՄՆ Գերագույն դատարանի նախագահ Ջոն Մարշալը ձեակերպում է ամերիկյան սահմանադրական իրավունքի հիմնարար սկզբունքը՝ դատական վերանայման սկզբունքը (*judicial review*): Նա անդրադարձել է Սահմանադրության կարևորությանը՝ նշելով, որ դատական համակարգը պետք է առաջնորդվի Սահմանադրությամբ որպես գերակա օրենքով: [1]

Հայաստանի Հանրապետության պարագայում սահմանադրական փոփոխությունների գործընթացը բազմակողմանի քննարկման առարկա է դարձել դեռևս 1995 թվականից՝ առաջին Սահմանադրության ընդունու-

մից ի վեր: Ինչպես նորանկախ այլ երկրներում, Հայաստանի Հանրապետությունում նույնպես սահմանադրական լրտումների առանցքը դարձավ անկախ պետության պետական իշխանության մարմինների ձևավորման ու գործունեության երաշխավորման հիմնախնդիրը: Սակայն 1995թ. ընդունված Սահմանադրությունը գերծ չէր թերություններից, մասնավորապես առկա էին բացթողումներ մարդու որպես բարձրագույն արժեքի, սահմանադրության ձևաչափական հարաբերությունների շրջանակներում պաշտպանության առարկա և չէր հաղթահարված նախկին խորհրդային իրավական համակարգին բնորոշ մոտեցումն այս հարցում:

2005 թվականի սահմանադրական բարեփոխումները նպատակ ունեին կատարելագործելու պետական կառավարման համակարգը և ապահովելու իշխանության ճյուղերի միջև հավասարակշռությունը, ուժեղացնել դատական իշխանության անկախությունը և համապատասխանեցնել Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական կարգավորումները Եվրոպական չափանիշներին: Բարեփոխումների հիմնական շարժադրություններից էր Եվրոպայի խորհրդի առաջ Հայաստանը ստանձնած պարտավորությունների կատարումը, մասնավորապես՝ ժողովրդավարական ինստիտուտների զարգացման և մարդու իրավունքների պաշտպանության մեխանիզմների կատարելագործման ուղղությամբ [2]:

2015 թվականի սահմանադրական բարեփոխումների արդյունքում սահմանադրական արդիականացման հիմնական շարժադրություններից մեկը հանդիսացավ պետության կազմակերպչական և իրավական գործառույթների արդյունավետ իրականացումն ապահովելու հրամայականը, ինչպես նաև ինստիտուցիոնալ բարեփոխումների անցկացումը՝ պետական ինստիտուտների կայունության, հաշվետվողականության և ներառականության ամրապնդման միջոցով: Բարեփոխումների արդյունքում նույնությամբ պահպանվեց Սահմանադրության նախարանը, իսկ անփոփոխիկ հոդվածներին ավելացավ ևս մեկը: Բարեփոխումները նպատակառուղղված էին իրավական անվտանգության ապահովմանը, որը ներառում է այնպիսի պայմաններ, որոնք ապահովում են հասարակության և պետության կայուն և անվտանգ գործունեությունը իրավական համակարգի շրջանակներում [3]:

Սահմանադրական բարեփոխումներով ոչ միայն ապահովվեց զգայի առաջընթաց իրավական համակարգի արդիականացման, ՄԻԵԴ չափանիշների համապատասխանեցման տեսանկյունից, այլև կարևոր շեշտա-

դրումներ կատարվեցին ազգային արժեքների, հայրենիքի, հայապահպանության հիմնահարցերին:

Չնայած որ ՀՀ Սահմանադրության փոփոխությունների նկարագիրը բավականին հակիրճ ներկայացվեց, ակներև է, որ դրանք հանգեցրել են բավականին լուրջ համակարգային և գաղափարական փոփոխությունների և մեծապես պայմանավորված են եղել ներքին, օրենսդրություններով, ինչպես նաև ժամանակի պահանջով՝ պայմանավորված մարդու իրավունքների էվոլյուցիոն առաջընթացով:

ՀՀ Սահմանադրության փոփոխման հարցը նոր թափ ստացավ դեռևս 2022թ.-ի սկզբին՝ հայ-ադրբեջանական հաշտության բանակցությունների ֆոնին: 2025թ. փետրվարի 19-ին ՀՀ վարչապետը հանդես եկավ ազգային նոր գաղափարախտության ընդունման հայտարարությամբ, որի առաջին կետում նշվում էր, որ ներկայիս գործող Սահմանադրությունը ունի լեզվիմության պակաս և պետք է ընդունվի նոր Սահմանադրություն [3]:

Այստեղ առանձնակի ուշադրություն պետք է դարձնել, այն հանգամանքի վրա, որ ՀՀ վարչապետը խոսում է ոչ թե Սահմանադրական փոփոխությունների, այլ նոր սահմանադրության ընդունման մասին: Հետևաբար հարց է առաջանում, ինչո՞ւ չկատարել Սահմանադրական փոփոխություններ, այլ գնալ նոր սահմանադրության ընդունման:

Խնդրի էությունն այն է, որ Հայաստանի Սահմանադրությունն ունի հավերժական, անփոփոխելի դրույթներ: Նախ՝ ՀՀ Սահմանադրության նախաբանը, ինչպես գիտենք, վկայակոչում է ՀՀ անկախության հռչակագիրը:

[4] Ավելին՝ 2021 թվականի ապրիլի 29-ի ՍԴՈ-1590 որոշմամբ անդրադառնալով Սահմանադրության անփոփոխ դրույթների իրավական բովանդակության շրջանակին՝ Սահմանադրական դատարանն արձանագրել է, որ Սահմանադրության անփոփոխ դրույթների շարքին անխուսափելիորեն դասվում է նաև Սահմանադրության նախաբանը: Սահմանադրության 1, 2, 3, 203 հոդվածները և Սահմանադրության նախաբանը փոփոխման ենթակա չեն: Այժմ քննարկվող նոր Սահմանադրության ընդունման օրակարգը, ի թիվս այլ հարցերի, ներառում է նաև Սահմանադրության նախաբանի փոփոխման հարցը, որը ներքաշված է հայ-ադրբեջանական խաղաղության բանակցությունների շրջանակում: Սակայն այս հանգամանքը հարցն ավելի զգայուն է դարձրել՝ առաջացնելով ոչ միայն ներքաղաքական քննարկումներ, այլև իրավական և ազգային անվտանգության առումով լուրջ վերլուծությունների անհրաժեշտություն:

Սահմանադրական դատարանն արձանագրում է, որ Սահմանադրության անփոփոխելի դրույթներն այն հիմնարար և կենտրոնական

առանցքն են, որի հիման վրա և շուրջ ձևավորվել և զարգանալու է Հայաստանի Հանրապետության իրավական համակարգը: [5] Սահամադրական Դատարանի թիվ ՍԴՈ-1749 որոշմամբ մեկնաբանվում է, որ Սահմանադրության ներքին աստիճանակարգության մեջ անփոփոխ դրույթները դասվում են ամենաբարձր աստիճանին, մասնավորապես՝ անփոփոխ դրույթների ողջ նպատակային նշանակությունը դրանց անփոփոխ կայունությունը և ամենաբարձր աստիճանի կայունությունն ապահովելն է՝ որպես սահմանադրական արժեքանության կայունության, հարատևության և անմիջամտելի շարունակականության երաշխիք [6]:

Առաջին հայացքից, թվում է, որ Սահմանադիրը՝ հայ ժողովուրդը, այս դրույթները փոփոխելու հարցում ինքն իրեն սահմանափակել է: Այս սահմանափակումը փաստում է տվյալ դրույթների անգերազանցելի նշանակությունը ինչպես ներկա, այնպես էլ գալիք սերունդների համար: Հետևաբար՝ հնարավոր չէ փոխել Սահմանադրության նախարանը: Սակայն մեր կարծիքով, անփոփոխելի դրույթների փոփոխումը պետք է դիտարկել առաջին հերթին արդյունքային, պրազմատիկ մոտեցման տեսանկյունից՝ շեշտադրումը փոխադրելով դրույթների վերացման կամ փոփոխման թույլատրելիությունից դեպի ընդունելիություն և արդյունքների վերլուծության հիման վրա գնահատում:

Այն փաստը, որ ՀՀ անկախության հոչակագրում, որն ընդունվել է 1990թ. օգոստոսի 23-ին ՀՀ Գերազույն խորհրդի կողմից, նշվում է ՀՀ և ԼՂՀ վերամիավորման մասին, իսկ հոչակագիրը տեղ է գտել ՀՀ 2015թ. գործող Սահմանադրության նախարանում, հարեան Աղբեջանն ընկալում է՝ «որպես Սահմանադրության ամբողջականության սպառնալիք» [7]: Աղբեջանի կողմից պահանջ է ներկայացվել Սահմանադրության նախարանը փոփոխել և հեռացնել անկախության հոչակագրին արվող հղումը:

Սակայն նույնիսկ ՍԴ-ի դիրքորոշման պաշտպանմամբ ժողովրդավարական ինքնիշխանության և ամբողջական սահմանադրական վերանայման տեսությունների շրջանակներում հարցը դիտարկելու դեպքում ակնհայտ է, որ տվյալ պարագայում խոսքը ոչ թե Սահմանադրության բարեփոխման կամ փոփոխման մասին է, այլ միանգամայն նոր սահմանադրության ընդունման:

ՀՀ Ազգային անվտանգության 2020թ. ռազմավարության մեջ նշվում է, որ «Հայաստանի և Արցախի, հայ ժողովրդի ինքնիշխանությունը բարձրագույն արժեք է: Օտար ուժերին ներհայլական, ներհայաստանյան հարցերի լուծմանը ներգրավելու, մեր երկրում որ պես օտարերկրյա շահերի ներկայացուցիչ հանդես գալու պատրաստակամությունը ունեցող

ուժերը պիտի արժանանան հայ ժողովրդի և նրա լեզիտիմ ներկայացուցիչ Հայաստանի կառավարության կոշտ հակազդեցությանը»:

Այս առումով դիտարկենք այն, թե արդյոք ՀՀ Սահմանադրության մեջ փոփոխություններ կատարելով՝ Ադրբեջանի Հանրապետությունը միշտում է ՀՀ ներքին գործերին, դեռ ավելին՝ սպառնում է ՀՀ ինքնիշխանությանը: ՀՀ Սահմանադրության փոփոխությունը կամ նոր սահմանադրության ընդունումը բացառապես ՀՀ ներքին գործն է, քանի որ այն արտացոլում է ժողովրդի ինքնիշխան կամքն ու պետության հիմնարար արժեքները: ՀՀ նոր Սահմանադրությունը պետք է ընդունվի ելնելով միայն ՀՀ ազգային շահերից, հակառակ դեպքում՝ եթե այն պայմանավորված է արտաքին ճնշմամբ, ապա դա վտանգում է երկրի անկախությունն ու իրավական համակարգի ինքնավարությունը: Նման միշտությունը կարող է նախադեպ ստեղծել ապագայում այլ պետությունների համար պահանջներ ներկայացնելու ՀՀ ներքին օրենսդրական կարգավորումների վերաբերյալ, ինչը հակասում է ինքնիշխանության միշազգային սկզբունքներին:

Հայ-ադրբեջանական խաղաղության բանակցությունների շրջանակում նոր Սահմանադրության ընդունման հարցի բարձրացումն արդեն խև ցույց է տալիս, որ Ադրբեջանը փորձում է թելարել ՀՀ-ի ներքին օրակարգը: Եթե ՀՀ-ն համաձայնվի այս պահանջին, ապա դա կարող է ընկալվել որպես զիջում, որը հետագայում ավելի մեծ ճնշումների տեղիք կտա: Բացի այդ, նման պահանջները կարող են խարխել բանակցային գործընթացի հավասարակշռությունը՝ Հայաստանի համար ստեղծելով ոչ շահավետ պայմաններ:

Սահմանադրության փոփոխությունների բովանդակությունը կարող է անդրադառնալ ազգային պաշտպանության վրա, օրինակ՝ Արցախին վերաբերող կետերի փոփոխությունը կարող է օգտագործվել Հայաստանի դեմ՝ նվազեցնելով նրա դիրքերը միշազգային ատյաններում: Եթե նոր Սահմանադրությունը որևէ ձևով թուլացնի ՀՀ-ի պաշտպանական դիրքորոշումը, ապա դա կարող է լեզիտիմացնել Ադրբեջանի ապագա ազգեսիանները:

Նոր սահմանադրության ընդունման դրական և բացասական ասպեկտներն առավել մանրամասն ներկայացված են ստորև գետեղված աղյուսակում՝

Ուժեղ կողմեր	Թույլ կողմեր
Սահմանադրության որոշ հոդվածների փոփոխություն և առավել հստակություն:	Հետքնթաց ազգային արժեհամակարգի ամրապնդման առումով:
Հնարավորություններ	Սպառնակիքներ
Հարաբերական խաղաղություն, երկխոսության հնարավորություն, սահմանադրության լեզվիմացում:	Ազգային անվտանգության նոր սպառնալիքներ, միակողմանի զիջումներ, հրաժարում:
	Պատմական փաստերից, իրավական համակարգի անկախության նվազում, ՀՀ բանակցային և միջազգային դիրքերի թուլացում:

Եզրակացություն

ՀՀ Սահմանադրության՝ մինչ օրս կայացած բարեփոխումներն իրենց հիմքում ունեցել են համակարգային պատճառներ և հանգեցրել են սահմանադրական իրավունքի տեսանելի և իրավական անվտանգության տեսանկյունից էական փոփոխությունների: Այժմ նոր Սահմանադրության ընդունման իրամայականը ոչ թե իրավական համակարգի բարեփոխման հիմնաքար է, այլ դե ֆակտո կախված է արտաքին ազդեցության գործոններից և մեծապես վերաբերում է ոչ թե ՀՀ-ում սահմանադրական իրավունքի կատարելազորմանը, այլ ազգային, պետական՝ Սահմանադրությամբ ամրագրված շահերի ապալեզիտիմացմանը, ինչն ահուելի վտանգ է թե՝ նոր ընդունվելիք Սահմանադրության լեզվիմության, թե՝ ազգային անվտանգության և վերջինիս բաղադրատարր հանդիսացող իրավական անվտանգության տեսանկյունից:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/#opinions>
2. ՀՀ Սահմանադրական բարեփոխումների հայեցակարգ, 2014թ., էջ 5:
3. ՀՀ վարչապետի պաշտոնական կայքէջ, ՀՀ Վարչապետի 2025թ. փետրվարի 19-ի ուղերձը՝ «Իրական Հայաստանի զաղափարախոսություն» վերաբերյալ: <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/> [նույտը՝ 20.03.2025]:
4. ՀՀ 2015թ. Սահմանադրություն:
5. ՀՀ Սահմանադրական դատարանի որոշումը ՀՀ ազգային ժողովի պատգամավորների ընդիհանուր թվի առնվազն մեկ հինգերորդի դիմումի հիման վրա՝ «Ազգային ժողովի կանոնակարգ» սահմանադրական օրենքի 86-րդ հոդվածի 2-րդ և 7-րդ մասերի, 5-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 4.2-րդ կետի՝ Սահմանադրությանը

համապատասխանության հարցը որոշելու վերաբերյալ գործով, ՍԴՈ-1590 որոշում:

6. Հայաստանի անկախության հոչակագիր, 23.08.1990:

ПРИНЯТИЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Э.Г. Аракелян, К.А. Савгулян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – рассмотреть один из наиболее важных вопросов, который в последнее время вызывал широкий общественный интерес, – необходимость принятия новой Конституции, оценив ее влияние с точки зрения национальной безопасности.

Ключевые слова: Конституция Республики Армения, стратегия национальной безопасности, Декларация Независимости, региональный мир.

ADOPTION OF THE NEW CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

E. Arakelyan, K. Savgulyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The aim of this article is to address one of the most important issues that has recently aroused widespread public interest – the necessity of adopting a new Constitution – by evaluating its impact from the perspective of national security.

Keywords: Constitution of the Republic of Armenia, national security strategy, Declaration of Independence, regional peace.

ԿՐՈՆԱԿԱՆ ՓՈՔՐԱՄԱՍՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԻՐԱՑՄԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ

Հ.Ա. Ստեփանյան¹, Տ.Ա. Միքայելյան²

*Ուսու-Հայկական (Սլավոնական) համալսարան
hasmik.stepanyan@list.ru, tatyanamiqayelyan@mail.ru*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Կրթությունը մարդու հիմնական իրավունքներից է, իսկ դրա իրականացումը՝ մարդկանց միջն հավասարության և ազատության հասնելու գործոն միջոց:

Կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքի ապահովումն ու իրացումը հանդիսանում է ոչ միայն ազգային, այլ նաև միջազգային մակարդակով կարևորագույն հիմնախնդիր: Յուրաքանչյուր պետություն պարտավոր է երաշխավորել իր մարդու և քաղաքացիների հիմնարար իրավունքները, այդ թվում՝ կրթության իրավունքը:

Հոդվածում ներկայացվում են կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքների իրացման արդի կարգավորումները, վերլուծվում են Հայաստանում կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքի իրացման գործնականում առկա խնդիրները և հաստատվում այն դիրքորոշումը, որ անհրաժեշտ է ապահովել կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքների իրացման այնպիսի կառուցակարգեր, որոնք կապահովեն հավասար հնարավորություններ և պրակտիկայում հնարավորինս կրացառեն խորականության դրսերման ցանկացած ձև:

Հիմնարարեր՝ կրոնական փոքրամասնություն, կրթություն, կրթության իրավունքի իրացում, կրթության իրավունքի իրացման երաշխիքներ, իրավակարգավորումներ:

1. Կրթության իրավունքի վերաբերյալ ներպետական և միջազգային իրավական կարգավորումները:

Մարդու իրավունքների համընդհանուր հոչակագիրը, Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին

¹ Իրավաբանական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ; ՀՊՏՀ Հասարակագիտության ամբիոնի դոցենտ; Ուսու-Հայկական(Սլավոնական) համալսարանի Իրավունքի տեսության և սահմանադրական իրավունքի ամբիոնի դոցենտ; Ֆրանսիական համալսարանի դասախոս:

² Ուսու-Հայկական (Սլավոնական) համալսարանի Իրավունքի տեսության և սահմանադրական իրավունքի ամբիոնի մագիստրանտ:

եվրոպական կոնվենցիան, Տնտեսական, սոցիալական և մշակութային իրավունքների մասին միջազգային դաշնագիրը, Երեխայի իրավունքների մասին դաշնագիրը հոչակում են յուրաքանչյուր մարդու կրթության իրավունքը:

Հայաստանի Հանրապետությունը հոչակում և երաշխավորում է կրթության բնագավառի առաջանցիկ զարգացումը՝ որպես պետականության ամրապնդման կարևորագույն գործոն: Կրթության իրավունքի երաշխիքներն ամրագրված են ՀՀ Սահմանադրության 15-րդ, 38-րդ հոդվածներում և 86-րդ հոդվածի 13-րդ կետում:

Նախ նշենք, որ հաճախ «երաշխիք» ասելով հասկանում են անհրաժեշտ բարենպաստ պայմաններ, իսկ երաշխավոր՝ այդ գործունեությունը երաշխավորող սուբյեկտ, որը ստեղծում է այդ պայմանները [10; Էջ 44]: Ինչ-որ երևույթի կամ գործընթացի ապահովումն ընդունված է կապել դրա իրականացման համար անհրաժեշտ պայմանների հետ, որոնք ել ենց երաշխիքներն են:

«Երաշխավորել» եզրույթի փոխարեն իրավագիտության մեջ առավել հաճախ օգտագործում են «ապահովել» հասկացությունը [11; Էջ 15]: Ա.Ա. Մորդովիցը «ապահովում» տերմինը դիտարկում է որպես պետական մարմինների, հասարակական կազմակերպությունների, պաշտոնյաների և քաղաքացիների գործունեություն՝ ուղղված իրենց գործառույթների, իրավասությունների, պարտավորությունների կատարմանը, իրավական կարգադրությունների անշեղ իրականացմանը, իրավունքների և ազտությունների օրինաչափ իրականացման համար լավագույն պայմաններ ստեղծելուն [12; Էջ 85]:

Ա.Վ. Մարեմոնտիստի բնորոշմամբ ապահովումը (իրավական պաշտպանության հետ մեկտեղ) մարդու իրավունքների իրականացման բաղադրիչ մասն է [13; Էջ 22–23]:

Մեր դիտարկմամբ ապահովումը որոշակի պայմանների ամբողջություն է՝ երաշխիքների ձևով, որոնք ծառայում են անձի իրավունքների իրականացմանը:

Այսօր շատ կարևոր է կրթության իրավունքի ապահովման ոլորտում հավասար հնարավորությունների ստեղծումը, որպեսզի կրթությունը կապվի մարդու ընդունակությունների, այլ ոչ թե նյութական կամ այլ վիճակի հետ: «Կրթության մասին» ՀՀ օրենքի համաձայն՝ «Հայաստանի Հանրապետությունն ապահովում է կրթության իրավունք՝ անկախ ազգությունից, ռասայից, սեռից, լեզվից, դասանանքից, քաղաքական կամ այլ հայացքներից, սոցիալական ծագումից, գույքային դրությունից կամ

այլ հանգամանքներից: Մասնագիտական կրթության իրավունքի սահմանափակումները նպաստեսվում են օրենքով: Պետությունը կրթության իրավունքն ապահովում է կրթության համակարգի բնականոն գործառությամբ և կրթություն ստանալու համար սոցիալ-տնտեսական պայմանների ստեղծմամբ...» (հոդված 6):

2015թ. փոփոխություններով Սահմանադրության 75-րդ հոդվածով ամրագրվեց շատ կարևոր իրավադրույթ, այն է՝ հիմնական իրավունքները և ազատությունները կարգավորելիս օրենքները սահմանում են դրանց արդյունավետ իրականացման համար անհրաժեշտ կազմակերպական կառուցակարգեր ու ընթացակարգեր: Այդ ընդհանուր պարտավորության կրողը օրենսդիր մարմինն է: Սահմանադրությունը պետական և տեղական ինքնակառավարման մարմիններին պարտավորեցնում է իրենց իրավասությունների և հնարավորությունների շրջանակում իրագործել Սահմանադրության 86-րդ հոդվածով սահմանված պետական քաղաքականության հիմնական նպատակները (87-րդ հոդվածի 1-ին մաս): Նշված հոդվածում թվարկված նպատակներից մեկն է անվճար բարձրագույն և այլ մասնագիտական կրթության զարգացումն է:

Ներկայումս Հայաստանի Հանրապետությունը ազգային և այլ փոքրամասնությունների իրավունքների պաշտպանության վերաբերյալ առկա են մի շարք իրավակարգավորումներ ոչ միայն ազգային օրենսդրության մակարդակում, այլև մի շարք միջազգային համաձայնագրերում, որոնք վավերացվել են ՀՀ կողմից: Մասնավորապես, ՄԱԿ-ի 1966 թվականի Քաղաքացիական և քաղաքական իրավունքների մասին Միջազգային Դաշնագրի 27-րդ հոդվածի համաձայն. «Այն երկրներում, որտեղ գոյություն ունեն էթնիկական, կրոնական և լեզվական փոքրամասնություններ, այդ փոքրամասնություններին պատկանող անձանց չի կարող մերժվել այդ նույն խմբի այլ անդամների հետ համատեղ իրենց մշակույթից օգտվելու, իրենց կրոնը դավանելու և դրա ծեսերը կատարելու, ինչպես նաև մայրենի լեզվից օգտվելու իրավունքը» [4]:

Հայաստանի Հանրապետությունը միացել է նաև Ազգային փոքրամասնությունների իրավունքների մասին 1995թ. Եվրոպայի Խորհրդի Շրջանակային կոնվենցիային, որն ուղղված է ազգային կամ այլ փոքրամասնություններին պատկանող անձանց մշակույթի, էթնիկ, լեզվական և կրոնական առանձնահատկությունների պահպանման և զարգացման իրավունքների ապահովմանը [5]: Ընդ որում, հարկ է նշել, որ 1994 թվականի հոկտեմբերի 21-ին ՀՀ-ն Մոսկվայում ստորագրել էր «Ազգային փոքրամասնություններին պատկանող անձանց իրավունքների ապահովման մասին» ԱՊՀ կոնվենցիան [6]:

Ինչպես տեսնում ենք, կրթության իրավունքի իրացման հետ կապված առկա իրավակարգավորումները երաշխավորում են կրթության իրավունքի իրականացման երաշխիքներ՝ առանց որևէ խտրականության:

Այս համատեքստում կարևոր ենք համարում անդրադառնալ նաև Հայաստանյայց Առաքելական եկեղեցու (այսուհետ՝ Եկեղեցի) և պետության հարաբերություններին, հստակեցնել այն հարցը, թե Եկեղեցին ի՞նչ ազդեցություն կարող է ունենալ կրոնական փոքրամասնությունների՝ կրթության իրավունքի իրացման գործընթացում:

Ինչպես սահմանադրական, այնպես էլ մի շարք օրենսդրական կարգավորումներ, որոնք ուղղված են Հայաստանում պետության և Եկեղեցու հարաբերությունների կարգավորմանը, կարող են մի շարք խնդիրներ և ռիսկեր առաջացնել պետության տարածքում բանակվող կրոնական փոքրամասնությունների ներկայացուցիչների համար:

2005 թվականի փոփոխություններով Սահմանադրության 8-րդ հոդվածում նշվում էր, որ «Հայաստանի Հանրապետությունում եկեղեցին անջատ է պետությունից»: 2015 թվականի փոփոխություններով ՀՀ Սահմանադրության 17-րդ հոդվածով ամրագրված է. «Հայաստանի Հանրապետությունում երաշխավորվում է կրոնական կազմակերպությունների գործունեության ազատությունը: Կրոնական կազմակերպություններն անջատ են պետությունից»: Իսկ հաջորդող՝ 18-րդ հոդվածով ՀՀ-ը ճանաշում է Հայաստանյայց առաքելական սուրբ եկեղեցու որպես ազգային եկեղեցու բացառիկ առաքելությունը հայ ժողովրդի հոգևոր կյանքում, նրա ազգային մշակույթի զարգացման և ազգային ինքնության պահպանման գործում:

Այսպես, հոդված 17-ում, ի տարբերություն նախորդ Սահմանադրության, «Պետությունը անջատ է եկեղեցուց» դրույթը փոխարինված է «կրոնական կազմակերպություններն անջատ են պետությունից» դրույթով: Կարող ենք ենթադրել, որ փորձ է արվել օրենսդրորեն տարանջատել «կրոնական կազմակերպության» իրավական կարգավիճակը՝ Հայ եկեղեցու իրավական կարգավիճակից: Պատահական չէ, որ Սահմանադրության 18-րդ հոդվածում Հայ եկեղեցուն առանձին հոդված է նվիրված, որտեղ խոսվում է Հայ Առաքելական եկեղեցու «բացառիկ» դերակատարության մասին: Այսինքն, «կրոնական կազմակերպություն» և «Հայաստանյայց Առաքելական եկեղեցի» հասկացությունները տարանջատվել են և դիտարկվել որպես տարբեր իրավական կատեգորիաներ:

Այս ամենին Եկեղեցին տալիս է հետևյալ մեկնաբանումը՝ «..մենք մեծապես կկորցնենք մեր վստահելիությունը, եթե չխոսենք այսօրվա աշ-

խարիի լեզվով և եթե չօգտագործենք կյանքի ժամանակակից մշակույթի ոճերը: Մեզ շրջապատող սեկուլյար աշխարհն այնքան հզոր է դարձել, որ մենք ուրիշ այլ ընտրանք չունենք, քան հարմարվել դրան մեր քրիստոնեական կյանքում» [7; էջ 36]:

Իհարկե, այս փաստն իր անմիջական ազրեցությունն է ունեցել նաև կրթության ոլորտի օրենսդրական կարգավորման վրա: Մասնավորապես՝ «Կրթության մասին» ՀՀ օրենքի 4-րդ հոդվածի 3-րդ մասի համաձայն՝ «Հայաստանի Հանրապետության կրթական համակարգը նպատակառողված է հայ ժողովրդի հոգևոր և մտավոր ներուժի ամրապնդմանը, ազգային և համամարդկային արժեքների պահպանմանն ու զարգացմանը: Այդ գործին իր նպաստն է բերում նաև Հայ Եկեղեցին»: Նույն օրենքի «Կրթության բնագավառում պետական քաղաքականության սկզբունքները» վերտառությամբ 5-րդ հոդվածի 6-րդ կետում ասված է, որ «ուսումնական հաստատություններում կրթությունն ունի աշխարհիկ բնույթ»:

2007թ. փետրվարի 22-ին ԱԺ ընդունել է «Հայաստանի Հանրապետության և Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու հարաբերությունների մասին» օրենքը, որում նշվում է. «Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցին իրավունք ունի՝

1) հիմնելու կամ հովանավորելու նախադպրոցական հաստատություններ, տարրական, միջնակարգ և ավագ դպրոցներ, միջնակարգ մասնագիտական և բարձրագույն ուսումնական հաստատություններ՝ Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրության շրջանակներում;

2) մասնակցելու պետական կրթական հաստատություններում «Հայ Եկեղեցու պատմություն» առարկայի ուսումնական ծրագրի և դասագրքի մշակմանը, այն դասավանդող ուսուցիչների որակավորման պահանջների սահմանմանը և դպրոցներին ներկայացնելու այդ ուսուցիչների թեկնածությունները;

3) պետական կրթական հաստատություններում կամավոր ուսումնական դասընթացներ կազմակերպելով՝ օգտագործելով դրանց շենքերն ու ռեսուրսները՝ այդ հաստատությունների հետ համաձայնեցնելով դասընթացների իրականացմանն առնչվող խնդիրները;

4) նպաստելու հասարակության հոգևոր կրթությանը կրթական հաստատություններում՝ օրենքով սահմանված կարգով...»:

«Հայաստանի Հանրապետության և Հայաստանյայց Առաքելական Սուրբ Եկեղեցու հարաբերությունների մասին» օրենքը թույլ էր տալիս Եկեղեցուն մասնակցել կրթական ծրագրերի մշակմանը և այլ գործունեությանը կրթության ոլորտում:

Ազգային եկեղեցու՝ կրթության ոլորտում ներգրավվածությունը կարող է գնահատվել տարբեր տեսանկյուններից՝ կախված արժեքների, նպատակների և հասարակության յուրաքանչյուր անդամի ընկալման տարբերություններից: Մի կողմից, եկեղեցու դերակատարումը կարևորվում է նրանով, որ այն ապահովում է կրոնական և մշակութային արժեքների պահպանություն, ինչպես նաև նպաստում է ազգային ինքնության ձևավորմանը: Մյուս կողմից՝ ազգային եկեղեցին, լինելով այդքան խորը արմատավորված երկրի պատմության մեջ, ունի մեծ ազդեցություն հասարակության հոգևոր և մշակութային դաստիարակության վրա, ուստի նրա ներգրավվածությունը կրթական համակարգում կարող է դիտարկվել որպես պետության կողմից իրականացվող խտրական վերաբերմունք այլ կրոնական կազմակերպությունների հանդեպ:

Մեր դիտարկմամբ սա ոչ թե խտրական վերաբերմունք է, այլև «դրական արտոնություն», որի նպատակը ազգային միասնության, կրոնական և մշակութային արժեհամակարգերի պահպանումն է:

Այնուամենայնիվ, եթե խոսում ենք «դրական արտոնություն»-ից, կարևոր է հաշվի առնել, որ նման արտոնությունները երբեմն կարող են հանգեցնել անհավասարության, հատկապես նրանց համար, ովքեր կրոնական այլ պատկանելություն ունեն: Ուստի, եկեղեցու ազդեցությունը կրթական համակարգում պետք է լինի չափավոր և տեղին, որպեսզի այն նպաստի հասարակության ամբողջական զարգացմանը՝ միաժամանակ հաշվի առնելով բոլոր քաղաքացիների իրավունքները և ազատությունները:

Կրթական ծրագրերում եկեղեցու ներգրավվածությունը կարող է լինել դրական, եթե այն ապահովում է բազմազանություն, հավասարություն և հանդուրժողականություն՝ պահպանելով հասարակական համեմաշխությունը և ազգային արժեքները:

Խորհի և կրոնի ազատությանն, կրթության իրավունքի և այս ոլորտին ուղղակի կամ անուղղակի առնչվող դրույթներ ամրագրված են նաև ՀՀ գործող բազում այլ օրենքներում, մասնավորապես՝ «Երեխայի իրավունքների մասին», «Հայաստանի Հանրապետությունում օտարերկրյա քաղաքացիների իրավական վիճակի մասին», «Նախադպրոցական կրթության մասին», «Մշակութային օրենսդրության հիմունքների մասին», «Հետուստատեսության և ռադիոյի մասին» ՀՀ օրենքներում, ինչպես նաև ՀՀ վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ, աշխատանքային, ընտանեկան և քրեական օրենսգրքերում և այլ նորմատիվ իրավական ակտերում:

Այսպիսով, պարզ է դառնում, որ Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրության և այլ օրենսդրական նախագծերի հիմքով ապահովվում են այն բոլոր իրավունքները և ազատությունները, որոնցով կրոնական փոքրամասնությունների ներկայացուցիչները կարող են ազատորեն օգտվել բոլոր պետական կրթական ծրագրերից, այդ թվում նաև հանրակրթական անվճար կրթությունից: Սակայն միևնույն ժամանակ, օրենքի բազմաթիվ դրույթներ հակասության մեջ են մտնում գործնականում կրթության իրավունքի իրացման պարագայում:

2. Կրթության իրավունքի իրացման կառուցակարգերը և գործնականում առկա խնդիրները ՀՀ-ում:

Նախ նշենք, որ 2022 թվականաի մարդահամարի տվյալներով Հայաստանի բնակչության մոտ 56 000 մարդ հանդիսանում են ազգային փոքրամասնությունների ներկայացուցիչներ: ՀՀ-ում բնակվող՝ փոքրամասնություն կազմող ազգությունների ներկայացուցիչները, առանձնանում են ինչպես ազգային այնպես էլ կրոնական դավանանքի ուղղվածությամբ: Հայաստանում կատարված հետազոտությունների արդյունքում բավականին դրական գնահատականներ են տրվել, նշելով, որ այս ոլորտում խտրականության դեպքերը, ընդհանուր հասարակական տրամադրությունը բավականին հանդուրժողական են:

Իհարկե, հասարակությունը լիովին չէր կարող գերծ մնալ մի շարք խնդիրներից և դժվարություններից, որոնք ծագում են հենց կրոնական այլ դավանանքի ներկայացուցիչ լինելու փաստի հիման վրա: Եվ առհասարակ, պարտադիր չէ, որ այդ խնդիրների հիմքում դրված լինի կրոնական անհանդուրժողականությունը: Փոքրամասնությունների խնդիրները և հիմնական դժվարությունները պայմանավորված են հիմնականում խնտեգրման հետ:

Ինչ վերաբերում է կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքի ապահովման հետ կապված հիմնախնդիրներին, ապա Հայաստանի Հանրապետությունը ապահովում է անվճար տարրական կրթություն ստանալու հնարավորությունը իր պետության տարածում բնակվող յուրաքանչյուր անձի համար՝ անկախ կրոնական, ազգային և այլ պատկանելիությունից, սակայն խնդիրը կայանում է նրանում, որ պետության հովանու ներքո գործող հանրակրթական դպրոցները որոշ առումով չեն ապահովում այլազգի երեխաների ներկայացուցիչների կրթություն ստանալու հնարավորությունը, բուն հայկական դպրոցներում այդ նույն երեխաները հանդիպում են որոշ դժվարությունների՝ կապված լեզվի հետ:

Իհարկե պետությունը հնարավորինս փորձում է կարգավորել այս խնդիրը: Ներկայումս ՀՀ-ում գործում են համապատասխան դարդոցներ կրոնական և ազգային փոքրամասնությունների ներկայացուցիչների համար: Սակայն հատկապես զյուղական դպրոցներում նկատվում է զգայի բացեր, կապված մասնագետների լիարժեք կազմի ապահովման հետ:

2014 թվականին Հայաստանում իրականացված հետազոտությունը, որը նվիրված էր Հայաստանում ազգային և կրոնական փոքրամասնությունների նկատմամբ իրականացվող խտրականության դեպքերի վրա վերլուծությանը հատկապես կրթության ոլորտում, արձանագրել է, որ դպրոցներում կրոնական փոքրամասնությունների ներկայացուցիչների հանդեպ ուսուցիչների կողմից դրսնորված անհարգալից վերաբերմունքի դեպքեր, որոնք թերևս սակավաթիվ են, բայց ամեն դեպքում տեղ ունեն մեր իրականության մեջ:

Կրոնական կազմակերպությունների ներկայացուցիչներից ումանք նշում էին, որ սկզբնական շրջանում, երբ ուսուցիչը կամ ուսուցչուիին տեղեկանում են իրենց՝ այլ կրոնական ուղղության պատկանելու մասին, որոշակի փոփոխություն նկատվում է նրանց վերաբերմունքի մեջ, որը, սակայն, ժամանակի ընթացքում փոխվում է դեպի դրականը»: Հնչել են նաև այնպիսի կարծիքներ, որ դեռևս, ենելով մարդկանց մեջ ամրացած կարծրատիպերից, որ օրինակ «Յեհովայի վկաները վատն են» կամ «նրանք անընդունելի օրինակ են ծառայում քրիստոնյաների համար», դպրոցում այս կարծրատիպի դրսնորումները նույնպես տեղ են գտնում և երբեմն հստակ ուրվագծվում են իրականության մեջ: Օրինակ՝ Հայ Առաքելական եկեղեցու պատմություն առարկայի դասընթացի ժամանակ որոշ ուսուցիչներ ինքնակամ, առանց ծրագրի մեթոդիկային հետևելու, դասընթացը սկսում են «Հայր մեր» աղոթքով, որի ժամանակ աշակերտները ոստքի են կանգնում, իսկ վերջում՝ խաչակնքվում: Դասընթացի ժամանակ կատարվող ու պարբերաբար կրկնվող այս ծիսական գործողությունը հակասում է որոշ կրոնական կազմակերպությունների ու, մասնավորապես, Եհովայի վկաների կրոնական համոզմունքներին: Դա նաև խախտում է երեխաների իրավունքները և հակասում է կրոնի ու պետության անջատման սահմանադրական սկզբունքին» [9; էջ 31]:

«Արմավիրի դպրոցներից մեկում ուսուցուիին որոշել է յուրահատուկ կերպով այս խնդիրին լուծում տալ, քանի որ Եհովայի վկաները հրաժարվել են աղոթել և առավել ևս խաչակնքվել: Նա պարզապես Եհովայի վկաներին դասարանից դուրս էր հրավիրում աղոթքի ժամանակ, և երեխաները ներս էին մտնում միայն այն ժամանակ, երբ աշակերտների հիմնական մասը ավարտում էին աղոթքը» [9; էջ 32]:

Ներկա ուսումնասիրության տվյալներից ելնելով կարող ենք եզրակացնել, որ փոքրամասնությունների հանդեպ դրսեռքվող խտրականության և անհարգալից վերաբերմունքի դեպքերը զգալի նվազել են՝ նախկին տարիների համեմատ:

Անկախ այն հանգամանքից, որ Հայաստանի Հանրապետությունն այսօրվա դրությամբ առաջնորդվում են պետական մակարդակով որդեգրված քաղաքականությամբ, որի առաջնային նպատակը բոլորի հավասարությունն է և հավասար իրավունքների ապահովումը, այնուամենայնիվ, գործնական մակարդակում երբեմն չի հաջողվում խուսափել խտրականության դրսեռումներից՝ հատկապես կրթության ոլորտում:

Ամփոփում

Այսպիսով, Հայաստանի Հանրապետությունունը՝ հանդիսանալով ՄԱԿ-ի Մարդու իրավունքների և հիմնական ազատությունների Եվրոպական կոնվենցիայի անդամ պետություն, ստանձնել է պարտականություն՝ ապահովել կրթության իրավունքի իրացումը բոլորի համար հավասարապես՝ անկախ որևէ տարբերությունից, այդ թվում՝ կրոնական պատկանելիությունից:

Ինչպես արդեն նշեցինք, օրենսդրական մակարդակում առկա են բավարար իրավական երաշխիքներ կրոնական փոքրամասնությունների ներկայացուցիչների՝ կրթություն իրավունքի իրացման համար: Սակայն, գործնականում այս ոլորտում առկա են բազմաթիվ խնդիրներ, որոնք կապված են օրենքների կիրառման կառուցակարգերի, կրթություն ապահովելու հնարավորությունների և այլ հանգամանքների հետ:

Հիմք ընդունելով վերոգրյալը, գտնում ենք, որ անհրաժեշտ է ապահովել կրոնական փոքրամասնությունների կրթության իրավունքների իրացման այնպիսի կառուցակարգեր, որոնք կապահովեն հավասար հնարավորություններ և պրակտիկայում հնարավորինս կբացառեն խտրականության դրսեռումն ցանկացած ձև: Մասնավորապես, առաջարկում ենք ստեղծել մշտադիտարկում իրականացնող մարմին, որի միջնորդը ոչ միայն վեր կհանվեն, այլև կկանխվեն խտրականության դեպքերը միաժամանակ նպաստելով հասարակության ողջամիտ ինտեգրացիային և հանդուրժողականությանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. 1995թ. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն (2005 և 2015թ. փոփոխություններով):
2. «Կրթության մասին» ՀՀ օրենք (ընդունված՝ 14.04.1999 վերջին փոփոխումներով):

3. «Հայաստանի Հանրապետությունների կրթության իրավունքի իրացման արդի ...» Եկեղեցու հարաբերությունների մասին» <<օրենք:
4. Միջազգային դաշնագիր Քաղաքացիական և քաղաքական իրավունքների մասին, (ընդունված ՍԱԿ-ի Գլխավոր ասամբլեայի 1966թ. դեկտեմբերի 16-ի 2200 Ա (XXI) բանաձևով և բաց է ստորագրելու, վավերացնելու և միանալու համար // <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=18500>
5. Ազգային փոքրամասնությունների պաշտպանության մասին շրջանակային կոնվենցիա //<https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=81178>
6. Ազգային փոքրամասնություններին պատկանող անձանց իրավունքների ապահովման կոնվենցիան //<https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=79441>
7. Գարեգին Ա. Կաթողիկոս, Դեմադյան ինքներս մեզ հետ, Էջմիածին, 1997, Զ-Է, էջ 36-41:
8. Դանիելյան Ա. Կրոնական հանդուրժողականությունը Հայաստանում // <https://www.osce.org/files/f/documents/b/c/74895.pdf>
9. Հովհաննիսյան Հ. Կրոնի ազատությունը և ազգային փոքրամասնություններին պատկանող երեխաները և երիտասարդները: Դաշտային հետազոտություն. Եվրասիա համագործակցություն հիմնադրամ, Եր., 2014:
10. Головко А.Г. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод (вопросы теории). Ростов-н/Д., 1999. С. 44.
11. Копейчиков В.В. Реализация субъективных прав граждан // «Советское государство и право», № 3, 1984. СС. 15–19.
12. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Монография. Саратов, 1997. С. 85.
13. Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: теоретические проблемы // Монография. М., 1996. СС. 22–23.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

А.А. Степанян, Т.А. Микаелян
Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Образование является одним из основных прав человека, а его реализация – эффективным средством достижения свободы и равенства между людьми. Обеспечение и реализация права на образование религиозных меньшинств представляет собой важнейшую проблему как на национальном, так и на международном уровнях. Каждое государство обязано гарантировать основные права своих граждан, включая право на образование.

В статье рассматриваются актуальные нормы реализации права на образование религиозных меньшинств, анализируются существующие проблемы в практической реализации этого права в Армении и утверждается позиция о необходимости обеспечения таких механизмов реализации права на образование религиозных

меньшинств, которые обеспечат равные возможности и максимально исключат проявления дискриминации на практике.

Ключевые слова: религиозное меньшинство, образование, реализация права на образование, гарантии реализации права на образование, правовое регулирование.

CONTEMPORARY ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF RELIGIOUS MINORITIES' RIGHT TO EDUCATION IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

H. Stepanyan, T. Mikaelyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Education is one of the fundamental human rights and serves as an effective means of achieving equality and freedom among people. Ensuring and implementing the right to education for religious minorities is a crucial issue not only at the national but also at the international level. Every state is obliged to guarantee the fundamental rights of its people and citizens, including the right to education.

This article presents the current legal regulations concerning the implementation of the educational rights of religious minorities, analyzes the practical challenges faced in Armenia in this regard, and affirms the position that it is essential to establish mechanisms ensuring the realization of these rights. Such mechanisms should provide equal opportunities and minimize any form of discrimination in practice.

Keywords: religious minority, education, implementation of the right to education, guarantees of the right to education, legal regulations.

ՀՀ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՊԵՏԱԿԱՎԱԿԱՆ ՍԻՄՎՈԼ

Լ.Ա. Խալաթյան¹, Մ.Զ. Աֆրիկյան²

^{1,2} Ռուս-Հայկական (Ալավոնական) համալսարան
xalatyanaLaura1@gmail.com, mafrikyan.07@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը վերաբերում է իրավական սիմվոլներին և ՀՀ Սահմանադրության՝ որպես պետական սիմվոլ հանդիսանալու հիմնահարցին: Ուսումնասիրելով իրավական սիմվոլները, անդրադառնալով վերջիններին հատկանիշներին և տալով «իրավական սիմվոլ» հասկացության բնորոշումը, փաստում ենք, որ ՀՀ Սահմանադրությունը իրավաքաղաքական փաստաթուղթ լինելուց բացի, նաև համարվում է իրավական սիմվոլ, որի հարգումն ու պահպանումը, ոչ միայն կայանում է օրենքի տարին հետևելու, այլև սահմանադրությամբ ամրագրված արժեքների պահմանման և անհարկի փոփոխություններից զերծ պահելու մեջ:

Հիմնաբառեր՝ իրավական սիմվոլ, նշանային կառուցվածք, պատկեր-սիմվոլ, խոսք, ժեստ, առարկա, ֆեմինա, սիմվոլ-գործողություն, պայմանական պատկեր, ինքնիշխանություն, ժողովրդավարություն, ՀՀ Սահմանադրություն, սահմանադրական ինքնություն, սահմանադրական համակարգ, արժեհամակարգ, իդա:

Ներածություն

Սույն հետազոտությունը վերաբերում է իրավական սիմվոլներին և ՀՀ Սահմանադրության՝ որպես պետական սիմվոլ հանդիսանալու հիմնահարցին: Իրավական սիմվոլներն արտահայտում են պետության գաղափարական, քաղաքական և իրավական հիմքերը: Ներկայիս գլոբալիզացիոն գործընթացները, իրավաքաղաքական ոլորտում տարբար փոփոխությունների հետևանքով պետությունների առջև ծառացած մարտահրավերները և սահմանադրական արժեքների պահպանման անհրաժեշտությունը բարձրացնում են իրավական սիմվոլների, այդ թվում՝ սահմանադրության դերի կարևորությունը:

Սահմանադրության՝ որպես իրավական սիմվոլի ընկալումը կարևորվում է, քանի որ այն ոչ միայն իրավական կարգավորման միջոց է, այլև իրավագիտակցության ձևավորման կարևորագույն գործոն: Այս թեմայի ուսումնասիրման արդիականությունը պայմանավորված է նաև սահմանադրական մշակույթի զարգացման, սահմանադրական նորմերի

միջոցով ամրագրված արժեքների պահպանման, ինչպես նաև դրանց նկատմամբ հնարավոր սպառնալիքների կանխման անհրաժեշտությամբ:

Հետազոտության նպատակն է անդրադառնալ իրավական սիմվոլներին և ՀՀ Սահմանադրության՝ որպես պետական սիմվոլ հանդիսանալու հիմնահարցին:

Խնդիրներն են՝

1. Ներկայացնել իրավական սիմվոլների դասակարգումն ու տալ «սիմվոլ» հասկացության բնորոշումը:
2. Ցույց տալ, որ ՀՀ Սահմանադրությունն իրավաքաղաքական փաստաթուղթ լինելուց զատ, նաև կարող է դիտվել որպես պետական սիմվոլ և որպես պետական սիմվոլ՝ հարկավոր է այն գերծ պահել անհարկի փոփոխություններից:

Հետազոտության մեթոդները

Հետազոտությունն իրականացվել է համեմատման, ինդրուկցիայի, համակարգման և դասակարգման մեթոդների կիրառման միջոցով:

Բովանդակություն

«Սիմվոլ» եզրույթն առաջացել է հունական simbolon բառից, որ թարգմանաբար նշանակում է պայմանական նշան, նախանշան: Հստ Քեմբրիջի բառարանի՝ սիմվոլ նշանակում է նշան, ձև կամ առարկա, որն օգտագործվում է ինչ-որ այլ երևույթի նշանակման համար (օր.՝ Հնդկաստանի դրոշի վրա պատկերված անիվը խաղաղության սիմվոլն է), իսկ ըստ Ստ. Մալխասեանցի՝ առարկա, որն ունի խորհուրդ, այլաբանական իմաստ [11]:

Այն մարդկության պատմության սկզբնական շրջանում դասվում էր խորհրդավոր երևույթների շարքին, որի բնորոշումը տալը և վերջինիս էռլիքունը բացահայտելը բավական բարդ էր: Դրա վառ ապացույցն է Պյուլագորասի մեկնաբանումն, ով սիմվոլը համարում էր կապող օղակ գոյություն ունեցող աշխարհի և «Վերին աստվածային» աշխարհի միջև, իսկ իրավագետ, պրոֆեսոր Խաչիկ Սամուելեանն իր աշխատության մեջ նշում էր, որ հայ իրավունքի պատմության վաղ շրջանում անձինք քաղաքացիական, առքուվաճառքի, պայմանագրերի կնքման հարաբերություններին առնչվող իրավաբանական հասկացությունները ներկայացնելու համար՝ դիմել են սիմվոլների օգնությանը, հետևաբար վերջինից ակնհայտ է դառնում, որ եթե իրավունքը գտնվել է իր նախնական ձևավորման փուլում և եթե չեն եղել հասարակական հարաբերությունները

կարգավորող իրավական նորմեր, սիմվոլները դիտվել են, որպես իրավական կարգավորման մեխանիզմի բաղադրատարք [3]:

Սիմվոլներին իրավական տեսանկյունից մեծ նշանակություն էր տրվում նաև միջնադարում: Այսպես Լ. Հոֆֆի կարծիքով վասալականությանն առնչվող արարողությունները տիալիկ իրավական սիմվոլիկ արարողություններ էին, որոնք պարունակում էին երեք սիմվոլիկ տարր՝ խոսք, ժեստ, առարկա և այս եռամիասնության դրսնորումն իրավունքում իր արմատներով գնում է անգամ ավելի վաղ ժամանակաշրջան, Հին Հռոմ, որտեղ կողմերի կողմից բերված սիմվոլները հռոմեացի իրավաբանների կողմից դիտվում էին, որպես վերջիններիս կողմից տրված հրապարակային ցուցմունքներ, որոնք ունեին իրավաբանական ուժ: Իրավունքում նմանատիպ սիմվոլիկ արարողակարգերի օրինակների հանդիպում ենք միջնադարյան աշխարհի տարբեր հատվածներում՝ Իսպանիայում, Իտալիայում, Անգլիայում, Չեխիայում, Գերմանիայում ու Չինաստանում [5]:

Այսպիսով նկատելի է դառնում այն, որ սիմվոլներն առաջանում են պարզունակ հասարակության մեջ, երբ մարդիկ կարիք ունեն ինչ-որ կերպ համակարգելու համատեղ գործունեությունը և իրենց ձեռք բերած փորձը փոխանցելու հաջորդ սերունդներին [6], այլ կերպ ասած, հասարակությունը մշտապես կարիք ունի սիմվոլների, քանի որ դրանք կոլեկտիվ ինքնության ձևավորման հիմնական արտահայտիչն են:

Իրավական սիմվոլների ուսումնասիրությամբ զբաղվել են Վ. Բաբաևան, Վ. Բառանովը, Ա. Նիկիտինը, Մ. Դավիթովան, պրոֆ. Խ. Սամուելյանը, Ա. Մանայանը, Տ. Սիմոնյանը և այլք: Հետազոտողների մոտեցումներն՝ ըստ սիմվոլների էության ըմբռնման հիմնականում բաժանվում են 2 մեծ խմբերի՝ պատմահրավական մոտեցման և տեխնահրավական մոտեցման կողմնակիցներ: Առաջին խմբի հետազոտողները սիմվոլը նույնացնում են իրավական սովորույթի հետ, ինչպես նշում է Կապիցինը սիմվոլներն ուղղորդում էին մարդկանց վարքը, երբ ձևավորվում էր ուսումնական չգրված «նախահրավունքը» [7], իսկ երկրորդ խմբի հետազոտողները սիմվոլը դիտում են, որպես իրավունքի անբաժան մաս [8]: Հակված լինելով երկրորդ խմբի հետազոտողների մոտեցմանը, միաժամանակ չհերքելով առաջին մոտեցման ձևարտացիությունը նշենք, որ վերջիններիս մեծ մասի կարծիքով, իրավական սիմվոլները պայմանական պատկերներ են, որոնք արտահայտում են իրավական բովանդակություն [4]: Մակայն նման սահմանումը, մեր կարծիքով, իրավական սիմվոլի հասկացությունը ներկայացնում է բավականին նեղ իմաստով:

Ս. Դավիթովան և Ա. Նիկիտինը իրավական սիմվոլները բաժանում են երեք խմբի: Սիմվոլներ, որոնք ամրագրված են իրավունքի պաշտոնական աղբյուրներում և պաշտպանված են պետության կողմից: Ավանդական իմաստով հենց այս տիպի սիմվոլներն են հանդիսանում տիպիկ իրավական սիմվոլներ: Սիմվոլներ, որոնք օգտագործվում են իրավունքում: Դրանք ըստ էության չեն ստացել իրավական ամրագրում, սակայն ունեն ուղղակի առնչություն իրավունքի հետ: (օր.՝ Ֆեմինիզմի արձանը որպես արդարադատության խորհրդանշից): Սիմվոլներ, որոնք նշված են օրենսդրության մեջ, առանց իրավական բնույթ ձեռք բերելու (օր.՝ սիմվոլներ, որոնց օգտագործումը արգելվում է գործող օրենքով) [9]:

Եթե Վ. Բարանան իրավական սիմվոլը բնութագրում է որպես պայմանական պատկեր, ապա Դավիթովայի և Նիկիտինի գիտական աշխատություններում շեշտադրվում է իրավական սիմվոլ հասկացության բազմաշերտ և բազմաբովանդակ բնույթը: Դավիթովայի մեկ այլ դասակարգման համաձայն իրավական սիմվոլների համակարգը, ըստ արտաքին ձևի, բաժանվում է երկու տիպերի՝ ստատիկ և դինամիկ սիմվոլների: Օրինակ՝ ստատիկ սիմվոլներից են հանդիսանում առարկայական սիմվոլները՝ դրոշները, ձանապարհային նշանները և այլն: Ստատիկ սիմվոլներից են պատկեր-սիմվոլները, որոնց պարագայում առաջնային նշանակություն ունի պատկերը, որը պահպանում է իրավաբանական ուժը, նյութական կրիչից անկախ: Դրանցից են հանդիսանում՝ զինանշանը, ապրանքային նշանները, հեղինակային իրավունքի պաշտպանիչ նշանները և այլն: Ստատիկ սիմվոլներից են նաև գրավոր-բառային սիմվոլները, որոնք նման են առարկայական սիմվոլներին, քանի որ նրանք հաճախ դրսերվում են թթյե տարբերակով: Այս սիմվոլների իմաստը արտահայտվում է բառային ձևով, ուստի այն ավելի փոփոխական է: Սակայն սիմվոլի իմաստը չի սահմանափակվում միայն

բառերի իմաստով (օր.՝ ստորագրությունը հանդիսանում է փաստաթղթի լեզվիմացիայի համար անհրաժեշտ պայման, որի միջոցով վերջինս կապվում է կոնկրետ ժամանակի, վայրի և որոշակի անձանց հետ՝ ստանալով իրավաբանական ուժ): Գրավոր բառային սիմվոլների թվում կարելի է դասել նաև իրավաբանական փաստաթուղթը, քանի որ դրա վրա կարող են լինել պետությունների և պետական մարմինների անվանումները, ֆիզիկական և իրավաբանական անձանց անունները, ինչպես նաև դրանց համառոտագրությունները: Դինամիկ սիմվոլներից են հանդիսանում սիմվոլ-գործողությունները, ձայնային և լուսային սիմվոլները: Զայնային սիմվոլներից են օր.՝ հիմնի երաժշտությունը, հրշեց ազդանշանը, սիմվոլ-գործողություններից են՝ դրոշի բարձրացումը,

պարզեցատրումը, ամուսնության գրանցումը և այլն: Հեղինակների նշված դասակարգումներից պարզ է դառնում, որ իրավական սիմվոլ հասկացությունը միայն պատկերների հետ չէ, որ կապվում է:

Իրավական մոտեցման շրջանակում սիմվոլներն ունեն հատկանիշներ, որոնք վերջիններիս, առանձնացնում են առվրական նշաններից (և որոնք բնորոշ են նաև ՀՀ Սահմանադրությանը, որպես պետական սիմվոլ), այդ հատկանիշներից կարևորագույններն են՝ Բազմիմաստությունը: Այսպես, Վ. Մարտիրոսյանը նշում է. «սիմվոլը մշտապես կապված է իմաստային բազմարժեքության հետ, իսկ նշանը՝ որևէ ֆիքսված իմաստի կրողն է (ինչպես ՀՀ Սահմանադրությունը, որը հանդես է գալիս և որպես նորմատիվ իրավական ակտ, և որպես սահմանադրական ինքնության և սահմանադրական կարգի սիմվոլ):»

Իրավական կարգավորման ֆունկցիան: Իրավական սիմվոլների ամենակարևոր հատկանիշը դրանց իրավական կարգավորման ֆունկցիան է: Այս հատկանիշը, ի տարբերություն մյուսների, ինքնին բավարար չէ սիմվոլները նմանատիպ նշաններից տարբերակելու համար, սակայն զգալիորեն սահմանափակում է այն սոցիալական խորհրդանիշների շրջանակը, որոնք իրավական նշանակություն չունեն [8]:

Հաշվի առնելով վերը նշված դասակարգումները, հատկանիշներն ու հետազոտողների մոտեցումները «Իրավական սիմվոլ» հասկացությունը կարելի է բնորոշել հետևալ կերպ՝

Իրավական սիմվոլները դրանք պետական պաշտպանության տակ գտնվող և իրավական ներգործություն ունեցող նշաններ են, որոնք հանդիսանում են իրավագիտակցության ձևավորման և իրավական կարգավորման միջոց:

Այսպես, որոշ պետություններում Սահմանադրությունն ի սկզբանե ավելի շատ ֆորմալ դեր է ունեցել, քան արժեք ձևավորող: Սակայն հետազոյում այն ձեռք է բերել նաև սիմվոլիկ նշանակություն: Ավատրիայի Սահմանադրությունը (ընդունված՝ 1920թ.) ի սկզբանե ձևավորվել է Կելքենյան գաղափարների ազդեցության տակ, ըստ որոնց Սահմանադրությունն ընկալվում էր որպես օրենք, այլ ոչ թե որպես պետության հիմք: Այսինքն Սահմանադրությունն համարվում էր ավելի շատ իրավական գործիք և ոչ թե պետության հիմք: Բազմաթիվ երկրներում Սահմանադրությունն ընկալվում է ոչ միայն որպես նորմատիվ իրավական ակտ, այլև որպես պատմական փաստաթուղթ՝ խորապես կապված տվյալ պետության քաղաքական և իրավական զարգացումների հետ: Այդպիսի օրինակներից է Լյուքսեմբուրգի 1868 թվականի Սահմանադրությունը, որը դասվում է այն սահմանադրությունների շարքին, որոնք կրում են

«զարգացող» բնույթ: Չնայած այն շարունակում է գործել որպես պողիտիվ իրավունք և հանդիսանում է իրավական իիմք, միաժամանակ ընկալվում է նաև որպես պատմական և քաղաքական փաստաթուղթ: Շատ պետություններում պատմականորեն ձևավորվել է մեծ հարգանք սահմանադրության նկատմամբ: Օրինակ՝ Ֆինլանդիայում, եթե ֆինները պայքարում էին Ռուսաստանի կողմից ինքնավարության սահմանափակման դեմ, շեշտում էին, որ բոլոր իշխանությունները պարտավոր են պահպանել Ֆինլանդիայի Սահմանադրական ակտերը: Եվ այս զարգացումները տանում են նրան, որ Սահմանադրությունն չի կարելի որակել, որպես միայն բարձրագույն իրավարանական ուժ ունեցող իրավական ակտ:

Ինչպես գիտենք, ՀՀ Սահմանադրության առաջին գլխում ամրագրված է սահմանադրական կարգի իիմունքները, որի ցանկացած նորմ կանխորոշիչ նշանակություն ունի սահմանադրության մնացյալ նորմերի նկատմամբ: Եվ առաջին գլխի առաջին իսկ հոդվածով նշվում է Հայաստանի Հանրապետության ինքնիշխան, ժողովրդավարական, սոցիալական, իրավական պետություն լինելու մասին: Այս հոդվածով շեշտվում է իշխանության գերակայության, անկախության, ժողովրդավարության, իրավունքի գերակայության և սոցիալական արդարության ձգողող պետության մասին: Ինչպես նաև նախարանում նշվում է՝ «Հայ ժողովուրորը, իիմք ընդունելով Հայաստանի անկախության մասին հոչակագրում հաստատագրված հայոց պետականության իիմնարար սկզբունքները և համազգային նպատակները, իրականացրած ինքնիշխան պետության վերականգնման իր ազատասեր նախնիների սուրբ պատգամը, նվիրված հայրենիքի հզորացմանը և բարգավաճմանը, ապահովելու համար սերունդների ազատությունը, ընդհանուր բարեկեցությունը, քաղաքացիական համերաշխությունը, հավաստելով հավատարմությունը համամարդկային արժեքներին, ընդունում է Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրությունը» [1]: Նախարանից, ինչպես նաև Սահմանադրության առաջին հոդվածից կարելի է բիւեցնել հետևյալը, որ Սահմանադրությունը ոչ միայն կանխորոշում է պետության և ժողովրդի նպատակները, այլ նաև բնորոշում է երկրի Սահմանադրական ինքնությունը:

Նշեցինք, որ հասարակությունը մշտապես կարիք ունի սիմվոլների, քանի որ դրանք կուեկտիվ ինքնության ձևավորման իիմնական արտահայտիչն են, հետևաբար, պարզ է դառնում, որ սիմվոլներն անհրաժեշտ են նաև սահմանադրական համակարգի և սահմանադրական ինքնության ձևավորման համար: Ուստի սահմանադրությունը պահպան կարգավորում է պատուի ակնհայտ է դառնում, որ Սահմանադրությունները և դրանցում սահմանված սահմանադրական արժեքները հանդիսա-

նում են կոլեկտիվ սահմանադրական ինքնության ձևավորողները և իրենց էռությամբ ցույց են տալիս, որ այստեղ մենք գործ ունենք ոչ թե ուղղակի «գրված իրավական տեքստերի», այլ նաև արժեքների համախմբման հետ [12]:

Հայ Դ. Շուստրովի մեկնաբանման սահմանադրական ինքնությունը Սահմանադրության հիմնարար հատկություն է, որը վկայում է նրա ինքնության պահպանման՝ ինքնատիպ ու անփոփոխ բնույթի մասին: Սահմանադրական ինքնությունը ձևակերպվում է այն սահմանադրական դրույթների և/կամ սկզբունքների ամբողջությամբ, որոնք արտահայտում են Սահմանադրության բովանդակային էռությունը և որոնք չեն կարող փոխվել նրա գործողության շրջանակներում: Եթե սահմանադրական ինքնությունը փորձենք բնութագրել մեկ բառով, ապա դա կլինի «էռություն»: Սահմանադրական ինքնությունը Սահմանադրության էռության արտահայտումն է [10]:

Այստեղից պարզ է դառնում, որ Սահմանադրությունը՝ որպես գրավոր փաստաթուղթ խորհրդանշում է սահմանադրական ինքնությունը և սահմանադրական համակարգի կայունության պահպանման անհրաժեշտությունը: Դավիդովայի սիմվոլների դասակարգումներից ենելով՝ Սահմանադրությունը որպես սահմանադրական դրույթների ամբողջություն կարելի է դասել գրավոր բառային սիմվոլների շարքին, որը արտահայտում է սահմանադրական ինքնությունը և սահմանադրական համակարգի կայունության պահպանման անհրաժեշտությունը: Այլ կերպ ասած Սահմանադրությունը կարելի է համարել պետության անհատականացման միջոց, որպես պետության «անձնագիր»:

Որոշ աղբյուրներում Սահմանադրությունը մեկնաբանվում է որպես սոցիալական հարաբերությունները կարգավորող բարձրագույն իրավաբանական ուժ ունեցող իրավական ակտ, սակայն այդ բնորոշումը մեր կարծիքով ամբողջովին չի արտահայտում Սահմանադրության էռությունը: Այն ունի նաև խորքային սիմվոլիկ նշանակություն, որին պետք է հատուկ ուշադրություն դարձնել և ինչպես նշվում է Գ. Զարությունյանի «ՀՀ Սահմանադրության մեկնաբանություններ» ժողովածուի մեջ՝ Սահմանադրությունը յուրաքանչյուր պետության համար ոչ միայն հիմնական օրենք է, այլև յուրօրինակ պետական խորհրդանշից, որն իր մեջ ամփոփում է այն ընդունող ժողովրդի ինքնությանը բնորոշ արժեհամակարգերն ու իդեալը [2]:

Սահմանադրական ինքնությունը արտահայտում է սահմանադրի՝ ժողովրդի ինքնությունը և տեսնելով անմիջական կապ Սահմանադրության անհարկի փոփոխությունների և վերջինիս սիմվոլիկ դերի միջև,

գտնում ենք, որ պետք է բացառել այն փոփոխությունները, որոնք կարող են խաթարել ազգային արժեքներն ու գաղափարները: Այնուամենայնիվ Սահմանադրությունը պետք է կարողանա արձագանքել սոցիալական զարգացումներին, ինչը Սահմանադրության տեքստային փոփոխությունների բացառումը դարձնում է անհնարին, սակայն այստեղ դինամիկ կայունության մասին է խոսքը, այլ ոչ թե ստատիկ և եթե փոփոխությունները հանդիսանում են, որպես ժողովրդավարության կայացման լծակ, ապա դա միայն նպաստում է սահմանադրության սիմվոլիկ դերի բարձրացմանը, սակայն, եթե տեղի ունեցող փոփոխությունները կատարվում են քաղաքական նկատառումներով, դա կարող է բերել Սահմանադրությամբ ամրագրված արժեքների և սահմանադրական ինքնության խեղաթյուրման:

Սահմանադրությունը պետք է հասարակության կողմից ընկալվի որպես հիմնարար փաստաթուղթ, որպես սահմանադրական համակարգի խորհրդանիշ: Այն պետք է ստեղծի իրապես գոյություն ունեցող սահմանադրականության զգացողություն, այլ ոչ թե ընկալվի որպես քաղաքական հայտարարություն, որը պատահաբար ընդունվել կամ փոփոխվել է յուրաքանչյուր քաղաքական իրադարձությանը զուգահեռ:

Եզրակացություն

Ամփոփելով մեր կողմից տարված հետազոտության արդյունքները կարող ենք նշել՝

- Իրավական սիմվոլները դրանք պետական պաշտպանության տակ գտնվող և իրավական ներգործություն ունեցող նշաններ են, որոնք հանդիսանում են իրավագիտակցության ձևակորման և իրավական կարգավորման միջոց, իսկ ՀՀ Սահմանադրությունը դասելի է գրավոր-բառային սիմվոլների շարքին:
- ՀՀ Սահմանադրությունը իրավաքաղաքական փաստաթուղթ լինելուց զատ նաև պետական սիմվոլ է, որը մարմնավորում է ժողովրդի ինքնությունը: Որպես սահմանադրական ինքնության արտահայտություն՝ այն ունի ոչ միայն նորմատիվ, այլև խորքային գաղափարական նշանակություն, և եթե սահմանադրության փոփոխությունները հանդիսանան որպես ժողովրդավարության կայացման լծակ, ապա դա միայն կնպաստի սահմանադրության սիմվոլիկ դերի բարձրացմանը, սակայն, եթե տեղի ունեցող փոփոխությունները կատարվեն քաղաքական նկատառումներով, դա կարող է բերել սահմանադրությամբ ամրագրված արժեքների և սահմանադրական ինքնության խեղաթյուրման: Սահմանադրու-

թյունը պետք է հասարակության կողմից ընկալվի որպես հիմնարար փաստաթուղթ, որպես սահմանադրական համակարգի խորհրդանիշ: Այն պետք է ստեղծի իրավես գոյություն ունեցող սահմանադրականության զգացողություն, այլ ոչ թե ընկալվի որպես քաղաքական հայտարարություն, որը պատահաբար ընդունվել կամ փոփոխվել է յուրաքանչյուր քաղաքական իրադարձությանը զուգահեռ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

- ՀՀ Սահմանադրություն, փոփոխություններով, 06.12.2025, arlis.am/documentview/docID23 (մուտք 21.03.2025):
- ՀՀ սահմանադրության մեկնաբանություններ / լնդիանուր խմբագրությամբ՝ Գ. Հարությունյանի, Ա.Վաղարշյանի, «Բրավունք» հրատ., Եր., 2010, 1086 էջ:
- Սամուջեան Խ. Հայ իրաւաբանական սիմբոլները, 9 էջ, 78371.pdf (մուտք 19.04.2025).
- Бабаева В. Теория государства и права. М.: «Юристъ», 2003, 592с.
- Глушиakov A. Символы в истории цивилизации: юридический аспект. 315с., <https://cyberleninka.ru/article/n/simvoly-v-istorii-tsivilizatsii-yuridicheskiy-aspekt/pdf> (մուտք 21.03.2025).
- Давыдова M. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация. 63с. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-simvoly-i-simvoly-v-prave-ponyatiye-znachenie-klassifikatsiya> (մուտք 21.03.2025).
- Капицын В. Символизм права во взаимодействии глобальных универсалий и национального контекста. 11с. <https://www.google.com/url?sa> (մուտք 21.03.2025).
- Мальцев И. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // «Журнал Высшей школы экономики», № 4, 2019. СС. 100–121.
- Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // «Проблемы юридической техники», Н. Новгород, 2000. 823с.
- Шустров Д. Конституционная идентичность и изменение конституции // «Вестник Московского университета», Сер. 11. Право № 4, 2020. СС. 21–48. <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-identichnost-i-izmenenie-konstitutsii> (մուտք 21.03.2025).
- Cambridge Dictionary, <https://dictionary.cambridge.org> (մուտք 21.03.2025).
- Manasyan A., Simonyan T. Legal Symbolism and Constitutional Policy in Contemporary Reality of Changes // “Study Politologiczne”, Vol. 61. PP. 152–185.

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИМВОЛ

Լ. Խալատյան¹, Մ. Աֆրիկյան¹

¹Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена правовым символам и вопросу признания Конституции Республики Армения государственно-правовым символом. Исследуя правовые символы, рассматривая их ха-

рактерные черты и давая определение понятию «символ», мы утверждаем, что Конституция РА, помимо того, что является правополитическим документом, также рассматривается как правовой символ. Уважение и соблюдение Конституции заключается не только в следовании букве закона, но и в сохранении закрепленных в ней ценностей и недопущении необоснованных изменений.

Ключевые слова: правовой символ, знаковая структура, образ-символ, речь, жест, предмет, Фемида, символ-действие, условное изображение, суверенитет, демократия, Конституция РА, конституционная идентичность, конституционный строй, система ценностей, стремление.

THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AS A STATE-LEGAL SYMBOL

L. Khalatyan¹, M. Afrikyan¹

¹ Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article addresses legal symbols legal symbols and the issue of recognizing the Constitution of the Republic of Armenia as a state-legal symbol. By examining legal symbols, addressing their defining characteristics, and providing a definition of the term “symbol”, we assert that the Constitution of the Republic of Armenia, beyond being a legal-political document, is also considered a legal symbol. Respecting and upholding it involves not only adherence to the letter of the law but also preserving the values enshrined in the Constitution and protecting it from unwarranted changes.

Keywords: legal symbol, sign structure, image-symbol, speech, gesture, object, Themis, symbol-action, conventional image, sovereignty, democracy, Constitution of the Republic of Armenia, constitutional identity, constitutional system, value system, aspiration.

ПОЛИТОЛОГИЯ

THE “AENEID” BY KOTLIAREVSKY: CONNECTION TO VIRGIL AND THE STORY OF A LOST HOMELAND

A. Kapustian

Russian-Armenian (Slavonic) University
cry.sana.moonchild@gmail.com

ABSTRACT

This article examines Ivan Kotliarevsky's adaptation of Virgil's "Aeneid" and its role in shaping Ukrainian identity. Reinterpreting the epic through a Cossack lens, Kotliarevsky transforms Virgil's themes into a satirical yet patriotic narrative. The study explores the historical and cultural context, linguistic significance, and national impact of his work. It also discusses the 1991 animated adaptation, highlighting its portrayal of Ukrainian traditions. By linking Virgil's epic, Kotliarevsky's travesty, and their cultural implications, the article reveals how epic narratives evolve and influence national literature and identity.

Keywords: Ukrainian literature, Ivan Kotliarevsky, "Aeneid", Virgil, national identity.

In light of the challenges faced by the Ukrainian state over the past decade, the need has arisen to explore ways to resolve social crises, leading us to draw upon the experiences of previous generations. In this context, the question of adapting classical literary works to contemporary cultural realities becomes especially significant. Examining the connections between an ancient epics and national literary traditions provides a deeper understanding of the mechanisms of cultural transformation and mutual influence, as well as helping to develop new approaches to narrating Ukrainian history through the lens of literature. Of particular importance in this context is Ivan Kotliarevsky's "Aeneid", which reinterprets Virgil's classical "Aeneid" and becomes a symbol of national identity and nation-building. Given that in 2025, many events are planned to spread Ukrainian Culture worldwide, the study of such works takes on even greater significance, emphasizing the importance of Ukraine's cultural heritage on the international stage.

Despite the numerous studies examining Kotliarevsky's "Aeneid", questions about its connection to the ancient original and its emphasis on the struggle for independence remain in the shadows and therefore require closer scrutiny. Furthermore, Kotliarevsky's work demonstrates the adaptability of epic plots and their applicability to various cultures, opening new opportunities for the study of this element. Additionally, the aspect of forming national identity and building a nation

demands thorough consideration in modern realities, seeking ways and directions to study these themes in conjunction with the existing cultural heritage.

Thus, the purpose of this article is to explore how Kotliarevsky adapted ancient motifs and what new meanings and values he brought to Ukrainian literature. It also aims to investigate key episodes, historical and cultural contexts, and contemporary challenges associated with adapting classical plots in literature.

When we speak of the “Aeneid”, we immediately recall Virgil and the countless works of literature, art, and music inspired by his masterpiece. Ivan Kotliarevsky’s “Aeneid” is among them, yet it fundamentally diverges from Virgil’s original in its underlying idea.

Virgil’s “Aeneid” was not only a work that glorified Rome and its rulers as the “descendants” of the great Aeneas but also laid the foundation for all subsequent European literature, creating a model of Latin poetry for generations to follow. At the same time, the “Aeneid” serves as a kind of political manifesto to reinforce and expand the Roman Empire, intertwining the myth of Rome’s origins with the “divine will” that enabled the foundation of the future empire’s capital.

In essence, Virgil’s “Aeneid” is an ideologically imperial work, legitimizing the princeps’ actions in conquering new territories and spreading “Pax Romana” and the Latin language.

This is where Kotliarevsky’s “Aeneid” fundamentally differs from the original. To understand this, we need to examine the historical context in which the author lived and created one of the most significant works of Ukrainian literature.

Ivan Petrovych Kotliarevsky was born in Poltava in 1769 into a noble Cossack-officer family, five years after the abolition of the Hetmanate and the title of Hetman of the Zaporizhian Host in 1764, and six years before the complete destruction of the Zaporizhian Sich in 1775 [1]. It can be confidently asserted that Kotliarevsky was raised and grew up in an environment of nostalgia among the Ukrainian elite for the Cossack era and its independent statehood. Many scholars also agree that by the late 18th century, the process of forming a Ukrainian nation was beginning against the backdrop of the tragic events of Ukrainian subjugation and the transformation of the Hetmanate into “Malorossiya”.

In 1798, the first three parts of the poem were published, albeit printed in “yarizhka” – a phonetic system using Russian script to record Ukrainian words. Nevertheless, it was written in the vernacular Ukrainian language spoken not only by the Ukrainian elite but also by ordinary peasants. The “Aeneid” included an appendix with a “Dictionary of Little Russian Words”, containing about 1,000 Ukrainian words unfamiliar to Russian readers or resembling Russian words but having different meanings [2]. Thus, the poem holds significant linguistic value.

As in Virgil’s original, Kotliarevsky’s burlesque adaptation recounts the story of the Trojan hero Aeneas, who, after the destruction of his homeland by the Achaeans, seeks a new refuge with his followers, driven by the gods’ will. However, while Virgil portrays Aeneas in the same heroic image as Homer, Ivan Kotliarevsky reimagines the hero in a way that resonates with Ukrainian culture, making Aeneas the ataman of the Trojan army and the Aeneads (Aeneas’ companions) into Cossacks.

Kotliarevsky uses every opportunity to transpose familiar Ukrainian cultural elements onto the characters and events of Virgil's epic poem. He transforms Virgil's serious, lofty heroes, devoted to Roman ideals of justice and heroism, into merry, cunning, and willful Cossack characters.

The travesty and comedy of Kotliarevsky's "Aeneid" were especially vividly portrayed in the first animated film of independent Ukraine, the 1991 "Aeneid" by Ukranimafilm, directed by Volodymyr Dakhno and painted by Eduard Kirych.

The cartoon begins with a close-up shot of "Troyan Sich". We see peasants plowing the land, sowing and harvesting millet, a mill where flour is being ground, women kneading dough, and a cook preparing dumplings for all the Cossacks. All of this reflects the daily life of the inhabitants of Zaporizhian Sich, a way of life that Kotliarevsky himself once witnessed and whose stories have reached us thanks to him and his contemporaries.

Next, we see a ship sailing across the sea with Greeks who intend to attack Troyan Sich. However, the Trojans, led by Aeneas, are feasting and, unwilling to interrupt their celebration, easily defeat the enemy army by getting them drunk on **sivukha** (a strong homemade alcohol). This episode vividly showcases the cheerful, carefree, yet courageous nature of Ukrainians.

It is in the first scene of the cartoon that Zeus appears for the first time, delivering a lightning-bolt message in the form of a telegram to Aeneas, informing him that he and his people must leave Troyan Sich and embark on a journey in search of a new home in Latinium. While in this scene the supreme god is depicted as an all-powerful divine messenger, in the following episodes, he and other gods are shown wearing traditional Ukrainian clothing, also feasting, indulging, and reflecting in their divine lifestyle everything that happens in Sich. Zeus (**Zewes**) drinks **sivukha**, eating it with herring and salted onions, while reclining in a richly embroidered traditional **zhupan** and **sharovary**, with an **oseledets (khohol)** on his head, clearly embodying the image of a high-status Cossack. Aeolus, dozing, smokes a pipe while wearing a wide-brimmed straw hat, an embroidered **vyshyvanka**, and the same **sharovary**, playing the role of a wealthy Ukrainian grandfather living on his estate. These memorable images of the gods reflect the cultural aspects of life in Sich, showcasing clothing characteristic of different layers of Ukrainian society in the 18th century.

In the cartoon, the element of faith is portrayed with the characteristic absurdity of Kotliarevsky: despite the frequent appearance of ancient gods on screen, the **Eneads** carry an Orthodox church with them throughout their journey from Troyan Sich to Latinium. This symbolizes a fusion of the stories of Virgil and Kotliarevsky, which also serves as a humorous element.

An important episode occurs at the very end of the cartoon, where a feast takes place in celebration of Lavinia and Aeneas' wedding. The scene is depicted in the spirit of Ukrainian traditions: the entire settlement celebrates, feasting lavishly and joyfully. After the wedding, Aeneas and Lavinia have children, brought to them by storks; Sich expands, and the army grows stronger. In the final shot, we see the inscription "Sich Rymśka" (**Roman Sich**). This name did not exist in Kot-

liarevsky's original work, and this innovation is the creation of the cartoon's authors [3].

To highlight the striking differences between the works of Virgil and Kotliarevsky, I will present episodes from the poems and compare them with moments from the animated adaptation.

One of the most important elements in all three works is the veneration of ancestors, as Aeneas' father, Anchises, serves not only as a guide for his son but also as a role model for the mighty and brave Aeneas, embodying paternal wisdom and a connection to the past.

Virgil, describing Aeneas' rescue of Anchises from the ruins of Troy, writes in Book II [4]:

*“Haste, my dear father, (’tis no time to wait,
And load my shoulders with a willing freight.
Whate’er befalls, your life shall be my care;
One death, or one deliv’rance, we will share”.*

This moment emphasizes not only Aeneas' deep connection with his father but also the importance of Anchises as a symbol of continuity, wisdom, and heritage, making him an irreplaceable figure in the protagonist's life. In Virgil's version, Anchises dies of old age while traveling with his son to the shores of Sicily.

Kotliarevsky depicts the episode of a son's respect for his father differently [5]:

*“Although Aeneas was intoxicated,
He still remained a lucid man.
He was a pious son and dedicated
To his departed father and his clan.
The day his father croaked,
He guzzled too much booze and choked;
That folly caused his premature demise.
Aeneas wished to give a dinner
That beggars should pray for the sinner,
Whom gods should lead to paradise”.*

In the comedic and absurd spirit of the Ukrainian version of the poem, Anchises dies from intoxication with **sivukha**. In turn, Aeneas, to pay his respects, organizes a memorial feast for his father, gathering all the Trojans to help. This episode highlights the importance of the father figure not only for Aeneas but also for the entire Cossack army, which traditionally honors the respected father of their **ataman**, Aeneas.

In the 1991 animated adaptation, Anchises and his significance to Aeneas are also presented in a travesty format. Anchises does not appear before the audience in person; instead, we see only his grave, which Aeneas visits to pay his respects to his departed father. In the spirit of Orthodox traditions, Aeneas brings a **memorial meal** to the grave-vodka and a cucumber as a snack—which magically disap-

pear before his eyes. The scene then shifts to the image of Anchises on the tombstone, and the audience sees his face turning red from the "consumed" alcohol.

This episode not only illustrates Anchises' importance to Aeneas, as he visits his late father before departing from Troy, but also emphasizes traditions inherent in Ukrainian culture, presenting what would seem to be a sorrowful moment of farewell in a comedic light.

Another significant aspect of the *Aeneid* is its ending, which is also interpreted differently in the various versions of the story.

In Virgil's *Aeneid*, the decisive battle between Aeneas and Turnus is described in Book XII [4]:

*"Traitor, dost thou, dost thou to grace pretend,
Clad, as thou art, in trophies of my friend?
To his sad soul a grateful off'ring go!
'Tis Pallas, Pallas gives this deadly blow".
He rais'd his arm aloft, and, at the word,
Deep in his bosom drove the shining sword.
The streaming blood distain'd his arms around;
And the disdainful soul came rushing through the wound."*

Aeneas hesitates, torn by doubt over whether to kill Turnus, but upon seeing the armor on his enemy's shoulder – armor that had once belonged to his fallen friend Pallas – he is overcome with rage and slays his foe. Thus, Virgil's *Aeneid* ends with the hero's victory, securing the newly founded state and avenging his dear friend.

Kotliarevsky, in turn, ends his poem at the same moment [5]:

*"He grabbed him by the hair and turned
His front side up, then put his knee
Upon his breast and roared: "You've earned
For your contempt and treachery,
For mocking our hero,
You, such a worthless zero,
Not life, but death and knell.
Now, Pallant is dispatching you,
Your time is due,
Go, meet your Uncle Lucifer in Hell!"*

*With this, he thrust his sword
Into Turn's open snout
And turned it three times lest the lord
Would want to talk or shout.
The Rutul's spirit without thrill
Flew off to Hell against its will
To feast with Pluto and to see his tricks.
Whoever lives without reflection,*

*He'll never find the satisfaction,
And when, besides, his conscience pricks".*

But, in his signature style, the writer adds a touch of Ukrainian color with a playful remark, mocking the reckless Turnus and symbolically killing him with a triple turn of the sword. It is with this display of cultural vibrancy that Kotliarevsky's travestied *Aeneid* comes to an end.

The animated adaptation of *Aeneid* presents the final battle between Aeneas and Turnus in an even more absurd manner. Turnus sends a letter to Aeneas, who observes from the city walls the failed attempts of Turnus' troops to break into Rome. Upon receiving the message, the Cossacks sit down to write a response – this moment is a direct reference to Ilya Repin's famous painting *The Zaporozhian Cossacks Write a Letter to the Turkish Sultan*, which depicts the historical event of the Cossacks composing an insult-filled, humorous letter to the Ottoman ruler. After sending the reply, Aeneas does not engage in direct combat with his enemy but instead crafts a **scarecrow** of himself, deceiving Turnus. Realizing that he cannot defeat the cunning and resourceful **koshevoi ataman**, Turnus angrily leaves the battlefield. The film concludes with a feast celebrating the wedding of Aeneas and Lavinia, in the spirit of Slavic fairy tales with a happy ending.

Taking into account Kotliarevsky's work and the numerous artistic interpretations of it, including the animated *Aeneid*, which became one of the most recognizable animation projects of post-Soviet independent Ukraine, I believe that it is impossible to underestimate the significance of the writer's contribution to shaping the Ukrainian national idea. He seamlessly integrated social issues of his time into an ancient storyline.

Beyond this, he is rightfully considered the "father" of Ukrainian literature. In his *Aeneid*, the first literary work written entirely in colloquial Ukrainian [6], Ivan Kotliarevsky demonstrated the full potential of the Ukrainian language, proving that it was not only suitable for everyday speech but also capable of conveying complex emotions, ideas, and narratives. This work solidified the role of Ukrainian literature and set it apart.

At its core, *Aeneid* was meant to satirize the vices of Kotliarevsky's contemporary society, sharply highlighting issues such as bureaucracy, serfdom, and social inequality. At the same time, it paved the way for many subsequent Ukrainian writers, inspiring them to celebrate their people's identity. A striking example of this influence is Taras Shevchenko, who drew inspiration from Kotliarevsky's work for his own writings.

Moreover, Kotliarevsky turned his *Aeneid* into more than just a comedic poem – it became a unique **encyclopedia of 18th-century Ukrainian life**. The poem contains references to Ukrainian folklore, traditions, songs, and customs. Everyday elements such as traditional clothing, food, and the distinct humor characteristic of Ukrainians shape an ethnocultural image that played a key role in the formation of Ukrainian national identity. In this way, Kotliarevsky created a work that remains an essential source for studying the history and culture of that era.

In conclusion, it is clear that Ivan Kotliarevsky wrote *Aeneid* with deeply political intentions, reflecting on his lost homeland. Although *Aeneid* is more of a

loose retelling of Virgil's original, it differs from it significantly, with an entirely opposite ideological foundation. While Virgil legitimized the establishment of empire and centralized power, Kotliarevsky, in a satirical manner, criticized imperial rule, lamented stolen freedom, and triumphantly proclaimed that the people would be able to build a new state – independent of the will of their god-like rulers.

REFERENCES

1. Wikipedia. Иван Петрович Котляревский: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Котляревский,_Иван_Петрович (accessed: 21.11.2024).
2. Wikipedia. Енейда (Котляревський): URL: [https://uk.m.wikipedia.org/wiki/Енейда_\(Котляревський\)](https://uk.m.wikipedia.org/wiki/Енейда_(Котляревський)) (accessed^ 21|11|2024)
3. YouTube. «ЕНЕЇДА» – Перший український мультик: URL: https://youtu.be/5Gt-FWKovoW0?si=_KOzd6 (accessed: 23.01.2025).
4. Project Gutenberg. The Aeneid by Virgil, Translated by John Dryden: URL: <https://www.gutenberg.org/files/228/228-h/228-h.htm#chap02> (accessed: 29.01.2025).
5. Poltava Regional Universal Scientific Library. Eneida by Ivan Kotliarevsky: URL: https://library.pl.ua/books/Eneida/Text_English.htm (accessed: 29.01.2025).
6. Lectsia.info. «Энеида» И.П. Котляревского: URL: <https://lechtsia.info/sharp/eneida-ip-kotlyarevskogo> (accessed: 21.11.2024).

«ЭНЕИДА» КОТЛЯРЕВСКОГО: СВЯЗЬ С ВЕРГИЛИЕМ И ИСТОРИЯ ОБ УТЕРЯННОЙ РОДИНЕ

A.A. Капустян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается адаптация «Энеиды» Вергилия Иваном Котляревским и ее роль в формировании украинской идентичности. Переосмыслия поэму через призму казачества, Котляревский превращает темы Вергилия в сатирический, но при этом патриотичный нарратив. Исследование анализирует историко-культурный контекст, языковую значимость и национальное влияние его произведения. Также обсуждается анимационная адаптация 1991г. и отображение в ней украинских традиций. Связывая эпос Вергилия, травестию Котляревского и их культурные «последствия», статья показывает, как эпические сюжеты трансформируются и влияют на национальную литературу и идентичность.

Ключевые слова: украинская литература, Иван Котляревский, «Энеида», Вергилий, национальная идентичность.

ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԻՄԻՋԻ ԴԵՐԸ ԱՐԴԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՈՒՄ

Մ. Կ. ՍԵՋՐԱԿՅԱՆ

*Ուսու-Հայկական (Աղավոնական) համալսարան
mariam.sedrakyan.05@mail.ru*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի նպատակը քաղաքական իմիջի կարևորությունը արդի քաղաքական գործնթացներում քացահայտումն է: Ուշադրություն դարձվում է քաղաքական իմիջի հասկացությանն ու տեսակներին, քաղաքական իմիջի ավանդական ու նորագույն տեխնոլոգիաներին և քաղաքական իմիջի կարևորությանը արդի քաղաքական գործնթացներում: Ուսումնասիրությունն իրականացվել է հետազոտական մեթոդների, համեմատական տիպաբանական, բովանդակային վերլուծության, և մոտիվացիոն մեթոդների կիրառմամբ: Աշխատանքում նշվում է քաղաքական գործչի իմիջ հասկացության մուտքը քաղաքական ասպարեզ, քաղաքական իմիջը որպես սոցիալական երևույթ, առաջնային տեխնոլոգիաները, որոնք համարվում են քաղաքական գործչի ճշգրիտ ներկայացում, քաղաքական առաջնորդի անձնական բնութագրիչները, որոնք համալրում են նրա ինքնազնահատականը: Քաղաքական իմիջաբանության միջզիտական և բազմակողմ բնույթը և քաղաքական իմիջի դերը, տեղը ու գործառույթները հասարակական կեցության մեջ:

Հիմնարարություն՝ քաղաքական իմիջ, քաղաքական առաջնորդի կերպար, իմիջագիտության միջզիտական բնույթ, առաջնորդի անձնական բնութագրիչներ, քաղաքական ծրագիր, հասարակական կեցություն:

Ներածություն

Անհերքելի ժամանակներից հասարակության մեջ մարդու քաղաքական իմիջի ուսումնասիրությունը միշտ հետաքրքրել է մարդկանց, և միշտ եղել է ակտուալ: Մեր օրերում քաղաքականությունը սկսել է ավելի շատ հետաքրքրել մարդկանց և այդտեղ մեծ դեր է խաղում քաղաքական գործչի իմիջը: Քաղաքական գործչի իմիջ հասկացության մուտքը քաղաքական ասպարեզ կապված է նախընտրական արշավների կազմակերպման և անցկացման նոր մեթոդների առաջացման հետ: Այն բարդ և դինամիկ երևույթ է, որը քաղաքական գործչի համար դառնում է իր հասարակական-քաղաքական գործունեությունը կանխորոշող նշանակելի և ժամանակակից բաղադրիչ: Իմիջը նպատակառության կերպով ձևավորում է

կերպար, ինչն էլ նպաստում է նրա հուզական երևալուն: Այլ կերպ ասած՝ զնահատում են ոչ թե քաղաքական առաջնորդի ծրագիրը կամ գաղափարական հիմքը, այլ նրա արտաքին կերպարը, շարժուձևը, կամքի ուժը, իշխողականությունը և այլն:

Քաղաքական իմիջաբանությունը հաշվի է առնում ընտրողների այս առանձնահատկությունը և օգնում քաղաքական սյուրեկտին տիրապետել հանրության վրա արտաքին ազդեցության մեխանիզմներ: Հայտնի գործիչը մշտապես ուշադրության է արժանանում հենց որպես անձ՝ իր հոգեգզայական, բարոյական ու մտավոր կերպարով, գործողությունների շարժառիթներով և ի վերջո՞ իմիջով:

1. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԻՄԻՋԻ ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ՈՒ ՏԵՍԱԿՆԵՐԸ

20-րդ դարի 60-ական թվականներին ձևավորվեց մի գիտություն, որը կոչվեց քաղաքական իմիջաբանություն: Քաղաքական իմիջը (անգլերեն՝ “political image”) քաղաքական գործընթացներում ներկայացվում է որպես դրական կամ բացասական վերաբերմունք քաղաքականության, քաղաքական ծրագրի, քաղաքական գործիչների կամ կուսակցական առաջնորդների վերաբերյալ, որոնք կուսակցությունները ձևավորում են իրենց ընտրողների շրջանում: Ներկայումս իմիջը ընկալվում է որպես զանգվածային գիտակցության մեջ գոյություն ունեցող որոշակի օբյեկտի կարծրացած կերպար: Իմիջը սեփական անձի մասին տպավորությունների կառավարումն է վարքային բազմաթիվ ռազմավարությունների օգնությամբ, որոնց էռլեցուն անձի արտաքին կերպարի ներկայացումն է ուրիշներին: Իմիջը ձևավորվում է ինչպես անհատի իրական վարքագիր, այնպես էլ մարդկանց զնահատականների ու կարծիքների ազդեցության տակ: Այսպիսով՝ իմիջն իրենից ներկայացնում է կարծրատիպերի վրա հիմնված, այսինքն՝ ընդհանրացված, պարզեցված, կայուն և կարծրացած կերպար¹: Տեղեկատվական տեխնոլոգիաների դարաշրջանում քաղաքական առաջնորդի իմիջը դարձել է յուրաքանչյուր հասարակական գործչի անքաղաքանելի մաս և դարձել իմիջմեյքերների աշխատանք, և մեր ժամանակաշրջանում ամեն ինչ արմատապես տարբերվում է անցյալից: Ուստի անհրաժեշտ է տարբերակել անցյալի ու ներկայի քաղաքական իմիջի տարբերակման տեխնոլոգիաները: Ընտրողներն ավելի ընտրողական են դարձել, ավելի լավ են տիրապետում իրենց քաղաքական իրա-

¹ Մելքոնյան Ն. Ա. Քաղաքական իմիջի մեկնաբանությունները և ձևավորման սկզբունքները: Եր., Երևանի պետ. համալ. հրատ, 2007, էջ 56:

վունքներին, և արհեստական կերպար ստեղծելը դժվար է: Քաղաքական գործի կերպարի ներկայացման շեշտադրումների փոփոխությունն է: Նախկինում քաղաքական գործին ցուցադրում էին հարուստ ինտերիերով: Քաղաքական գործիչը, անկախ իր պաշտոնից, պետք է ունենա սկզբունքներ, նախամիրություններ, հիշվող արտաքին, լավ ձայնի տեսքը և այլն: Նա պետք է լինի ավելին, քան պարզապես քաղաքական գործիչ: Բերանը առաջ է քաշում իր տեսակետը, որ իմիջը «որոշակի հատկությունների մի շարք է, որոնք մարդիկ կապում են որոշակի անհատականության հետ»³:

Քաղաքական իմիջի խնդիրներին է անրադառնում Գ. Լեբոն: Ըստ նրա՝ քաղաքական գործիչներն ու կուսակցություններն իրենց իշխանությունն իրականացնում են՝ հիմնվելով ոչ թե օժանդակ նշանակություն ունեցող բռնության, այլ հավատալիքների վրա, որոնք ամենազլավորն են⁴:

Իմիջաբանության ոլորտի հետազոտողները տալիս են տարբեր դասակարգումներ, որոնք տարբերվում են՝ կախված նրանից, թե որ ասպեկտը՝ գործառութային, համատեքստային կամ համեմատական է հիմք ընդունվում տիպաբանության կառուցման համար:

Ֆ. Զելինսկին առաջ է քաշում քաղաքական իմիջի մի քանի տեսակ: Այդ տեսակներն են՝

1. Ցանկալի:
2. Հայելային:
3. Ընթացիկ:
4. Բազմաթիվ:

Ցանկալի իմիջն այն է, երբ օբյեկտը իրեն ցանկանում է տեսնել լսարանի (ընտրողների) աչքերում: Այն մասամբ հիմնված է ինքնապատկերի վրա, որը ձևավորվում է անհատի մասնագիտական որակների գնահատման ազդեցության տակ: Հայելային իմիջը, որը նույնպես այուբեկտիվ է, արտացոլում է թեկնածուի պատկերացումները լսարանի պատկերի մասին: Հայելային իմիջը ձևավորվում է թիրախային լսարանի բնու-

² Плюснина А.А. Особенности формирования имиджа политиков в прошлом и настоящем: различия // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. Материалы межд. конференции. Мин-во науки и высшего образования РФ, Уральский фед. ун-т им. Б.Н. Ельцина. 2020. С. 793.

³ Ежов А., Ежова К. Историография изучения политического имиджа, Молдавский государственный ун-т, Studiauniversitatis Moldaviae, nr. 3(63), 2013, 40с.

⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. Хрестоматия. «Психология толпы». М., 1995, 179с.

թագրերի վերլուծության հիման վրա: Ընթացիկ իմիջը, ընկալվում է, արտացոլում է ստացողի իրական պատկերացումը օբյեկտի մասին: Այն կարող է և պետք է փոխվի ժամանակի ընթացքում ինչպես ներքին գործուների, այնպես էլ արտաքին գործոնների ազդեցության տակ՝ քաղաքական և սոցիալական միջավայրի փոփոխության պատճառով: Բագմաթիվ իմիջը պատկեր է ձևավորում, երբ մեկ կորպորացիայի փոխարեն կա մի շարք անկախ կառույցներ: Այսինքն իշխանության մարմինը պատկանում է այս կատեգրիային, քանի որ բնութագրում է քաղաքական դիկտատորայի մի համալիր, որոնք են քաղաքական գործիչները, կուսակցությունները և այլ պետական ինստիտուտներ⁵:

Քաղաքական իմիջը որպես սոցիալական երևույթ, ուսումնասիրել է գերմանացի նշանավոր սոցիոլոգ Մ. Վերերը: Նա դասակարգել է տեսակներ իշխանությունն իրականացնողների իմիջին համապատասխան: Ելնելով այս չափանիշներից՝ առանձնանացնում ենք երեք տեսակ՝

1. Ավանդական:
2. Խարիզմատիկ:
3. Բյուրոկրատական կամ սոցիալ-իրավական:

Ավանդական իմիջը հիմնված է ավանդույթների և ծեսերի վրա: Այս պարզ տեսակ է և հանդիպում է հասարակաքաղաքական հարաբերություններում:

Խարիզմատիկ իմիջը ամբողջությամբ կառուցված է առաջնորդի անձնական որակների և մարդկանց միջոցով առաջնորդելու նրա կարողության վրա: Այս տեսակում առաջնորդի և հետևորդների միջև յուրահատուկ կապ կա, նա պատրաստ է հասնել իր ցանկացած նպատակին՝ համոզելու հետևորդներին: Իսկ հետևորդներն էլ համոզված են, որ առաջնորդն ունի բացառիկ որակներ, ինչպես նաև հաղթելու մեջ կարողություն:

Բյուրոկրատական կամ ռացիոնալ-իրավական իմիջը տարբերվում է խարիզմատիկից: Այն հիմնված է հասարակության մեջ գոյություն ունեցող նորմերի, կանոնների, օրենքների վրա: Կարգավորում է քաղաքական դաշտը նորմերի պահպանմամբ⁶:

Այսպիսով՝ քաղաքական իմիջն ունի բազմաթիվ տեսակներ, որոնք ցույց են տալիս առաջնորդի որակներն ու հատկանիշները, վերլուծում

⁵ Jeffkins F. Public Relations Techniques. Universiti of Strathclyde Library. London, 1994. C.174.

⁶ Фонарев А.В. Особенности и основные типы политического лидерства. Брянск, УДК 316.46, 2014. С. 3.

առաջնորդի դրական ու քացասական կողմերը, ընդգծում քաղաքական առաջնորդի կերպարը:

2. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԻՄԻՋԻ ԶԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ԱՎԱՆԴԱԿԱՆ ՈՒ ՆՈՐՄԱԳՈՒՅՑՆ ՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱՆԵՐԸ

Ժամանակակից աշխարհում քաղաքական իմիջի ձևավորումը դարձել է ոչ մեկին չշրջանցող անհրաժեշտություն: Այս գործընթացը ոչ թե միակողմանի է, այլ երկկողմանի, երկու մասնակից կա քաղաքական գործիչն ու ընտրողը: Եվ զլոբալիզացման դարաշրջանում, երբ յուրաքանչյուր քայլ մանրակրկիտ ուսումնասիրվում է, անհրաժեշտ են ճշգրիտ տեխնոլոգիաներ, որոնք կարող են թելադրել իրադարձությունների ճիշտ գարգացումը:

Քաղաքական առաջնորդի կերպարի ձևավորման տեխնոլոգիաների համալիրում հիմնական տեղերից մեկը զբաղեցնում են հաղորդակցական տեխնոլոգիաները, որտեղ մեծ դեր ուներ քաղաքական գովազդը⁷:

Քաղաքական իմիջի ձևավորման տեսանկյունից կարող ենք առանձնացնել մի քանի տեխնոլոգիաներ:

Առաջին տեխնոլոգիան, որը քաղաքական իմիջի ձևավորման վրա մեծ նշանակություն ունի հանրային ելույթն ու լրատվամիջոցներն են: Հեռուստատեսային բանավեճերը, մամուլի հարցազրույցները, հրապարակային ելույթները թույլ են տալիս քաղաքական գործիչն իրականացնել իր առջև դրված խնդիրները և վերահսկել իր քաղաքական գաղափարներն ու դիրքորոշումները:

Տվյալների հավաքագրումը և վերլուծությունը ևս համարվում են տեխնոլոգիաներ, որոնք օգնում են հասկանալ ընտրողների նախասիրությունները՝ թույլ տալով ընտրողներին հարմարեցնել իրենց հաղորդագրությունները առավելացնելու ազդեցության համար⁸:

Քաղաքական գործիչների կողմից հաճախ օգտագործվում են մարքեթինգային տեխնիկան, որը հնարավորություն է տալիս գրավել ընտրողներին և ստեղծել ազրեցիկ առաջնորդի կերպար: Ցուլաձեն նշում է. «Ավանդաբար հեղինակությունը դիտվում է որպես հանրային հարաբերությունների պրակտիկայի վերջնական նպատակ»:

Առաջնային տեխնոլոգիաներից մեկը համարվում է քաղաքական գործիչ ճշգրիտ ներկայացնելու մեջ: Քաղաքական իմիջը գործունեությունը կազմում է առաջնորդի առաջնային գործունեությունը:

⁷Бабина В. Технологии и механизмы формирования имиджа политического лидера. Поволжский регион // «Общественные науки. Политика и право», № 2, 2009, 119с.

⁸Потемкина О.Ф. Имидж политического лидера. М.: Изд-во МГИК, 2006. С. 77.

թյան արդյունք է, և իմիջ ձևավորող գործունեությունն ինքնին դրա տեսակ է, մարդկանց վրա հուզական և մտավոր ազդեցություն գործելու միջոց: Ընտրողների հետ հանդիպելով՝ քաղաքական գործիչները կարող են ձևավորել անհրաժեշտ քաղաքական իմիջ:

Այս տեխնոլոգիաների կիրառումը հնարավորություն կտան քաղաքական գործչին ընտրողների աշքում ուժեղ և ճանաչելի իմիջ ստեղծել: «Քաղաքական իմիջ» հասկացությունը ներառում է հասարակության վրա քաղաքական էլիտայի նպատակառուղղված ազդեցության գործնքացի գաղափարը՝ նպատակ ունենալով զանգվածային գիտակցությանն ու ենթագիտակցությանը ներմուծել ցանկացած ցանկալի վերաբերմունք և վարքագիծ⁹:

3. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԻՄԻՋԻ ԿԱՐԵՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐԴԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ

19-րդ դարում սկսեց արդիական դառնալ քաղաքական իմիջը, երբ ձևավորվեց կուսակցական համակարգը և անցկացվեցին ազատ ընտրություններ: Ընտրություններում քաղաքական իմիջի ձևավորումը նախընտրական քարոզարշակում վճռորոշ դերերից է խաղում: Քաղաքական իմիջի ձևավորման շրջանում տեխնիկաները կարող են տարբեր լինել՝ կախված հանգամանքներից¹⁰:

Վ. Անդրիևսկին «Թեկնածուի քաղաքական կերպարը»: Հոդվածում ձևակերպում է, որ մասնագետները, սկսելով իմիջ մշակել, ենում են նրանից, որ փոխվելու կարիք ունի ոչ թե անձը, այլ թեկնածուի որակը, այլ նրա մասին տպավորությունը, որն ավելի շատ կախված է թեկնածուի ներկայացուցության արդյունավետությունից: Ընտրություններում հաղթելու համար պետք է աշխարհ կամ լեզենդ դառնալ: Փորձը ցույց է տալիս, որ ամեն դեպքում ընտրություններում հաղթում է ոչ թե կոնկրետ անձը, այլ այս մարդու մասին աշխարհը, որը հասարակության մեջ առաջ մղվող իմիջի հզոր արտացոլումն է¹¹:

Պատկեր ստեղծելու, այն ձևավորելու համար պետք է հասկանալ առաջնորդի ուժեղ և թույլ կողմերը: Պատկեր ստեղծելու ռազմավարության և մարտավարության մշակումն ու իրականացումը բաղկացած է հետևյալ ասպեկտներից՝

⁹ Потемкина О.Ф. Имидж политического лидера. М.: Изд-во МГИК. М., 2006. С. 77.

¹⁰ Пономарева О.А. Этапы формирования политического имиджа // «Известия ВГПУ», 2007. С. 48.

¹¹Там же. С. 3.

1. Իրավիճակի վերլուծություն:
2. Մարքեթինգային սինթեզ:
3. Ռազմավարական պլանավորում:
4. Մարտավարության պլանավորում: 5. Մարքեթինգային վերահսկողություն:

Մարքեթինգային սինթեզը ներառում է մի քանի դիրքորոշումներ: Դրանցից առաջինը պաշտոններն են, որոնք ապահովում են յուրահատկություն: Վերլուծելով քաղաքական գործչի և մրցակիցների դիրքորոշումները՝ անհրաժեշտ է առաջ քաշել այնպիսի որակներ, որոնք նրան տարբերում են մրցակցից, նոր ծրագրերից կամ հին գաղափարների իրականացման ծրագրերից:

Ռազմավարական պլանավորումը ներառում է հնարավոր ռազմավարությունների առաջադրում, աշխատանքային ռազմավարության ընտրություն և ռազմավարություն մշակելու որոշում:

Մարտավարության պլանավորումը ներառում է մարտավարության սահմանում: Մարքեթինգային վերահսկողությունը գործունեության արդյունքների և դրա գնահատման մասին տեղեկատվության հավաքումն է:

Մարտավարության պլանավորումը մեծ դեր է խաղում քաղաքական իմիջի ձևավորման գործում: Նախագծված պատկերի ուղղակի արտաքերումը կարող է վնասակար ազդեցություն ունենալ հանդիսատեսի կողմից դրանց ընկալման վրա:

Այսպիսով՝ ուսումնասիրման արդյունքում մենք առանձնացրել ենք քաղաքական իմիջի ձևավորման հիմնական փուլերը, որոնց հիման վրա ձևավորվում է քաղաքական առաջնորդի կերպարը¹²:

Եզրակացություն

Նախընտրական փուլում քաղաքական իմիջի ձևավորումը քաղաքական գործունեության կարևորագույն կողմն է, հատկապես ժամանակակից լրատվամիջոցների և տեղեկատվական հասարակության պայմաններում: Քաղաքական առաջնորդի դերն ազդում է նրա ժողովրդավարության և ընտրությունների արդյունքների վրա, ուստի դրա ձևավորումը ռազմական գործընթաց է, որը պահանջում է որոշակի գիտելիքներ և հմտություններ:

¹² Пономарева О.А. Этапы формирования политического имиджа // «Известия ВГПУ», 2007. СС. 49–50.

Ժամանակակից կյանքը քաղաքական առաջնորդների միջև նոր պահանջներ է դնում: Ծողովրդավարությունը ենթարկում է ընտրողների ձայների համար լիդերի դերին հավակնողների միջև ազատ մրցակցություն, հետևաբար քաղաքական գործիչը պետք է օժտված լինի ձկունությամբ և ընտրողների պահանջներին ու քաղաքական պահի առանձնահատկություններին հարմարվելու ունակությամբ:

Քաղաքական առաջնորդի անձնական բնութագրիչները համայրվում են նրա ինքնազնահատականով: Ինքնազնահատականը համեստ է զալիս իբրև անհատի՝ ինքն իր նկատմամբ կայուն հուզական վերաբերմունք, որն ներառում է սեփական ունակությունների, հոգեկան հատկանիշների ու արարքների, կյանքի նպատակների ու դրանց հասնելու հնարավորությունների, ինչպես նաև շրջապատող մարդկանց մեջ իր դիրքի գնահատականը:

Քաղաքական իմիջաբանության միջզիտական և բազմակողմ բնույթը հնարավորություն է տալիս նրան հանդես գալ տարբեր գիտությունների կողմից շեշտադրումներով: Քաղաքական իմիջի ուսումնասիրության պայմանավորված է իմիջի ֆենոմենի խիստ սոցալական և զանգվածային հաղորդակցության ծնունդով:

Քաղաքական իմիջագիտությունը, հենվելով իր մեթոդաբանության հիմքերի վրա, օգտագործելով քաղաքական իմիջի հետազոտությունների կոնկրետ եզրակացություններ, ուսումնասիրում է քաղաքական իմիջի դերը, տեղը ու գործառույթները հասարակական կեցության մեջ, տալիս խորհրդատվություն քաղաքականության տարբեր սյուրեկտների իմիջների ձևավորման և գործառման ուղղությամբ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Մէլքոնյան Ն.Ա.* Քաղաքական իմիջի մեկնաբանությունները և ձևավորման սկզբունքները: Եր., Երևանի պետ. համալ.հրատ, 2007, 154 էջ:
2. *Ежов А., Ежова К.* Историография изучения политического имиджа // Молдавский гос. университет / Studia universitatis Moldaviae, nr.3 (63), 2013. С. 46.
3. *Бабина В.* Технологии и механизмы формирования имиджа политического лидера. Поволжский регион // «Общественные науки. Политика и право», № 2, 2009. С. 123.
4. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Хрестоматия. «Психология толп». М., 1995, С. 179.
5. *Пономарева О.А.* Этапы Формирования Политического имиджа// «Известия ВГПУ», 2007.
6. *Плюснина А.А.* Особенности формирования имиджа политиков в прошлом и настоящем: различия // «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации». Материалы междунар. конференции. Мин-во науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный унив-ет им. Б.Н. Ельцина. 2020. СС. 792–794.
7. *Потемкина О.Ф.* Имидж политического лидера. М.: Изд-во МГИК, 2006. С. 190.
8. *Ильиных Е.М.* Структура политического имиджа кандидата. Томск: Изд-во ТГУ. С. 6.

9. Фонарев А.В. Особенности и основные типы политического лидерства. Брянск, УДК 316.46, 2014. С. 7.
10. Jeffkins F. Public Relations Techniques, Universiti of Strathclyde Library. London, 1994. P. 465.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

М.К. Седракян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Целью работы является раскрытие значимости политического имиджа в современных политических процессах. Внимание уделяется понятию и видам политического имиджа, традиционным и новейшим технологиям его формирования, а также его роли и значению в современной политической жизни.

Исследование проведено с использованием исследовательских, сравнительно-типологических, контент-аналитических и мотивационных методов. В работе отмечается появление понятия «политический имидж» в политической сфере, рассматривается имидж как социальное явление, а также основные технологии, обеспечивающие точное представление политического деятеля. Особое внимание уделяется личностным характеристикам политического лидера, которые формируют его самооценку и влияют на общественное восприятие. Подчеркивается междисциплинарный и многогранный характер политической имиджологии, а также роль, место и функции политического имиджа в общественной жизни.

Ключевые слова: политический имидж, образ политического лидера, междисциплинарный характер имиджологии, личные характеристики лидера, политическая программа, общественное поведение.

THE IMPORTANCE OF POLITICAL IMAGE IN MODERN POLITICAL PROCESSES

M. Sedrakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The purpose of the study is to reveal the importance of political image in modern political processes. Attention is given to the concept and types of political image, as well as to the traditional and modern technologies used in its formation. The research was carried out through analytical, comparative-typological, content analysis, and motivational methods.

The paper discusses the emergence of the concept of a politician's image in the political sphere and examines political image as a social

phenomenon. It analyzes the primary technologies that ensure the accurate representation of a political figure, as well as the personal characteristics of political leaders that shape their self-esteem and authority. The interdisciplinary and multifaceted nature of political image studies, along with the role, place, and functions of political image in social life, are also emphasized.

Keywords: political image, political leader's persona/character, Interdisciplinary nature of image studies, leader's personal characteristics, political program, public conduct/social behavior.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПОПУЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ: ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

И.А. Авоян, М.Н. Григорян, А.Г. Матвеева, Е.Р. Айрапетян

Российско-Армянский (Славянский) университет
iren.avoyan@rau.am, manush.grigoryan.01@mail.ru, fnstrd69@gmail.com,
hayrapetyan_elizaveta@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются популистский поворот в политике Венгрии, произошедший после занятия Виктором Орбаном поста премьер-министра. Особый акцент в работе ставится идеологическую составляющую в процессе формирования внешней и внутренней политики, миграционной политике государства в контексте общеевропейских ценностей. Помимо этого, анализируется какую реакцию со стороны общественности и СМИ получает проводимая в Венгрии политика. Также детально изучаются вопросы влияния Венгрии на ЕС и на отношения Венгрии и ЕС.

Ключевые слова: политический популизм, Европейский Союз, политика Венгрии.

Введение

Вопрос о политике Венгрии в контексте европейских тенденций является актуальным по ряду причин. Во-первых, важность изучения данного вопроса обусловлена ростом популизма по всей Европе, что представляет серьезную проблему для ЕС поскольку приводит к подрыву демократических норм и институтов, обесцениванию ценностей ЕС, ослаблению роли европейского права и отходу от принципа верховенства права. Во-вторых, популистский поворот негативно влияет на европейскую интеграцию. Действия Венгрии по блокировке решений ЕС, критике политики Союза, отрицанию общеевропейских ценностей заставляют усомниться в эффективности европейской интеграции и институтов Европейского Союза. В связи с этим анализ процессов по росту популистских настроений в Венгрии и других странах ЕС важен для выявления общих черт и особенностей популизма в регионе, а также для прогнозирования возможного пути, по которому будет развиваться ЕС.

Цель исследования – анализ изменений во внутренней и внешней политике Венгрии, которые происходят под воздействием популистских сил, находящихся у власти, в контексте общеевропейских тенденций и оценка их влияния на демократические институты, институт прав человека, верховенство права и отношение с ЕС.

Для проведения комплексного анализа заданной темы были поставлены следующие задачи: изучить идеологический компонент в формируемой в Венгрии популистской политике; проанализировать общественное мнение относительно политики, проводимой в Венгрии и сравнить с тем, как поменялось общественное мнение относительно ЕС; исследовать миграционную политику Венгрии с точки зрения ее соответствия общеевропейским тенденциям; исследовать проблемы, связанные с верховенством права, правами человека, преследованием представителей ЛГБТ-сообщества в Венгрии.

Объектом исследования является популистский поворот в политике Венгрии в контексте европейских тенденций.

Временные рамки статьи охватывают период с 2007 по 2024г. Выбор временных рамок обусловлен принятием в 2007г. Лиссабонского договора, обострившим разногласия между странами Вышеградской четверки и стран «старой Европы» относительно взглядов на интеграцию и интерпретацию европейских ценностей. В данных временных рамках можно выделить период с 2010 по 2022г. в связи с занятием Орбаном поста премьер-министра Венгрии. Для данного периода характерны начало продвижения политики «нелиберальной демократии», конфронтации с ЕС и жесткая позиция правительства по вопросу миграции, который обострился в 2015г. С 2022г. политика Орбана претерпела ряд изменений, связанных, в основном, с войной в Украине.

В статье использованы как академические, так и медийные источники, включая работу Э. Сирмаи о венгерских медиа, Конституцию Венгрии и официальные документы ЕС. Для анализа текущей политической ситуации привлечены материалы международных и российских изданий (DW, Euronews, ТАСС, The Guardian), а также данные НПО «Репортеры без границ». Источники охватывают вопросы миграционной политики, свободы прессы, прав человека и конфликта Венгрии с ЕС.

Правый поворот в Европе – это устойчивый политический тренд последних лет, выражаящийся в росте популярности правых, национал-консервативных и евроскептических партий. Основные причины этого явления связаны с миграционным кризисом, вызвавшим обеспокоенность в европейском обществе по поводу сохранения культурной идентичности и безопасности, а также с ростом недоверия к институтам Европейского союза. Экономические трудности, социальное неравенство, а также разочарование в политике традиционных партий способствовали переходу избирателей к правым силам. Эти партии предлагают жесткий контроль над миграцией, защиту традиционных ценностей, укрепление национального суверенитета и дистанцирование от влияния Брюсселя. Практическим выражением правого поворота стали успехи таких партий, как «Братья Италии» Джорджи Мелони, «Национальное единение» Марин Ле Пен во Франции, «Альтернатива для Германии». Центристские партии также склонны к заимствованию риторики правых, особенно по вопросам миграции и безопасности. Право-популистский поворот отражает глубокий кризис доверия к старым политическим моделям и поиск новых форм политического представительства, ори-

ентированных на национальные интересы, порядок и культурную самобытность.

Виктор Орбан, занимающий пост премьер-министра Венгрии с 2010г., часто выступает с критикой Европейского Союза, в первую очередь, за вмешательство, по мнению Орбана, во внутренние дела государства, особенно в вопросах прав человека, миграции, судебной реформы. В отличие от остальных глав стран-членов ЕС, Орбан открыто поддерживает концепцию «Восточного пути», которая предполагает укрепление связей с Россией и Китаем, что рассматривается как отход от общих ценностей ЕС и вызывает обеспокоенность среди членов ЕС. Особое внимание со стороны международного сообщества Венгрия получила благодаря своей антииммиграционной позиции и продвижением консервативных ценностей. Наиболее радикальные ноты риторика Орбана приобрела во время миграционного кризиса. В это время Орбан выступал с решительной критикой политики «открытых дверей». Орбан активно поддерживает идею укрепления национальных границ. С этими идеями тесно переплетаются другие консервативные идеи, продвигаемые в Венгрии, например, идеи поддержки традиционной семьи и религии.

Несмотря на то, что Орбан является противоречивой фигурой, чья политика подвергается критике со стороны европейского сообщества, Венгрия не только сохраняет за собой членство в ЕС, но и находит поддержку среди значительной части венгерского населения за счет своей риторики, ориентированной на защиту национального суверенитета и критику либеральной демократии и элит.

Необходимо отметить, что общее отношение к Европейскому союзу в Венгрии ухудшилось. Количество тех, кто негативно воспринимает объединение ЕС и Венгрии, выросло в стране за последний год на 10 процентных пунктов (п.п.). Об этом свидетельствуют опубликованные в газете *Népszava* результаты опроса, проведенного американским Pew Research Center. Опрос показал, что, если в 2022г. в Венгрии положительно относились к ЕС 69% жителей, то сейчас – лишь 59%. При этом 39% заявили, что негативно оценивают деятельность сообщества. Авторы исследования, которое в последние 10 лет практически непрерывно осуществляется в государствах Европы, объясняют эти изменения критикой венгерского правительства в адрес руководства Евросоюза. Исследование показало также, что за последний год отношение к ЕС заметно ухудшилось в Германии, Нидерландах, Франции и Швеции.

С 2022г. Венгрия неоднократно вступала в конфликт с ЕС и по вопросу о предоставлении военной помощи Украине и введении санкций против России [6]. По данным последних опросов, венгры выступают за смягчение экономических санкций против России, а около трех четвертей из них считают, что сохранение доступа к российским нефти и газу важнее, чем жесткие действия в отношении России из-за Украины [7].

Несмотря на разногласия с Брюсселем, Венгрия продолжает оказывать значительное влияние на политические решения в Европейском Союзе, особенно в контексте вопросов, связанных с миграцией.

Миграционная политика Венгрии основана на принципе защиты национального суверенитета. Правительство утверждает, что нелегальная иммиграция представляет угрозу для безопасности и культурной идентичности страны. «Концепция единой миграционной политики в духе европейской солидарности становится чрезвычайно сложной для реализации, в первую очередь из-за ее неприятия некоторыми странами ЕС» [1]. И дело не только в различии интересов государств-членов ЕС, которое сопровождает европейскую политику с момента принятия Лиссабонского договора, но и в формировании двух разных полюсов мнений в принципах формирования миграционной политики союза. Когда «старая Европа» предпринимает все возможные попытки разрешить ситуацию, разрабатывая директивы для регулирования все большего числа слоев мигрантов и стремясь адаптировать новоприбывших к структуре ЕС, страны Вышеградской четверки и Северная Европа выступают за поворот к укреплению внешних границ и стремление к нулевой миграции [2]. С момента миграционного кризиса 2015 г. страна заняла жесткую позицию в отношении нелегальной иммиграции, построив забор на границе с Сербией и Хорватией и приняв ряд законов, направленных на ограничение въезда мигрантов. Наиболее ярким проявлением разногласий стран «В4» стал процесс согласования идеи перераспределения квот. В рамках этой инициативы предполагалось, что беженцы будут перемещаться и перераспределяться государствами ЕС в обязательном порядке, что вызвало резкое неприятие стран «В4». После ряда совместных заявлений стран «В4» о категорическом отказе выполнять такие соглашения о распределении в обязательном порядке, аргументируя это вопросом национального суверенитета, депутат от Венгрии выдвинул откровенно националистический тезис «Европа для европейцев» [4], [16]. Хотя это решение не было поддержано Чехией, Венгрией и Словакией, оно было принято большинством голосов. Такое непринятие единой европейской миграционной политики обусловлено тем, что экономики этих государств все еще недостаточно независимы и уязвимы к повышенному социально-экономическому давлению, которое подразумевает прием мигрантов. Во время миграционного кризиса в Венгрии условия пребывания мигрантов были усложнены, пограничный контроль усилен, в конституцию была внесена поправка о том, что «иностранные население не должно селиться в стране», был введен закон, запрещающий деятельность организаций, помогающих мигрантам в стране [14].

После начала полномасштабной войны в Украине в Венгрию, как в соседнюю страну, также наблюдается значительный миграционный поток из Украины, также в страны «В4», который не регистрируется в официальном реестре Евростата как «миграция», что усложняет ситуацию с миграцией.

На сегодняшний день Венгрия стала единственной страной «В4», которая официально отказалась следовать миграционному пакту, принятому в конце декабря 2023 года. На национальном уровне в рамках ужесточения миграционной политики в Венгрии был принят новый закон об иммиграции, который предусматривал ужесточение трудовой миграции. С 1 января 2025 г. работать в Венгрии по разрешению на пребывание с целью трудоустройства

смогут только граждане стран, перечисленных в специальном правительственном указе. Также вводятся ограничения на получение ПМЖ для некоторых категорий временного вида на жительство [15].

Орбан активно реформирует судебную систему и медиа, что вызвало критику со стороны ЕС за угрозу демократическим ценностям. В ответ Европейская комиссия несколько раз инициировала процедуры по защите прав человека и основополагающих свобод в Венгрии, обвиняя правительство Орбана в нарушении верховенства права. Венгрия, в свою очередь, часто противостоит таким инициативам, утверждая, что это вмешательство в дела суверенного государства. Так, Венгрия лишилась доступа к 1 млрд евро фондов ЕС, замороженных Брюсселем из-за опасений по поводу верховенства закона. Еврокомиссия заморозила средства, предназначенные для поддержки слабых регионов, в конце 2022г., сославшись на пренебрежение Венгрией демократическими стандартами и ценностями ЕС, включая борьбу с коррупцией, финансирование партий и независимость СМИ. Еврокомиссар отметил отсутствие прогресса в устраниении нарушений. Общая сумма заблокированных средств для Венгрии достигла 19 млрд евро, включая субсидии и помощь в связи с пандемией [11]. В ответ Орбан пригрозил ветировать следующий бюджет ЕС. Европарламентарии обвинили Орбана в связях с Путиным и осудили нарушения прав и коррупцию в Венгрии [12].

Ситуация с заморозкой ЕС средств для Венгрии – это отражение углубляющегося кризиса в отношениях Будапешта и Брюсселя. Европейская комиссия рассматривает Венгрию как страну, нарушающую демократические принципы и нормы верховенства права, что выразилось в блокировке значительных финансовых потоков. В ответ Виктор Орбан занимает жесткую позицию, угрожая вето на ключевые решения ЕС и выступая против доминирующей политики Союза в разных сферах [9]. Этот конфликт указывает на растущую изоляцию Венгрии внутри ЕС и может привести к дальнейшему обострению отношений, особенно если Будапешт продолжит блокировать общеевропейские инициативы. Одновременно ЕС демонстрирует твердость в отстаивании своих демократических стандартов, используя финансовые рычаги давления. В перспективе возможны либо компромиссные уступки, либо еще большая эскалация противостояния.

Подобные разногласия часто становятся причиной политических споров в ЕС, что затрудняет принятие общих решений по вопросам прав человека, свободы прессы и судебной независимости.

Говоря о прессе, в настоящее время большая часть печатных СМИ принадлежит (близкому к правительству) Центрально-европейскому фонду прессы и СМИ (KESMA), основанному в 2018г. (например, большинство региональных газет со значительным количеством экземпляров и наиболее значимые таблоиды, а также интернет-порталы, радио и телевидение). По мнению оппозиции, создание Фонда нарушает Конституцию Венгрии, Закон о СМИ, и даже Договор о Европейском союзе и Хартию Европейского союза об Основных правах. В государственных средствах массовой информации наблюдается чрезмерная презентация правительственные партий [5].

«Репортеры без границ», одна из ведущих организаций, защищающих права журналистов и продвигающих свободу информации, опубликовала в апреле свой ежегодный индекс, оценивающий степень свободы прессы в 180 странах и территориях. Венгрия заняла место среди 10 последних европейских стран (89-е место). Уровень контроля над СМИ в Венгрии был «беспрецедентным для государства-члена ЕС» [3].

Одним из камней преткновения между ЕС и Венгрией является вопрос, который на протяжении длительного времени стоит на повестке ЕС, – это вопрос правового положения представителей ЛГБТ+. Парламент Венгрии 18 марта принял закон о запрете марша гордости для ЛГБТК+ сообществ, что вызвало блокаду моста в центре Будапешта в знак протеста против изменений, инициированных правящей партией «Фидес» под руководством премьер-министра Виктора Орбана. «Фидес», обладающая значительным большинством в парламенте, в понедельник внесла законопроект, запрещающий ежегодный марш гордости на основании того, что он якобы может причинить вред детям, и ускоренным процессом одобрила этот закон во вторник. [13]

Последние шаги правительства Орбана, включая запрет ЛГБТК+ марша, ужесточение контроля над СМИ, а также риторику против ЕС и международных организаций, свидетельствуют о дальнейшей радикализации его политики. Орбан продолжает усиливать националистический и консервативный курсы, используя культурные и политические конфликты для консолидации своих сторонников перед выборами 2026г.

Самым серьезным выступлением Венгрии против ЕС стали действия, направленные на блокировку решений ЕС. Комитет постоянных представителей 27 государств Европейского Союза, который провел заседание на уровне послов, 13 марта 2025г. не смог договориться о продлении индивидуальных санкций против России из-за сопротивления Венгрии, которая настаивает на исключении из списка нескольких российских олигархов [10].

Венгрия заблокировала открытие первого блока переговоров о членстве Украины в ЕС. Таким образом, Венгрия наложила вето на резолюцию Совета Европы по Украине, и они объяснили решение тем, что проект документа предусматривал признание только одного варианта мирного плана (президента Украины Владимира Зеленского), который следует рассмотреть и поддержать. Венгрия также потребовала от Украины представить дополнительный план по защите национальных меньшинств. Эти события подчеркивают стратегическую позицию Венгрии в ЕС, которая все больше идет вразрез с линией Брюсселя и большинства европейских столиц. Будапешт активно использует право вето как инструмент давления, блокируя продление санкций против России, открытие переговоров о членстве Украины в ЕС и принятие резолюции Совета Европы. Главные мотивы Венгрии – защита собственных интересов, включая экономические связи с Россией и вопросы прав национальных меньшинств, а также стремление показать независимость от доминирующих сил ЕС. Однако такая позиция усиливает ее изоляцию, поскольку другие страны считают эти требования чрезмерными. В долгосрочной пер-

спектакле это может привести либо к дальнейшей конфронтации, либо к поиску компромиссов, но пока Венгрия остается единственной страной, систематически тормозящей ключевые решения ЕС.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Венгрия под руководством Виктора Орбана претерпела значительные изменения в своей политике и общественном мнении, особенно в контексте членства в Европейском Союзе. После прихода к власти Орбана в 2010г. его правительство внедрило ряд мер, которые существенно повлияли на свободу прессы и доступ к информации. Это привело к тому, что Венгрия оказалась среди последних по свободе СМИ в Европе, что подчеркивает растущее недовольство относительно авторитарных тенденций. Венгерское общество переживает сложный период, в котором поддержка Орбана сосуществует с растущим недовольством по поводу его авторитарных методов. Оппозиция Венгрии в отношении Европейского Союза может привести к расколу и дестабилизации внутри ЕС, затрудняя принятие единых решений и подрывая доверие к институтам, а также вынуждая ЕС пересматривать свою политику в отношении Венгрии, что может выразиться в более жестких мерах или попытках диалога, и влиять на политическую повестку дня, привлекая внимание к проблемам демократии и верховенства закона, и негативно сказываться на международном имидже ЕС. Внутри Венгрии оппозиция может усиливать политическую поляризацию, приводя к нестабильности и протестам, а конфликт с ЕС может повлечь сокращение финансирования и отток инвестиций, негативно влияя на экономику, при этом оппозиция способна изменять общественное мнение и повышать осведомленность о демократических проблемах, а также влиять на результаты будущих выборов и способствовать политическим изменениям, однако степень этого влияния зависит от силы, единства и стратегии оппозиции, а также от поддержки общества и международных партнеров. Будущее страны может зависеть от того, как правительство будет справляться с внутренними вызовами и как будет развиваться взаимодействие с Европейским Союзом. Если эти проблемы не будут решены, это может привести к политической нестабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгрия отказалась следовать новой миграционной политике Евросоюза: Глава МИД Венгрии Сийярто: ЕС не может навязывать стране решения по мигрантам // «Известия». Retrieved from <https://iz.ru/1623622/2023-12-20/vengriia-otkazalas-sledovat-novoi-migracionskoi-politike-evrosoiuza>
2. Въезд запрещен: Северная Европа отгораживается от юга // ТАСС. Retrieved from <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16867447/amp>
3. Репортеры без границ. Индекс свободы прессы – 2023. URL: <https://rsf.org> (Дата обращения: 13.04.2025).
4. Меркулов А. Орбан: Брюссель «изнасиловал» Польшу и Венгрию, навязав им миграционный пакт. RGRU. 2023. Retrieved from <https://rg.ru/2023/10/06/orban-briussel-iznasiloval-polshu-i-vengriiu-naviazav-im-migracionnyj-pakt.html> (Дата обращения: 10.01.2024).

5. Сирмаи Э. «Много здесь, кто в стриме...» Распространение социальных медиа и девальвация основных средств массовой информации в Венгрии // «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены», № 5, 2019. С. 270–299.
6. Hungary's Viktor Orban launches anti-EU campaign, 2023, dw.com, URL: https://www.dw.com/en/hungarys-viktor-orban-launches-anti-eu-campaign/a-67552795?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 19.03.2025).
7. MEPs threaten legal action if Commission unfreezes more funds for Hungary, 2024, euronews.com, URL: https://www.euronews.com/my-europe/2024/01/18/meps-threaten-legal-action-if-commission-unfreezes-more-funds-for-hungary?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 19.03.2025).
8. Hungary ratchets up anti-sanctions rhetoric as renewal deadline looms, 2025, euronews.com, URL: https://www.euronews.com/my-europe/2025/01/23/hungary-ratchets-up-anti-sanctions-rhetoric-as-renewal-deadline-looms?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 12.04.2025).
9. Hungary drops veto and agrees to prolong EU sanctions on Russian individuals, 2025, euronews.com, URL: https://www.euronews.com/my-europe/2025/03/14/hungary-drops-veto-and-agrees-to-prolong-eu-sanctions-on-russian-individuals?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 19.03.2025).
10. EU Delists Russian Oligarchs After Sanctions Pressure From Hungary And Slovakia, 2025, rferl.org, URL: https://www.rferl.org/a/eu-russia-sanctions-hungary-veto-compromise-2025/33347661.html?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 12.04.2025)
11. Hungary: ep takes ec to court over frozen eu funds, 2024, reneweuropegroup.eu, URL: https://www.reneweuropegroup.eu/news/2024-01-18/hungary-ep-takes-ec-to-court-over-frozen-eu-funds?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 12.04.2025).
12. EU states explore ways to bypass Hungary's veto on Russia sanctions – media, 2025, tass.com, URL: https://tass.com/economy/1943685?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 19.03.2025).
13. Hungary's 'slave law' prompts days of protest against Orbán // The Guardian. 17.12.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/17/hungary-opposition-mps-attack-viktor-orban-slave-law-during-state-tv-protest> (Дата обращения: 13.04.2025).
14. The Fundamental Law of Hungary. Hungarian government website. Retrieved from <https://www.parlament.hu/documents/125505/138409/Fundamental+law/73811993-c377-428d-9808-ee03d6fb8178>
15. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European Agenda on Migration. European Commission website. Retrieved from https://ec.europa.eu/antitrafficking/sites/antitrafficking/files/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf
16. Relocation: EU solidarity in practice: EU solidarity between member states. European Union website. Retrieved from https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/migration-management/relocation-eu-solidarity-practice_en

POPULIST TURN: HUNGARY'S POLICY IN THE CONTEXT OF EUROPEAN TRENDS

I. Avoyan, M. Grigoryan, A. Matveeva, E. Hayrapetyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article analyzes the populist turn in Hungarian politics that occurred after Viktor Orban took over as Prime Minister. Particular emphasis is placed on the ideological component in the process of forming foreign and domestic policy, the migration policy of the state in the context of pan-European values. In addition, the article analyzes the reaction of the public and the media to the policy pursued in Hungary. The issues of Hungary's influence on the EU and on relations between Hungary and the EU are also studied in detail.

Keywords: political populism, European Union, Hungarian politics.

РОЛЬ КИТАЯ В КАШМИРСКОМ ВОПРОСЕ: ТРЕТИЙ ИГРОК В ЗАТЯЖНОМ КОНФЛИКТЕ

Э.С. Багдасаров

Российско-Армянский (Славянский) университет
edb4g@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу роли Китая в Кашмирском конфликте, который традиционно рассматривается как вооруженное столкновение между двумя державами – Индией и Пакистаном. Геополитические интересы Китая, которые определяют его цели и место в данном конфликте, направлены не только на обеспечение региональной безопасности, но и на реализацию собственных экономических проектов, таких как КПЭК (Китайско-Пакистанский экономический коридор). В работе рассматриваются отношения Китая с Пакистаном и Индией в контексте региональной динамики безопасности и Кашмирской проблемы, а также проводится анализ исторических, военно-стратегических и экономических факторов, определяющих политику Китая в данном вопросе.

Ключевые слова: Кашмир, региональная безопасность, территориальный спор, ядерное оружие, Китай.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена тем, что все три вовлеченные державы – Китай, Индия и Пакистан – обладают ядерным оружием, что, в свою очередь, увеличивает риски дестабилизации глобальной безопасности. Эскалация напряженности и соперничество между Индией и Китаем, а также укрепление китайско-пакистанских связей поднимают вопросы о влиянии Китая на разрешение или затягивание конфликта.

Цель данной статьи – проанализировать внешнеполитические интересы Китая и определить его влияние на развитие ситуации в Кашмире.

При исследовании использовались методы анализа и синтеза, что позволяет комплексно рассмотреть геополитические, экономические и политические факторы, определяющие стратегию Китая.

Разработанность темы: теоретическую и информационную основу данного исследования составляют труды таких ученых, как Т.С. Ядыкина, J.W., Garver, аналитические статьи, материалы ООН, а также научные публикации. Использовались карты, спутниковые снимки, отчеты по реализации КПЭК, что позволило получить комплексное представление ситуации.

Кашмирский конфликт берет начало с приобретения независимости Британской Индией в 1947г. Во избежание политического хаоса после ухода британских войск из Индии колониальная администрация приняла решение разделить бывшую империю на два доминиона по принципу религиозной

принадлежности населения, ставшее известным как План Маунтбеттона¹. Согласно данному плану, правителям индийских княжеств было предоставлено право присоединиться либо к Индии, либо к Пакистану. После новообретенной независимости Пакистана, а затем – Индии, махараджа Джамму и Кашмира – Хари Сингх – не имел окончательного решения, что привело к недовольству местных жителей, которые, воспользовавшись ослаблением власти с началом раздела Британской колонии, начали восстание против политического режима махараджи. Дело осложнялось также тем, что большинство жителей Кашмира исповедовали ислам, тогда как сам Сингх был индуистом.

Ситуация осложнилась прибытием единоверцев на помощь повстанцам из Пакистана в Кашмир, которые за короткий промежуток времени захватили большую часть княжества, провозгласили создание независимого административного образования Азад Кашмир, и попытались присоединить к Пакистану. В сложившихся условиях Махараджа Сингх обратился за помощью к Индийскому правительству, которое отправило контингент войск ему на помощь. Тем самым, конфликт в районе Джамму и Кашмир приобрел столь широкие масштабы, что привел к невиданным до того времени миграционным процессам. По имеющимся данным, лишь за первые полгода с начала военных действий около 7 млн мусульман, покинув Индию, перешли на территорию Пакистана, тогда как им навстречу двигался почти пятимиллионный поток индусов. Кроме того, жертвами столкновений с обеих сторон стали не менее 500 тыс. человек².

После войны 1971г. Пакистан и Индия согласовали временную линию разграничения в Кашмире, и сейчас одна треть его контролируется Пакистаном, а две трети, под названием «штат Джамму и Кашмир», принадлежат Индии. Но обе страны по-прежнему претендуют на весь Кашмир³. Однако в условиях глобальной конкуренции и в современном геополитическом контрасте, конфликт приобретает многослойный характер, где значимую роль начинает играть третий игрок – Китай, который, наряду с территориальными претензиями, рассматривает данный регион как зону расширения влияния в Южной и Центральной Азии. Пытаясь защитить инфраструктурные и экономические проекты в регионе, Китай, балансируя союзническими отношениями с Пакистаном и соперничеством с Индией, выходит из роли наблюдателя, становясь значимым игроком в данном конфликте. Этому свидетельст-

¹ Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире? URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-vojuet-v-kashmire/> (Дата обращения: 01.06.25).

² Кашмирский конфликт: участники, причины, ход событий URL: <https://fb.ru/article/442225/kashmirskiy-konflikt-uchastniki-prichinyi-hod-sobyitiy> (Дата обращения: 01.06.25).

³ Ядыкина Т.С. Многолетняя проблема Кашмира как ядро основного противостояния Индии и Пакистана: основные его периоды и последствия // Эл. журнал «Архонт», № 3 (18). 2020.

вуют претензии Китая на Аксай-Чин, стратегическое партнерство с Исламабадом, конфликт с Индией в 1962г., а реализация экономических проектов, таких как КПЭК, который проходит через спорные территории, делает участие Китая мотивированным не только политически, но и экономически. Тем самым, с учетом взаимоотношения данных стран и их влияния на региональную безопасность, анализ роли Китая в Каширском вопросе является ключевым фактором для понимания перспектив безопасности и стабильности в Южной Азии.

Основная часть

Китайская политика в отношении каширской проблемы начала формироваться с присоединением Тибета к КНР в 1950г., после чего китайское правительство заявило о своих исторических правах на ряд территорий в данном регионе. Ключевым моментом вовлечения Китая в Каширский конфликт стала китайско-индийская война 1962г. Этот конфликт, вспыхнувший на фоне пограничных споров, существенно изменил геополитическую динамику в регионе. Индия, проиграв войну, потеряла значительную часть территории в северном Кашире⁴. Пекин использовал это военное превосходство для укрепления своих позиций в высокогорных районах Гималаев, что позволило Китаю фактически контролировать стратегически важное плато Аксай-Чин, которое обеспечивает единственное удобное сообщение между китайскими западными провинциями Синьцзян и Тибетом, что делает этот регион критически важным для внутренней безопасности КНР⁵.

В 1980-е и 1990-е годы и до настоящего времени Китай продолжал развивать дорожную инфраструктуру и наращивать военное присутствие вдоль линии фактического контроля (ЛФК), тем самым укрепляя свое присутствие в регионе⁶. Параллельно Китай развивал тесные военно-технические связи с Пакистаном для сдерживания индийского влияния в Южной Азии. Основой данных отношений стало китайско-пакистанское соглашение 1963г., по которому Пакистан передал Китаю часть контролируемых им каширских территорий. Данный период характеризовался относительной стабильностью пограничных линий, хотя дипломатическое напряжение между Пекином и Нью-Дели сохранялось. Противостояние с Индией, а также рост ее военного потенциала и сближение с США остается ключевым фактором, который китайское руководство рассматривает как угрозу национальной безопасности. В этом контексте контроль над каширскими высокогорьями обеспечивает

⁴ Garver J. (2011). The Unresolved Sino-Indian Border Dispute: An Interpretation // “China Report”, № 47(2). PP. 99–113.

⁵ Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryvoopasnyy-mir-ili-kholodnaya-voyna/?sphrase_id=18429005 (дата обращения: 01.06.25).

⁶ См. Приложение 1.

Китаю значительное тактическое преимущество, позволяя контролировать ключевые проходы и транспортные маршруты.

Обострение ситуации на китайско-индийской границе стало регулярным явлением, особенно в районах, прилегающих к спорным территориям Кашмира. Столкновения в долине Галван в 2020г. продемонстрировали готовность Китая отстаивать свои территориальные интересы силовыми методами. Чжао Лицзяню, официальный представитель китайского МИДа, сообщил, что 6 мая 2020г. пограничные войска Индии пересекли линию фактического контроля (ЛФК) у озера Пангонг для строительства укрепление и баррикады, препятствующие патрулированию китайских пограничников. Китайские войска были вынуждены отреагировать, в результате чего солдаты с обеих сторон получили легкие ранения⁷.

В ответ на данный инцидент, обе стороны значительно нарастили военное присутствие в приграничных районах, что создавало риски эскалации. Индия развернула дополнительные горные дивизии и эскадрильи истребителей Су-30МКИ и Rafale в Ладакхе, а Китай увеличил численность войск и развернул современные системы ПВО и ракетные комплексы⁸. Особую беспокойство для Индии создает строительство Китаем военной инфраструктуры в спорных районах, включая новые аэродромы, радарные станции и позиции для артиллерии. Согласно спутниковым снимкам, Китай построил подземные бункеры и укрепленные укрытия для бронетехники на базе Сиджап на северном берегу озера Пангонг, вблизи ЛФК. Эта база, расположенная примерно в 5 км от линии контроля, предназначена для хранения вооружения, топлива и других припасов, что указывает на подготовку к длительному военному присутствию в регионе⁹. Эти действия индийская сторона воспринимает как попытки Китая закрепить контроль над спорными территориями и изменить статус-кво в одностороннем порядке.

Параллельно с военной эскалацией между Китаем и Индией наблюдается экономическое противостояние. После схватки в долине Галван правительство Индии ввело экономические санкции против китайских фирм и запретило по меньшей мере 59 китайских приложений, включая популярный среди молодежи сервис TikTok¹⁰.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» экономическая зависимость Пакистана от китайских инвестиций укрепляет стратегический альянс

⁷ Приграничные столкновения между Китаем и Индией: новая реальность? URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/china-india-border-tensions-new-normal-/?lang=ru> (Дата обращения: 27.05.25).

⁸ Indian Air Force strengthens border defenses ahead of talks with China. URL: <https://www.aerotime.aero/articles/indian-air-force-strengthens-border-defense?> (Дата обращения: 28.05.25).

⁹ См. Приложение 2.

¹⁰ India bans 59 mostly Chinese apps amid border dispute, URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/6/29/india-bans-59-mostly-chinese-apps-amid-border-dispute?> (Дата обращения: 01.06.25)

между странами, что косвенно усиливает позиции Китая в противостоянии с Индией. КПЭК, являясь флагманским проектом данной инициативы, предоставляет собой конгломерат проектов по освоению пакистанского пространства, охватывающих сферы транспорта, логистики и коммуникации. Согласно проекту, современные транспортные сети, построенные для КПЭК, связывают морские порты в Гвадаре и Карачи с северным Пакистаном, а также с пунктами, расположенными дальше на север в западном Китае и Центральной Азии. Маршрут коридора проходит от Кашгара, крупного города в китайской провинции Синьцзян на севере, соединяя крупные города Пакистана, включая Исламабад и Лахор, и достигая Гвадара на юге – его общая протяженность превышает 3000 км¹¹.

Пакистанские чиновники также прогнозируют, что КПЭК приведет к созданию до 2,3 млн рабочих мест в период с 2015 по 2030г. и добавит 2-2,5% к ежегодному экономическому росту страны¹².

Помимо инфраструктурных и энергетических проектов, Китай проявляет интерес к природным ресурсам региона, так как Кашмир богат минеральными ресурсами, включая залежи меди, золота и урана, которые в свою очередь могут привести к новым инвестиционным проектам.

Экономическое проникновение Китая в регион также проявляется в увеличении объема двусторонней торговли с Пакистаном, которая за последние десять лет выросла более, чем в два раза. «Экспорт Пакистана в Китай в первом квартале 2021 года составил 888 млн долларов по сравнению с 526 млн долларов за аналогичный период 2020г., увеличившись в годовом исчислении на 69 процентов», – сообщил в мае в своем твиттере посол Пакистана в Китае Моин уль Хак.¹³

Тем самым, экономическое взаимоотношение двух стран со временем улучшается, но политическое сотрудничество нуждалось в укреплении. С этой целью в 2005г. в Исламабаде между двумя странами был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Данный договор отражает основные принципы взаимодействия Китая и Пакистана на юридическом уровне, которые представляют собой пять принципов мирного сосуществования:

- взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- ненападение;
- невмешательство во внутренние дела;

¹¹ Китайско-Пакистанский Экономический Коридор: Геополитические Последствия Смертельного Теракта В Карачи, URL: <https://www.iglobenews.org/ru/%D0% /> (Дата обращения: 27.05.25).

¹² Там же.

¹³ Китай является основным источником импорта Пакистана, URL: <https://prc.today/kitaj-yavlyayetsya-osnovnym-istochnikom-importa-pakistana/> (Дата обращения: 27.05.25).

- равенство и взаимная выгода;
- мирное сосуществование.¹⁴

Политическая поддержка Китая проявляется в стремлении разрешения конфликта с учетом пакистанских интересов, а также в защите интересов Исламабада на международных форумах. Особенно ярко это проявилось после отмены Индией особого статуса штата Джамму и Кашмир в 2019г., когда Китай трижды инициировал обсуждение этого вопроса в Совете Безопасности ООН. В первый раз это произошло в августе 2019г., когда после 1965г. это была первая встреча Совета Безопасности ООН по Кашмиру¹⁵. Однако как в этот, так и в последующие разы, усилия Китая не привели к успеху поскольку Индия отвергала все попытки, заявляя, что это внутреннее дело страны. Китай неоднократно блокировал инициативы по внесению пакистанских террористических организаций, действующих в Кашмире, в глобальный санкционных список. Например, Китай, начиная с 2009г. четырежды использовал техническую блокировку для предотвращения внесения в список Масуда Азхара, лидера группировки «Джаиш-е-Мухаммад», ответственной за многочисленные теракты в индийском Кашмире¹⁶. Эта позиция вызвала критику со стороны западных стран, которые обвиняли Пекин в двойных стандартах в борьбе с терроризмом. Однако стоит отметить, что под давлением международного сообщества и усилиями Индии в 2019г. Китай снял свои возражения.

В рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) Китай, Индия и Пакистан проводят совместные антитеррористические учения. После теракта в 2022г. в Карачи, в ходе которого погибло 2 китайских инженера, министерство обороны Китая, заявило, что командование Западного театра вооруженных сил направит подразделения в Пакистан для участия в маневрах¹⁷. Однако, стоит отметить, что с момента вступления Индии и Пакистана в эту организацию, Китай стремится не допустить переноса их двусторонних разногласий на площадку ШОС, тем самым фокусируясь на устраниении проблем региональной безопасности, для обеспечения которой и призвана действовать организация в лице Индии и Пакистана.

Дипломатическая стратегия Китая тем самым характеризуется сложным балансированием между открытой поддержкой Пакистана и стремлением позиционировать себя как посредника. С одной стороны, Пекин предлагает по-

¹⁴ Цуй Синьюань. О развитии Китайско-Пакистанских отношений в 2010-х – начале 2020-х гг. Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь.

¹⁵ UN Security Council discusses Kashmir, China urges India and Pakistan to ease tensions, URL:<https://news.un.org/en/story/2019/08/1044401>? (Дата обращения: 01.06.25).

¹⁶ Masood Azhar Is China's Favorite Terrorist, URL: <https://foreignpolicy.com/2019-03/21/masood-azhar-is-chinas-favorite-terrorist/>? (Дата обращения: 28.05.25).

¹⁷ Китай-Пакистан: в конце месяца начнутся совместные учения по борьбе с терроризмом URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/cina-pakistan-al-via-a-fine-mese-unesercitazione-congiunta-per-il-contrasto-del-terrorismo/> (дата обращения: 01.06.25).

среднические услуги для снижения напряженности между Индией и Пакистаном. Наиболее заметно это проявилось во время кризиса в Пулваме в 2019г., когда китайская дипломатия сыграла определенную роль в деэскалации конфликта¹⁸. С другой стороны, действия Китая часто противоречат его миротворческой риторике. Дипломатическая поддержка пакистанской оппозиции, наращивание военного присутствия вдоль индийской границы и поставки вооружения Пакистану больше способствуют эскалации конфликта, чем его разрешению.

Заключение

Анализ роли Китая в кашмирском конфликте позволяет сделать несколько ключевых выводов.

1. Территориальный спор между Пекином и Индией выходит за рамки двустороннего конфликта, в котором активным участником становится Китай с собственными экономическими, geopolитическими и территориальными интересами.
2. Китайская политика в регионе двойственна – публичные призывы китайского правительства к миру и стабильности часто сопровождаются действиями, поддерживающими напряженность.
3. Экономические проекты, прежде всего КПЭК, усилили ставки Китая в конфликте, превратив его в стратегического союзника Пакистана и укрепив оборонное сотрудничество.

Китай, вероятно, продолжит рассматривать кашмирский конфликт через призму широкого стратегического соперничества с Индией и США в Индо-Тихоокеанском регионе, что ограничит возможности китайской стороны в урегулировании конфликта. Напротив, существует риск эскалации напряженности в условиях соперничества великих держав.

Таким образом, Китай, формально выступая за мирное урегулирование, способствует поддержанию статус-кво, который соответствует его стратегическим интересам в регионе. Усиливая свое влияние за счет конфликта, Китай заинтересован в сохранении нестабильности, которая позволит ему сдерживать Индию и контролировать регион.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире? URL: <https://russian-council.ru/analytic-and-comments/analytic/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-voyuet-v-kashmire/> (Дата обращения: 01.06.25).
2. Кашмирский конфликт: участники, причины, ход событий, URL: <https://fb.ru/article/442225/kashmirskiy-konflikt-uchastniki-prichinyi-hod-sobyitiy> (Дата обращения: 01.06.25).

¹⁸ China backed efforts to defuse Indo-Pak tensions post-Pulwama attack: Wang, URL: https://www.business-standard.com/article/pti-stories/china-backed-efforts-to-defuse-indo-pak-tensions-post-pulwama-attack-wang-119122400867_1.html? (дата обращения: 03.06.25).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.¹⁹

Приложение 2.

¹⁹ Satellite images appear to show China developing area along disputed border with India and Bhutan <https://edition.cnn.com/2020/11/24/asia/china-india-bhutan-doklam-intl-hnk/index.html?> (Дата обращения: 01.06.25).

THE ROLE OF CHINA IN THE KASHMIR ISSUE: A THIRD PLAYER IN A PROTRACTED CONFLICT

E. Baghdasarov

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article analyzes China's role in the Kashmir conflict, traditionally viewed as an armed confrontation between two powers – India and Pakistan. China's geopolitical interests, which shape its objectives and position in this conflict, are directed not only toward ensuring regional security but also toward implementing its own economic projects, such as the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC). The paper examines China's relations with both Pakistan and India in the context of regional security dynamics and the Kashmir issue, and also analyzes the historical, military-strategic, and economic factors that define China's policy on this matter.

Keywords: Kashmir, regional security, territorial dispute, nuclear weapons, China.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ЕГО РОЛЬ В ПОДЪЕМЕ ПРАВЫХ И ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ

Т.А. Григорян, К.А. Сардарян, Г.А. Дрмейн

Российско-Армянский (Славянский) университет
delatarongrigoryan@gmail.com, knariks.2001@gmail.com,
drmeyanheno7@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается влияние миграционного кризиса на политическую ситуацию в Европе, а также его роль в росте популярности праворадикальных и правопопулистских партий. Анализируется, каким образом массовый приток мигрантов с Ближнего Востока и Северной Африки повлиял на общественное мнение, вызвав политическую поляризацию и усиление евроскептических настроений. Особое внимание уделяется риторике популистских движений, ее влиянию на восприятие мигрантов и формирование национальной идентичности. В заключение предлагаются возможные меры по снижению политической напряженности и реформированию миграционной политики ЕС.

Ключевые слова: миграционный кризис, правопопулизм, евроскептицизм, интеграция, Европейский Союз.

Введение

Миграционный кризис в Европе, начавшийся в 2015 г. и продолжающийся по сей день, остается спорной темой, формирующей политическую динамику Европейского Союза (ЕС). Европейские государства оказались неготовыми к беспрецедентному наплыву мигрантов, в основном из стран Ближнего Востока и Северной Африки, бегущих из зон конфликтов, таких как Сирия и Афганистан. Культурные, религиозные и идеологические различия между мигрантами и принимающим населением способствовали значительным социальным и политическим трениям. Эти противоречия способствовали росту правых и популистских партий по всей Европе, которые использовали обеспокоенность населения вопросами безопасности, экономического бремени и культурной интеграции.

Европейский совет принял ряд мер для решения кризиса, включая закрытие балканского миграционного маршрута, усиление пограничного контроля и подписание соглашения с Турцией [1–2]. Хотя эти меры способствовали сокращению потока мигрантов, проблемы, связанные с преступностью, религиозным радикализмом и социальной интеграцией, остаются актуальными. Кроме того, разногласия между странами ЕС по вопросам миграционной политики привели к дальнейшей фрагментации внутри союза. На этом фоне правопопулистские движения набирают популярность, выступая за

ужесточение иммиграционных законов и приоритет национального суверенитета над решениями ЕС.

Методы

В этом исследовании используется комбинированный метод, включающий качественный анализ политического дискурса, количественный анализ данных об электоральных изменениях и изучение конкретных стран. Мы проанализировали политические речи и манифесты популистских партий и их лидеров, чтобы понять, как миграция повлияла на их риторику и политику, а статистические данные используются для выявления тенденций в голосовании и общественном мнении.

Результаты

Современный миграционный кризис не является уникальным явлением в истории Европы. В XXв. континент уже сталкивался с массовыми миграциями, вызванными войнами, экономическими кризисами и распадом колониальных империй. Однако в отличие от прошлого, нынешний кризис протекает в условиях политической интеграции Европы, что делает его более сложным для урегулирования. Европейские страны оказываются перед дилеммой: с одной стороны, соблюдение гуманитарных норм и принципов защиты беженцев, а с другой – необходимость защиты национальной идентичности и безопасности граждан. Исторический опыт показывает, что успешная интеграция мигрантов возможна при наличии четкой государственной стратегии, включающей обучение языку, профессиональную адаптацию и создание условий для культурного взаимодействия. Отсутствие таких мер, напротив, приводит к сегрегации и росту конфликтов между коренным населением и приезжими.

Исследование данной темы актуально, поскольку миграционные вызовы продолжают оказывать влияние на политику европейских стран, особенно на фоне продолжающихся конфликтов и экономических кризисов. Рост популярности правых и правопопулистских партий меняет баланс сил в Европе, что влияет на политику ЕС, реформы и международные отношения. Процессы радикализации общественных настроений и трансформации партийных систем требуют глубокого анализа, чтобы стало возможным предсказать дальнейшее развитие европейской политики. Изучение взаимосвязи между миграционными кризисами и ростом правого популизма позволяет не только понять современные политические тренды, но и оценить перспективы изменения миграционной политики и общественного дискурса в Европе.

Миграционный кризис в Европе был вызван множеством факторов, включая вооруженные конфликты в Сирии, Ираке и Афганистане, экономическую нестабильность в Северной Африке и ослабление пограничного контроля в ряде транзитных регионов. В 2015г. в Европу прибыл почти один миллион мигрантов, что перегрузило системы пограничного контроля и создало логистические трудности для многих стран. Регламент Дублина, тре-

бующий подачи прошения о предоставлении убежища в первой стране ЕС, в которую прибывает мигрант, привел к несоразмерному давлению на южноевропейские страны, такие как Греция и Италия, вызывая напряженность внутри ЕС [3].

Проблемы интеграции также играют важную роль. Многие мигранты сталкиваются с языковыми барьерами и недостатком образования, что ограничивает их доступ к рынку труда и замедляет экономическую интеграцию. Культурные различия, особенно в вопросах социальных норм и гендерных ролей, вызывают общественные дискуссии. Проблемы безопасности еще больше усугубляют ситуацию, так как ряд крупных террористических актов в Европе был связан с радикальными элементами, проникшими через миграционные каналы. Несмотря на то, что большинство мигрантов ищут безопасность и экономические возможности, случаи радикализации и преступности усиливают антимиграционные настроения. Однако, согласно новому анализу последних статистических данных о преступности в Германии, проведенному известным институтом IFO (Институт экономических исследований), иммигранты или беженцы не склонны к совершению преступлений, и не существует никакой корреляции между долей иммигрантов в определенном районе и местным уровнем преступности. В новом исследовании институт, базирующийся в Мюнхене, сопоставил последние национальные статистические данные о преступности за период с 2018 по 2023г. с данными по конкретным местам, чтобы показать, почему тот факт, что иммигранты чрезмерно представлены в статистике преступности, никак не связан с тем, откуда они приехали [4]. И это исследование, в свою очередь, противоречит популистскому нарративу.

Экономическое воздействие миграции является предметом активных дискуссий. Одни экономисты утверждают, что миграция способствует разнообразию на рынке труда, другие подчеркивают нагрузку на социальные системы, особенно в регионах с высоким притоком мигрантов. Финансовые затраты на обеспечение жильем, медицинским обслуживанием и социальными услугами приводят к дебатам о перераспределении ресурсов. Обеспокоенность населения экономической стабильностью стала ключевым фактором роста для правых партий, выступающих за ужесточение иммиграционной политики.

Изучение взаимосвязи между популистской риторикой и общественным восприятием мигрантов

Популистские партии используют антимиграционную риторику как основной инструмент мобилизации избирателей. В их выступлениях беженцы и мигранты зачастую представляются как угроза безопасности, национальной идентичности и социально-экономической стабильности. Одновременно правопопулистские движения апеллируют к недовольству населения, утверждая, что традиционные политические элиты не способны защитить интересы граждан. Такой дискурс способствует усилению политической поляризации и радикализации общественных настроений.

Средства массовой информации также играют важную роль в формировании отношения к мигрантам. В странах, где медиапространство подвержено влиянию популистских сил, доминирует нарратив о «провале мультикультурализма» и необходимости жестких мер по ограничению миграции. В то же время более либеральные медиа, напротив, акцентируют внимание на гуманитарных аспектах кризиса и правах беженцев. Такая информационная борьба лишь усиливает раскол в обществах, мешая выработке взвешенной и рациональной миграционной политики.

Политические последствия

Миграционный кризис сыграл ключевую роль в изменении политического ландшафта Европы. Рост популярности таких партий, как «Альтернатива для Германии» (AfD), «Национальное объединение» во Франции, «Лига» в Италии и «Фидес» в Венгрии, отражает усиление националистических настроений. Электоральные данные с 2015 по 2025 годы показывают устойчивый рост голосов за правые партии, особенно в странах, наиболее пострадавших от миграции.

В Германии «Альтернатива для Германии» (AfD) добилась политического успеха, используя страхи перед миграцией, получив места в парламенте в 2017г. и расширив свое влияние на региональных выборах.

Во Франции «Национальное объединение» во главе с Марин Ле Пен использовало миграционный вопрос для укрепления позиций защитника национальной идентичности. Электоральные результаты 2022г. и прогнозы на 2027г. свидетельствуют о растущей поддержке, особенно среди рабочего класса и сельских жителей (Рис.1).

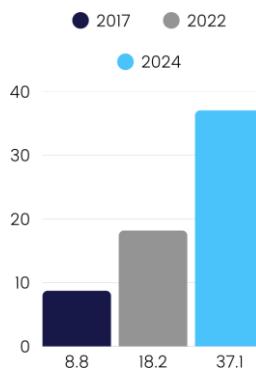

Рисунок 1. Динамика электоральных результатов партии «Национальное объединение» в процентах на последних трех парламентских выборах во Франции.

В Италии партия «Лига» под руководством Маттео Сальвини активно боролась против нелегальной миграции, блокируя судоходные маршруты и усиливая контроль на границах. В Венгрии премьер-министр Виктор Орбан и его партия «Фидес» внедрили одни из самых строгих иммиграционных за-

конов в Европе, что сделало Венгрию лидером среди стран, сопротивляющихся миграционным квотам ЕС.

Многие европейские правительства ужесточили иммиграционные законы и усилили пограничный контроль под давлением общественности. Однако Европейская комиссия испытывает трудности в реализации единой миграционной политики из-за сопротивления стран, отдающих приоритет национальному суверенитету. Дебаты по миграции усилили раскол в европейском обществе, приводя к протестам, контрпротестам и изменению общественного мнения. Представление миграции как кризиса способствовало легитимизации исключающих политик и антимиграционной риторики.

Анализ показал, что в странах с высоким уровнем миграционного давления наблюдается устойчивый рост поддержки праворадикальных и правопопулистских партий. Так, партия AfD в Германии увеличила свое представительство в Бундестаге с 2017г. (Рис. 2).

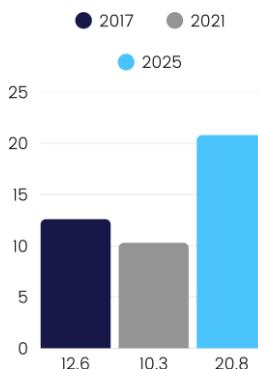

Рисунок 2. Динамика электоральных результатов партии «Альтернатива для Германии» в процентах на последних трех парламентских выборах в Германии.

«Национальное объединение» Марин Ле Пен стабильно набирает высокие проценты на выборах во Франции, а венгерская партия «Фидес» проводит жесткую антимиграционную политику, апеллируя к национальному суверенитету. Популистская риторика усиливает восприятие мигрантов как угрозы безопасности и традиционным ценностям, что способствует политической мобилизации и радикализации части избирателей.

Прогноз развития ситуации

Политический ландшафт Европы в ближайшие годы, скорее всего, будет продолжать трансформироваться под влиянием миграционного кризиса. С одной стороны, можно ожидать ужесточения миграционной политики на национальном уровне, особенно в странах, где правые и популистские партии укрепили свои позиции. Такие государства, как Италия, Венгрия и Польша, вероятно, продолжат сопротивляться общеевропейским механизмам перераспределения мигрантов, настаивая на защите национальных границ. В то

же время в рамках ЕС могут начаться реформы, направленные на достижение большего баланса между интересами стран-реципиентов и стран, принимающих основную нагрузку. Вопрос о пересмотре Дублинского соглашения и разработке новых механизмов регулирования миграционных потоков будет оставаться ключевым на повестке дня в Брюсселе.

С точки зрения общественного мнения, можно ожидать дальнейшего роста евроскептических настроений, особенно если проблемы, связанные с интеграцией мигрантов, не будут решены эффективно. В странах Западной Европы возможен рост недовольства существующей миграционной политической, что может привести к усилению позиций правых партий на выборах 2027г. В то же время вероятно появление более умеренных политических сил, предлагающих компромиссные решения, направленные на сочетание безопасности, контроля за миграцией и эффективной интеграции беженцев. Однако успех этих инициатив будет зависеть от способности европейских институтов преодолеть внутренние разногласия и выработать единые решения, отвечающие как национальным интересам, так и принципам европейской солидарности.

Еще одним важным фактором остается экономическая ситуация. Если экономика ЕС будет испытывать значительные кризисы, то антимиграционные настроения могут усилиться на фоне конкуренции за рабочие места и государственные ресурсы. В случае экономического роста, напротив, общественное восприятие мигрантов может смягчиться, особенно, если появятся успешные примеры их социальной и трудовой интеграции.

Заключение

Миграционный кризисоказал значительное влияние на европейскую политику, способствуя росту правых и правопопулистских партий. Он продемонстрировал уязвимость интеграционного проекта перед лицом внутренних разногласий и усилил тенденции к национализации миграционной политики. Хотя обеспокоенность вопросами безопасности, культурной идентичности и экономической стабильности остается оправданной, чрезмерно националистический подход угрожает единству Европы и демократическим ценностям. Главный вызов для европейских лидеров в 2025 году и далее – это нахождение баланса между национальными интересами и коллективными решениями ЕС, обеспечивающими долгосрочную стабильность и социальную сплоченность. В целях предотвращения дальнейшей поляризации и ослабления демократических институтов необходимо пересмотреть принципы миграционного регулирования, укрепить механизмы интеграции и противодействовать ксенофобской риторике, сохранив при этом ценности солидарности и гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Statement of the EU Heads of State or Government of 7 March 2016 // European Council URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/08/eu-turkey-meeting-statement/>

2. EU-Turkey statement of 18 March 2016 // European Council URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/>
3. European Commission: Directorate-General for Communication // The EU in 2016 – General report on the activities of the European Union, Publications Office of the European Union, 2017 URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/226192>
4. *Adema J., Alipour J.-V. Steigert Migration die Kriminalität? Ein datenbasierter Blick* // ifo Schnelldienst digital. № 3. 2025. PP. 1–10.

THE MIGRATION CRISIS AND ITS ROLE IN THE RISE OF RIGHT-WING AND RIGHT-POPULIST PARTIES IN EUROPE

T. Grigoryan, K. Sardaryan, H. Drmeyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article examines the impact of the migration crisis on the political situation in Europe, as well as its role in the rise of far-right and right-wing populist parties. It analyses how the massive influx of migrants from the Middle East and North Africa has affected public opinion, causing political polarisation and increasing Eurosceptic sentiment. Particular attention is paid to the rhetoric of populist movements, its impact on the perception of migrants and the formation of national identity. The article concludes with possible measures to reduce political tensions and reform EU migration policy.

Keywords: migration crisis, right-wing populism, euroscepticism, integration, European Union.

КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ИРАНА И РОССИИ

И.А. Мнацаканян

Российско-Армянский (Славянский) университет
inna.mnatsakanian01@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются национальные интересы России и Ирана на Кавказе в контексте современных геополитических изменений и трансформации регионального порядка. В результате исследования становится ясно, что Россия и Иран стремятся сохранить свое стабильное присутствие на Кавказе, расширяя зону своего влияния в целях обеспечения национальной безопасности, развития экономической и энергетической политики, укрепления своих внешнеполитических позиций.

Ключевые слова: геополитика, национальные интересы, региональный порядок, региональные и нерегиональные акторы, стратегическое положение.

Введение

Ключевое геополитическое положение, являясь зоной пересечения интересов региональных и нерегиональных акторов, делает его приоритетным направлением в национальных интересах России и Ирана. Развивая сотрудничество с государствами Кавказа, Россия и Иран стремятся укрепить региональную стабильность, тем самым противодействуя внешнему давлению. Укрепление позиций в регионе дает возможность Москве и Тегерану преодолеть санкционные ограничения и расширить международное сотрудничество.

Вопрос Нагорного Карабаха, отсутствие дипломатических отношений Армении с Турцией, Азербайджаном, российско-грузинский конфликт, вооруженные столкновения на Северном Кавказе оказали существенное влияние на стабильность и безопасность Кавказа. Идеологические разногласия внешних игроков и региональных субъектов способствовали углублению политических и экономических противоречий, превратив регион в арену геополитического соперничества. В условиях продолжающихся трансформаций регионального порядка, региональные и нерегиональные акторы стремятся укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе, одновременно расширяя сферу своего влияния.

Каждое государство выстраивает свою внешнюю политику исходя из своих национальных интересов, в силу этого понимание национальных интересов России и Ирана помогает понять степень их заинтересованности в Кавказском регионе и определить дальнейшую политику в рамках региона.

Цель исследования: определить стратегическое значение Кавказского региона в национальных интересах Ирана и России.

Задачи исследования: выявить интересы России и Ирана на Кавказе и проанализировать влияние современных геополитических трансформаций на региональную политику Ирана и России.

Методологические основания исследования: *принцип объективности*: позволил избежать субъективных искажений с целью получения достоверных результатов, основанных на фактах и проверяемых данных. Этот принцип помог провести исследование без когнитивных искажений и избежать оценочных суждений при анализе официальных заявлений и документов.

Принцип научной обоснованности: обеспечил достоверность выводов и аргументов, опираясь на существующие научные теории, экспертные исследования, а также официальные данные, аналитические отчеты с целью обеспечения достоверности результатов. *Принцип системности*: позволил рассмотреть геополитические изменения на Кавказе в контексте взаимосвязанных факторов. *Принцип детерминизма*: позволяет выявить причинно-следственные связи, объяснить закономерности и спрогнозировать процесс развития. На этой основе выявлены причинно-следственные связи региональных трансформаций и изменений во взаимоотношениях основных игроков на Кавказе. *Сравнительный метод*: использовался для сравнения национальных интересов России и Ирана по отношению к Кавказскому региону, их политических позиций по важным региональным вопросам в рамках изменений регионального порядка. *Методы познания, описания, анализа* помогли проанализировать и ознакомиться с материалами, касающимися темы данного научного исследования, интегрировать собранную информацию в контекст данной работы.

Методы дедукции и индукции способствовали детальному рассмотрению всех собранных материалов, сведений и фактов по теме данной работы от общего к частному и от частного к общему для построения логистической структуры и обоснованных выводов. *Метод обобщения* позволил собрать все результаты анализов и фактов для формулирования общих выводов

Результаты

Важным фактором является то, что в состав РФ входят республики Северного Кавказа: Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня и Дагестан, что делает Россию частью Кавказа. Следовательно, регион, как составная часть суверенной территории России, является ключевым в ее национальных интересах. Учитывая столь важный фактор, необходимо рассмотреть Концепцию внешней политики Российской Федерации, отражающую национальные интересы России.

Исходя из Концепции внешней политики РФ, в рамках национальных интересов и стратегических национальных приоритетов РФ внешнеполитическая деятельность государства направлена на достижение нескольких стратегических целей, среди которых можно отметить:

- «обеспечение безопасности РФ, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности»;

- «создание благоприятных внешних условий для развития России»;
- «упрочение позиций РФ как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира».

Таким образом, проецируя национальные цели и задачи РФ на Кавказе, можно сделать вывод, что важной составляющей для России является безопасность всего Кавказа, особенно в районах, прилегающих к ее границам. Развитие региона и укрепление своих позиций также важны для сохранения положения России как самостоятельного международного актора.

В Концепции внешней политики РФ отмечены задачи для достижения стратегических целей внешней политики РФ, которые также могут быть рассмотрены в рамках Кавказского региона. Из них можно выделить следующие:

- формирование справедливого и устойчивого мироустройства;
- поддержание международного мира и безопасности, стратегической стабильности, обеспечение мирного сосуществования и поступательного развития государств и народов;
- содействие выработке эффективных комплексных ответов международного сообщества на общие вызовы и угрозы, включая региональные конфликты и кризисы;
- развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с конструктивно настроенными иностранными государствами и их объединениями, обеспечение учета российских интересов с использованием механизмов многосторонней дипломатии;
- противодействие антироссийской деятельности иностранных государств и их объединений, создание условий для прекращения такой деятельности;
- формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие предотвращению возникновения и устраниению очагов напряженности и конфликтов на их территориях;
- оказание союзникам и партнерам России поддержки в продвижении общих интересов, обеспечении их безопасности и устойчивого развития независимо.

Следовательно, учитывая территориальную, историческую, культурную, экономическую, военную связи России с Кавказским регионом, можно сказать, что такая связь формирует национальные интересы государства относительно региона в контексте выполнения вышеперечисленных задач.

В условиях международной нестабильности России особенно необходимо удержать доминирующее положение как великой державы на международной арене и для этого в ее интересах сохранить зону влияния в Кавказском регионе, так как именно в этом регионе присутствие нерегиональных акторов ослабляет и вытесняет Россию.

Через Северный Кавказ проходят важные экономические, транзитные и транспортные линии, а плодородные земли Ставропольского и Краснодарского регионов, резервы нефти и газа делают Северный Кавказ регионом,

богатым ресурсами. Однако этнокультурная идентичность, религиозный фактор, социально-политическое составляющее Северного Кавказа делают регион уязвимым и нестабильным, что становится угрозой региональной и международной безопасности. Природа проявления экстремизма в регионе носит протестный характер: недовольство политическим режимом, социальным неравенством, положением в обществе отдельных социальных слоев, этнических, расовых и религиозных групп. Особенно Чеченские войны, нестабильность в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи усилили опасность терроризма, исламского радикализма и экстремизма. Для обеспечения безопасности на Северном Кавказе и для предотвращения распространения террористической сети, необходимо предпринять серьезные шаги для эффективной борьбы против терроризма. Учитывая интересы России, можно сказать, что она рассматривает Кавказский регион как зону развития регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом. А.М. Малащенко в статье «Что значит Северный Кавказ для России?», пишет, что, во-первых, сепаратистские движения в Чечне в Европе рассматривались как освободительное движение, следовательно, действия российской власти критиковались за нарушения прав человека, во-вторых, борьба с исламским экстремизмом воспринималась как борьба против ислама, следовательно, затрудняла отношения России с исламским миром, в-третьих, терроризм на Северном Кавказе – это инструмент манипуляции против России. Таким образом, последствия вышеотмеченных фактов повлияли на имидж России, следовательно, региональное сотрудничество может помочь России устраниТЬ угрозы национальной безопасности страны, стабилизировать ситуацию в регионе, создавая положительный образ Северного Кавказа. Южный Кавказ также занимает важное стратегическое положение для России.

Все три субъекта Южного Кавказа: Армения, Грузия и Азербайджан являются странами постсоветского пространства, что повлияло на их военно-политические, экономические, культурные связи с Россией.

После распада СССР Россия сохранила военное присутствие на Южном Кавказе. Основная часть военных баз России была сосредоточена в Грузии, где насчитывалось около 6000 военных к 1995г., однако с приходом к власти Михаила Саакашвили в результате «Революции роз» отношения России и Грузии ухудшились и уже в 2007г. ГРВЗ была официально ликвидирована. У России оставались военные базы в Армении, РЛС ПРО «Дарьял» в Габале (Азербайджан), 1600 миротворцев в Абхазии и 500 миротворцев в Южной Осетии. В 2012г. РЛС ПРО в Азербайджане закрылась и сейчас у России три военные базы на Южном Кавказе: 4-я военная база в Абхазии, 7-я военная база в Южной Осетии и 102-я военная база в Армении. Таким образом, со временем военное присутствие России сократилось.

Как уже отмечалось, в число национальных интересов России входит сотрудничество с сопредельными государствами и развитие отношений с союзниками для преодоления кризисов на их территориях, продвижения общих интересов и противодействия антироссийской деятельности. России важно улучшить политические отношения с государствами Южного Кавказа, так

как перечень «цветных революций», эскалация отношений России и Запада, а также активная европейская интеграция на Южном Кавказе, сотрудничество НАТО и ЕС с региональными акторами рассматриваются как угроза для России, так как она может потерять политическую поддержку и экономические преимущества на Южном Кавказе, что тем самым ограничит зону ее влияния в регионе. Следовательно, Южный Кавказ рассматривается не только в ракурсе политических и экономических интересов России, но и как зона противостояния с Западом.

Географическое положение Кавказа позволяет России развивать свою энергетическую политику и энергетическую безопасность, используя его транзитное преимущество и стратегическое значение. Но интересы региональных и нерегиональных акторов в торговой и энергетической сфере усложняют реализацию энергетической политики России.

Азербайджан и Турция рассматривают наличие энергетических ресурсов в Азербайджане и строительство энергетической инфраструктуры, связывающей Южный Кавказ с Турцией, как ключевые аспекты для повышения важности геополитического положения двух государств и расширения влияния. Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзрум, железная дорога Баку–Тбилиси–Карс обеспечивают связь Грузии и Азербайджана с Турцией, что делает Южный Кавказ стратегически важным регионом для Турции. Также надо отметить Трансанатолийский газопровод (TANAP), который является одним из ключевых энергетических проектов, связывающих Азербайджан с Турцией и Европой. TANAP соединяется с Южно-Кавказским трубопроводом (SCP) на востоке и с Трансадриатическим газопроводом (TAP) на западе, обеспечивая доставку газа в Европу через Грецию и Албанию до Италии. Ключевым фактором является то, что TANAP снижает зависимость европейских стран от российского газа, поэтому, учитывая эскалацию отношений России и Запада, данный проект и, соответственно, страны, которые являются частью проекта, становятся ключевыми. Таким образом, TANAP укрепляет позиции Турции и Азербайджана, создавая ключевой энергетический хаб в регионе. Это повышает их значимость на международной арене и укрепляет экономическое и политическое влияние. Эти проекты не только повышают энергетическую безопасность Турции и Азербайджана, но и повышают их стратегическое значение как узла транзита энергии. Таким образом, Турция и Азербайджан стремятся расширить свое экономическое влияние на Южном Кавказе посредством торговых, инвестиционных и инфраструктурных проектов. Близость региона и экономические связи Турции с Азербайджаном делают регион естественным рынком для турецких товаров, услуг и инвестиций.

Следовательно, энергетическое сотрудничество Турции и Азербайджана, занимая доминирующее положение в энергетической сфере Кавказа, вытесняет Россию из региона. Кавказский регион в контексте энергетического курса России занимает существенно важное место, так как в результате санкционной политики в отношении России и стремления Европы диверси-

фицировать поставки российских энергоресурсов, России необходимо повышать конкурентоспособность.

В зоне интересов России остается также Грузия. До российско-грузинской войны Газпром поставлял газ в Грузию, а Грузия, в свою очередь, выступала как транзитная страна для экспорта российского газа в Армению, однако после пятидневной войны удельный вес российского газа на грузинском рынке был сокращен до 12%, а уже в 2016г. Газпром поменял условия поставки газа в Грузию и предложил оплату деньгами за транзит газа в Армению через газопровод Моздок–Тбилиси. В результате, в 2017г. Грузия объявила основным поставщиком газа Азербайджан, а с «Газпромом» был подписан «гибкий контракт, в результате чего российский газ необходим им лишь во время отопительного сезона».

Что касается электроэнергии, то еще в 2006г. потребление российского электричества, поступающего в Грузию по ЛЭП-500 «Кавкасиони», было прекращено, правительство это объяснило тем, что новые гидроэлектростанции обеспечивают спрос и потребность в российской электроэнергии снижается.

Дело в том, что в последние годы в энергетическом и нефтяном секторах Грузии наблюдаются значительные изменения, и возникают новые инициативы, связанные как с внутренними, так и внешними проектами. Грузия активно работает над развитием своих энергетических ресурсов.

Правительство Грузии представило проект нефтеперерабатывающего завода в Кулеви на Черноморском побережье стоимостью 700 млн долларов США. Ожидается, что завод будет перерабатывать до 1,2 млн тонн нефти в год, а к 2028г. его производственные мощности могут увеличиться до 4 млн тонн. Этот проект, по мнению премьера Ираклия Кобахидзе, станет ключевым для улучшения энергетической безопасности и повышения экспортных возможностей страны. Базирующаяся в Грузии компания Black Sea Petroleum будет поставлять различные виды нефтепродуктов на местные рынки и экспортировать их в Европу и за ее пределы.

Не менее важным является запуск крупнейшей постсоветской гидроэлектростанции «Хоби 2», которую, по словам министра экономики Грузии Давиташвили, правительство намерено использовать для максимального использования существующих энергетических ресурсов, что значительно укрепит энергетическую независимость страны. Он также подчеркнул важность соединения энергетической системы Грузии с соседними странами и Европой. Важным флагманским проектом является возможность прямого соединения с Европейским союзом через подводный кабель в Черном море.

Грузия продолжает развивать инфраструктуру поставок газа. В частности, в муниципалитетах Цагери и Лентехи на западе Грузии строится новый 120-километровый трубопровод, обеспечивающий природным газом более 7 тысяч жителей западной части страны. Работа продвигается в различных регионах с целью достижения около 93 процентов газификации по всей стране к 2025г.

Кроме того, продолжается активное сотрудничество с Азербайджаном, Турцией и Болгарией по ключевым энергетическим проектам, таким как Южный газовый коридор, который призваны укрепить энергетическую безопасность и улучшить логистические связи между Азией и Европой.

В рамках усилий по либерализации энергетического рынка Грузия продолжает приватизацию, в том числе продажу азербайджанской компании Socar Gas Georgia газопроводов, что в будущем позволит повысить эффективность поставок природного газа в стране. «Правительство Грузии одобрило прямую продажу азербайджанской компании газопроводов в районах в западной части страны за 19,8 млн лари (\$7 млн)».

Анализируя энергетический сектор Грузии, можно сделать вывод, что основными целями политики страны являются энергетическая независимость и повышение привлекательности энергетического рынка страны, превращающих ее в транзитный узел. Несмотря на то, что запасы нефти и газа в Грузии ограничены, возобновляемые ресурсы страны позволяют создать условия для выработки электроэнергии. Получается, что в условиях диверсификации российских энергетических ресурсов и развития энергетического сотрудничества Грузии, Азербайджана и Турции, позиции Россия в регионе ослабляются, что ведет к утрате ее прежнего доминирования в энергетической сфере Южного Кавказа.

Однако на фоне растущего внутреннего потребления электроэнергии, которое возросло на 5,1%, Грузия сталкивается с увеличением спроса на энергоресурсы. Несмотря на политику диверсификации энергетических ресурсов, дефицит энергии может подтолкнуть Грузию импортировать больше энергетических ресурсов. В этой связи можно отметить, что в 2024г. Грузия значительно увеличила импорт российского газа, что также влияет на энергобаланс страны. «В частности, если в январе-сентябре 2022г. на российский газ приходилось всего 12,2% от общего объема закупок, то в отчетный период текущего года этот показатель увеличился до 36%. По данным Национальной службы статистики, в январе-сентябре 2024г. Грузия закупила российского природного газа на 90,093 млн долларов США (36% от общего объема импорта), что является самым высоким показателем за последние годы». Таким образом, у России есть возможность контролировать энергетический курс Южного Кавказа, сохраняя энергетическое доминирование страны в регионе. Однако важно отметить, что несмотря на увеличение импорта из России, Азербайджан «остается основным поставщиком природного газа в Грузию». Импорт газа Грузии из Азербайджана превысил 1,5 млрд кубометров.

Такие проекты делают регион пространством конкуренции региональных и нерегиональных акторов.

Получается, что в интересах России не потерять важный стратегический регион как пространство для экспорта своих энергоресурсов и использовать все возможные варианты для сохранения своей роли основного поставщика энергоресурсов, поскольку энергетический сектор – это еще один аспект, позволяющий стране сохранять свою роль не только в регионе, но и в мире.

Что касается Ирана, то, как отмечается в статье «Специфика военно-политического присутствия Ирана, России и Турции на Южном Кавказе», интересы Ирана на Кавказе можно рассмотреть в трех измерениях: безопасность, энергоресурсы и выход из изоляции. «Военно-политическое присутствие держав западного блока у иранских границ, в особенности США и Израиля, воспринимается Тегераном как угроза национальной безопасности». Южный Кавказ также имеет решающее значение для Ирана из-за его доступа к Каспийскому морю и его ресурсам, а также евразийским транспортным и логистическим коридорам, пролегающим через Кавказский регион.

В этом контексте можно сказать, что планы по реализации Зангезурского коридора рассматриваются как угроза национальной безопасности Ирана, о чём неоднократно заявляли власти Ирана. В сентябре 2024г. глава МИД Ирана Аббас Арагчи отметил:

«Региональный мир, безопасность и стабильность – это не просто предпочтение, а основа нашей национальной безопасности. Любая угроза с Севера, Юга, Востока или Запада риториальной целостности наших соседей или изменению границ абсолютно неприемлема и является красной линией для Ирана». Такая позиция Ирана обусловлена несколькими аспектами. Эксперт ереванского Регионального центра демократии и безопасности Эдуард Аракелян в статье «“Зангезурский коридор”: есть ли у Тегерана рычаги воздействия?» описывает следующие причины угрозы Зангезурского коридора для национальных интересов страны: во-первых, коридор может нарушить прямое сообщение между Ираном и Арменией, во-вторых, стратегическая связь Ирана с Европой будет разорвана, Иран не будет иметь контроля над маршрутом и, естественно, потеряет право на транзит. В. Каледжи в статье «Гревоги Ирана по поводу напряженности между Арменией и Азербайджаном» пишет, что Зангезурский коридор обеспечит военное присутствие Турции на Кавказе. Турция, продвигаясь вплотную к северным границам Ирана, усилит пантюркизм, что станет угрозой стабильности северо-западного Ирана, а также, учитывая поддержку Азербайджана, сможет организовать антииранские операции в северных провинциях Ирана. Азербайджанцы в Иране являются крупнейшим этническим меньшинством страны, большая часть которых живет на северо-западе страны, следовательно, укрепление сил Турции, с поддержкой Азербайджана, может оцениваться как угроза возникновения сепаратистских движений. В. Каледжи также отмечает, что Иран обеспокоен возможным возобновлением войны между Арменией и Азербайджаном, особенно на фоне споров вокруг Зангезурского коридора, что может привести к проникновению в регион «прокси-сил», то есть террористических сил, особенно представителей ИГИЛ с антииранским и антишиитским настроениями, таким образом угрожая национальной безопасности Ирана.

Иран имеет не только политические интересы в регионе, но и экономические. В энергетической сфере, конечно, нужно отметить сотрудничество Ирана и Армении на основе соглашения «Газ в обмен на электроэнергию», согласно которому до 2030г. Иран ежегодно экспортирует в Армению 360 миллионов кубометров газа, импортируя взамен электроэнергию. Иран заин-

тересован в расширении данного договора, посол Исламской Республики Иран в Республике Армения Мехди Собхани в интервью агентству SNN сказал, что Иран удвоит импорт электроэнергии из Армении, чему способствует завершение строительства третьей линии электропередачи из Армении в Иран. Также он отметил, что «совместные инфраструктурные и энергетические проекты, такие как строительство дорог и расширение обмена газом и электроэнергией помогают улучшить региональную инфраструктуру и удовлетворить взаимные потребности». Он подчеркнул важность строительства дороги Агарак-Каджаран в южной части Армении, которая расположена на маршруте коридора Север-Юг. «Этот проект стоимостью \$212 млн. в значительной степени способствует экспорту технических и инженерных услуг Ирана в Армению». Данная дорога сокращает путь с одного часа 20 минут до 20 минут, а ширина дороги увеличивается с 6 метров до 17-ти, что очень полезно с учетом безопасности и скорости. Он подчеркнул, что в сфере торговли удалось увеличить товарооборот с Арменией с \$200 млн до \$711 млн, чему способствовало членство Армении в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Нужно отметить, что 25 декабря 2023г. «на полях» заседания Высшего Евразийского экономического совета в Санкт-Петербурге было подписано «Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны». Армения является единственным участником ЕАЭС, который граничит с Ираном, следовательно, Армения делает Южный Кавказ важным регионом в национальных интересах Ирана, поскольку таким образом у Ирана появляется больше возможностей для развития отношений с ЕАЭС.

Представленные ранее региональные транспортно-логистические проекты показали, что России и Ирану необходимо создавать альтернативные проекты для повышения конкурентоспособности в экономическом и энергетическом секторах. Одним из таких проектов является МТК Север-Юг. Основным преимуществом коридора является то, что он сокращает расстояние и время перевозок Россия-Иран-Индия, создавая альтернативный путь в обход Суэцкого канала. Коридор «Север-Юг» включает три основных маршрута: Западный – через Республику Дагестан автомобильным и железнодорожным транспортом, Трансказпийский – через Каспийское море морским и речным транспортом по Волге в иранские и туркменские порты, а также Восточный – через республики Казахстан и Туркменистан автомобильным и железнодорожным транспортом. Еще в сентябре 2000г. Россия, Иран и Индия подписали межправительственное соглашение о МТК «Север-Юг», к которому присоединились Оман, Азербайджан, Армения, Беларусь, Оман, Казахстан, Сирия и др. страны. В интересах России и Ирана использовать региональных акторов Южного Кавказа для реализации коридора, так как коридор может проходить и через Армению, и через Азербайджан.

«Коридор Север-Юг» не только окажет влияние на развитие экономических отношений со странами, интегрированными в данный проект, но и позволит (особенно Ирану) развивать сотрудничество с Китаем. Дело в том, что автомагистраль Север-Юг может стать частью инициативы «Один пояс,

один путь», таким образом создавая дорогу Китай-Иран-Армения-Грузия-Черное море-Средиземное море. Интерес Ирана к Кавказу заключается также в том, что он может использовать регион для развития своих внешней и внутренней политик, расширяя международное сотрудничество. Это поможет стране преодолеть санкции и выйти из положения «страна-изгой».

Обобщая, можно сказать, что Кавказ в национальных интересах России и Ирана имеет стратегически важное место. Развивая отношения со странами Кавказского региона, Россия и Иран предотвращают угрозы национальной безопасности. Национальные интересы России и Ирана в регионе включают военно-политическую сферу, экономические и энергетические факторы. Укрепляя свои позиции в регионе, Россия и Иран смогут найти альтернативные пути преодоления санкций, решения внутренних и внешних проблем, расширения международного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Armenpress 19.06.24 // [Эл. ресурс]. – URL: <https://armenpress.am/ru/article/1196050>
2. Georgian Economy Minister discusses projects with energy ministers of Turkey, Azerbaijan, Bulgaria in Istanbul meeting // agenda.ge, 22.11.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://agenda.ge/en/news/2024/41723#gsc.tab=0>
3. Georgian Economy Minister highlights new hydropower plant as “distinguished energy project”, agenda.ge, 30.10.2024 // [Эл. ресурс]. URL: <https://agenda.ge/en/news/2024-41365#gsc.tab=0>
4. Georgian PM unveils \$700 mln oil refinery project on Black Sea coast as “largest” private investment initiative / Agenda.ge 22.10.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://agenda.ge/en/news-2024/41192#gsc.tab=0>
5. New 120-km pipeline to deliver natural gas to 7,000 residents in western Georgia // agenda.ge, 11.11.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://agenda.ge/en/news/2024/41534#gsc.tab=0>
6. Socar Gas Georgia приобретет газопроводы в регионах Грузии // Jnews, 09.12.24 // [Эл. ресурс]. – URL: <https://jnews.ge/135788/>.
7. ТАНАП – Трансанатолийский газопровод // Tadviser, 12.08.20 // [Эл. ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1>
8. Аракелян Э. «Зангерзурский коридор»: есть ли у Тегерана рычаги воздействия? CIVILNET 06.09.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://www.civilnet.am/ru/news/796106-зангерзурский-коридор-есть-ли-у-тегерана-рычаги-воздействия/>
9. Армения имеет надежную и стабильную границу, которая играет жизненно важную роль в укреплении региональной безопасности: посол Ирана в РА // Armenpress, 19.06.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1196046>
10. Ароян А.С. Современный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе [Эл. ресурс]. Cyberleninka, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ekstremizm-i-terrorizm-na-severnom-kavkaze/viewer>
11. В Грузии увеличивается доля импортируемого из России газа, Business 04.11.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://bizzone.info/energy/2024/1730747050.php>
12. Грузия обойдется без «Газпрома», gazeta.ru 12.04.17 // [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/12/10623587.shtml>
13. Давтян В.С. Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении: Монография. Ер.: Изд-во ЕГЛУ, 2019. 85с.

14. Дагестан в новом геополитическом измерении, *Dagpravda.ru*, 17.07.2008 // [Эл. ресурс]. URL: <https://dagpravda.ru/obshestvo/dagestan-v-novom-geopoliticheskem-izmerenii/>
15. Двустороннее сотрудничество // <https://rfsosetia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/>
16. Двусторонние отношения МИД РФ и Абхазия // [Эл. ресурс]. URL: // <https://abkhazia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/>
17. Евразийская экономическая комиссия // [Эл. ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/commission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/iran.php>
18. *Иванов С.М.* Южный Кавказ – зона соперничества региональных держав // «Международная жизнь», 01.11.22. [Эл. ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news-show/37646>
19. Иран в ближайшее время удвоит импорт электроэнергии из Армении: посол ИРИ в РА, *Armenpress* 19.06.24 // [Эл. ресурс]. – URL: <https://armenpress.am/ru/article/1196050>
20. Кавказ // [Эл. ресурс]. URL: http://www.okavkaze.ru/?page_id=4710
21. *Каледжи В.* Тревоги Ирана по поводу напряженности между Арменией и Азербайджаном. – Валдай: международный дискуссионный клуб 18.01.22. – [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/trevogi-irana-po-povodu-napryazhyennosti/>
22. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023г.). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>
23. *Кравченко И.Н.* Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика. [Эл. ресурс]. Омск: ИЦРОН, 2015. Сб. тр. науч. конф., № 2. СС. 8–10. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-i-perspektivy-razvitiya-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-m/sektsiya-1-otechestvennaya-istoriya-spetsialnost-07-00-02/natsionalnye-interesy-rossii-na-severnom-kavkaze-istoricheskiy-opryt-i-sovremenennaya-praktika/>
24. *Макиенко К.В.* В ожидании бури: Южный Кавказ. М.: «АСТ-Центр», 2018. 106с.
25. *Малащенко А.М.* Что значит Северный Кавказ для России? М.: Центр России/ННГ, 2011. [Эл. ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifricafricanimpactm.alashenkorusmarch2011.pdf
26. Международный транспортный коридор «Север-Юг» // [Эл. ресурс]. URL: <https://sezlotos.ru/about/international-transport-corridor-north-south/>
27. *Раванди-Фадаи Л.* Международный транспортный коридор Север-Юг и его значение для Ирана. [Эл. ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/?phrase_id=108744715
28. Северо-Кавказский Федеральный округ (СКФО) // [Эл. ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10497/>
29. Сколько электроэнергии потреблено в Грузии – новые данные, *Sputnik Грузия* [Эл. ресурс]. URL: 09.12.2024 // <https://sputnik-georgia.ru/20241209/skolko-elektroenergii-potrebleno-v-gruzii--novye-dannye-291299038.html>
30. Специфика военно-политического присутствия Ирана, России и Турции на Южном Кавказе, Россия в глобальной политике 20.09.2023 // [Эл. ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prisutstvie-na-yuzhnom-kavkaze/>

31. Территориальная целостность соседних стран является «красной линией» для Ирана: глава МИД ИРИ // Armenpress, 05.09.24 // [Эл. ресурс]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1199148>
32. Хуснуллин М. «Грузопоток по международному транспортному коридору «Север-Юг» к 2030 году может вырасти до 35 млн тонн» // [Эл. ресурс]. URL: [http://government.ru/news/48506/Экспорт газа из Азербайджана в Грузию превысил 1,5 млрд кубометров // "Business Media", 14.10.25](http://government.ru/news/48506/Экспорт газа из Азербайджана в Грузию превысил 1,5 млрд кубометров //) // [Эл. ресурс]. URL: <https://bm.ge/-ru/news/eksport-gaza-iz-azerbaidzana-v-gruziiu- prevysil-15-mlrd-kubometrov>

THE CAUCASUS REGION IN THE CONTEXT OF NATIONAL INTERESTS OF IRAN AND RUSSIA

I. Mnatsakanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the national interests of Russia and Iran in the Caucasus in the context of modern geopolitical changes and transformation of the regional order. As a result of the study, it becomes clear that Russia and Iran seek to maintain their stable presence in the Caucasus, expanding their zone of influence in order to ensure national security, develop economic and energy policies, and strengthen their foreign policy positions.

Keywords: geopolitics, national interests, regional order, regional and non-regional actors, strategic position.

СДЕРЖИВАНИЕ ИЛИ УГРОЗА: ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Г.А. Хечоян

Российско-Армянский (Славянский) университет
hamlet.khechoyqn.2023@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики остается одной из наиболее устойчивых угроз региональной стабильности и глобальной безопасности. Несмотря на международные санкции и дипломатическое давление, КНДР последовательно развивает свой ядерный потенциал, сопровождая это жесткой риторикой и демонстративными действиями. Настоящая статья направлена на анализ стратегической сущности северокорейской ядерной политики: выступает ли она в качестве оборонительного механизма сдерживания или представляет собой сознательную угрозу международной безопасности. В рамках исследования проводится анализ официальных заявлений, хронология ядерных испытаний и ракетных запусков, а также реакции международного сообщества. Особое внимание уделяется политической логике ядерной стратегии Пхеньяна и ее внешнеполитическим целям.

Ключевые слова: угроза, ядерная программа, международные отношения, КНДР.

Введение

Ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) остается одной из наиболее значимых тем в сфере международной безопасности. На протяжении нескольких десятилетий развитие ядерного потенциала КНДР вызывает обеспокоенность мирового сообщества, сопровождается дипломатическими мерами, санкциями и политическим давлением. В то же время Пхеньян последовательно обосновывает свои действия необходимостью самообороны и защиты суверенитета в условиях внешнего давления и непризнания.

Ядерная стратегия КНДР представляет собой комплексный феномен, в котором сочетаются вопросы обороны, политического выживания и демонстрации силы. Взаимные обвинения, отсутствие дипломатического признания между Севером и Югом, а также активное участие внешних акторов – таких как США, Китай, Россия и Япония – создают сложный и многослойный контекст, требующий нейтрального и аналитического подхода.

Целью данного исследования является определение характера северокорейской ядерной стратегии: следует ли рассматривать ее как инструмент сдерживания или как осознанную угрозу безопасности в регионе. Анализ включает политические заявления, хронологию ядерных испытаний, реак-

цию международных игроков и правовые аспекты, влияющие на формирование стратегии КНДР.

В условиях растущей напряженности Корейский полуостров превращается в точку бифуркации – момент, в котором возможны как пути к деэскалации и диалогу, так и к усилению конфронтации, способной изменить баланс сил в регионе и за его пределами.

Материалы и методы

В исследовании ядерной стратегии КНДР применен комплексный качественный подход, ориентированный на нейтральную и системную оценку динамики северокорейской ядерной программы в ее политико-историческом и международно-правовом контексте.

Основой анализа послужили официальные документы, открытые источники, хронология ключевых событий, а также заявления вовлеченных сторон – как самого Пхеньяна, так и его внешнеполитических оппонентов.

Важную роль в исследовании сыграл ретроспективный метод, позволивший проследить эволюцию ядерной политики КНДР с момента ее зарождения в 1950-х годах до настоящего времени. Он дал возможность выявить внутреннюю логику и мотивацию, сопровождавшие ключевые этапы формирования стратегической линии страны.

Дополнительно использовался историко-хронологический подход, обеспечивший последовательное описание и структурирование этапов ядерной программы, включая периоды обострений, попытки переговоров и санкционные меры. Для оценки правового измерения стратегии Пхеньяна был применен международно-правовой анализ, в том числе с акцентом на участие КНДР в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и правомерность ее выхода из него в 2003г.

Особое внимание уделялось контент-анализу политической риторики – как со стороны КНДР, так и в заявлениях других ключевых участников конфликта. Это позволило выявить основные нарративы, аргументацию и изменения в официальной позиции. Параллельно применялся сравнительный анализ, направленный на сопоставление стратегических подходов государств, вовлеченных в ситуацию (США, Республика Корея, Китай, Россия и другие), с целью выявления точек согласия и конфликта в их политике в отношении Пхеньяна.

Завершает методологическую основу политico-стратегический анализ, позволивший рассмотреть ядерную программу КНДР как инструмент обеспечения не только военной, но и политической устойчивости, в том числе во внутреннем измерении. Комплексное использование этих методов обеспечивает многослойное и объективное понимание сущности северокорейской ядерной стратегии, ее логики и воспринимаемой угрозы в рамках международной политики.

С самого начала своей истории Корейская Народно-Демократическая Республика имела противоречия не только с соседними государствами, но и со сверхдержавами, постоянно становясь объектом их геостратегических ин-

тересов. А война на Корейском полуострове 1950–1953гг. превратила ее в главного недруга США в Восточной Азии. Главной причиной раздора между КНДР и мировой общественностью принято считать северокорейскую ядерную программу. Официально КНДР обосновала стремление к обладанию ядерным оружием, проявившееся еще в первой половине 1990-х годов, необходимостью гарантировать национальную безопасность.

Формирование ядерной программы КНДР началось еще в 1950-х годах, когда страна заключила соглашения с СССР и КНР о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. В 1985г. Северная Корея присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), однако уже в начале 1990-х годов на фоне политических и военных противоречий в регионе программа приобрела военное направление. В период 1990–1992гг. между КНДР и Южной Кореей велся активный межкорейский диалог, стороны подписали ряд соглашений, включая декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова. Однако в 1993г. начался первый ядерный кризис, приведший к приостановке договоренностей и постепенному свертыванию сотрудничества с МАГАТЭ. С 2003г. КНДР участвовала в шестисторонних переговорах, но в 2005г. официально заявила о наличии ядерного оружия, предназначенного для «самообороны и сдерживания». 9 октября 2006г. состоялось первое подземное ядерное испытание, после чего Совет Безопасности ООН ввел санкции в рамках резолюции № 1718. Следующий этап эскалации пришелся на 2009г., когда КНДР запустила ракету-носитель «Ынха-2» с искусственным спутником, что вызвало международную обеспокоенность из-за возможного двойного назначения технологии. В 2012–2013гг. страна провела новое ядерное испытание, после чего в одностороннем порядке заявила о выходе из режима перемирия 1953г., окончательно закрепив курс на ядерное вооружение как гарантию своей безопасности.

Важно отметить, что ядерная программа для Северной Кореи является также гарантией политической безопасности: достаточно просто вспомнить, как пали режимы в Ираке и в Ливии. Здесь мы наблюдаем уникальный случай, где национальные интересы в той или иной мере совпадают с интересами правящего авторитарного режима. Ситуация усугубляется еще и юридическим фактором. Дело в том, что согласно своей Конституции, обе страны не признают суверенитет друг друга, что, безусловно, оказывает большое влияние на их политические и военные отношения, а также на развитие ядерной стратегии КНДР. Стороны продолжают воспринимать друг друга как нелегитимные государства. Это отсутствие признания усиливает политическую и военную напряженность и становится основой для стратегического противостояния. С этой точки зрения для Северной Кореи ядерная программа представляет собой ключевой элемент защиты суверенитета и демонстрации силы в условиях, когда ее суверенитет не признается Южной Кореей. В то же время Южная Корея воспринимает ядерное оружие КНДР как серьезную угрозу своей безопасности. Таким образом, юридическое непризнание между двумя странами не только усиливает их взаимное недоверие, но и напрямую влияет на развитие их ядерных стратегий. Одним из результатов

или, как заявляется, ответной мерой по отношению к северокорейской ядерной программе стали санкции, которые вводятся с 2006г. по сегодняшний день.

Санкции, введенные международным сообществом против КНДР с целью ограничить ее ядерную программу, оказывают сложное воздействие на права человека граждан этой страны. Хотя санкции ориентированы на ослабление режима, они способствуют ухудшению экономической ситуации, усугубляя бедность, дефицит продовольствия и ухудшение состояния здравоохранения. Эти меры ограничивают доступ к необходимым товарам и услугам, что нарушает право граждан на достойный уровень жизни. В добавок правительство КНДР использует санкции как оправдание для продолжения весьма жесткой внутренней политики, что способствует нарушению гражданских и политических прав. Таким образом, санкции, преследующие политические цели, негативно влияют на права человека внутри страны.

С самого начала США занимали жесткую позицию в отношении ядерной стратегии Северной Кореи, считая ее нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия. Все усугубилось в 2003г. окончательным выходом КНДР из ДНЯО. США сочли выход КНДР нарушением международных норм. В ответ на это власти КНДР ссылаются на десятую статью Договора, гласящую, что любое государство имеет право выйти из Договора, если есть угроза его безопасности. США до сих пор настаивают на важности неядерного статуса Корейского полуострова.

Несмотря на то, что в глазах мировой общественности КНДР является протекцией КНР и в свое время – СССР, а потом уже РФ, на самом деле отношения между сторонами не всегда были гладкими. Их решение, тем не менее, является ключевым в возможном урегулировании конфликта. Пекин всегда вел достаточно однозначную политику: для него КНДР служит буферной зоной между ним и США. Это подчеркивается действиями Китая в отношении Северной Кореи после санкций 2016г., а именно, фактическое ее содержание, обеспечение сырьем, крупой, средствами гигиены, медицинским оборудованием, дешевыми медикаментами, а также нефтепродуктами и т.д.

Официальная позиция Москвы терпела различные метаморфозы. Сначала Советский Союз был самым главным партнером КНДР, потом, со сменой политического руководства в обеих странах, отношения менялись. Мировое сообщество обвиняет именно Советский Союз в пособничестве КНДР при создании ядерного оружия. Весьма неоднозначно складывались отношения и с Российской Федерацией. Бывший министр иностранных дел Российской Федерации Евгений Примаков в своей книге «Мир без России?» описывает важность неядерного статуса Корейского полуострова, ссылаясь на то, что в данном вопросе интересы РФ, США, Корейской Республики, Японии и Китая совпадают. Однако в последнее время мы видим стремительно развивающееся сотрудничество между РФ и КНДР во многих направлениях, в том числе военно-экономическом.

Заключение

Ядерная стратегия Северной Кореи остается неоднозначной и вызывает множество вопросов. С одной стороны, она действительно работает как инструмент сдерживания: страна демонстрирует силу, чтобы избежать вмешательства извне и укрепить свою безопасность. С другой, – такая стратегия выглядит провокационно и порождает нестабильность, особенно в глазах международного сообщества. Эта двойственность делает политику Пхеньяна трудно предсказуемой. Она не вписывается в стандартные модели: где-то это рациональное сдерживание, а где-то – угроза, способная спровоцировать новую волну напряженности. Очевидно одно – игнорировать эту стратегию нельзя, но и однозначно интерпретировать ее сложно.

Поэтому важно дальше изучать не только военные аспекты, но и политические и международные контексты, в которых формируется ядерная доктрина КНДР. Возможно, именно в этом многообразии и скрыт ключ к пониманию ее будущих шагов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ланьков А.Н.* К северу от 38-ой параллели: Как живут в КНДР / М.: «Альпина ноноФикшн», 2020, 512с.
2. *Примаков Е.М.* Будущее России / Е.М. Примаков. М.: АСТ, 2020, 480с.
3. *Ланьков А.Н.* Северная Корея: вчера и сегодня / Неформальная история Северной Кореи [Текст] / М.: «Восток-Запад», 2005.

DETERRENCE OR THREAT: NORTH KOREA'S NUCLEAR STRATEGY

G. Khechyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The nuclear program of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) remains one of the most persistent threats to regional stability and global security. Despite international sanctions and diplomatic pressure, the DPRK continues to steadily develop its nuclear capabilities, accompanied by harsh rhetoric and demonstrative actions. This article aims to analyze the strategic essence of North Korea's nuclear policy: whether it functions as a defensive mechanism of deterrence or constitutes a deliberate threat to international security. The study examines official statements, the chronology of nuclear tests and missile launches, as well as the reactions of the international community. Particular attention is paid to the political logic of Pyongyang's nuclear strategy and its foreign policy objectives.

Keywords: threat, nuclear program, international relations, DPRK.

Международная Студенческая Годичная научная конференция
21–23 апреля 2025г. – Ер.: Издательство РАУ, 2025.
Том I.

Գշխ զիսավոր խմբագիր – Մ.Է. Ավակյան Սրբագրիչ – Ն.Բ. Բադալյան Համակարգչային էջադրում – Ա.Ա. Բժիկյան	Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян Редактор – Н.Б. Бадалян Компьютерная верстка – А.С. Бжикян	Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan Proofreader – N.B. Badalyan Computer layout – A.S. Bzhikyan
Անու-Հայկական (Սլավոնական) համալսարանի Գիտական հրապարակումների խմբագրության հասցե՝	Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского (Славянского) университета:	Address of the Editorial Board of Scientific Publications of the Russian- Armenian University:
0051, ք. Երևան, Հովսեփ Էմինի փող., 123 հեռ./ֆաք: (+374 12) 77- 57-75 (ներքին՝ 392) Էլ.փոստ maria.avakian@rau.am	0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123 тел./факс: (+374 12) 77-57- 75 (внутр.: 392) e-mail: maria.avakian@rau.am	0051, Yerevan, Hovsep Emin st., 123 tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392) e-mail: maria.avakian@rau.am
Պատվեր № 30 Ստորագրված է հրապարակման՝ 24.11.2025թ.: Զնաչափ՝ 60x100 ^{1/16} . Օֆսեթ թուղթ №1. Ծավալ՝ 22.7 պայմանական տր.	Заказ № 30 Подписано к печати 24.10.2025г. Формат 60x100 ^{1/16} . Бумага офсетная №1. Объем 22.7 усл. п.л.	Order № 30 Signed for publication on June 26, 2024 Format 70x100 ^{1/16} . Offset paper №1. Volume 22.7 conv. p.l.

ISBN 978-9939-67-402-5

A standard 1D barcode representing the ISBN 978-9939-67-402-5.

9 789939 674025